

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бугалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Релькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *Е. В. Южаковой*
Верстка *Е. В. Южаковой*

Подписано в печать 12.10.22.
Выход в свет 15.10.22.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 30,5.
Уч.-изд. л. 24,5.
Тираж 500 экз. Заказ 483.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

The Bulletin is sponsored by the grant of Chelyabinsk State University Foundation for Advanced Research Projects, 2022 project «11th International conference 'Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects'»

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)

ACADEMIC
PERIODICAL

Founded in 1991

№ 9 (467) 2022

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Cand. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEPa, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **T. A. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philological Sciences"
editorial office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФС77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *E. V. Yuzhakova*
Imposition by *E. V. Yuzhakova*

Approved for printing 12.10.22.
Date of publication 15.10.22.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 30,5.
Ac.-publ. sh. 24,5.
Circulation 500 copies.
Order 483. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдрахманова О. Р., Самиева О. А.</i> Переводческое комментирование как инструмент реализации метапереводческой деятельности (на материале издательских внутренних рецензий)	7
<i>Антонова Е. Н.</i> Современный поэтический медиатекст в фокусе перформанса	14
<i>Бредис М. А.</i> Отражение концепта «Богатство» в разноструктурных языках (на примере аналогов русской пословицы «Не имей сто рублей, а имей сто друзей»).	22
<i>Власян Г. Р.</i> Дискурсивные маркеры в британском медиадискурсе	28
<i>Vlasyan G. R., Petrova E. M.</i> Hedging Strategies in the American Talk Show Discourse: Types of Hedges	38
<i>Войтещук И. В.</i> Национально-специфические особенности объективации концепта «лёд» в немецком и русском языках	44
<i>Добрикова К. А., Фазлеева М. А.</i> Актуализация концепта «mother» в американской лингвокультуре (на примере произведения «Little fires everywhere»)	51
<i>Жаркова У. А.</i> Язык математической задачи в дискурсе глобальной культуры	58
<i>Заботина С. А.</i> Использование приема экспликации при переводе устаревшей лексики в научно-популярных документальных фильмах.	69
<i>Иванов Е. Е.</i> Пословицы и поговорки из библейских источников в современном нагайбакском языке	74
<i>Катермина В. В.</i> Когнитивно-прагматический аспект английских неологизмов в экологическом дискурсе	84
<i>Кожухова И. В.</i> Жанрообразующие и структурные характеристики напутственной речи	91
<i>Кондратьева О. Н., Шаполова Д. Д.</i> Дискурсивные стратегии конструирования медиаобраза адвоката в российских массмедиа (на примере Эльмана Пашаева)	98
<i>Кочнева Ю. Е., Пастухова О. Д., Титова Е. А.</i> Прагматические особенности университетского дискурса (на материале сайта ЧелГУ и официальной группы ЧелГУ ВКонтакте)	106
<i>Краснопеева Е. С.</i> Ключевые направления исследований устного перевода с применением корпусных ресурсов (на материале англоязычного научного переводческого дискурса 2001—2021 гг.)	114
<i>Кушнерук С. Л., Самиева О. А.</i> Челябинск и челябинцы: миромоделирование в американском журналистском нарративе.	122
<i>Ломакина О. В.</i> Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России	133

Макарова А. С. Функциональный потенциал крылатых единиц из русской поэзии в медиатекстах: описание концентра (на материале православного медиадискурса)	141
Масгутова М. Ф. Лингвистические особенности корпоративного блога как жанра виртуальной коммуникации	147
Махмудова С. А. Репрезентация концептуальной оппозиции «свой/чужой» в романе Дж. Олдриджа «Горы и оружие»	153
Монгилёва Н. В., Муханбетжанова Р. С. Принцип конвенциональной значимости в формировании дискурса	161
Нелюбова Н. Ю. Аксиологическая функция анималистических образов во французских и тувинских пословицах	169
Огнева Е. А. Темпоральный текстовый аттрактор в информативном коде военной прозы (на материале романа Б. Васильева «А зори здесь тихие...»)	178
Olizko N. S., Zhurkova M. S. The Aspects of Urban Portraiture in Media Discourse	189
Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Прагматическое отражение семантики счастья в американском политическом дискурсе	197
Снигирев А. В., Феденева Ю. Б. Виртуальная деловая переписка: тенденции и возможности обучения	206
Сотникова Е. С. Социальная реклама в сетевом университетском дискурсе	213
Финогеева А. А., Олизько Н. С. Мультиmodalность университетского медиадискурса	218
Циберная О. Ф. Лингвокреативное становление концепта «Человек» в китайской языковой картине мира	226
Шаповалова Е. О. Языковые средства передачи национально-культурной идентичности в текстах италоязычных туристических блогов	232
Шкуран О. В., Карпинская Н. В. Лексема душа в языковой картине мира: от сакрализации к десакрализации	238
Юшкова Н. А., Рядовых Н. А. Развитие языковой личности студентов и школьников в процессе построения аргументации	245
Яковлев Д. И., Хомутова Т. Н. Мультимедийный энциклопедический словарь «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей»: интегральная модель	254

CONTENTS

Abdrakhmanova O. R., Samieva O. A. Translation commentary as a metatranslation activity tool (based on reviews for a book publisher)	7
Antonova E. N. Modern poetic media text in the focus of performance	14
Bredis M. A. Reflection of the concept “Wealth” in typologically different languages (based on the analogues of the Russian proverb “Не имей сто рублей, а имей сто друзей”).	22
Vlasyan G. R. Discourse Markers in British Media Discourse	28
Vlasyan G. R., Petrova E. M. Hedging Strategies in the American Talk Show Discourse: Types of Hedges	38
Voyteshchuk I. V. National-specific features of objectification of the concept “Ice” in German and Russian.	44
Dobrikova K. A., Fazleyeva M. A. The realization of the concept “mother” in the American lingua-culture (based on the novel “Little fires everywhere”)	51
Zharkova U. A. The language of a mathematical problem in the discourse of global culture	58
Zabotina S. A. Using the explication technique while translating obsolete words in non-fiction documentaries	69
Ivanov E. E. Proverbs and sayings from Biblical sources in the modern Nagaybak language	74
Katermina V. V. Cognitive and pragmatic aspects of English neologisms in ecological discourse	84
Kozhukhova I. V. Genre and structure peculiarities of commencement speech	91
Kondratyeva O. N., Shapolova D. D. Discursive Strategies for Constructing the Media Image of a Lawyer in Russian Mass Media (on the Example of Elman Pashaev).	98
Kochneva J. E., Pastukhova O. D., Titova E. A. Pragmatic features of university discourse (based on the CSU website and CSU’s official group VKontakte).	106
Krasnopeyeva E. S. Key applications of corpus resources in interpreting research (based on 2001—2021 English language interpreting studies discourse)	114
Kushneruk S. L., Samieva O. A. Chelyabinsk and the residents: world-modelling in the American journalistic narrative	122
Lomakina O. V. Sign as a text of culture in the light of the study of the languages of the peoples of Russia.	133
Makarova A. S. Functional Potential of Winged Units from Russian Poetry in Media Texts: Description of the Concentre (on the Material of Orthodox Media Discourse)	141
Masgutova M. F. Linguistic peculiarities of corporate blogs as a genre of virtual communication	147

Mahmudova S. A. Representation of the conceptual opposition “friend/foe” in the novel by J. Aldridge “Mockery in Arms”	153
Mongilyova N. V., Mukhanbetjanova R. S. The principle of conventional significance in the formation of discourse	161
Nelyubova N. Yu. Axiological function of animalistic images in French and Tuvan proverbs	169
Ogneva E. A. Temporal Cognitive Attractor in the Textual Informative Code of Military Prose in B. Vasiliev’s “The Dawns are Quiet Here...”	178
Olizko N. S., Zhurkova M. S. The Aspects of Urban Portraiture in Media Discourse	189
Pogorelko A. M., Gerasina T. N. Pragmatic reflection of semantics of happiness in American political discourse	197
Snigirev A. V., Fedeneva Yu. B. Virtual business mail: trends and learning opportunities	206
Sotnikova E. S. Public advertising in network university discourse	213
Finogeeva A. A., Olizko N. S. The Multimodality of University Media Discourse	218
Tsibernaya O. F. Linguo-creative formation of the concept “Man” in the Chinese language world view	226
Shapovalova E. O. Language means of transmitting national-cultural identity in texts of italian-speaking travel blogs	232
Shkuran O. V., Karpinskaya N. V. The soul token in the language picture of the world: from sacralisation to decacralisation	238
Yushkova N.A , Ryadovikh N. A. School and university students’ language personality development via constructing an argument	245
Yakovlev D. I., Khomutova T. N. Multimedia encyclopedic dictionary “Chelyabinsk in the life and works of famous people”: an integral model.	254

Научная статья

УДК 81'255:655.552

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10901

ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ВНУТРЕННИХ РЕЦЕНЗИЙ)

Ольга Рамильевна Абдрахманова^{1✉}, Ольга Александровна Самиева²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ aorrabota@mail.ru✉, ORCID 0000-0001-9478-3867

² samieva.olga@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2440-2533

Аннотация. В данной статье излагаются результаты изучения одного из видов метапереводческой деятельности — переводческого внутреннего рецензирования для издательства. Особое внимание авторы уделяют описанию видов переводческого комментирования как инструмента реализации такого рецензирования. На основе сравнительного анализа данных метатекстовых включений в переводческих рецензиях на иностранную литературу категории нон-фикшн делаются выводы о том, что функционально переводческие комментарии в рамках данной деятельности бывают двух типов — информативный и оценочный.

Ключевые слова: издательское рецензирование, метапереводческая деятельность, метапереводческий дискурс, метатекст, переводческий комментарий

Для цитирования: Абдрахманова О. Р., Самиева О. А. Переводческое комментирование как инструмент реализации метапереводческой деятельности (на материале издательских внутренних рецензий) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 7—13. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10901.

Original article

TRANSLATION COMMENTARY AS A METATRANSLATION ACTIVITY TOOL (BASED ON REVIEWS FOR A BOOK PUBLISHER)

Olga R. Abdrakhmanova^{1✉}, Olga A. Samieva²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ aorrabota@mail.ru✉, ORCID 0000-0001-9478-3867

² samieva.olga@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2440-2533

Abstract. The article provides the study observations of one type of metatranslation activity — reviewing for a book publisher performed by a translator. The authors pay special attention to the description of the types of translation commentary as a tool for implementing such reviewing. Based on a comparative analysis of these metatext inclusions in reviews of foreign non-fiction literature, we conclude that, from the functional point of view, there are two types of translation commentary within metatranslation activity: informative (factual) and evaluative.

Keywords: reviewing for a book publisher, metatranslation activity, metatranslation discourse, metatext, translation commentary

For citation: Abdrakhmanova OR, Samieva OA. Translation commentary as a metatranslation activity tool (based on reviews for a book publisher). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):7-13. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10901.

Введение

Появление настоящего исследования во многом обусловлено отсутствием в отечественном

переводоведении научных работ, посвященных такому виду переводческой деятельности как издательское внутреннее рецензирование иноязычной литературы (категории нон-фикшн) с позиций

метапереводческого дискурса. Целью настоящего исследования является описание такой деятельности и уточнение видов переводческого комментария, создаваемого в процессе её выполнения.

Выводы, к которым приходят авторы, дают переводоведению возможность расширить представление о современной переводческой деятельности, а также имеют практическую направленность, поскольку могут дать новый дидактический материал для обучения рецензированию будущих переводчиков. Кроме того, исследование позволяет включить рецензирование, содержащее разные виды переводческого комментирования, в список жанров метапереводческого дискурса.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования стали более 80 рецензий, выполненных одним из авторов данной работы в рамках сотрудничества с редакцией «Бомбора» издательства «Эксмо». В данную базу были включены и оригинальные тексты книг, на основе которых были составлены рецензии. Объем оригинального текста каждой книги варьируется от 200 до 500 страниц. Все рецензии выполнялись в направлении с английского языка на русский.

В качестве основных методов исследования материала были выбраны сопоставительный анализ текстов [12. С. 206]; сплошная выборка; наблюдение, в т. ч. наблюдение включенное, при котором исследователь может сам быть переводчиком, что даёт возможность установить случаи собственного ошибочного выбора и мотивы, побудившие его сделать такой выбор, а также позволяет продемонстрировать примеры зафиксированных рассуждений самого переводчика и других лиц, причастных к процессу и результату перевода (заказчика, итогового потребителя перевода, издателя и т. д.) [8. С. 222-223].

Переводческое внутреннее рецензирование для издательства: основные понятия

Современный рынок переводческих услуг настолько разнообразен, что не все виды деятельности специалиста в области перевода своевременно и должным образом подвергаются научному осмыслению и находят отражение в научных исследованиях. Между тем, как справедливо отмечает А. А. Гуреева, сегодня профессиональная деятельность переводчика требует переосмысления вопросов, ставших уже классикой, но с новых позиций — с учётом изменившихся требований к профессии, принимая во внимание компетен-

ции, предъявляемые к современному переводчику [13. С. 9]. На наш взгляд, примером невнимательного отношения в переводческих исследованиях является и внутреннее рецензирование иностранной литературы, выполняемое переводчиком для издательства. Вместе с тем в других наших работах [16. С. 18, 1. С. 5—6] уже отмечалось, что именно к помощи переводчика обращается редактор, когда у него возникает потребность в отборе того или иного произведения иностранного автора. Итак, данный вид профессиональной переводческой деятельности имеет место и представляет собой научный интерес и даёт широкое поле для исследования.

С научных позиций изучаемый нами процесс затрагивает редакционно-издательскую, лингвистическую и переводческую сферы, поэтому он предполагает оперирование терминами и понятиями данных дисциплин.

Прежде чем авторская рукопись попадет в опубликованном виде в руки читателя другой страны, она пройдет несколько этапов (схема, разумеется, условная): между Автором и Читателем, как минимум, она побывает в Издательстве, далее — в Типографии, а после этого — пройдёт через Систему распространения [2. С. 49]. Для нашего исследования наиболее важным компонентом данной цепочки является выбор издательством той или иной рукописи к опубликованию, происходящий в рамках редакционно-издательского процесса (т. е. компонент «Издательство»).

В свою очередь, из условно выделяемых четырёх этапов редакционно-издательского процесса — подготовительного, редакционного, производственного и заключительного [15] — центральным является редакционный этап. Главная фигура на этом этапе — редактор. Началом данного этапа принято считать прием авторской рукописи [15, 10]. Последняя — любая рукопись, сданная автором в издательство, в том числе и набранная с помощью печатной машинки и/или компьютера [11. С. 345]. Приём рукописи одновременно подразумевает необходимость её оценки. При этом, как отмечает Н. З. Рябинина, в оценивании авторского оригинала могут участвовать как штатные сотрудники издательства, так и внешние рецензенты, однако окончательное решение относительно дальнейшей судьбы рукописи всегда остается за редактором [16], именно от него во многом зависит коммерческий успех будущей книги.

В специальной научной литературе отмечается, что рецензирование, по сути, является анализом авторской рукописи, позволяющим оценить

разные её качества (идейные, научные, литературно-художественные) и на основе этого принять решение о необходимости опубликования рецензируемого произведения [5. С. 18].

В редакционно-издательском процессе принято разделять рецензии по двум основным критериям: предназначению и статусу рецензента относительно издательства [16]. А. Э. Мильчин отмечает, что внешней рецензией называется «рецензия, которая <...> публикуется в печати, передается по радио или телевидению и рассчитана на более или менее широкий круг читателей или слушателей (зрителей)» [11. С. 64]. Что касается внутренней рецензии, то она выполняется по заказу издательства, которому, во-первых, необходимо получить точную и корректную оценку авторского оригинала, на основе которой ценные произведения смогут попасть к своему читателю, а, во-вторых, в хорошем произведении выявить минусы, устранив их до опубликования [11. С. 135].

В соответствии со вторым критерием, рецензия, выполненная внештатным сотрудником, но не предназначенная для широкой публики, считается внешнеиздательской внутренней рецензией, в то время как внутренняя рецензия, выполненная штатным сотрудником издательства, называется внутрииздательской рецензией [11]. В рамках нашего исследования мы рассматриваем внешнеиздательскую внутреннюю рецензию, которая используется исключительно для принятия решения о том, готов ли редактор продолжить работу с произведением. В дальнейшем мы будем подразумевать именно это, используя термин «рецензия» без уточнений.

Несмотря на то, что рецензирование иностранной литературы выполняет переводчик, данный процесс нельзя в полной мере назвать переводом. Деятельность переводчика в этом случае обусловлена конкретной задачей, поставленной издательством (дать оценку иностранному произведению), в определенной мере регламентирована собственно структурой и функциями рецензии (см. в [17. С. 161]), а также конечным реципиентом (у нас — редактор). Данные факторы позволяют нам назвать данный процесс «адаптивным транскодированием» [9], т. е. таким видом языкового посредничества, <...> когда «происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации» [9. С. 48].

В данном исследовании мы придерживаемся именно этого термина и такого его понимания.

Метапереводческий дискурс: жанры и функции

Представленное выше понимание внутреннего рецензирования даёт нам основание рассматривать его и как один из жанров метапереводческого дискурса.

В современных научных лингвистических исследованиях принято рассматривать любые лингвистические термины с приставкой «мета-» как отражение рефлексивной деятельности относительно своей собственной и чужой речи со стороны как обычного носителя языка, так и носителя-учёного, изучающего речь/язык [4. С. 24]. По мнению Н. А. Пластининой, несмотря на то, что метатекст стал предметом для изучения и описания ещё в работах Аристотеля, научное осмысление он получил относительно недавно. И это заметно в нестабильности именования данного явления — «„повествование в повествовании“, автотекстуальность, метаописательный пласт текста, метакомментарии, интер- или гипертекст и др.» [18. С. 50—51].

Обычно в научных исследованиях метатекст понимается как «текст о тексте». Так, И. Д. Арнольд называет метатекстом любой текст, который дополняет и сопровождает основной текст [3. С. 86]; у А. Поповича метатекст — это и текст в тексте, и текст о тексте [14]. А. Вежбицкая называет описанные ею метатекстовые компоненты устной речи «двутекстом», поскольку он включает в себя как сообщение о предмете речи, так и комментарий к нему — настолько оба типа высказываний тесно могут переплетаться в процессе устной коммуникации [4. С. 27]. Паратекст (этот термин, введённый в научный оборот ещё Ж. Женне-том, больше закрепился в зарубежной традиции. В отечественных исследованиях чаще оперируют термином «метатекст» [18. С. 51]) метафорически сравнивается с обёрточной бумагой, которая поначалу защищает основной текст, а затем постепенно раскрывает природу упакованного в неё товара¹ (*перевод наш — О. А. и О. С.*) [21. Р. 1].

Приведённые и другие существующие в научной литературе определения указывают на вторичность, периферийность природы метатекста по отношению к основному тексту [18. С. 51].

¹ «Paratext is the text that surrounds and supports the core text, like layers of packaging that initially protect and gradually reveal the essence of the packaged item»

Будучи значимой и неотделимой от нашей речевой деятельности частью, метаязыковые операции обеспечивают человеческую коммуникацию полнотой и точностью. В этом их основная функция [4. С. 25]. Обзор современных концепций по данной проблематике позволили исследователям конкретизировать функции метатекста, который может: а) давать пояснения предполагаемому реципиенту, обеспечивая, таким образом, положительное воздействие на его когнитивную деятельность при восприятии им произведения иной культуры; б) «снимать линейность восприятия основного текста, что сближает его с гипертекстом. Автор метатекста как профессиональный билингв является не только мыслящим, но и чувствующим субъектом, он способен спрогнозировать трудности реального читателя-инофона и создать „читательскую проекцию текста в том направлении, в каком хотел направить читателя автор оригинала“» [18. С. 53—54]; в) становиться проводником в дешифровке «вертикального контекста оригинала», т. е. дать представителю принимающей культуры, ввиду отсутствия у последнего фоновых знаний, возможность понимания историко-филологической информации, содержащейся в аллюзиях, реалиях, цитатах и пр.; г) «в совокупности с основным текстом образовывать коммуникативную единицу высшего порядка, являющуюся семантически, структурно и функционально законченным целым. Метатекст является стратегической составляющей коммуникативного взаимодействия автора, издателя и адресата» [18. С. 53—54].

Если рассматривать понятие «метатекст» применительно к исследованиям межкультурного посредничества (в том числе к переводу и адаптивному транскодированию), то оно тесно связано с такими понятиями, как метадискурсивная деятельность переводчика, т. е. «интегративная совокупность коммуникативных актов по аппроксимации текста оригинала, рецепции и ассимиляции текста перевода принимающей лингвокультурой» [18. С. 58], и метапереводческая деятельность (которая, благодаря приставке «мета-», представляет собой «взгляд на перевод „со стороны“ или „в зеркало“»), при этом «она включает обширную сферу идей, текстов и действий, среди которых обыденные (наивные) представления о переводе у клиента или начинающего переводчика, *public image* и общественная оценка перевода и переводческой профессии, примечания и комментарии к переводу, критические статьи и пародии и т. д.» [7. С. 314].

По мнению В. Б. Кашкина, Е. А. Княжевой, жан-

ровое пространство метапереводческого дискурса многообразно, в него можно включить «вступительные статьи к переводам (предисловия), заключительные статьи к переводам (послесловия), сноски и внутритекстовые примечания, послетекстовые примечания переводчика, примечания редактора, критические статьи, пародии, воспоминания переводчиков, художественную литературу или фильмы, в которых упоминается перевод, размышления о переводе в прессе, блогосферу и т. п.» [7. С. 317—318; 8. С. 222]. С наступлением цифровой эры появились и новые жанры: «гипертекст, <...>, форумы, подкасты и видеокасты, <...> и др.» [18. С. 54]. Важным при этом является то, что «все эти аспекты и жанры объединяет их расположение *вне* собственно текста перевода как объекта критики, как идеальной цели и как предмета исследования» [7. С. 317—318; 8. С. 222]. Следуя за рассуждениями Н. А. Пластининой, можно сделать вывод, что «переводческий метатекст — самостоятельный вид периферийного <...> текста, созданный переводчиком для читателя в процессе прогнозирования его восприятия, а также интерпретации и осмысления прочитанного <...>. Иными словами, основная функция метатекста — <...> — заставить прочитать книгу и прочитать ее правильно» [18. С. 55].

Переводческое комментирование в процессе рецензирования иностранной литературы для издательства

Одним из наиболее распространённых видов переводческого метатекста являются комментарии переводчика. В научной литературе глубокий анализ получили комментарии, к которым прибегают при переводе художественных произведений, что, вероятно, обусловлено доступностью данного эмпирического материала для исследования. При этом основной причиной комментирования являются, как известно, различия менталитетов носителей языка оригинала и языка перевода, асимметрией языков, особое переводческое задание, временная дистанция оригинального и переводного произведения.

В. В. Карасик, относит комментарий к жанру герменевтического дискурса, имеющему вторичную природу и выполняющему функции разъяснения (будучи «прототипической разновидностью комментария», разъясняет читателю сущность явлений, неизвестных ему), подтверждения («подтверждающий комментарий <...> предлагается с целью зафиксировать правдивость или правдоподобие излагаемой информации»), уточнения («уточняющий комментарий конкретизирует наши сведения о содержании произве-

дения») и критической оценки информации, которая содержится в исходном тексте» [6. С. 43—46].

Однако к комментариям переводчик прибегает не только при переводе произведений художественной литературы, но и в ходе внутрииздательского рецензирования иностранной литературы других категорий (научной, детской и пр.), в том числе и нон-фикшн. При этом, как показывает собственный переводческий опыт, в данном процессе встречаются два вида комментария, которые условно можно назвать «информативным» и «оценочным».

Ранее в своих работах мы уже отмечали, что комментирование обусловлено структурой рецензии (основными её блоками, как правило, являются название произведения и его автор (на двух языках), информация о последнем, предполагаемая целевая аудитория, перевод оглавления, пересказ содержания произведения и, наконец, вывод) [17. С. 161]. Переводчик оставляет свой комментарий лишь в двух последних блоках, которые формируют полное представление о рецензируемой книге, т. е. В них более подробно излагаются её особенности, которые в некоторых случаях в будущем могут представлять трудности для перевода или восприятия читателем-инофоном.

Рецензент преимущественно оставляет комментарий в той части рецензии, которую принято называть *вывод*. Примером может быть следующая рекомендация-комментарий: *«Присутствуют довольно неприятные подробности преступлений, описания трупов, расчлененных тел и т. д. В связи с этим, в случае издания книги на русском языке, следует написать дисклеймер и/или обозначить возрастное ограничение»* [16. С. 41] (рецензия на книгу «The Mind of a Murderer» [20]). Такое пояснение представляет важность, поскольку возрастное ограничение автоматически сужает круг потенциальных читателей книги. Здесь же дается и уточнение по поводу того, кто может являться потенциальным читателем данного произведения: *«Для врачей, криминалистов, следователей может представлять профессиональный интерес и большую пользу»* [16. С. 41]. Данный вид комментария условно можно отнести к «оценочным».

К той же группе можно отнести и комментарий, приведённый переводчиком в рецензии на книгу К. Мартон «The Chancellor» [19], в которой изложена биография экс-канцлера Германии А. Меркель. Приведенный ниже комментарий показывает недостаточно широкий политический кругозор рецензента, что вызвало предвзятость в представлении фактов: *«Книга также затрагивает некоторые острые политические вопросы (на-*

пример, работа В. В. Путина в качестве шпиона КГБ в ГДР, заказное убийство Анны Политковской (2006 г.), Евромайдан и эскалация на границе Украины с Россией (2014 — наши дни), отравление и арест Алексея Навального (2020 г.)» [16. С. 41—42]. Как известно, специалист в области перевода должен обладать широким кругозором и ориентироваться во многих сферах. Очевидно, что для того, чтобы заметить позицию зарубежного автора, изложенную в данном произведении, но представить ее нейтрально, рецензент должен иметь достаточные фоновые знания, связанные с внешней политикой и внутренней политикой страны, описываемой в рецензируемой книге. Если бы такой комментарий переводчиком сделан не был, возможно, после перевода текста всей книги редактору впоследствии пришлось бы прибегнуть к цензуре [16. С. 41—42].

Эти и другие примеры показывают, что переводческий комментарий, встречающийся в выводе, зачастую включает в себя оценку, выполняя при этом функцию привлечения внимания реципиента (у нас — редактора издательства) к достоинствам или недостаткам книги. Вместе с тем бывают случаи, когда комментарий может встречаться и непосредственно в блоке *пересказ*. В этих случаях переводчик-рецензент, как правило, поясняет термины или реалии, при этом сами комментарии можно отнести к типу «информативных». Так, в рецензии на книгу «Billion Dollar Loser» [22], где рассказывается о крупном финансовом провале одной коммерческой компании, приводится такой комментарий: *«Прим. рец. — IPO — это первое публичное размещение акций компании, при котором акции могут приобрести не только узкий круг богатых людей, но и физические лица»* [16. С. 43—44]. В данном случае рецензент приводит комментарий, поскольку предполагает, что редактор, не будучи специалистом в узкой предметной сфере, вероятно, не знаком с понятием, которое передаётся через термин-сокращение [16. С. 44].

Заключение

Итак, собственная переводческая практика, а также приведённые и другие изученные нами примеры комментирования в процессе выполнения переводческого внутреннего рецензирования иноязычной литературы позволяют предположить, что последнее — разновидность метапереводческой деятельности. Комментирование представляет собой средство реализации данной деятельности. При этом комментарии в рамках данной деятельности могут выполнять либо информирующую, либо оценивающую функцию.

Список источников

1. Абдрахманова О. Р., Самиева О. А. Издательское рецензирование в переводческом аспекте: стратегии на лексическом уровне (дескриптивное исследование) // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации. 2022. № 14. С. 6—10.
2. Акопов А. И. Общий курс издательского дела: учебное пособие для студентов-журналистов. Воронеж, 2004. 218 с.
3. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высшая школа, 1991. 139 с.
4. Гаврилова А. А. Метатекстовые элементы в научном тексте. Саратов, 2017. 180 с.
5. Жарков И. Н. Технология редакционно-издательского дела: конспект лекций. М.: Изд-во МГУП, 2002. 92 с.
6. Карасик В. И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда. 2009. № 7. С. 32—47.
7. Кашкин В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. Воронеж: Изд. О. Ю. Алейников, 2010. 382 с.
8. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: история, теория, практика: монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 246 с.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
10. Мильчин А. Э. Культура издания, или Как не надо делать книги: Практическое руководство. М.: Логос, 2002. 224 с.
11. Мильчин А. Э. Издательский словарь-справочник. М.: Юрист, 1998. 472 с.
12. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: ФЛИНТА, 2016. 320 с.
13. Переводчик XXI века — агент дискурса: колл. моногр. М.: ФЛИНТА, 2017. 278 с.
14. Попович А. Проблемы художественного перевода. М., 1980. 199 с.
15. Рябинина Н. З. Технология редакционно-издательского процесса. М.: Логос, 2008. 180 с.
16. Самиева О. А. Особенности издательского рецензирования в переводческом аспекте (на материале английского и русского языков): выпускная квалификационная работа. Челябинск, 2021. 61 с.
17. Самиева О. А. Особенности издательского рецензирования в переводческом аспекте (на материале английского и русского языков) // Проблемы языка и перевода в трудах молодых ученых: сборник научных трудов. 2022. № 21. С. 159—164.
18. Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология: колл. моногр. М.: ФЛИНТА, 2020. 336 с.
19. Marton K. The Chancellor: The Remarkable Odyssey of Angela Merkel. Simon & Schuster, 2021. 368 p.
20. Taylor R. The Mind of a Murderer. Wildfire, 2020. 352 p.
21. Text, Extratext, Metatext and Paratext in Translation. Cambridge: Scholars Publishing, 2013. 134 p.
22. Wiedeman R. Billion Dollar Loser: The Epic Rise and Spectacular Fall of Adam Neumann and WeWork. Little, Brown and Company, 2020. 352 p.

References

1. Abdrakhmanova OR, Samieva OA. Publishing reviewing in translation aspect: the lexical level of translation strategies (descriptive research). In: *Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie problem kommunikacii = Linguistic and Extralinguistic Problems of Communication*. 2022;(14):6-10. (In Russ.).
2. Akopov AI. Obshij kurs izdatel'skogo dela = A General Course in Publishing. Voronezh; 2004. 218 p. (In Russ.).
3. Arnol'd IV. Osnovy nauchnyh issledovanij v lingvistike = Basics of scientific research in linguistics. Moscow; 1991. 139 p. (In Russ.).
4. Gavrilova AA. Metatekstovye element v nauchnom tekste = Meta-textual elements in a scientific text. Saratov; 2017. 180 p. (In Russ.).
5. Zharkov IN. Tehnologiya redakcionno-izdatel'skogo dela: konspekt lekcij = Editorial and publishing technology. Moscow; 2002. 92 p. (In Russ.).
6. Karasik IV. Comments as a genre of hermeneutic. In: *Yazyk, kommunikaciya y social'naya sreda = Language, communication and social environment*. 2009; (7):32-47. (In Russ.).
7. Kashkin VB. Paradoksy granic v yasyke i kommunikacii = Paradoxes of the border in language and communication. Voronezh; 2010. 382 p. (In Russ.).

8. Knyazheva EA. Ocenka kachestva perevoda: istoria, teoria, praktika: monografia = Assessing the quality of translation: History, theory, practice. Moscow; 2018. 246 p. (In Russ.).
9. Komissarov VN. Teoria perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation theory (linguistic aspects). Moscow; 1990. 253 p. (In Russ.).
10. Mil'chin AE. Kultura izdaiya, ili Kak ne nado delat' knigi: prakticheskoe rukovodstvo = Culture of publishing, or How not to do books. Moscow; 2002. 224 p. (In Russ.).
11. Mil'chin AE. Izdatel'skij slovar'-spravochnik = Publishing Dictionary-Reference Dictionary. Moscow; 1998. 472 p. (In Russ.).
12. Nelyubin LL. Tolkovyj perevodovedcheskij slovar' = Explanatory Dictionary of Translation. Moscow; 2016. 320 p. (In Russ.).
13. Perevodchik XXI veka — agent diskursa = The 21st century interpreter is an agent of discourse. Moscow; 2017. 278 p. (In Russ.).
14. Popovich A. Problemy hudozhestvennogo perevoda = Problems of literary translation. Moscow; 1980. 199 p. (In Russ.).
15. Riabinina NZ. Tehnologiya redakcionno-izdatel'skogo processa = Technology for the editorial and publishing process. Moscow, 2008. 180 p. (In Russ.).
16. Samieva OA. Osobennosti izdatel'skogo recezirovaniya v perevodcheskom aspekte (na material'e anglijskogo i russkogo yazykov) = The peculiarities of publishing reviewing: translational aspect (based on material in English and Russian). Chelyabinsk; 2021. 61 p. (In Russ.).
17. Samieva OA. The peculiarities of publishing reviewing: translational aspect (based on material in English and Russian). In: *Problemy yazyka i perevoda v trudah molodyh uchenykh: Sbornik nauchnykh trudov* = *Problems of Language and Translation in the Works of Young Scientists: Collection of Scientific Works*. 2022;(21):159-164. (In Russ.).
18. Teoria perva v klassicheskoj i sovremennoj issledovatel'skoj paradigme: ontologia, metodologiya, aksiologiya: kollektivnaja monografia = Translation theory in classical and contemporary research paradigms: ontology, methodology, axiology. Moscow, 2020. 336 p. (In Russ.).
19. Marton K. The Chancellor: The Remarkable Odyssey of Angela Merkel. Simon & Schuster; 2021. 368 p.
20. Taylor R. The Mind of a Murderer. Wildfire; 2020. 352 p.
21. Text, Extratext, Metatext and Paratext in Translation. Cambridge: Scholars Publishing; 2013. 134 p.
22. Wiedeman R. Billion Dollar Loser: The Epic Rise and Spectacular Fall of Adam Neumann and WeWork. Little, Brown and Company; 2020. 352 p.

Информация об авторах

О. Р. Абдрахманова — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода.

О. А. Самиева — магистрант факультета лингвистики и перевода.

Information about the authors

Olga R. Abdrakhmanova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation.

Olga A. Samieva — Master Student of the Faculty of Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 07.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 07.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'1+801.8

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10902

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕДИАТЕКСТ В ФОКУСЕ ПЕРФОРМАНСА

Елена Николаевна Антонова

Государственный университет по землеустройству, Москва, Россия, stchl@yandex.ru, ORCID 0000-0002-6785-3994

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация аксиологических приоритетов современного социума в поэтическом медиадискурсе. На материале злободневных стихотворных зарисовок, размещенных в свободном доступе в медийном пространстве, выявляются мотивы и механизмы создания юмористического или сатирического медиатекста. Дедуктивным путем выясняется суть ценностных установок автора и лирического героя в системе пространственно-временных координат, кроме того, рассматриваются особенности вербализации реалий, анализируется подбор языковых, экстра- и паралингвистических средств при создании литературного произведения с принципами перформанса. В исследовательскую работу приняты стихотворческие опыты современных авторов (преимущественно связанных с журналистикой, политикой, социологией и т. д.) при включении свойств различных видов искусства, их синтез в едином художественном медиатексте как модификации феномена перформанса.

Ключевые слова: поэтический дискурс, медиaprостранство, современная поэзия, феномен перформанса, аксиология, текст

Для цитирования: Антонова Е. Н. Современный поэтический медиатекст в фокусе перформанса // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 14—21. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10902.

Original article

MODERN POETIC MEDIA TEXT IN THE FOCUS OF PERFORMANCE

Elena N. Antonova

State University of Land Use Planning, Moscow, Russia, stchl@yandex.ru, ORCID 0000-0002-6785-3994

Abstract. The article deals with the representation of the axiological priorities of modern society in the poetic media discourse. On the material of topical poetic sketches, placed in free access in the media space, the motives and mechanisms for creating a humorous or satirical media text are revealed. Deductively, the essence of the value orientations of the author and the lyrical hero in the system of spatio-temporal coordinates is clarified, in addition, the features of the verbalization of realities are considered, the selection of linguistic, extra- and paralinguistic means when creating a literary work with the principles of performance is analyzed. The research work includes the poetic experiences of contemporary authors (mainly related to journalism, politics, sociology, etc.) with the inclusion of the properties of various types of art, their synthesis in a single artistic media text as a modification of the performance phenomenon.

Keywords: poetic discourse, media space, modern poetry, performance phenomenon, axiology, text

For citation: Antonova EN. Modern poetic media text in the focus of performance. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):14-21. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10902.

Введение

Современная медийная среда представляет собой комплекс информационных каналов, средств и путей сбора, отбора, передачи, хранения инфор-

мации, включая виртуальный контент. Средства массовой информации и Интернет расставляют модернистские акценты в искусстве как ментально-креативном ресурсе и определяют прагматический статус различных типов традиционного дискурса, в том числе поэтического. Формирование

медиадискурсивного пространства осуществляется во многом благодаря трансформациям, происходящим со свойственными поэтическому дискурсу языковыми средствами, поэтому анализ стихотворных текстов и их вербального арсенала всегда остается актуальным. Кроме того, модное в искусстве направление перформанса распространяется не только на театральные художественные произведения, но и охватывает словесные формы творчества. В фокусе перформанса могут быть рассмотрены запоминающиеся при первом прочтении остросатирические стихи, отражающие интроспективный взгляд автора на какой-либо аспект социальной жизни. При изучении художественного текста важным является описание лингвистических особенностей, концептуальной структуры, языкового трансфера. Этим и другим вопросам современные ученые уделяют должное внимание [22; 23].

Материалы и методы исследования

Материалами данного исследования послужили стихи Леонида Каганова «Отставного хорунжего атамана казачьего воеводства детская считалка про казака для дошкольных учебных заведений с углубленным изучением основ казачества» («Шел казак куда-то вдаль. На груди была медаль...»), Олега Нечаянного «Перебирая документы в архивах памяти моей...», Дмитрия Быкова «Неправильная победа. *Президент Латвии Вайра Виле-Фрейберга (в 2005 г.) отказалась приехать в Россию на предстоящий праздник Победы*». В работе использовались такие научные методы, как наблюдение над поэтическим медиатекстом, структурно-семантический анализ, синтетическое описание языковых особенностей стихов, рассматриваемых под углом зрения перформанса, индуктивно-дедуктивные методики работы с языковым материалом.

Поэтический медиадискурс и перформанс как четырехэлементная структура

В современной науке «медиа» понимается широко, подразумевает средства, приемы, материалы цифровой информационной среды. В многообразии форм существования достойное место отведено *поэтическому медиадискурсу*, выполняющему роль глобального хранилища стихотворческих опытов разных поколений, от архаичных текстов до авангардистских произведений, от канонических материалов до казуальных версификаций [3]. Ментальным фоном существования социума становятся результаты его когнитивно-вербальной

деятельности, продукты творчества в искусстве и литературе. Важная роль в этом процессе отведена репрезентации вечных и злободневных тем, а именно: поиск смысла жизни, онтологические размышления, общественная и личностная рефлексия и т. д. Данный гносеологический конгломерат как акциональный фактор художественного мира интересует исследователей разных научных областей, чем обуславливается множество разносторонних научных работ. Кроме того, поэтические медиатексты имеют ярко выраженные суггестивные свойства, поэтому большинство из них могут быть рассмотрены сквозь призму перформанса.

По замечаниям ряда авторов, *перформанс* представляет собой одну из важнейших форм проявления искусства конца прошлого и нынешнего столетий. Так, В. О. Петров пишет, что «перформанс подразумевает синтез искусств в одном отдельно взятом произведении, а синтез искусств, как известно, — главный признак постмодернизма, олицетворяющего современное общество» [16. С. 198]. Формализация и концептуализация совокупности передовых идей, требующих воплощения в жизнь, по мнению Р. Голдберга, являются важными принципами развития искусства и борьбы с отживающими жанрами [4. С. 7]. Феномен перформанса в общественной жизни рассматривался рядом авторов на основании теоретических предпосылок, практического применения в различных социальных сферах, коммуникативного назначения (например, работы П. Бурдые, Д. Грэбера, Г. Лассуэлла, Э. Ноэль-Ноймана, Г. Почепцова, Ю. Хабермаса, Р. Шехнера и др.), иные исследователи делали акцент в первую очередь на факт перформанса и его типы (Ю. Гниренко, Е. Дегтя, Х. Майера, П. Пави, Г. Рейнгольда, М. Фрая и др.). На многообразии подходов изучения обращают внимание О. Е. Гришин и Н. С. Спасская, определяя перформанс как «вид визуального искусства в XX веке, в котором произведением являются любые действия художника, наблюдаемые в реальном времени». Исследователи подчеркивают, что перформанс может пониматься в качестве «публичного жеста» (социального, физического, словесного, поведенческого и проч.) и содержать разные отличные от классического искусства приемы — провокативность, игровой комплекс, социальную ориентированность, пространственно-временные характеристики и т. д. [7. С. 135]. Труды современных ученых посвящены как дискурсу-перформансу [5], так и медиAPERформансу [6]. Большинство авторов подразумевает виды визуального искусства [8. С. 88—96],

однако вербально-поэтические жанры с медийными свойствами гармонично вписываются в пространство данного феномена.

По данным интеллектуальных порталов сети Интернет со ссылками на официальные научные источники, термин «**перформанс**» английского происхождения — “performance” переводится как ‘исполнение, представление, выступление’. Сущность явления в современном искусстве заключается в его жанрово-театрально-художественном оформлении, при этом отправной точкой понимания феномена представляется четырехэлементная структура. Среди базовых компонентов, позволяющих выделять перформанс как вид авангардного искусства, выделяются: (а) *локальная характеристика (место)*, (б) *имеющий отношение к действию хронотоп (время)*, (в) *присутствие автора произведения в качестве персонажа (тело творца)*, (г) *зримая корреляционная связь между автором и зрителем (их взаимоотношение и взаимодействие)*. Перформанс — это действия одного человека или коллектива в роли ауктора (создателя) в конкретное время в определенном месте [15]. Перформанс упраздняет многие жанровые ограничения, распространяется далеко за пределы театрального искусства, переходя на качественно новые уровни и охватывая разные виды искусства, в том числе поэтический медиадискурс.

Современный медиатекст как поэтический перформанс

Многие стихи современных общественных деятелей (журналистов, политиков, социологов и др.) представляют собой концентрацию различных видов современного искусства на вербальном уровне и состоят в большинстве случаев из всех элементов, характеризующих перформанс. Обычно это сатирические (реже — юмористические) размышления, облеченные в лаконичную жанровую форму — стихи. Данные тексты в силу авангардной направленности являются компонентами медиaprостранства, поэтому преимущественно фигурируют в электронной среде. Ярким примером медиатекста в фокусе перформанса может послужить стихотворение **Леонида Каганова** «Отставного хорунжего атамана казачьего воеводства детская считалка про казака для дошкольных учебных заведений с углубленным изучением основ казачества («Шел казак куда-то вдаль. На груди была медаль...»») [9]. Ниже приведен полный текст (рис. 1), зафиксированный в Интернете (можно обнаружить на разных порталах). На сайте русскоязычного информационно-развлекательного сообщества «Пикабу» данное шутивное стихотворение сопровождается красноречивой фотографией (рис. 2).

Шел казак куда-то вдаль.
На груди была медаль:
«За отвагу», «За победу»,
«За приятную беседу»,
«За научные труды»,
«За охрану всей среды»,
две медали космонавта,
орден игрока Варкрафта,
символ сдачи ГТО,
«Прохождение ТО»,
Клуб беременных «Журавлик»,
Гардероб ДК «Гидравлик»,
«Альтаниста точка ком»,
«Общество больных грибок»,
Капитан игры «Зарница»,
«Гомельская психбольница»,
табакерка, и огниво,
«Фестиваль цыганской пляски»
«Крановщик, работай в каске!»
«Берегись велосипеда»,
«Тридцать восемь лет Победы»
Орден РСФСР,

тайный орден «Тамплиер»,
вкладыш жвачки «Лёлик-Болик»,
«Анонимный алкоголик»,
«Клуб ценителей вина»,
Символ панков из говна,
«SUSE-Linux», «Бизнес-тим»,
«Тында — город побратим»,
«Самый опытный водитель»
«Лучший хрип-производитель»,
знак «Почетный водолаз»,
стикер «Ельцин-пидарас»,
Октябрьская звезда,
«Герония мать труда»,
группа крови, и Ай-Пи,
и пацифик на цепи.

Поскользнулся вдруг казак...
И медальками — херак!
И теперь медальки все
раскатились по шоссе.

Ребятишки! Дяди, тётки!
Если где-нибудь найдете:

Орден Славы, Орден Мира,
пуговку с гербом Алжира,
фенечку, консервный нож,
малахитовую брошь,
Красный крест, Петровский крест
«Город Прага», «Город Брест»,
«Полковая медсестра»,
«Детство — чудная пора»,
«Эсперанто», «ЦСКА»,
личный номер лесника,
запонки к военной форме,
«Лучший токарь», «Выхлоп в норм»,
«Покудеи за пять минут»,
Молодежный клуб «Сохиуд»,
«КГБ», «Почетный донор»,
«Частный фонд Елены Боннер»,
«Фестиваль чеченской моды»,
номерок фидонной ноды

хоть медалькой, хоть значком
поделитесь с казачком!
© Леонид Каганов

Рис. 1. Леонид Каганов. Отставного хорунжего атамана казачьего воеводства детская считалка про казака для дошкольных учебных заведений с углубленным изучением основ казачества

Fig. 1. Leonid Kaganov. Retired cornet ataman of the Cossack province children's rhyme about the Cossack for preschool educational institutions with an in-depth study of the foundations of the Cossacks

Текст представляет собой перечисление всех памятных знаков и регалий, находящихся в качестве медалей на груди у казака — собирательного образа. Текст-аллегория имеет трехчаст-

ную семантическую структуру: первая часть — длинный ряд однородных членов (закавыченные наименования), изображающий аксиологический портрет казака посредством всех артефактов [17]

Рис. 2. Фото с сайта русскоязычного информационно-развлекательного сообщества «Пикабу»

Fig. 2. Photo from the Russian-speaking website infotainment community "Pikabu"

на его груди; вторая маленькая часть — переходный момент в сюжете, происшествие, дающее выход на последний информативный блок; третья часть — ряд однородных членов, подобно первой части, логично переходящий в вывод. Ритмика, основанная на перечислении, объясняет паралингвистический характер медиатекста, ненормативная лексема во второй части используется в качестве экстралингвистического включения. Перед нами текст, высмеивающий излишнюю любовь к ношению так называемого «иконостаса» на груди у некоторых социальных групп. Языковые средства преимущественно разговорного характера являются трансляторами современной смеховой культуры, поэтому данный медиатекст можно охарактеризовать как

произведение перформанса. В пространственном воображении визуализируются и все элементы данного феномена. Место — «шел казак куда-то вдаль» — как символ неопределенности в мыслях порывах, желаниях и действиях, изображение превалирования количества над качеством. Время — смешение разных эпох в разнородной композиции медалей на груди («орден игрока Варкрафта» и «Орден РСФСР», «символ сдачи ГТО» и «октябрьская звезда», «Тридцать восемь лет Победы» и «Самый опытный водитель», и т. д.). Тело автора — в нашем случае материализация вербального пространства — в качестве данного компонента выступает присутствие автора в роли красноречивого рассказчика рядом с лирическим героем, казаком («Шел казак куда-то вдаль. / На груди была медаль...», «Поскользнулся вдруг казак», «Ребятишки! Дяди, тёти! / Если где-нибудь найдете...», «хоть медалькой, хоть значком / поделитесь с казачком!»). Взаимодействие автора и зрителя (читателя) — при прочтении всего текста зритель видит созданный образ глазами автора и смеется вместе с ним, поскольку единым ансамблем на груди лирического героя вывешены знаки «отличия» — «За приятную беседу» и «Прохождение ТО», «За научные труды» и «Анонимный алкоголик», «вкладыш жвачки "Лёлик-Болик"» и «Героиня мать труда», «восемь крышечек от пива» и «фенечка, консервный нож», «Выхлоп в норме» и «Похудей за пять минут», и проч. Кроме того, многие элементы текста могут быть рассмотрены в качестве паремий в лингвоаксиологическом аспекте [1; 13; 14; 18—20].

Перебирая документы В архивах памяти моей, Я вижу лучшие фрагменты И замечательных людей. И будто годы — не помеха, Но я давно не видел их, Кого потерял, кто ушел, Кого-то вовсе нет в живых. Мы собирались в тесных кухнях Хрущёвских маленьких квартир, Жгли свечи, если свет потухнет, И изменить мечтали мир. В окно открытое курили, Ругались часто сгоряча И ненавязчиво шутили Про «дорогого Ильича». Мы под гитару пели песни, Мешали водку и портвейн, И жить нам было интересней, Мы были лучше и добрей. Да и страна была друтая... И адрут я понял, чёрт возьми,	Что были мы, того не зная, Тогда свободными людьми. Свободными от интернета, От СМИ, от банков, от реклам, От их навязчивых советов Купить у них ненужный хлам. Нам не навязывали веру Конфессий разных голоса, И не кривлялась под фанеру С экранов пошлая попса. Пусть не хватало ананасов, Омаров, устриц и сыров, Но колбаса была из мяса, А молоко из-под коров. И жить нам было веселее, И всё нам было по плечу... А может, это я старею И из-за этого ворчу? А может, я и в самом деле Живу в каком-то странном сне, Но почему-то я уверен, Что дело вовсе не во мне.	Мы стали слишком равнодушны Замкнувшись в каменных домах, Мы потребительски послушны, Забыв о собственных мечтах. Мы поселились в интернете И там инкогнито живём, А если вдруг, случайно встретим Друзей, в лицо не узнаём. И всё быстрее проходят годы, Кто растолстел, кто облысел, Нам не хватает той свободы, Что каждый некогда имел. Нам не хватает тесных кухонь, Где так умели мы дружить, Теперь набить важнее брюхо Или айфон себе купить. Нам всем приходится меняться, И мы себя не узнаём, Мы научились притворяться, Что мы по-прежнему живём. © Олег Нечаянный
---	---	--

Рис. 3. Олег Нечаянный. «Перебирая документы в архивах памяти моей...»

Fig. 3. Oleg Nechayanny. "Going through the documents in the archives of my memory..."

Иной медиатекст, который также может быть рассмотрен с позиции перформанса, создан **Олег Нечаянным** — «Перебирая документы в архивах памяти мосей...» (рис. 3) [12].

Данное стихотворение-антитеза содержит иные аксиологические установки, инвентарь языковых, экстра- и паралингвистических средств. Автор создает медиатекст, в котором ностальгирует о тех временах, когда люди были свободны от медиапространства.

В фокусе перформанса по-прежнему четыре базовых элемента. *Место* — маленькая кухня в хрущевке как условное пространство-символ и противопоставленное ей виртуальное пространство. *Время* — спокойный и некорыстный период застоя противопоставлен меркантильной и алчной современной эпохе. *Тело творца* — как и в предыдущем тексте, в силу жанровых ограничений данный компонент выделяется на основании изображения твердой авторской позиции. *Взаимодействие автора и зрителя (читателя)* — использование в тексте местоимения «мы» служит средством объединения эпох и лю-

дей, несомненно, что автор излагает свои мысли, подкрепленные мнением окружающих. О значимости местоимений в художественном мире говорят и современные ученые [24]. Создатель данного текста — мудрец, философ, путешественник, кулинар и идеалист. Возможно, поэтому строки имеют неоднозначное послевкусие: здесь и горечь ушедшего, и сладость прогресса, и терпкость воспоминаний, и соль меркантилизма, и др. В тексте важна роль глаголов как носителей акциональности [21].

Политико-сатирический характер следующего медиатекста объясняется его авторством. **Дмитрий Быков** является политическим деятелем, участником дебатов, преподавателем, кинокритиком и при этом талантливым поэтом, желающим принести пользу обществу. Многие его сатирические стихотворения также имеют отношение к перформансу, выступая живым откликом на актуальные темы. Приведем стихотворение «Неправильная победа. Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга (в 2005 г.) отказалась приезжать в Россию на предстоящий праздник Победы» (рис. 4) [2].

Недавно Вике-Фрейберга (она
рулит покуда Латвию свободной)
сказала, что она раздражена
российской хамоватостью природной.

Мы не вольны, промолвила она,
внушить манеры русскому соседу.
Пускай они там пиво пьют до дна
за эту их несчастную Победу,

пусть на газете чистят воблин бок
и, оторвав куски от рыбьей тушки,
под рев гармони шпалят назубок
свои неэстетичные частушки

— нам варваров исправить не дано.
История загонит их в парашу.
Мы будем пить не пиво, а вино,
и не за их победу, а за нашу.

Простите этот вольный перевод,
но суть сводилась к этому, ей-богу.
Итак, латвийский доблестный народ
не хочет пить за нашу Перемогу*.

Не мне Европу гордую учить,
— ее авторитет не поколеблен,
— но Фрейбергу я должен огорчить.

Она, похоже, будет в меньшинстве,
блин.

Не зря полки шагали на убой.
Не только в Новом, но и в Старом
Свете
за ту победу станет пить любой,
раскладывая воблу на газете.

И англичане, дружно разложив
на свежей Times бекон и чикен-карри,
поднимут крепкий эль за тех, кто жив
из тех, кто фрицам надавал по харе.

Французы, разложив на «Фигаро»
свои сыры и жирные паштеты,
— о, как течет слюной мое перо,
о, Франция упитанная, где ты!

— поднимут тост среди парижских
крыш
за тех, кто в Resistance отличился,
а вовсе не за тех, кто сдал Париж
и под Виши от страха обмочился.

И даже в Штатах, кажется, полно
таких, что в память доблестного года
свое калифорнийское вино
закусят сочным лобстером Кейп-Кода

— и, положив на «Вашингтонский
пост»
отваренного краба-исполиня,
возьмут его за ярко-красный хвост
и скажут: «Ну, за взятие Берлина!»

О Вайра! Я пишу вам из Москвы.
Простите, я известный безобразник.
Мы выживем, ей-богу, если вы
в Россию не поедете на праздник.

Пятнадцать лет мы, кажется, живем
без Латвии — пленительной
простушки,
и нашу воблу жесткую жуем
и распеваем грубые частушки.

И пусть глава свободных латышей,
утрюмая, как гордая гниена,
разложит пару заячьих ушей
на доблестном таблоиде Diena**

— оскалится, как нильский крокодил,
который плачет, если безутешен,
— и выпьет не за тех, кто победил,
а за того, кто в Нюрнберге повешен.
© Дмитрий Быков

Рис. 4. Дмитрий Быков. Неправильная победа

[Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга (в 2005 г.) отказалась приезжать в Россию на предстоящий праздник Победы]

Fig. 4. Dmitry Bykov. Wrong victory [Latvian President Vaira Vike-Freiberga (in 2005) refused to come to Russia for the upcoming Victory Day]

Аксиологический фон [11] стихотворения перекрыт конкретным политическим событием, с этим связаны паралингвистические свойства текста, о которых можно сделать вывод на основании авторских знаков, и экстралингвистиче-

ский настрой, понимаемый благодаря семантике текста. Лирика как перформанс воспринимается благодаря вновь присутствующим элементам. *Место* — Россия, в которую отказалась приезжать Вайра Вике-Фрейберга, Президент Латвии, в силу

политических разногласий. *Время* — вынесенный в заглавие 2005 г., текст имеет точную датировку, представляя собой отклик на конкретное историческое событие. *Тело автора* — экспрессивная и ненормативная лексика, использование лексем на латинице и украинизма, изображение единства народа-победителя в страшной войне, описание себя, своей локализации и действий — этот набор структурно-семантических приемов создает эффект присутствия создателя медиатекста. *Взаимодействие автора и зрителя (читателя)* — текст создан для русскоязычной публики, поэтому резонирует с аудиторией-адресатом. Автор называет Латвию «пленительной простушкой», а ее президента, «главу свободных латышей» именуется «угрюмой, как гордая гиена», подчеркивая, что Россия без нее прекрасно живет пятнадцать лет и превосходно выживет, если президент Латвии не приедет на праздник Великой Победы. Завершается текст аллюзией на конкретные исторические события с онимом в контексте.

Заключение

На материале медиатекстов разных авторов и специфической фабульной структуры рассмотрено вербальное произведение как проявление перформанса, модного направления в современном искусстве. О когнитивном же назначении анализа художественного текста пишут, к примеру, такие авторы, как О. В. Ломакина, И. В. Моклецова, К. Б. Уразаева [10]. В свою очередь литературно-художественные трансформации внутри анализируемого типа поэтического дискурса основаны на принципах эпатажа, отвечающих требованиям авангардного искусства. Современный поэтический медиатекст сатирического характера — это во многих случаях своеобразное зрелище, расположившееся в плоскости вербального восприятия, с присущим инструментарием перформативности — концептуальным хронотопом, авторской суггестией, бинарной основой, заключающейся в со-деятельности создателя текста и зрителя/читателя.

Список источников

1. Антонова Е. Н. Реализация антропоморфного принципа в русских поговорках // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2019. С. 208—214.
2. Быков Д. Неправильная победа. Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга (в 2005 г.) отказалась приезжать в Россию на предстоящий праздник Победы. URL: <https://poemata.ru/poets/bykov-dmitriy/nepravilnaya-pobeda/> (дата обращения: 21.08.2022).
3. Водоватова Т. Е. Медиатекст в социолингвистическом аспекте (на материале современных англоязычных политических медиатекстов) // Вестник Самарского муниципального института управления. 2020. № 2. С. 110—116.
4. Голдберг Р. Искусство перформанса от футуризма до наших дней. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 320 с.
5. Грейдина Н. Л. Эмоциональность и дискурс-перформанс политических реалий // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 2. С. 126—128.
6. Грибов С. С. Медиа-перформанс и современный танец в междисциплинарных художественных практиках // Актуальные вопросы теории и практики хореографического искусства: материалы I Всерос. науч.-практ. конф.; редкол.: Г. В. Бурцева (гл. ред.) [и др.]. Барнаул: Алт. гос. ин-т культ., 2022. С. 92—94.
7. Гришин О. Е., Спасская Н. С. Политический перформанс как актуальная технология политической деятельности // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 10. С. 134—138.
8. Демина В. Н. XI Летние Олимпийские игры в контексте становления искусства перформанса // Проблемы музыкальной науки. 2020. № 4 (41). С. 88—96. DOI: 10.33779/2587-6341.2020.4.088-096.
9. Каганова Л. «Шел казак куда-то вдаль. На груди была медаль...». URL: https://pikabu.ru/story/shel_kazak_kudato_vdal_na_grudi_byila_medal_4988033?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing (дата обращения: 21.08.2022).
10. Ломакина О. В., Моклецова И. В., Уразаева К. Б. Анализ художественного текста в свете когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 571—578.
11. Мокиенко В. М. Аксиологические доминанты в славянской соматической фразеологии и паремиологии // Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое: к 70-летию со дня рождения профессора В. И. Ковалю: сб. науч. ст. Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2021. С. 205—212.
12. Нечаянный О. «Перебирая документы в архивах памяти моей...». URL: <https://www.inpearls.ru/1208093?ysclid=173dqmhr2h966055566> (дата обращения: 21.08.2022).

13. Никитина Т. Г., Рогалева Е. И. Русские пословицы в лингвоаксиологической и лексикографической интерпретации: традиции и инновации // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 70—92. DOI: 10.17223/22274200/24/4.
14. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2012. 344 с.
15. Перформанс. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Перформанс> (дата обращения: 21.08.2022).
16. Петров В. О. Исторические истоки современного перформанса // Культура и искусство. 2015. № 2. С. 198—208. DOI: 10.7256/2222-1956.2015.2.13983.
17. Попова А. Р. Неофициальные антропонимы с мотивационной основой 'объекты вещного мира, артефакты', характеризующие человека по внешнему виду, в орловских говорах // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. Витебск: Витебск. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2022. С. 185—189.
18. Сычёва Е. Н. Образ животного в устойчивых сочетаниях (на материале поэтической фразеологии Ф. И. Тютчева) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 9. С. 232—242.
19. Сычёва Е. Н. Стихия земли в поэтической фразеологии Ф. И. Тютчева // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 343—348.
20. Сычёва Е. Н. Фразеологизмы с соматизмом «душа» в поэзии Ф. И. Тютчева // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-2. С. 322—327.
21. Твердохлеб О. Г. Репрезентация способа, орудия и средства в субъектной сфере предложений с глаголами действия, состояния и отношения: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 213 с.
22. Baláková D., Kováčová V., Mokienko V. M. Biblijska frazeologija z vidika jezikovnih uporabnikov ruščine (iz izsledkov sociolingvistične raziskave) // Slavisticna revija. 2020. Vol. 68, № 2. P. 299—310.
23. Lomakina O. V. Concepts of god and faith in uzbek and tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. 2021. Vol. 17, № 2. P. 125—135.
24. Norman B. Yu. The Russian Pronoun *my*: its Internal Dramatics // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26, № 2. P. 217—234.

References

1. Antonova EN. Implementation of the anthropomorphic principle in Russian proverbs. In: IV Firsovskie chteniya. Yazyk v sovremennyh diskursivnyh praktikah = IV Firsovsky Readings. Language in modern discursive practices. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 2019. Pp. 208—214. (In Russ.).
2. Bykov D. Nepravil'naya pobeda. Prezident Latvii Vajra Vike-Frejberga (v 2005 g.) otkazalas' priezzhat' v Rossiju na predstoyashchij prazdnik Pobedy = Wrong victory. President of Latvia Vaira Vike-Freiberga (in 2005) refused to come to Russia for the upcoming Victory Day. Available from: <https://poemata.ru/poets/bykov-dmitriy/nepravilnaya-pobeda/> (accessed 21.08.2022). (In Russ.).
3. Vodovatova TE. Media text in the sociolinguistic aspect (based on modern English-language political media texts). *Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravleniya = Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*. 2020;(2):110-116. (In Russ.).
4. Goldberg R. Iskuststvo performansa ot futurizma do nashih dnei = Performance Art from Futurism to the Present Day. Moscow: Ad Marginem Press; 2014. 320 p. (In Russ.).
5. Grejdina NL. Emotionality and discourse-performance of political realities. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University*. 2012;(2):126-128. (In Russ.).
6. Gribov SS. Media performance and modern dance in interdisciplinary artistic practices. In: Aktual'nye voprosy teorii i praktiki horeograficheskogo iskusstva = Topical issues of theory and practice of choreographic art. Barnaul: Altai State Institute of Culture; 2022. Pp. 92—94. (In Russ.).
7. Grishin OE, Spasskaya NS. Political performance as an actual technology of political activity. *Sborniki konferentsiy NITS Sotsiosfera = Collection of conferences of the Research Center Sociosphere*. 2012;(10):134-138. (In Russ.).
8. Demina VN. XI Summer Olympic Games in the context of the formation of performance art. *Problemy muzykal'noj nauki = Problems of Musical Science*. 2020;(441):88-96. DOI: 10.33779/2587-6341.2020.4.088-096. (In Russ.).
9. Kaganova L. «SHel kazak kuda-to vdal'. Na grudi byla medal'...» = «The Cossack was walking somewhere in the distance. There was a medal on the chest...». Available from: https://pikabu.ru/story/shel_kazak_kudato_vdal_na_grudi_byla_medal_4988033?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing (accessed 21.08.2022). (In Russ.).

10. Lomakina OV, Moklecova IV, Urazaeva KB. Analysis of a literary text in the light of cognitive linguistics. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Language Studies*. 2021;(4(47)):571-578. (In Russ.).
11. Mokienko VM. Axiological dominants in Slavic somatic phraseology and paremiology. In: *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya. Nacional'noe i internacional'noe. Stabil'noe i izmenchivo: K 70-letiyu so dnya rozhdeniya professora V. I. Kovalya = Slavic phraseology and paremiology. National and international. Stable and changeable: On the 70th anniversary of the birth of Professor V. I. Koval*. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University; 2021. Pp. 205—212. (In Russ.).
12. Nechayannyj O. «Perebiraya dokumenty V arhivah pamyati moej...» = “Going through the documents in the archives of my memory...”. Available from: <https://www.inpearls.ru/1208093?ysclid=173dqmhr2h966055566> (accessed 21.08.2022). (In Russ.).
13. Nikitina TG, Rogaleva EI. Russian proverbs in linguo-axiological and lexicographic interpretation: traditions and innovations. *Voprosy leksikografii = Questions of lexicography*. 2022;(24):70-92. DOI: 10.17223/22274200/24/4. (In Russ.).
14. Norman BYu. *Igra na granyah yazyka = Game on the verges of language*. 2nd ed. Moscow: FLINTA; 2012. 344 p. (In Russ.).
15. Performans = Performance. Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Performans> (accessed 21.08.2022). (In Russ.).
16. Petrov VO. Historical origins of modern performance. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*. 2015;(2):198-208. DOI: 10.7256/2222-1956.2015.2.13983. (In Russ.).
17. Popova AR. Informal anthroponyms with a motivational basis ‘objects of the material world, artifacts’ that characterize a person in appearance, in Oryol dialects. In: *Regional'naya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya = Regional onomastics: problems and prospects of research*. Vitebsk: P. M. Masherov Vitebsk State University; 2022. Pp. 185—189. (In Russ.).
18. Sychyova EN. The image of an animal in stable combinations (based on the poetic phraseology of F. I. Tyutchev). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2012;(9):232-242. (In Russ.).
19. Sychyova EN. The element of the earth in the poetic phraseology of F. I. Tyutchev. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State University*. 2013;(2):343-348. (In Russ.).
20. Sychyova EN. Phraseologisms with somatism “soul” in the poetry of F. I. Tyutchev. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State University*. 2012;(2-2):322-327. (In Russ.).
21. Tverdohleb OG. *Reprezentaciya sposoba, orudiya i sredstva v sub'ektnoj sfere predlozhenij s glagolami dejstviya, sostoyaniya i otnosheniya = Representation of the method, tools and means in the subjective sphere of sentences with verbs of action, state and relationship*. Thesis. Ekaterinburg; 1999. 213 p. (In Russ.).
22. Baláková D, Kováčová V, Mokienko VM. Biblijska frazeologija z vidika jezikovnih uporabnikov ruščine (iz izsledkov sociolingvistične raziskave). *Slavisticna revija*. 2020;68(2):299-310. (In Czech).
23. Lomakina OV. Concepts of god and faith in uzbek and tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*. 2021;17(2):125-135.
24. Norman BYu. The Russian Pronoun *my*: its Internal Dramatics. *Russian Linguistics*. 2002;26(2):217-234.

Информация об авторе

Е. Н. Антонова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков.

Information about the author

Elena N. Antonova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign languages.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 25.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.1/.8; 398.91

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10903

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО» В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛОГОВ РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ «НЕ ИМЕЙ СТО РУБЛЕЙ, А ИМЕЙ СТО ДРУЗЕЙ»)

Михаил Алексеевич Бредис

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, briedis@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится сопоставительный лингвокультурологический анализ образов аналогов русской пословицы «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», которые отражают концепт «Богатство» в типологически различных языках. В качестве материала исследования использованы пословицы из авторской картотеки на языках славянской, балтийской, германской, иранской, тюркской и монгольской групп, взятые из авторитетных паремиографических сборников. Анализ проводился на материале эквивалентов указанной поговорки в русском, белорусском, украинском, польском, русинском, кашубском, латгальском, латышском, литовском, немецком, английском, таджикском, турецком, татарском, кумыкском, тувинском, хакасском и монгольском языках. Определены общие и этноспецифические элементы поговорок, представляющих концепт «Богатство» в сравнении с концептом «Дружба». Результаты могут использоваться в процессе дальнейшего изучения общего и специфического в репрезентации паремиологической этнонациональной концептосферы.

Ключевые слова: поговорка, сопоставительный анализ, разнотипные языки, семантический эквивалент, концептосфера, богатство, дружба

Для цитирования: Бредис М. А. Отражение концепта «Богатство» в разнотипных языках (на примере аналогов русской пословицы «Не имей сто рублей, а имей сто друзей») // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 22—27. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10903.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305 и в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Original article

REFLECTION OF THE CONCEPT “WEALTH” IN TYPOLOGICALLY DIFFERENT LANGUAGES (BASED ON ANALOGUES OF THE RUSSIAN PROVERB “НЕ ИМЕЙ СТО РУБЛЕЙ, А ИМЕЙ СТО ДРУЗЕЙ”)

Mikhail A. Bredis

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, briedis@yandex.ru

Abstract. The paper provides a comparative linguoculturological analysis of the metaphors in analogues of the Russian proverb Не имей сто рублей, а имей сто друзей (Do not have a hundred rubles, but have a hundred friends), which reflect the concept of Wealth, in typologically different languages. The work uses proverbs from the author's database in languages of the Slavic, Baltic, Germanic, Iranian, Turkic and Mongolian groups, taken from authoritative paremiographic collections. The analysis was carried out on the material of the equivalents of the specified proverb in Russian, Belarusian, Ukrainian, Polish, Rusin, Kashubian, Latgalian, Latvian, Lithuanian, German, English, Tajik, Turkish, Tatar, Kumyk, Tuvan, Khakass and Mongolian languages. The universal and national proverb elements representing the concept of Wealth in comparison with the concept of Friendship are determined. The results of the work can be used in the process of further study of the universal and specific components in the representation of the paremiological ethno-national sphere of concepts.

Keywords: paremia, comparative analysis, typologically diverse languages, semantic equivalent, sphere of concepts, wealth, friendship

© Бредис М. А., 2022

For citation: Bredis MA. Reflection of the concept “Wealth” in typologically different languages (based on the analogues of the Russian proverb “Не имей сто рублей, а имей сто друзей”). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):22-27. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10903.

Acknowledgements. This publication has been supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-012-00305 and by the Peoples’ Friendship University of Russia Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022.

Введение

В настоящее время изучение пословиц стало самостоятельным направлением лингвистики, получившим название паремиологии [11; 12]. В паремиологии наиболее перспективными направлениями исследования являются различные аспекты анализа пословиц, среди которых лингвокультурологический и сравнительно-сопоставительный [2. С. 268]. За последнее время опубликован ряд сопоставительных работ, посвящённых лингвокультурологическому исследованию пословиц как части языка на материале различных европейских языков [1; 3; 10].

Известная русская пословица *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* подчёркивает ценность дружбы, заключая в себе идею *Дружба дороже богатства*. В этой пословице концепт *Богатство* сравнивается с концептом *Дружба*. Богатство в сознании народа представляет собой как ценность, так и антиценность. В рассматриваемой пословице и *Богатство*, и *Дружба* выступают как ценности, причём *Дружба* является наибольшей ценностью.

Методы и материалы

Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть образы аналогов русской пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*, которые отражают концепт *Богатство*, в типологически различных языках. Для этого использованы пословицы из авторской картотеки на языках славянской, балтийской, германской, иранской, тюркской и монгольской групп, взятые методом выборки из авторитетных паремиографических сборников. Типологически эти языки относятся к флективным и агглютинативным. Научная новизна работы состоит в описании пословичных образов русской пословицы на широком евразийском паремиологическом фоне.

Основная задача заключается в выявлении общего и национального в образах, отражающих концепт *Богатство* в аналогах русской пословицы, путём сопоставительного лингвокультурологического анализа эквивалентов указанной паремии в русском, белорусском, украинском, польском, русинском, кашубском,

латгальском, латышском, литовском, немецком, английском, таджикском, турецком, татарском, кумыкском, тувинском, хакасском и монгольском языках.

Результаты

Анализ рассмотренных паремий позволил объединить их в три группы аналогичных по семантике русской паремии *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* пословиц: 1) полные аналоги — кальки с русского языка с указанием наименования русской денежной единицы — рубль; 2) семантические эквиваленты, упоминающие богатство или деньги как отражение концепта *Богатство* без указания конкретных денежных сумм; 3) аналоги с указанием конкретных денежных сумм с упоминанием наименований различных денежных единиц.

Русская пословица *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* полностью отдаёт приоритет ценности *Дружба*. Образ *ста рублей* метафорически используется для выражения концепта *Богатство*, поскольку в период возникновения пословицы сто рублей составляли внушительную сумму, настоящее богатство. Само слово рубль возникло ещё в XIII в. как название новгородской гривны — слитка серебра весом 204 г. Из неё чеканили 200 монет — денег (до 1534 г., позднее — 100 копеек). В царствование Алексея Михайловича в 1654 г. впервые были выпущены настоящие серебряные монеты, переделанные из талеров с надписью *рубль* [5. С. 146]. Друзей тоже может быть совсем не сто: сто в данном случае обозначает множество.

Первая группа паремий: полные аналоги

Белорусские аналоги по семантике и образности совпадают с русской паремией: *Не май сто рублёў, а май сто сяброў; Лениш сто сяброў, чым сто рублёў* [9. С. 375]. Эту пословицу белорусы также употребляют, когда друзья выручают или могут помочь в беде. Та же семантика в украинском варианте: *Не май сто рублів, а одного друга* (Не имей сто рублей, а имей одного друга) [15. С. 131]. В отличие от русского и белорусского вариантов, здесь речь идёт не о ста друзьях

(множестве друзей), а об одном друге, который может в нужный час прийти на помощь.

В латгальском языке вариант пословицы полностью совпадает с русским: *Nātur symtu rubļu, tūr symtu draugu* (Не имей сто рублей, а имей сто друзей). В своё время эту пословицу зафиксировала Стефания Уляновская в своих очерках о латышах польской Лифляндии. Латгалия — самая восточная область современной Латвии, находящаяся на границе с Псковской областью. Пословица представляет собой, скорее всего, заимствование из русского языка, так как в ней полностью повторяется даже грамматическая структура русской паремии. Латгальская грамматика позволяет полностью воспроизвести структуру русской пословицы в отличие от латышского языка. Латышские аналоги этой пословицы *Labāk simtu draugu, nekā simtu rubļu* (Лучше сто друзей, чем сто рублей), *Lai tev nav simts rubļu, bet lai ir simts draugu* (Пусть у тебя не будет ста рублей, но пусть будет сто друзей) [1. С. 141]. Литовский вариант также полностью воспроизводит русскую пословицу *Neturėk šimto rublių, o turėk šimtą draugų* (Не имей сто рублей, а имей сто друзей). Эти аналоги во всех трёх балтийских языках, по-видимому, являются заимствованиями из русского, что объясняется нахождением этих народов и территорий в составе российского государства в течение долгого времени. Ещё один литовский аналог обнаруживает семантический нюанс по сравнению с русской пословицей: *Gerą draugą turėti geriau kaip šimtą rublių* (Хорошего друга иметь лучше, чем сто рублей) [16]. Здесь друг только один, но не просто друг, а хороший друг.

Вторая группа пословичных аналогов с различиями в образах

Вторая группа семантических аналогов русской пословицы с семантической моделью **Дружба дороже богатства** включает в себя украинские паремии *Вірний приятель, то найбільший скарб* (Верный друг — это наибольшее богатство), *Дружба та братство дорожче богатства* [15. С. 131]. По семантике и образам эти варианты близки польским аналогам *Przyjacieli stoi za skarb drogi* (Друг — это дорогое сокровище); *Przyjacieli wierni drogi* (Верный друг дорог); *Nie dbaj nic o skarbow wiele, gdy masz wierne przyjaciele* (Не заботься о многих богатствах, когда имеешь верных друзей) [17. С. 767]. Образ друга (друзей) здесь уточняется эпитетом *верный*, что обеспечивает семантическое отличие от русской пословицы.

Интересна образность аналога русской паремии в русинском языке *Ліпше доктор задарь, ги цімбора за грѣши* (Лучше доктор задаром, чем друг за деньги), зафиксированной в «Русско-русинско-украинском фразеологическом словаре» Д. Попа. В ней семантика **Дружба дороже денег** выражается от противного. Образ бесплатного доктора говорит о его незаинтересованности в лечении больного. Сравнение с другом (приятелем) за деньги также говорит о бесполезности такой дружбы, поскольку известно, что дружбу за деньги не приобретёшь, так как дружба дороже денег.

В кашубском языке концепт **Богатство** отражается образом золота и сумой с деньгами: *Przëjacz niż złoto* (Дружба лучше золота); *Lepszë przëjacelstwò jak złoto* (Лучшая дружба, как золото); *Taczë przëjacelstwò je wiãcy wòrté niż torba pieniãdzy* (Дружба стоит больше, чем торба с деньгами) [6. С. 15]. Кашубский язык, на котором говорят потомки славянского народа поморян, в настоящее время в виде группы говоров и регионального литературного языка распространён в Поморском воеводстве Польши.

Латгальские и латышские варианты также говорят о хорошем, верном или настоящем друге: латг. *Eists draugs ir vērteiguoks por zaltu* (Настоящий друг ценнее золота), *Eistais draugs ir zalta gobols* (Настоящий друг — слиток золота); латыш. *Labs draugs dārgāks par jebkuru mantu* (Хороший друг дороже любого богатства); *Uzticīgs draugs ir zelts pasaulē* (Верный друг — золото в мире) [1. С. 142].

В немецких эквивалентах рассматриваемой пословицы не наблюдается наименований каких-либо денежных единиц. В них присутствуют пословичные образы **Друзья (Друг)** и **Золото, Серебро, Деньги** как выражение концепта **Богатство**: *Wo viel Freund sind, do ist auch Geld* (Где много друзей, там и деньги). Другие немецкие эквиваленты: *Freunde sind über Silber und Gold* (Друзья превыше серебра и золота); *Ein guter Freund ist besser, denn Silber und Gold* (Хороший друг лучше серебра и золота); *Wo Freund da reich tum* (Где друг, там богатство); *Wo mein freunt, da mein geldt, denn besser freunt als gelt* (Где мой друг, там мои деньги, потому что друг лучше денег) [1. С. 142].

В английском языке аналогичную рассматриваемой русской паремии семантику несёт пословица *They are rich who have true friends* (Те богаты, у кого есть верные друзья). Другие английские эквиваленты интересны своими образами, относящимися к концепту **Друзь**: *A friend in court is better than a penny in purse* (Друг при дворе лучше, чем пенни в кошельке), *A friend in the market is better*

than money in the chest (Друг на рынке лучше, чем деньги в сундуке). В английском пословичном мировосприятии речь идёт не просто о друге, а о таком друге, который обладает влиянием, богатством, положением и в состоянии действительно помочь человеку в затруднительной ситуации [1. С. 143].

Таджикская пословица также отражает семантику **Дружба дороже денег**, прямо утверждая: *Ошнодорӣ беҳ аз пулдорӣ* (Знакомство (дружба) лучше денег) [7. С. 269].

Частичным семантическим эквивалентом русской паремии можно считать монгольскую пословицу *Талтай хүн талын чинээ, талгүй хүн алгын чинээ* (У кого много друзей — широк как степь, у кого нет друзей — узок как ладонь) [8. С. 59]. Здесь используется пространственный код культуры: образ степных просторов говорит о больших возможностях дружбы, а узость ладони в сравнении с широкой степью показывает, насколько меньше возможностей у человека без друзей. И если у человека много друзей, тот богат и может очень многое.

Татарский эквивалент рассматриваемой пословицы прямо указывает: *Дус — акчадан кыйммәт* (Друг дороже денег) [14. С. 164]. Несколько отличается образность кумыкских аналогов пословицы, где вместо концепта **Дружба** (Дослукъ) используется **Единство** (Бирлик): *Байлыкъ геттер, бирлик гетмес* (Богатство уйдёт, единство (сплочённость) останется); *Байлыкъ гетсе де, бирлик гетмес* (Хотя богатство уйдёт, единство (дружба) останется) [4. С. 66]. Семантика этих пословичных вариантов пересекается с моделью **Дружба дороже богатства**, поскольку дружба предполагает и единство, и сплочённость. Неслучайно в «Кумыкско-русском словаре пословиц и поговорок» русский перевод слова *бирлик* (единство) поясняется в скобках словом *дружба*.

Тувинская эквивалентная пословица гласит: *Эжишкилер найыралы / Эртине дагны тургузар* (Дружба друзей / Горы сокровищ воздвигает) [13. С. 75]. Её можно считать частичным эквивалентом рассматриваемой русской паремии, поскольку условием богатства в пословице называется дружба: сначала дружба — сокровища потом. Таким образом дружба оказывается предпочтительнее богатства.

Третья группа: аналоги с указанием разных денежных сумм в разных денежных единицах

В этой группе структура пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* сохраняется, но образ ста рублей в эквивалентах пословицы за-

меняется порой другими суммами и названиями, у народов России в основном национальными названиями рубля. Так, кумыкская паремия *Юз манатынг (тюменинг) болгъунча, юз ювугъунг болсун* (букв. Лучше, чем сто манатов (тюменов), пусть будет сто друзей) [4. С. 317]. *Манат* — кумыкское название рубля, *тюмен* — по-кумыкски старое название червонца. В рассмотренных пословицах встречаются также названия: хакас. *ахча* (монета, деньги); монг. *төгрөг* (тугрик); тув. *лаң* (слиток серебра); тат. *сум* (рубль).

Встретившаяся нам в сети турецкая пословица несколько отличается от приведённых выше аналогов русской паремии: *Bin altının olmaktan bir dostun olsun* (Вместо тысячи золотых пусть будет один друг): пословица построена на противопоставлении *один* — *тысяча*: друг здесь один, а золотых монет — тысяча. В интернете эта пословица часто указывается как турецкая. Однако на одном из турецких образовательных ресурсов отмечается, что в «Большом словаре турецкого языка» Института турецкого языка такая пословица не зафиксирована. Тем не менее, в сети она встречается, и комментируется её значение именно в том смысле, что **Дружба дороже денег**.

Заключение

Лингвокультурологический сопоставительный анализ образного отражения концепта **Богатство** в рассмотренных паремиях типологически разных языков дал возможность выявить общие и специфические черты образов аналогов русской пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*. В некоторых случаях аналоги обходятся без образности, никак не декорируя семантическую модель **Дружба дороже денег**. Общность семантической модели не исключает наличия этноспецифики понятий и образов, представляющих концепт **Богатство** в сравнении с концептом **Дружба**. Специфика выражается различными образами, отличающимися от образов рассматриваемой русской паремии, которые проявляются в том числе и в использовании национальных названий русского рубля, что говорит о культурной ассимиляции этой паремии в языках народов России.

Принадлежность рассмотренных пословичных эквивалентов к типологически разным языкам не влияет на образность, которая определяется, прежде всего, реалиями, бытом, природными условиями жизни народов. Поэтому неудивительно использование, например, в тувинских и монгольских пословицах образов гор и степей. Для пояснения этнически маркированных

элементов пословиц (этнолингвомаркёров — термин О. В. Ломакиной) в дву- или многоязычных паремиологических сборниках необходимо давать подробные лингвокультурологические комментарии, особенно для читателя, принадлежаще-

го к другой лингвокультуре. Результаты работы могут быть использованы в процессе дальнейшего изучения общего и специфического в репрезентации паремиологической этнонациональной концептосферы.

Список источников

1. Бредис М. А. Человек и деньги: очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. 296 с.
2. Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265—284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>.
3. Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. 2020. № 60. С. 198—212. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>.
4. Гаджиахмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала, 2015. 350 с.
5. Зварич В. В. Нумизматический словарь. Львов, 1979. 224 с.
6. Кайзер Б. Маленький словарь пословиц русско-кашубский. Грейфсвальд, 2019. 53 с.
7. Калонтаров Я. И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. Душанбе: Ирфон, 1965. 534 с.
8. Кульганек И. В. Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 184 с.
9. Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. 695 с.
10. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303—317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>.
11. Паремиология без границ / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М.: Изд-во РУДН, 2020. 244 с.
12. Паремиология в дискурсе / ред. О. В. Ломакина. М.: URSS: Ленанд, 2015. 294 с.
13. Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское кн. изд-во: Радуга Тувы, 2020. 112 с.
14. Татар халык мәкальләре һәм әйтемнәре / төз. Л. Мөхәмәтжанова, И. Ямалтдинов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2020. 271 б.
15. Чусь Г. Н. Пословица недаром молвится; Нема приповідки без правди; A good maxim is never out of season; Proverbe ne peut mentir: более 5000 русских, украинских, английских и французских пословиц. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 256 с.
16. PatarlesDainuTekstai. URL: <http://patarles.dainutekstai.lt/> (дата обращения 14.05.2022).
17. Stypuła R. Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2003. 997 s.

References

1. Bredis MA. Chelovek i den'gi: ocherki o poslovitsakh russkikh i ne tol'ko = Man and Money: Essays on Russian and other Proverbs. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2019. 296 p. (In Russ.).
2. Bredis MA, Dimoglo MS, Lomakina OV. Paremiology in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* = *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. 2020;11(2):265-284. (In Russ.).
3. Bredis MA, Lomakina OV, Mokienko VM. Rusin Phraseology as an Example of Cultural and Linguistic Transfer in Slavic Languages (Based on Numeratives). *Rusin = Rusyn*. 2020;(60):198-212. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12> (In Russ.).

4. Gadzhiakhmedov NE. Kumyksko-russkii slovar' poslovits i pogovorok. Bolee 5000 poslovits i pogovorok = Kumyk-Russian dictionary of proverbs and sayings. Over 5000 proverbs and sayings. Makhachkala; 2015. 350 p. (In Kumyk and Russ.)
5. Zvarich VV. Numizmaticheskii slovar' = Numismatic Dictionary. Lvov; 1979. 224 p. (In Russ.).
6. Kaizer B. Malen'kii slovar' poslovits russko-kashubskii = A small dictionary of Russian-Kashubian proverbs. Greifswald, 2019. 53 p. (In Kashubian and Russ.).
7. Kalontarov YaI. Tadzhijskie poslovitsy i pogovorki v analogii s russkimi [Tajik proverbs and sayings in analogy with Russian]. Dushanbe: Irfon; 1965. 534 p. (In Tajik and Russ.).
8. Kul'ganek IV. Mongol'skie poslovitsy i pogovorki. Issledovanie, perevod, kommentarii = Mongolian proverbs and sayings. Research, translation, commentary. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies; 2017. 184 p. (In Russ.).
9. Lepeshaĭ IYa, Yakaltsevich MA. Tlumachal'ny sloĭnik prykazak = Explanatory dictionary of proverbs. Grodno: GrDU; 2011. 695 p. (In Beloruss.).
10. Lomakina OV, Mokienko VM. Value Constants of the Rusin Paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian Languages). *Rusin = Rusyn*. 2018;(4(54):303-317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18> (In Russ.).
11. Bredis MA, Lomakina OV (eds.). Paremiologiya bez granits = Paremiology without Borders. Moscow: RUDN University; 2020. 244 p. (In Russ.).
12. Lomakina OV (ed.). Paremiologiya v diskurse = Paremiology in Discourse. Moscow: URSS: Lenand; 2015. 294 p. (In Russ.).
13. Budup BK (comp.) Poslovitsy i pogovorki tuvinskogo naroda = Proverbs and sayings of the Tuvan people. Kyzyl: Tuva book publ.; Rainbow of Tuva; 2020. 112 p. (In Tuvan and Russ.).
14. Tatar khalyk məkal'läre häm äitemnäre = Tatar folk proverbs and sayings. Kazan: Tatar. kit. nəshr.; 2020. 271 b. (In Tatar).
15. Chus' GN. Poslovitsa nedarom molvitsia; Nema pripovidki bez pravdi; A good maxim is never out of season; Proverbe ne peut mentir: bolee 5000 russkikh, ukrainiskikh, angliiskikh i frantsuzskikh poslovits = Over 5000 Russian, Ukrainian, English and French proverbs. Moscow: LIBROKOM Publ.; 2013. 256 p. (In Russ., Ukrainian, English and French).
16. PatarlesDainuTekstai. Available from: <http://patarles.dainutekstai.lt/> (accessed on 14.05.2022). (In Lituianian).
17. Stypuła R. Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski. Warszawa, Wiedza Powszechna, 2003. 997 s. (In Polish).

Информация об авторе

М. А. Бредис — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета.

Information about the author

Mikhail A. Bredis — Candidate of Philological Sciences, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 07.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 07.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10904

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Гаянэ Рубеновна Власян

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, VlasyanGR@yandex.ru, ORCID 0000-0002-4753-7417

Аннотация. Статья посвящена исследованию дискурсивных маркеров в британском медиадискурсе. Проанализированы различные подходы к изучению дискурсивных маркеров, к основным характеристикам которых относятся: отсутствие денотата и связи с конкретными частями речи, непредметность значения, возможность их изучения только через употребление; основная функция дискурсивных маркеров заключается в установлении отношений между элементами дискурса и выражении отношения говорящего к действительности. В результате исследования были выявлены четыре основных класса дискурсивных маркеров, составлена общая классификация в зависимости от их функций и коммуникативно-прагматических особенностей. Понимание особенностей функционирования дискурсивных маркеров и их природы во многом определяет эффективность коммуникации.

Ключевые слова: медиадискурс, дискурсивный маркер, классификация дискурсивных маркеров

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2022.

Для цитирования: Власян Г. Р. Дискурсивные маркеры в британском медиадискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 28—37. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10904.

Original article

DISCOURSE MARKERS IN BRITISH MEDIA DISCOURSE

Gayane R. Vlasyan

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, VlasyanGR@yandex.ru, ORCID 0000-0002-4753-7417

Abstract. The article is devoted to the study of discourse markers in the British media discourse. Various approaches to the study of discourse markers are analyzed, the main characteristics of which include: the absence of denotation and connection with specific parts of speech. Discourse markers do not change the truth conditional meaning of the sentence. The main function of discourse markers is to establish relations between the elements of discourse and the expression of the speaker's attitude to reality. As a result of the study, we classify discourse markers into 4 main classes depending on their functions and communicative and pragmatic features. The functioning of discourse markers and their nature largely determines the effectiveness of communication.

Keywords: media discourse, discourse marker, classification of discourse markers

Acknowledgments. This research was financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of CSU 2022.

For citation: Vlasyan GR. Discourse Markers in British Media Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):28-37. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10904.

Введение

В условиях современного общества, культурной доминантой которого становится производство и распространение смысла, в котором важнейшей движущей силой является информация,

ключевым дискурсом, реализующим движение социальной мысли и формирующим концептуальную картину мира человека, становится дискурс масс-медиа [7]. Акцент исследования смещается с медиатекста на медиадискурс — «текст СМИ, взятый в событийном аспекте, в совокупности

с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными факторами» [8. С. 10].

Медиадискурс описывается в исследованиях разнообразными терминами, например, можно встретить «массово-информационный дискурс» [3], «масс-медиаальный дискурс» [2], «дискурс масс-медиа» [9] и многие другие.

М. Р. Желтухина под масс-медиаальным дискурсом понимает «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов». Он характеризуется полевой структурой, в рамках которой у масс-медиаального дискурса есть центр, включающий в себя прототипные жанры, а на периферии находятся маргинальные жанры — для них свойственна неоднородная природа из-за такого особенного расположения на стыке разных типов дискурса. Важной особенностью масс-медиаального дискурса является его опосредованный характер, или наличие дистанции (пространственной или временной) между адресантом и адресатом [2].

Свою сущность масс-медийный дискурс как коммуникативный, когнитивно-прагматический феномен реализует посредством трансляции смыслов как дискурсивных событий, дискурсивных формул, трансляции именований, метафор, понятий, образов, оценок, мифологем, идеологем и др. на широкую, признаково неоднородную аудиторию с целью формирования общих мировоззренческих принципов [7].

Особым видом медиадискурса, для которого характерно динамическое развитие и спонтанность, является дискурс интервью.

Как и многие виды устного дискурса, данный дискурс отличается спонтанным характером, который проявляется в перебивах, одновременном говорении участников, большим количеством пауз хезитации и высокого темпа речи интервьюируемого [10]. Центральным элементом данного дискурса является разговорная речь, которая изобилует дискурсивными маркерами, незавершенными фразами, «пустыми» выражениями, которые регулируют дискурсивный процесс между говорящим и адресатом, придают тексту динамичный характер, делают его персонально окрашенным.

Теоретические основы изучения дискурсивных маркеров

Дискурсивные маркеры являются одним из важных элементов речи каждого человека, так как выполняют ряд прагматически значимых функций и тем самым увеличивают эффективность коммуникации.

В лингвистической литературе эти языковые единицы фигурируют под различными названиями: дискурсивные маркеры [24], дискурсивные частицы [11; 25; 26], дискурсивные коннективы [13], прагматические частицы [22], прагматические маркеры [23; 14; 18], ключевые фразы [21] и др.

Одной из самых известных работ, посвященных данной проблеме, является монография Деборы Шиффрин «Дискурсивные маркеры» (*Discourse Markers*), поэтому именно этот термин стал самым популярным в настоящее время и широко используется американскими лингвистами [24. Р. 32].

В своей работе Д. Шиффрин определяет дискурсивные маркеры как «зависящие от последовательности смыслов (тем или происходящего) единицы, разбивающие речь на части». Дискурсивные маркеры способствуют связности дискурса в целом, формируя связь между отдельными отрезками речи [24. Р. 57].

Дискурсивные маркеры не образуют естественный класс единиц. Этот класс не имеет четких границ и объединяет единицы, которые различные классификации относят к разным частям речи. Дискурсивные маркеры не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление.

Д. Шиффрин классифицирует одиннадцать дискурсивных маркеров, представленных сочинительными и подчинительными союзами (*and, but, or because*), темпоральными и союзными наречиями (*now, then, so*), частицами (*oh, well*), вводными предложениями (*you know, I mean*). Основная функция дискурсивных маркеров, согласно Д. Шиффрин, — это обеспечение когезии текста: «Дискурсивные маркеры не создают, но показывают отношения между сегментами дискурса» [24]. Дискурсивные маркеры особенно важны для интерактивного процесса. Ряд слов максимально раскрывает свой потенциал только в процессе речевого взаимодействия.

Исследование этих единиц проводится ею на пяти «уровнях речи» (*planes of talk*): 1) пропозициональная структура; 2) структура действий (речевые акты); 3) структура чередования; 4) структура участников; 5) информационное состояние.

Дискурсивные маркеры обеспечивают связность на разных уровнях дискурса, соединяя вы-

сказывания либо на одном плане, либо на различных планах одновременно.

Таблица 1
Table 1

Использование дискурсивных маркеров по Д. Шиффрин
The use of discourse markers according to D. Shiffrin

Структура чередования	Структура действий	Пропозициональная структура	Структура участников	Информационное состояние
	oh		oh	oh
well	well	well	well	well
and	and	and		
but	but	but		
or		or		
so	so	so	so	so
	because	because		because
		now	now	
	then	then		then
		I mean	I mean	I mean
you know		you know	you know	you know

Как видно из таблицы одни и те же дискурсивные маркеры могут функционировать на разных уровнях речи, что означает, что они полифункциональны, но, согласно Д. Шиффрин, только на одном из этих уровней они выполняют основную функцию, на других же — вспомогательную [24. Р. 316].

Б. Фрейзер считает, что дискурсивные маркеры или, как он их называет, прагматические маркеры — это функциональный класс лексических выражений, существующий в любом языке. Эти выражения появляются в сегменте дискурса, но не являются частью пропозиционального содержания высказывания, они не приносят никакого значения в пропозициональное содержание высказывания как такового. Однако они сигнализируют, помечают, маркируют аспекты сообщения, которые хочет передать говорящий [18. Р. 386].

Характерными грамматическими особенностями дискурсивных маркеров являются: свободный тип синтаксической связи со структурой, в которой они употребляются, преимущественно препозитивное местоположение в высказывании, факультативность употребления [15. Р. 106], принадлежность к различным грамматическим классам слов — междометиям, наречиям, частицам; утрата пропозиционального значения, высокая частотность в речи.

Б. Фрейзер в книге «Прагматические маркеры» (Pragmatic Markers) даёт следующую классификацию маркеров:

- 1) базовые маркеры (*basic markers*);
- 2) маркеры-комментарии (*commentary markers*);

3) параллельные маркеры (*parallel markers*);

4) дискурсивные маркеры (*discourse markers*).

Основная функция прагматических маркеров — указание на типы сообщений (прямое или имплицитное) [18. Р. 167—190].

Базовые маркеры указывают на характер основного сообщения: тип речевого акта, перформативы, «прагматические идиомы». Маркеры-комментарии призваны комментировать базовое сообщение. К ним относятся: оценка, маркеры очевидности, источник информации, смягчение. Параллельные маркеры дополняют основное сообщение: вокативы/обращения, маркеры солидарности, маркеры недовольства.

Дискурсивные маркеры, по мнению Б. Фрейзера, указывают, как базовое сообщение связано с контекстом. Это маркеры смены топика: *by the way* (между прочим, кстати говоря); контрастивные маркеры: *but* (но), *however* (однако), *although* (хотя); детализирующие маркеры — *in other words* (иными словами), *more than that* (кроме того), *particularly* (в частности), *also* (также), *and* (и), *or* (или); маркеры вывода *that is why* (поэтому), *so* (таким образом), *accordingly* (соответственно) [18. Р. 167—190].

Таким образом, согласно Б. Фрейзеру, дискурсивные маркеры являются подвидом прагматических маркеров, непосредственная задача которых заключается в том, чтобы показать, как одно высказывание связано с другим не только на локальном, но и на глобальном уровне.

В своей работе «Английские дискурсивные маркеры» К. Бауер-Рамазани [12] рассматривает

четыре типа дискурсивных маркеров, необходимых для связи английских предложений:

- 1) соединительные союзы (*coordinating conjunctions*);
- 2) коннекторы (*connectors*) (наречия, союзные наречия);
- 3) подчинительные союзы (*subordinating conjunctions*);
- 4) фразовые связующие средства (*phrase linkers*) (предлоги, существительное с предлогом).

Совершенно другой подход к исследованию дискурсивных маркеров предлагает Д. Блэкмор. Она опирается на понятие конвенциональной импликатуры Г. П. Грайса и рассматривает дискурсивные маркеры в свете релевантности [13].

Исследуя дискурсивные маркеры *therefore, so, after all, but*, Д. Блэкмор утверждает, что данные единицы не приносят дополнительного значения в пропозицию высказывания, однако помогают слушающему понять имплицитное значение, заложенное в высказывании. Конвенциональная импликатура, заложенная в данных маркерах, оказывает большое влияние на процесс интерпретации высказывания и контролирует выбор контекста, в котором высказывания были бы релевантны.

А. Е. Котов определяет дискурсивные маркеры как «элементы, лишённые лексического значения и не приносящие дополнительной информации тексту, задача которых — разделительная и различительная функции в речевых актах» [4].

К. Л. Киселёва и Д. Пайар в своем труде «Дискурсивные слова русского языка» в качестве основополагающих признаков данных единиц выделяют отсутствие денотата, непредметность значения, возможность исследовать дискурсивные слова только через употребление; основная функция дискурсивных слов заключается в установлении отношений между элементами дискурса. Исследователи также описывают четыре группы дискурсивных слов:

1. «Элемент-множество» — к данной группе относятся слова, которые отражают отношения между элементом и множеством элементов (ограничение: всего лишь, только; «предельные»: по крайней мере, по меньшей мере).
2. «Реализация» — слова, которые позволяют рассмотреть несколько случаев реализации определённого положения вещей (снова, заново, опять, наоборот, напротив).
3. «Установочная база» — слова, указывающие на введение новой информации (кстати, кроме того, все равно, напротив, опять же, наоборот).

4. «Гарант» — слова-индикаторы истинности высказывания о каком-либо положении вещей (пожалуй, авось, разумеется, конечно, разве, что ли, неужели) [1].

Приведённая классификация крайне неоднородна: не все элементы можно однозначно отнести к той или иной группе. Такая амбивалентность прежде всего связана с тем, что в основе классификации лежит не только семантический критерий, но и дискурсивный.

Теоретическая парадигма К. Л. Киселёвой и Д. Пайара широко используется в современных исследованиях дискурсивных маркеров в русском языке. Применяя предложенные исследователями критерии, Е. М. Малов и Е. В. Горбова провели сопоставительный анализ дискурсивных маркеров в русской спонтанной речи и пришли к следующим выводам: частотность использования данных единиц демонстрирует значительный диапазон варьирования (от одного вхождения до нескольких сотен); наиболее частотные дискурсивные маркеры — ну, вот, вообще/вообще-то, просто; дискурсивные маркеры можно группировать по критерию представленности/непредставленности и по частотности использования [5].

Таким образом, нормальное функционирование коммуникативного взаимодействия обеспечивается употреблением в речи разных дискурсивных маркеров, которые регулируют поток информации или взаимодействие участников дискурса, и являются необходимыми средствами обеспечения успешности коммуникации. К основным характеристикам дискурсивных маркеров учёные относят отсутствие денотата и связи с конкретными частями речи или другими словами в предложении, непредметность значения, возможность их изучения только через употребление; основная функция дискурсивных слов заключается в установлении отношений между элементами дискурса и выражении отношения говорящего к действительности.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили реплики из интервью, содержащие дискурсивные маркеры, выявленные приемом сплошной выборки из медиакорпуса британского национального корпуса (British National Corpus).

Автоматизация этого процесса на данный момент не представляется возможной, так как часто слова, представляющие собой дискурсивные маркеры, могут также использоваться в реплике в их недискурсивном значении, например:

(a) *You know, I've been seeing a therapist for several years, and I just find it just, like, so helpful in so many ways. And I'm thinking for you, as an actor, being in therapy — I don't know.*

(б) *I'm not an actor, but I would imagine the more you know yourself and the more insights you have into your own character and into, you know, the narratives that you tell yourself about who they are and, like, the false parts of those narratives and all of that, that the more insights you'd have into other people as an actor.*

В предложении (а) «you know» является дискурсивным маркером — словосочетание закономерно находится в начале предложения, отделено от него пунктуационно, лишено пропозиционального значения, является единицей прагматического плана, а не синтаксического. Дискурсивный маркер выполняет ряд функций, в том числе на уровне организации дискурса и взаимодействия коммуникантов. В предложении (б), напротив, «you know» не является дискурсивным маркером, так как обладает пропозициональным значением, является единицей синтаксического плана, не отделяется пунктуационно. На сегодняшний день не существует программного обеспечения, которое могло бы отличить дискурсивное употребление единицы от недискурсивного, поэтому оптимальным и единственно возможным способом исследования дискурсивных маркеров является дискурс-анализ.

Результаты исследования

Для исследования дискурсивных маркеров за основу была взята классификация прагматических маркеров Б. Фрейзера. Её отличительной особенностью является критерий функциональности — все прагматические маркеры поделены на группы и подгруппы в зависимости от функции, которую они выполняют. Важно отметить, что нижеприведённая классификация была разработана на основе нескольких классификаций, предложенных Б. Фрейзером [16; 17; 18; 19; 20] и адаптирована в соответствии с наличием или отсутствием конкретных групп маркеров в дискурсе интервью. Например, в материале исследования не было обнаружено ни одного маркера из группы маркеров солидарности или маркеров источника информации.

Вслед за Е. М. Мишиевой, мы под «прагматическими маркерами» понимаем «дискурсивные маркеры», а маркеры, которые Б. Фрейзер называет дискурсивными, названы организационными, главным образом потому, что они предназначены для организации потока информации [6].

Так как одной из главных черт дискурсивных маркеров является их полифункциональность и синкретизм, мы приняли решение классифицировать каждый дискурсивный маркер в соответствии с его доминирующей функцией.

Все маркеры были поделены на четыре основные группы:

1. **Базовые маркеры** указывают на характер базового (основного) сообщения. В дискурсе интервью была обнаружена группа эмотивных слов (междометий), а также сюда была добавлена группа маркеров согласия/несогласия:
 - маркеры согласия/несогласия отражают бинарную оппозицию отношения коммуниканта к предыдущему или последующему сегментам. К данным маркерам относятся следующие слова и выражения: *no, Ok, right, sure, totally, yes, yeah, exactly.*

Часто такие маркеры можно встретить в виде отдельной реплики, а также в начале или в конце высказывания:

*Since the start of the summer the papers have been saying this and that about us. **OK**, sometimes we have been in the wrong. We are all human. Personally, I am sorry for the upsets at the third Test in Manchester, but many of our players are very young and keen. They look up to the English players and try to copy them as they feel that is the right way to behave. Sometimes they just go over the top. But whatever the papers think, and whatever the English management says, there has never been any trouble between us and the English players. Don't blame them;*

- междометия (эмотивные слова) используются участниками для того, чтобы выразить своё отношение к ситуации или к реплике собеседника. Особенностью эмотивных слов является зависимость их значения от интонации, с которой они были произнесены (*damn it, god, gosh, lord, oh, thank god, um, wow*).

So you never say to your father you're part of the patriarchy (laughter).

***Oh**, you mean in the movie or in real life?*

2. Группа **комментирующих маркеров** объединяет в себе единицы, основная цель которых заключается в комментировании базового сообщения:

- маркеры оценки содержания выражают субъективную оценку коммуниканта относительно последующего сегмента, например:

***Hopefully**, he'll learn something from Saturday and from the other games we've played so far. And one day soon he might fulfil all that potential;*

- маркеры манеры речи чаще всего направлены в сторону самого говорящего. К ним относятся: *basically, essentially, especially, for me, just, like, I assume, I believe, I don't think, I guess, I hope, I suppose, I think, I'm afraid, I'm curious, in all fairness, to be honest, to say the least.*

Они могут стоять в конце высказывания и относиться к предыдущему сегменту:

Did they hate you as a human being or did they just hate your performance?

(Laughter) They may have hated me as a human being. What they hated was — I don't think they even hated my performance, to be honest;

- маркеры уверенности/неуверенности отражают степень уверенности или неуверенности говорящего о содержании базового сообщения (*absolutely, certainly, for sure, I'm sure, of course, apparently, maybe, obviously, perhaps, possibly, probably, in a sense, in that sense, in some way(s), in that way, kind of, sort of, somehow*).

*The unsuspecting victim was horrified when a 'corpse' leaned out of an open coffin to ask him for a takeaway pizza. And the Royal Society for the Prevention of Accidents warned that he could easily have suffered a heart attack. But despite the criticism, Jeremy still plans to screen the stunt on October 31. Beadle's About producer Robert Randall giggled: 'You should have seen the look on the guy's face. It's about the best thing we've ever done. He was so unaware of the joke and it was so professionally done that the result was **absolutely** incredible;*

- маркеры эмфазы выполняют функцию подчёркивания силы базового сообщения.

В следующем примере автор делится своими размышлениями об индийской философии XI века. Она говорит на эту тему с определённой долей уверенности, которая и демонстрируется маркером эмфазы:

*But I just thought it was so fascinating. And I loved how old it was and how it endured. And, you know, it **definitely** had some things in common with Judaism.*

3. **Организационные маркеры** отражают то, как связаны между собой два сегмента дискурса:

- маркеры противопоставления сигнализируют о том, что следующий сегмент является или отрицанием предыдущего, или сопоставлением с элементом предыдущего сегмента, например:

*It's a good idea to go to this hotel because it's cheap. But **on the other hand** it's a bad place to be for a night because it's probably cramped and not that*

much of space. Some people would like to go and stay in there for a night because it's only cheap. Also, it would be a good place to stay for the night at the hotel because mainly it's in Tokyo, Japan it will be really crowded it that city during the day and night. Also that it would be a really cool place to stay for one night.

К данным маркерам также относятся: *although, as opposed to, but, on the one hand, on the other hand, still;*

- маркеры уточнения, такие как *actually, also, and, anyway, at the end (of the day), for example, in addition, in fact, let's say, more importantly, or, say, shall we say, the truth is, ultimately, I mean, then*, сообщают, что следующий сегмент будет неким уточнением или исправлением предыдущего сегмента.

Маркеры уточнения очень часто используются для продолжения или развития повествования.

*I keep hearing it has hidden messages in it and how he's sold his soul too. I've read, researched and watched video's that show a lot of proof with Jay-Z, Rihanna, Beyonce, Pink, K.I.S.S. (Knights in Satan's service), Lady Gaga, the Beatles, U2, Michael Jackson (R.I.P.) etc being a part of a Cult to stay famous in the Music Industry. Now I'm hearing all this stuff about Nas, Kanye West, Christina Aguilera, Britney Spears, BEP, Taylor Swift etc. I understand **at the end of the day** everybody is trying to make MONEY but to SELL your SOUL to do it I don't think it's worth it. One more thing VC does the Game Chess have any hidden things in it I don't know about? I always hear how the checkered floor has something to do with illuminati. Not sure it has anything to do with Chess just thought I'd ask anyway;*

- маркеры причинно-следственной связи (*as a result, because, 'cause, since, so, that's why, the reason is, thereby*) указывают на то, что высказывание является выводом, который можно сделать из последующего или предыдущего сегмента, например:

*I realise things are very different for me. **That is why** I think it is good for me to go back to Scotland to remember that there is a world outside London and television. There are Scots down here who could never go back north because they wouldn't fit in. I would hate to be like that;*

- маркеры направления темы в дискурсе интервью чаще всего используются интервьюером для того, чтобы изменить, перенаправить, закончить или начать новую тему. К ним относятся: *again, as I said, by the way, first, first of all.*

В примере ниже дискурсивный маркер «as I said» направляет внимание собеседника на

определённый отрывок интервью, в котором уже была упомянута приведённая информация:

The first is that welfare is a characteristic of an individual; it is not something which is given to it by somebody else. The second is that it can obviously vary from very poor to very good, and an individual's welfare will be different at different times. Thirdly, as I said, it can be measured, and it is important that it should be measured in a way that is independent of moral considerations.

4. Главной функцией **параллельных маркеров** выступает введение целого сообщения в дополнение к основному сообщению;

- **фокусирующие маркеры** (*listen, now, well, you know*) используются для того, чтобы направить внимание собеседника на конкретный факт или ситуацию, а также чтобы установить контакт с собеседником.

В следующем отрывке из интервью дискурсивный маркер «listen» используется для того, чтобы обратить внимание на то, что будет сказано далее:

Listen, Q will always be my dad. I don't — whoever that other person is might not even exist, so they don't get to take the thunder.

Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2
Table 2

**Функциональная классификация дискурсивных маркеров
в британском дискурсе интервью**
Functional classification of discourse markers in British interview discourse

1. Базовые (основные) маркеры	
1.1. Маркеры согласия/несогласия	no, Ok, right, sure, totally, yes, yeah, exactly
1.2. Междометия («эмотивные» слова)	damn it, god, gosh, lord, oh, thank god, um, wow
2. Комментирующие маркеры	
2.1. Маркеры оценки содержания	hopefully
2.2. Маркеры манеры речи	basically, essentially, especially, for me, just, like, I assume, I believe, I don't think, I guess, I hope, I suppose, I think, I'm afraid, I'm curious, in all fairness, to be honest, to say the least
2.3. Маркеры уверенности/неуверенности	absolutely, certainly, for sure, I'm sure, of course, apparently, maybe, obviously, perhaps, possibly, probably, in a sense, in that sense, in some way(s), in that way, kind of, sort of, somehow
2.4. Маркеры эмпазы	definitely, really
3. Организационные маркеры	
3.1. Маркеры противопоставления	although, as opposed to, but, on the one hand, on the other hand, still
3.2. Маркеры уточнения	Actually, also, and, anyway, at the end (of the day), for example, in addition, in fact, let's say, more importantly, or, say, shall we say, the truth is, ultimately, I mean, then
3.3. Маркеры причинно-следственной связи	as a result, because, 'cause, since, so, that's why, the reason is, thereby
3.4. Маркеры направления темы	again, as I said, by the way, first, first of all
4. Параллельные маркеры	
4.1. Фокусирующие маркеры	listen, now, well, you know

Заключение

Таким образом, дискурсивные маркеры представляют собой особый функциональный класс лексических выражений, которые интерпретируются в зависимости от лингвистического или концептуального контекстов, зависят от последовательности смыслов и обеспечивают когезию и когерентность дискурса. К основным характеристикам дискурсивных маркеров можно отнести отсутствие денотата и связи с конкретными частями речи или другими словами в предложении, непредметность значения, транскатегориальный характер, возможность изучения только через их

употребление. Нами была составлена общая классификация дискурсивных маркеров в зависимости от их функций и коммуникативно-прагматических особенностей. Выявлены четыре группы дискурсивных маркеров в британском дискурсе интервью: базовые (основные) маркеры, комментирующие маркеры, организационные маркеры и параллельные маркеры. Самыми распространёнными классами дискурсивных маркеров в британском медиадискурсе оказались комментирующие и организационные маркеры. В силу того, что дискурсивные маркеры являются семантически и структурно разнородным классом, их

функциональный диапазон также неоднороден. Общей чертой всех дискурсивных маркеров является то, что они тем или иным образом являются дополнением к основному сообщению, оформляя информацию в понятный для адресата дискурс и облегчают понимание между коммуникантами.

Список источников

1. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Л. Киселёвой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 446 с.
2. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. научн. трудов. Волгоград, 2000. С. 5—20.
4. Котов А. Е. Социокоммуникативные особенности функционирования дискурсивных маркеров // Сборник научных трудов. Серия Гуманитарные науки. 2003. Вып. 10. С. 36—44.
5. Малов Е. М., Горбова Е. В. Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи) // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной речи». СПб., 2007. С. 31—36.
6. Мишиева Е. М. Дискурсивные маркеры в молодёжной онлайн-коммуникации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 218 с.
7. Полонский А. В. Медиа — дискурс — концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ. 2012. URL: <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml>
8. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во Михайлова В. А. 2002. 383 с.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / Елена Иосифовна Шейгал. Волгоград, 2000. 431 с.
10. Яшина Н. В. Коммуникативные и интонационные особенности дискурса телеинтервью (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 22 с.
11. Abraham W. Discourse particles. Amsterdam: John Benjamins, 1991. 338 p.
12. Bauer-Ramazani Ch. English Discourse Markers. URL: <http://academics.smcvt.edu/cbauerramazani/AEP/BU113/English/discmarkers.ht/>
13. Blackmore D. Semantic Constraints on Relevance. Oxford: UK; New York: Blackwell, 1987. 168 p.
14. Brinton L. Pragmatic Markers in English. Grammaticalization and Discourse Functions. Berlin: Mouton, 1996. 412 p.
15. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: the MIT Press, 1983. 288 p.
16. Fraser B. An account of discourse markers // International Review of Pragmatics. 2009. Vol. 1, № 2. P. 293—320.
17. Fraser B. An Approach to Discourse Markers // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14. P. 383—398.
18. Fraser B. Pragmatic Markers // Pragmatics. 1996. № 6. P. 167—190.
19. Fraser B. Towards a theory of discourse markers // Approaches to Discourse Particles. 2006. Vol. 1. P. 189—204.
20. Fraser B. What are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. № 31. P. 931—952.
21. Knott A. Using Cue Phrases to Determine a Set of Rhetorical Relations // Intentionality and Structure in Discourse Relations. Proceedings of the ACL SIGGEN Workshop, 1993.
22. Östman J. O. Pragmatic Particles Twenty Years After // Proceedings from the Turku conference; ed. by B. Wärvik et al. Anglicana Turkuensia 14, 1995. P. 95—108.
23. Redeker G. Ideational and Pragmatic Markers of Discourse Structure // Journal of Pragmatics. 1990. № 14. P. 367—381.
24. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
25. Schourup L. C. Common Discourse Particles in English Conversations. New York; London: Garland Publishing Inc, 1985. 173 p.
26. Siegel M. «Like»: The Discourse Particle and Semantics // Journal of Semantics. 2002. № 19. P. 35—71.

References

1. Kiseleva KL, Payar D (eds.). Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya = Discursive words of the Russian language: the experience of contextual and semantic description. Moscow: Metatekst; 1998. 446 p. (In Russ.).
2. Zheltukhina MR. Tropologicheskaya suggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI = Tropological suggestiveness of mass-media discourse: on the problem of the speech influence of tropes in language. Moscow: Institute of Linguistics RAS; Volgograd; 2003. 656 p. (In Russ.).
3. Karasik VI. On types of discourse. In: Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs = Linguistic personality: institutional and personal discourse. Volgograd; 2000. Pp. 5—20. (In Russ.).
4. Kotov AE. Sociocommunicative features of the functioning of discourse markers. *Sbornik nauchnykh trudov, Seriya Gumanitarnye nauki* = Collection of scientific papers, Humanities series. 2003;(10):36-44. (In Russ.).
5. Malov EM, Gorbova EV. Discursive words in Russian colloquial speech (based on the analysis of spontaneous colloquial speech). In: Trudy pervogo mezhdistsiplinarnogo seminar «Analiz razgovornoy rechi» = Proceedings of the first interdisciplinary seminar "Colloquial Speech Analysis". St. Petersburg; 2007. Pp. 31—36. (In Russ.).
6. Mishieva EM. Diskursivnye markery v molodezhnoy onlayn-kommunikatsii (na materiale angliyskogo yazyka) = Discourse markers in online youth communication (based on the material of the English language). Thesis. Moscow; 2015. 218 p. (In Russ.).
7. Polonsky AV. Media — discourse — concept: the experience of problem of comprehension. *Sovremennyy diskursanaliz* = Modern discourse analysis. 2012. Available from: <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml> (In Russ.).
8. Smetanina SI. Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka) = Media text in the system of culture (dynamic processes in the language and style of journalism of the late twentieth century). St. Petersburg; 2002. 383 p. (In Russ.).
9. Sheigal EI. Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Thesis. Volgograd; 2000. 431 p. (In Russ.).
10. Yashina NV. Kommunikativnyye i intonatsionnyye osobennosti diskursa teleinterv'yu (na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka) = Communicative and intonational features of the TV interview discourse (based on the material of the American version of the English language). Abstract of thesis. Ivanovo; 2007. 22 p. (In Russ.).
11. Abraham W. Discourse particles. Amsterdam: John Benjamins; 1991. 338 p.
12. Bauer-Ramazani Ch. English Discourse Markers. Available from: <http://academics.smcvt.edu/~cbauer-ramazani/AEP/BU113/English/discmarkers.ht/>
13. Blackmore D. Semantic Constraints on Relevance. Oxford: UK; New York: Blackwell; 1987. 168 p.
14. Brinton L. Pragmatic Markers in English. Grammaticalization and Discourse Functions. Berlin: Mouton; 1996. 412 p.
15. Brown G, Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: The MIT Press; 1983. 288 p.
16. Fraser B. An account of discourse markers. *International Review of Pragmatics*. 2009;1(2):293-320.
17. Fraser B. An Approach to Discourse Markers. *Journal of Pragmatics*. 1990;(14):383-398.
18. Fraser B. Pragmatic Markers. *Pragmatics*. 1996;(6):167-190.
19. Fraser B. Towards a theory of discourse markers. Approaches to Discourse Particles. 2006;(1):189-204.
20. Fraser B. What are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*. 1999;(31):931-952.
21. Knott A. Using Cue Phrases to Determine a Set of Rhetorical Relations // Intentionality and Structure in Discourse Relations. Proceedings of the ACL SIGGEN Workshop; 1993.
22. Östman JO, Wårvik B. et al. (eds.). Pragmatic Particles Twenty Years After. Proceedings from the Turku conference. Anglicana Turkuensia 14; 1995. Pp. 95—108.
23. Redeker G. Ideational and Pragmatic Markers of Discourse Structure. *Journal of Pragmatics*. 1990;(14):367-381.
24. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press; 1987. 364 p.
25. Schourup LC. Common Discourse Particles in English Conversations. New York; London: Garland Publishing Inc; 1985. 173 p.
26. Siegel M. «Like»: The Discourse Particle and Semantics. *Journal of Semantics*. 2002;(19):35-71.

Информация об авторе

Г. Р. Власян — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики английского языка.

Information about the author

Gayane R. Vasyan — Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of the Theory and Practice of the English Language.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 25.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Original article

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10905

HEDGING STRATEGIES IN THE AMERICAN TALK SHOW DISCOURSE: TYPES OF HEDGES

Gayane R. Vasyan¹✉, Elena M. Petrova²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ VasyanGR@yandex.ru✉, ORCID 0000-0002-4753-7417

² p.elena_98@mail.ru

Abstract. Linguistic hedging is considered as one of the fundamental elements in any communication that makes speech polite, evasive, and euphemistic. In talk show discourse, the host and talk show guests interact and strive to achieve effective and successful communication. Hedging helps to maintain relations between talk show participants, to minimize or avoid conflicts, and get support and mutual understanding of communicants. The communicative effect achieved through hedged statements depends on the used type of hedges. There are two main types of hedges: the first one affects the semantics, while the other affects the pragmatics. The paper focuses on the most frequent type of hedges used in the American talk show discourse and its principal functions. The research data were collected from the scripts of popular American talk show episodes. The most frequently used types of hedges were identified and described by using classification, descriptive and quantitative methods. The preliminary results of data analysis show that both types are frequently used, however, hedges that change the pragmatics of statements are prevailing in the American talk show discourse. Hedging is an extensively used strategy that helps talk show participants harmonize communication and achieve their communicative goals.

Keywords: hedging, indirect communication, American talk show discourse, shields, approximators

Acknowledgments. This research was financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of CSU 2022.

For citation: Vasyan GR, Petrova EM. Hedging Strategies in the American Talk Show Discourse: Types of Hedges. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):38-43. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10905.

Научная статья

УДК 81

СТРАТЕГИИ ХЕДЖИРОВАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСЕ ТОК-ШОУ: ТИПЫ ХЕДЖЕЙ

Гаяне Рубеновна Власян¹✉, Елена Михайловна Петрова²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ VasyanGR@yandex.ru✉, ORCID 0000-0002-4753-7417

² p.elena_98@mail.ru

Аннотация. Лингвистическое хеджирование рассматривается как один из фундаментальных элементов любого общения, который делает речь вежливой, уклончивой и эвфемистичной. В дискурсе ток-шоу ведущий и гости ток-шоу взаимодействуют и стремятся к достижению эффективной и успешной коммуникации. Хеджирование помогает поддерживать отношения между участниками ток-шоу, минимизировать или избегать конфликтов, а также получать поддержку и взаимопонимание коммуникантов. Коммуникативный эффект, достигаемый с помощью хеджированных заявлений, зависит от используемого типа хеджирования. Существует два основных типа хеджирования: первый влияет на семантику, в то время как другой влияет на прагматику. В статье основное внимание уделяется наиболее частому типу хеджирования, используемому в дискурсе американского ток-шоу, и его основным функциям.

Ключевые слова: хеджирование, косвенная коммуникация, дискурс американского ток-шоу, щиты, аппроксиматоры

© Vasyan G. R., Petrova E. M., 2022

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2022.

Для цитирования: Vlasyan G. R., Petrova E. M. Hedging Strategies in the American Talk Show Discourse: Types of Hedges // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 38—43. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10905.

Introduction

Today, a talk show refers to one of the most modern and popular genres on television. Talk show discourse is an interactive process of verbal communication between the host, the guest, and the audience. Talk show discourse is an intermediate element between institutional and conversational discourses. The characteristic feature of such interaction is the dialogical nature of communication. One of the ways to maintain a dialogue and manage it effectively is to use indirect language.

The development of indirect communication process is determined by the peculiar nature of human thought, i.e. to speak in a vague, unclear, and non-categorical manner. Concurrently, indirect communication is directly related to such a linguistic phenomenon as hedging. In order to facilitate better understanding of hedging, this study aims to identify the most frequent type of hedges used in the American talk show discourse.

Section 2 deals with several approaches to defining the phenomenon of linguistic hedging. Section 3 describes E. Prince's classification of hedging, while sections 4 and 5 focus on the research methods and obtained results, correspondingly. In the final sections, the discussion and conclusion are provided.

Literature review

Although the term hedging was not introduced until the middle of the 1970s, such researchers as L. Zadeh (1965) and U. Weinreich (1966) had already carried out several studies devoted to this phenomenon.

In 1965, American mathematician L. Zadeh described some aspects of his Fuzzy Set Theory. In the light of his theory, L. Zadeh (1965) introduced the concept of a linguistic variable applied to the formalization of natural languages. Linguistic variables allow adequately conveying the approximate verbal representation of things and phenomena in case an exact deterministic description is not provided. Moreover, many fuzzy categories described linguistically are often not less informative than an exact description. The author explains the application of his theory with the examples of wild life objects. According to him, it is clear that the class of animals includes horses, cats, dogs, etc., but it excludes such objects as plants, rocks, etc. However, for example, bacteria and starfish are among

those objects that ambiguously relate to the class of animals [15. P. 338-339].

Subsequently, U. Weinreich (1966) was the first to describe a phenomenon that he called a metalinguistic operator. He argues that the presence of metalinguistic operators is typical for all languages, and they function as the indicators of an exact or vague designatum interpretation. In English, there are such metalinguistic operators as *true*, *like*, *so-called*, *strictly speaking*, etc.

In the 1970s, G. Lakoff (1973) was the first to introduce the term hedging in linguistics and defined this phenomenon. His concept was built on the basis of L. Zadeh's Fuzzy Set Theory. As G. Lakoff stated in his paper, hedges are "words whose meaning implicitly implies fuzziness — words whose job is to make things fuzzier or less fuzzy" [6. P. 471]. Initially, G. Lakoff regarded hedging from the point of view of semantics, and he attributed the following lexical units to hedges: *sort of*, *kind of*, *loosely speaking*, *more or less*, *roughly*, *pretty (much)*, *relatively*, *somewhat*, *rather*, *mostly*, *technically*, *strictly speaking*, *essentially*, *in essence*, *basically*, etc. [6. P. 472].

Later, linguistic hedging started to be considered from the pragmatic point of view. P. Brown & S. Levinson (2000) described a phenomenon of linguistic hedging with knowledge of their theory of politeness and defined hedge as follows:

...a particle, word or phrase that modifies the degree of membership of a predicate or a noun phrase in a set, [and] says of that membership that it is partial or true only in certain respects, or that it is more true and complete than perhaps might be expected [2. P. 145].

The research of linguistic hedging is an integration of such interrelated disciplines as psycholinguistics, rhetoric, pragmatics, etc. This integration indicates the presence of modern scientific approaches to the study of this phenomenon. Thus, the existing fundamental studies [4; 5; 6; 9] serve as a starting point for further profound research. The latest research of hedging focuses on the study of hedges as vague category markers [1; 7], hedging realization in academic, scientific, media, and political discourses [3; 8; 10; 12], the interconnection between hedges and the politeness strategies [13], and others.

Therefore, the term hedging encompasses complex studies in such fields as philosophy, logic, semantics,

and pragmatics. In pragmatics, the notion of hedging is directly related to the phenomena of vagueness, uncertainty, mitigation, and politeness.

Types of hedges

According to E. Prince (1982), all hedges are classified into two types, i.e. shields and approximators. The type of approximators is the propositional hedges that affect the truth value of the proposition, while shields refer to the speech act hedges that affect the degree of the speaker's commitment [11. P. 3].

Approximators are subdivided into adaptors (1) and rounders (2). Adaptors refer to a class or category of a notion that is not equal to its prototype (a little bit, sort of, some, somewhat, almost describable as, etc.). Rounders indicate the range in which a notion is a round-off representation of some data or figures (approximately, something around, about, etc. [11. P. 6-11].

1) Ann baked a cake, but it was a little bit undercooked.

2) He bought about 1.5 kilograms of apricots.

Both of these subtypes occur in the speech acts, where the speaker is trying to match the factual situation with the prototypical one. Hedges used, in such cases, illustrate that the factual situation is close to the modified utterance, but it is not accurate.

Shields in their turn are subdivided into plausibility hedges (1) and attribution hedges (2). Plausibility hedges are defined as such words or phrases that indicate the truth degree of a succeeding proposition from the speaker's point of view (I don't see that, I think, as far as I can tell, I take it, right now, I don't see that, I believe, probably, etc.). Attribution hedges include words or phrases that demonstrate the speaker's indirect relation to the proposition (at least to X's knowledge,

according to her estimates, presumably, etc.) [Prince, Frader, & Bosk, 1982, p. 11-19].

1) I think that this dress is made of cotton.

2) According to the weather forecast, next weekend will be sunny and warm.

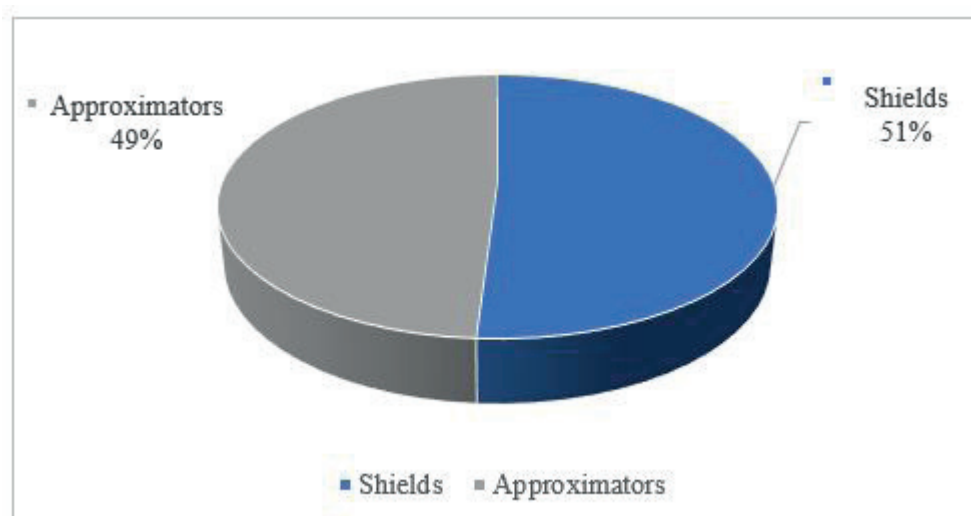
Therefore, within this taxonomy, one type of hedges affects the semantics, while the other type of hedges affects the pragmatics. Unlike approximators, shields do not change the propositional content of an utterance.

Methods

The research data were collected from scripts of "The Tonight Show with Jimmy Fallon", American talk show episodes posted on YouTube. The classification method was used to distribute hedges into types according to their pragmatic features. Moreover, the contextual method was employed to interpret the usage of linguistic hedging within this type of discourse. The quantitative method was used to determine the most frequent type of hedges present in the American talk show discourse.

Findings

The study showed that hedging in the American talk show discourse is viewed one of the fundamental strategies used to maintain and create harmonious communication. Moreover, linguistic hedging is resorted to by both the host and the talk show guests. The analysis of primary data discovered that shields are the most frequently used in the American talk show. However, there is an insignificant variation in the frequency of use of shields and approximations, namely 49 % and 51 % correspondingly (see Diagram 1).

Diagr. 1. The proportion of the types of hedges in the American talk show discourse

It was also identified that plausibility hedges (96 %) are considered as the dominant subtype among the shields. In the talk show, communicants ubiquitously use such hedges as I think, I believe, I would like to, etc. Consider the following dialogue:

(1) — Do you have superstitions? I think you do.

— The only one I really have, to be honest, is when I run a marathon. I'll always have a new pair of socks for each marathon. (The Tonight Show with Jimmy Fallon, 05.03.2021)

The example above demonstrates that plausibility hedges indicate the truth degree of the succeeding proposition from the speaker's point of view rather than from an absolute perspective. Hedges I think, to be honest modify the pragmatics of the utterance that helps the speaker to express his opinion indirectly and subjectively.

Both rounders and adaptors are extensively used in the context of approximators, however, adaptors (76 %) predominate in the American talk show discourse. Adaptors include the following highly frequent hedges: kind of, pretty, just, sort of, etc.:

(2) — You really are.

— You know me. I'm way more, like, reserved and mellow and kind of, you know, turtle-shelly a little bit. (The tonight show with Jimmy Fallon, 13.02.2021)

The example shows that the presence of adaptors affects the semantics of the utterance. In this case, the speaker is able to manage dialogue and correlate the actual situation with the prototypical one, using hedges like, kind of, and a little bit in his speech. In this case, the hedges do not convey the speaker's commitment to the proposition, but they transform the propositional content of the utterance.

Discussion

The study revealed that shields and approximators are widely used in the American talk show discourse. In the given type of discourse, communicators intentionally use hedges to achieve effective and successful communication by changing the pragmatic and semantic content of the utterances. Hence, hedging

is a linguistic strategy that can influence the outcome of communication.

The communication within talk show discourse is considered as one of the types of spoken discourse. Therefore, this research confirms the previously obtained results of hedging use in the English spoken discourse. Thus, the study shows that linguistic hedging is a fundamental device that transforms communication in a more polite and safe way within conversational discourse.

This study of hedging usage in the American talk show discourse helps to expand the existing knowledge concerning the functions of this phenomenon and its communicative and pragmatic features. However, this paper does not focus on linguistic hedging from a cross-cultural perspective, although it may provide a well-founded basis for conducting further contrastive research. Moreover, the prospect of further research is to identify and describe the essential functions performed by linguistic hedging in the American talk-show discourse. In addition, such a study implies identifying the most frequent function performed by hedging in this type of discourse.

Conclusion

In the American talk show discourse, communicants most commonly use shields, among which plausibility hedges are predominant. While both adaptors and rounders are used among the approximators, interlocutors most often regulate their communication with the help of adaptors.

The choice of a certain hedge type is determined by the function that it performs. Linguistic hedging is a powerful pragmatic tool, allowing speakers to influence their interlocutor's behavior. The research showed that hedges utilized in the American talk show discourse can affect the truth degree of the proposition conveyed, mitigate a categorical utterance, and protect the propositional content of an utterance. Moreover, hedges make things fuzzy, can soften the degrees of the speaker's commitment to the statement, and assert common ground.

References

1. Barotto A. The hedging function of exemplification: Evidence from Japanese. *Journal of Pragmatics*. 2018;(123):24-37.
2. Brown P, Levinson SC. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press; 2000.
3. Dontcheva-Navratilova O. Cross-cultural variation in the use of hedges and boosters in academic discourse. *Prague Journal of English Studies*. 2017;5(1):163-184.
4. Fraser B. Pragmatic competence: the case of hedging. In: Kaltenböck G, Mihatsch W & Schneider S (ed.). *New approaches to hedging*. Emerald; 2010. Pp. 15—34.

5. Hübler A. Understatements and Hedges in English., Amsterdam: John Benjamins; 1983.
6. Lakoff G. Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*. 1973;2(4):458-508.
7. Malyuga E, McCarthy M. English and Russian vague category markers in business discourse: Linguistic identity aspects. *Journal of Pragmatics*. 2018;(135):39-52.
8. Maryukhin AP. Nepryamaya kommunikatsiya v nauchnom diskurse (na materiale russkogo, angliiskogo, nemetskogo yazikov) = Indirect communication in scientific discourse (based on the material of Russian, English and German). Thesis. Moscow; 2010. 166 p. (In Russ.).
9. Namsaraev V. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts. In: Hedging in Discourse: Approaches in the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. Berlin; New York: Walter de Gruyter; 1997. Pp. 64—79.
10. Pastukhova OD. Hedging and Euphemisms. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018;(XXXIX):131-135.
11. Prince EF, Frader J and Bosk Ch. On Hedging in physician-physician discourse. In: di Prieto J (ed.). *Linguistics and the Professions*. Philadelphia: University of Pennsylvania; 1982. Pp. 83—97.
12. Ruchkina EM. Khedzhirovanie kak lingvisticheskoe sredstvo minimizatsii rechevogo konflikta v angliyskom i russkom yazykakh = Hedging as a linguistic means of verbal conflict mitigation in English and in Russian. *Mezhdunarodnii nauchnii institut "Educatio"*. 2015;IX(16):22-27. (In Russ.).
13. Vlasyan GR. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018;(XXXIX):685-690.
14. Weinreich U. On the Semantic Structure of Language. In: *Universals of Language*, M.I.T. Cambridge: Cambridge Press, Mass., 1966. Pp. 142—216.
15. Zadeh LA. Fuzzy Sets. *Information and Control*. 1965;(8):338-353.

Список источников

1. Barotto A. The hedging function of exemplification: Evidence from Japanese // *Journal of Pragmatics*. 2018. № 123. P. 24—37.
2. Brown P, Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
3. Dontcheva-Navratilova O. Cross-cultural variation in the use of hedges and boosters in academic discourse // *Prague Journal of English Studies*. 2017. № 5 (1). P. 163—184.
4. Fraser B. Pragmatic competence: the case of hedging // G. Kaltenböck, W. Mihatsch & S. Schneider (ed.) *New approaches to hedging*. Emerald, 2010. P. 15—34.
5. Hübler A. Understatements and Hedges in English. Amsterdam: John Benjamins, 1983.
6. Lakoff G. Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Journal of Philosophical Logic*. 1973. № 2(4). P. 458—508.
7. Malyuga E., McCarthy M. English and Russian vague category markers in business discourse: Linguistic identity aspects // *Journal of Pragmatics*. 2018. № 135. P. 39—52.
8. Марюхин А. П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 166 с.
9. Namsaraev V. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts // *Hedging in Discourse: Approaches in the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1997. P. 64—79.
10. Pastukhova O. D. Hedging and Euphemisms // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018. № XXXIX. P. 131—135.
11. Prince E. F., Frader J. and Bosk Ch. On Hedging in physician-physician discourse // di Prieto J (ed.). *Linguistics and the Professions*. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1982. P. 83—97.
12. Ручкина Е. М. Хеджирование как лингвистическое средство минимизации речевого конфликта в английском и русском языках // *Международный Научный Институт «Educatio»*. 2015. Vol. IX, № 16. P. 22—27.
13. Vlasyan G. R. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018. № XXXIX. P. 685—690.

14. Weinreich U. On the Semantic Structure of Language // Universals of Language, M.I.T. Cambridge: Cambridge Press, Mass., 1966. P. 142—216.
15. Zadeh L. A. Fuzzy Sets // Information and Control. 1965. № 8. P. 338—353.

Information about the authors

Gayane R. Vasyan — Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of the Theory and Practice of the English Language.

Elena M. Petrova — Lecturer, Department of the Theory and Practice of the English language.

Информация об авторах

Г. Р. Власян — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики английского языка.

Е. М. Петрова — преподаватель кафедры теории практики английского языка.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 25.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10906

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЁД» В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ирина Владимировна Войтешчук

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, wfirina@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению национально-специфических особенностей объективации концепта «лёд» в немецком и русском языках. Знания и представления о твердой воде мы описываем посредством анализа номинатов концепта, собранных приемом сплошной выборки материалов академических словарей немецкого и русского языков. Мы устанавливаем сходства и различия в способах номинации ледовых явлений, в семантической раскройке понятийных фрагментов концепта, во внутренней форме номинативов. Выявляем уникальные формы номинатов, отсутствующие в том или ином сравниваемом языке, а также символические смыслы концепта, обусловленные географическими особенностями расположения стран и национальными особенностями ассоциативно-образного мышления немецкого и русского народов.

Ключевые слова: концепт, национальная специфика концепта, номинат/номинатив, способы номинации, сопоставительный анализ

Для цитирования: Войтешчук И. В. Национально-специфические особенности объективации концепта «лёд» в немецком и русском языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 44—50. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10906.

Original article

NATIONAL-SPECIFIC FEATURES OF OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT “ICE” IN GERMAN AND RUSSIAN

Irina V. Voyteshchuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, wfirina@mail.ru

Abstract. The given article is devoted to the study of the national-specific features of the objectification of the concept “ice” in German and Russian. We describe the knowledge and ideas about solid water by analyzing the nominees of the concept, collected by taking a solid sample of material from academic dictionaries of German and Russian. We establish similarities and differences in the methods of nominating ice phenomena, in the semantic cutout of conceptual fragments of the concept, in the internal form of nominatives. We identify unique forms of nominations that are absent in a particular compared language, as well as symbolic meanings of the concept due to the geographical peculiarities of the location of countries and the national peculiarities of the associative thinking of the German and Russian peoples.

Keywords: concept, national specifics of the concept, nominative, ways of the nomination, comparative analysis

For citation: Voyteshchuk IV. National-specific features of objectification of the concept “Ice” in German and Russian. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):44-50. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10906.

Введение

Концепт «лёд», отражающий твердую фазу существования воды в природе, относится к ключевым в картинах мира немецкого и русского на-

родов. Носители языков, как рядовые, так и узкие специалисты-гляциологи, сталкиваются с различными формами и видами льда в бытовых и специальных условиях. Знания и представления о твердой воде аккумулированы в языке и могут быть описаны посредством анализа номинатов или

номинативов концепта. Вслед за Е. С. Косых, номинатом мы называем номинативную единицу, возникшую в результате процесса наименования объекта [6. С. 24]. Согласно нашей картотеке, опирающейся на материал толковых и двуязычных словарей исследуемых языков [2; 10; 12; 13; 14], концепт «лёд» представлен 147 немецкими и 135 русскими номинатами. Они обозначают лёд и его формы существования в природе (виды, скопления, покров).

Хотя количество знаков концепта приблизительно одинаково в языках, существуют принципиальные отличия в способах номинации концепта, обусловленные языковыми и внеязыковыми факторами. У языка, пишет Т. Б. Радбилю, своя логика, «покоящаяся на совокупном тысячелетнем опыте общения с внешним миром коллектива его носителей, который порою включает в сферу значимого, важного для себя некий фрагмент физической и психической действительности, совершенно не соотносясь с его «реальным местом» в иерархии вещей и предметов» [9. С. 21]. За схожими количественными параметрами скрывается, таким образом, качественное национальное своеобразие языковых способов объективации концепта, связанное с географическими условиями жизни народа, его историей, культурой, пищей, отличиями языковой системы и т. д.

Предметом описания в статье выступают национально-специфические особенности обозначения ледовых явлений в немецком и русском языках.

Теоретические основы сопоставительного изучения концептов

Национально-культурное своеобразие концептосферы не заметно «изнутри», оно выявляется в процессе сопоставительного анализа [1. С. 193]. Существуют различные подходы к сопоставительному описанию концептов. В. В. Воробьев в своем сопоставительном исследовании национальной личности (русской/французской) проводит идею единства семасиологического и ономасиологического подходов. «Чтобы состоялось такое взаимоупотребление, необходимо наличие единиц (лингвокультурем и их парадигм) для обозначения фактов действительности, знание в данный момент времени самих единиц и их значений и знание устоявшихся значений слов» [4. С. 192—193]. Маркерами национальной специфики концептов у З. Д. Поповой и И. А. Стернина выступают когнитивно-семантические критерии, например, несовпадающие когнитивные признаки,

разная яркость этих признаков, различная полевая организация одноименных концептов, различия образного компонента, интерпретационного поля, присутствие разных когнитивных классификаторов, наличие безэквивалентных концептов и т. п. [8. С. 142—145].

Отправной точкой нашего исследования выступают языковые знаки объективации льда. Их лингвистический анализ и количественная оценка позволяют сделать выводы о национальной специфике содержания концепта и формах его выражения, при этом форма и содержание выступают в нашем исследовании как две неразрывно связанные части одного целого. В языке, согласно Т. Б. Радбилю, рассыпано множество «ключей» к пониманию особенностей образа мышления и характера народа [9. С. 14]. Обнаруженные номинаты льда являются в нашем исследовании своеобразными «ключами» к толкованию содержания концепта «лёд» в языковом сознании немцев и русских.

Сопоставительный анализ концепта «лёд» в немецком и русском языках

Ядерными знаками объективации концепта «лёд» в немецком и русском языках являются лексемы *das Eis*² и *лёд*, используемые в основном значении:

*Eis*², *das*: 1. a) *gefrorenes Wasser...*

лёд: *замерзшая и перешедшая в твердое состояние вода...*

Значения имеют приблизительно одинаковый семный состав в толковых словарях исследуемых языков и указывают на переход воды из жидкого состояния в твердое в связи с понижением температуры.

Оттенки основных значений немецкой и русской лексем образованы в результате метонимического переноса и называют, по данным используемых словарей, различные формы существования льда:

*Eis*², *das*: 1. b) *Eisfläche eines Eisstadions ...*

лёд: <...> || мн. ч. (льды, -ов). Скопление льдин; сплошные поля льда.

Анализ речевых употреблений слова *das Eis*² показал, однако, что оттенок «скопления льдин», представленный только в дефиниции его русского эквивалента, присутствует в семантике этого немецкого слова:

Der Winter will noch nicht weichen: Vier Schiffe mit insgesamt 1.100 Menschen an Bord stecken auf der Ostsee im Eis fest (Hamburger Abendblatt, 05.03.10).

Он не имеет, правда, морфологически закреплённой формы, как в русском языке (мн. ч. *льды*),

и не фиксируется немецкими словарями. Мы предполагаем, что морфологическая закреплённость количественного параметра льда в русском языке, а также его словарная фиксация свидетельствуют о большей актуальности этого параметра в сознании русских людей. Что же касается узкоспециального значения «поверхность ледового стадиона» немецкой лексики *das Eis*², то, как и предыдущее значение, оно обнаруживается в речевых употреблениях слова *лёд* и входит, соответственно, в семантическую структуру русского слова:

И она захотела, чтобы я тоже танцевала на льду (Алексеев О., Чикирис О. *Фигурное катание. Бронзовый призер чемпионата Европы Юко Кавагути: а что значит чувствовать себя русской? // Советский спорт, 2008.02.06*).

Особого внимания заслуживают также различия в образовании диминутивов ядерных лексем концепта в сравниваемых языках. В немецком языке, согласно данным поисковой системы Google, не употребительны уменьшительно-ласкательные формы номината *das Eis*² (ср. рус. *ледок, ледочек*). Это значит, что лёд в языковом сознании немцев «не сочетается» с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Диминутивы присутствуют в немецком языке, но используются гораздо реже, чем в русском. Для обозначения небольших кусочков льда немцы образуют диминутивные композиты *das Eisstückchen, das Eisklumpchen* и др., соответствующие русским номинантам *льдинка (ледышка, ледяшка), кусочек льда*:

Ein Augenmerk auf kleine Eisstückchen legen, die von einem LKW hoch gewirbelt werden (<http://wortschatz.uni-leipzig.de>). *Nach der Runde im Freien werden die Pfoten lauwarm abgewaschen, um auch etwaige Eisklumpchen zu entfernen* (там же).

Номинаты концепта называют многочисленными видами льда в зависимости от их локации, типа образования, количественных, функциональных и других характеристик. Немецкий и русский материалы нашей картотеки демонстрируют сходство в понятийном восприятии видов и форм льда:

das Festlandeis — материковый лед, das Flusseis — речной лед, das Firneis — фирновый лед, das Grundeis — донный лед, ewiges Eis — вечные льды, der Eisbrocken — ледяная глыба, das Eisfeld — ледяное поле, die Eisdecke — ледяной покров...

Единичные примеры свидетельствуют о взаимном влиянии языковых форм представления концепта «лёд» в сравниваемых языках. Речь идет о немецких номинатах *der Eisberg, der Gletscher,*

der Firn (b), представленных в русском языке, а также о русском слове *торос*, имеющем немецкое соответствие в электронном словаре «Дуден»:

айсберг: *плавающая ледяная гора, отколовшаяся от прибрежного ледника или ледового барьера.*

глетчер: *то же, что ледник.*

фирн: *плотный зернистый снег, образующийся в горах выше снеговой границы вследствие давления вышележащих слоев, поверхностного таяния и вторичного замерзания воды, просочившейся в глубину.*

Toross, der: *Packeis.*

Многие немецкие и русские номинаты, являющиеся понятийно-денотативными соответствиями и имеющие схожую мотивированность, различаются структурой, образуя в одном случае словосочетание, в другом композит:

морской лед — das Meereis, дрейфующий лед — das Treibeis, ледяная игла — die Eisnadel, масса льда — die Eismasse, наковый лед/нак — das Packeis, корка льда — die Eiskruste... [3. С. 189].

Для обозначения скоплений льда в русском языке используются, как правило, корневые или производные лексемы с различными исконно русскими, заимствованными корнями и синтаксические знаки, в немецком — сложные слова с компонентом *Eis*-, присоединяемым к базисам с обобщенной семантикой, обозначающим предметы различной величины и формы:

торос, льдина, ледник, несяк, глетчер, айсберг, ледяная глыба ...; das Eisstück, der Eisklumpen, der Eisbrocken, der Eisblock ... [3. С. 190].

Следует особо отметить структурную способность немецкого компонента *Eis*- вступать в связь со словами общей или конкретной семантики и образовывать композиты со слабой семантико-синтаксической связью. Таким образом, увеличивается количество возможных вариантов передачи форм существования льда в немецком языке. Эти варианты, кроме того, обладают прозрачной внутренней формой. В русском материале им соответствуют свободные или терминологические словосочетания, производные или корневые лексемы с более широким спектром корней/основ (*-припай-, -шуг-, -жузж-, -нак-, -глетчер-, -айсберг-, -торос-, -стамух-, -сморозь-* ...). Эти основы являются областными, заимствованными, общелитературными или узкоспециальными (не) производными образованиями. Они свидетельствуют не только о структурном своеобразии сравниваемых языков, но и прежде всего об актуальности концепта «лёд» в сознании русского человека.

Наряду с примерами структурных расхождений, в нашем материале представлены номинативы-соответствия, имеющие схожую форму, например: *гололёд* — *das Glatteis*, *ледонад* — *der Gletscherfall*, *гнилой лёд* — *verrottetes Eis* и др. [3. С. 192].

Расхождения между сравниваемыми языками проявляются также в семантическом объеме и стилистической окраске обозначений одних и тех же понятий. Например, для понятия «гололёд» в русском языке существуют общеязыковые, просторечные и областные номинации, однозначно связанные со льдом:

гололедица: ледяная корка на поверхности земли, деревьях, проводах и т. п.

гололёд: то же, что гололедица.

гололёдка: прост. То же, что гололедица.

гололесь: прост. и обл. То же, что гололедица.

ожеледь: обл. и спец. Ледяной покров на вертикальных или неровных каменистых поверхностях; гололедица.

В русском языке, как видим, наблюдается неопределенность в семантической интерпретации «гололёда» и «гололедицы». Некоторые ученые, в том числе авторы МАС [12], считают их синонимами. Другие, принимая во внимание научное толкование этих явлений в метеорологии, представляют их как паронимы. При *гололёде* замерзают переохлажденные капли мелкого дождя, или изморози, вследствие чего предметы покрываются слоем льда. *Гололедица* связана с замерзанием воды на охлажденной поверхности земли при внезапном морозе [7]. Интересна точка зрения В. В. Колесова на развитие семантики этих слов, согласно которой в начале было слово *гололедица* как естественное обозначение погодных условий в зимнее время, по общему типу выражений *метелица*, *непогодица* и пр. Далее произошло перенесение смысла по метонимической смежности от погоды к результату ее действия. Вторичность слова *гололёд* способствует его распространению, оно заменяет слово *гололедица*, вытесняя его как собирательно общее, но одновременно и более понятное современному человеку [5].

В немецком материале для обозначения «гололёда» представлены общеупотребительные знаки с различной денотативной отнесенностью:

Glatteis, das: *dünne, glatte Eisschicht, die sich durch Gefrieren von Feuchtigkeit [auf dem Boden] bildet.*

Eisglätte, die: *durch Eis (1a) hervorgerufene Glätte.*

Straßenglätte, die: *(besonders durch Eis, Schnee, Reif) auf der Straße entstandene Glätte.*

Первый номинат, согласно определению в словаре, действительно обозначает слой льда на какой-либо поверхности, второй и третий имеют призначное значение «скользкость из-за льда». Третий, кроме прочего, является обобщенным наименованием скользкого состояния дороги, причиной которого может быть не только лёд, но и снег, изморозь и другие явления.

Концепт «лёд» обладает, по данным нашей картотеки, номинатами с особой уникальной внутренней формой, не имеющей аналога в том или ином сравниваемом языке. Уникальными формами обозначения являются, по нашим данным, немецкие гидрологические термины *die Eiskatze*, *der Eistost*, *die Eisbrekzie*, обозначающие шугу и ее разновидности (шорох, сморозь), австрицизмы *der Ferner/ Firner* в значении «глетчер» и т. д. [3 С. 193]. В русском языке имеется схожий по форме номинат *кошка* (4 зн.), передающий производным значением приспособление в виде металлических зубьев для хождения по льду и т. п., но сам «лёд» этот номинат не обозначает.

К самобытным образованиям в русском варианте картотеки относятся:

жуужга: *льдинки, образовавшиеся от смерзания выпавших на поверхность воды снежинок.*
несяк: *большой торос или группу торосов, представляющих собой отдельную льдину, находящуюся на плаву.*

зажор/а: 1. Спец и обл. Скопление льда в русле реки во время ледохода.

череп: 2. Устар. и обл. Лед, покрывающий землю под снегом.

шорох: *внутриводный крупинчатый лед, издающий звук, похожий на шорох, и др.*

Примерами совпадения мотивировочного признака служат номинативы *сало* (3 зн.) в значении «тонкий лед на поверхности воды перед ледоставом» и *das Fetteis*, а также лексемы *шуба* (2 зн.) и *der Eispelz*, в основе которых лежит сопоставление ледовой поверхности с меховой зимней одеждой.

Особенно четко национальная специфика концепта проявляется при изучении символических смыслов корней *-eis-* и *-лед-*. В немецком языковом сознании лёд ассоциируется с холодом, заморозками:

Eisheiligen, die: *volkst. bestimmte Tage im Mai (norddeutsch: 11.–13., süddeutsch: 12.–15.) mit erhöhter Frostgefahr.*

Eismann, der: 3. öster. und südd. die Eisheiligen (nur Pl.) и др.

Компонент *Eis-* в структуре немецких композитов выступает прототипом белого цвета или

бесцветности, холода, зимних или северных условий обитания и т. д. При этом их русские соответствия, образованные при помощи других корней/основ выходят за пределы концепта «лёд»:

der Eisachat — (бесцветный агат), *die Eiswolle* — (длинная глянцевитая шерсть), *der Eissalat* — (салат кочанный), *der Eisapfel* — (наливное яблоко), *das Eisblumenglas* — («морозко» узорчатое стекло)...

Немецкие наименования *eisblau*, *eisgrün*, *eisgrau* являются, на наш взгляд, понятийными лакунами в русском языковом сознании, т. к. не находят здесь полноценных однословных соответствий:

eisblau: grünlich blau.

eisgrau: weißgrau wie Eis (1a).

Прилагательные *светло-голубой*, *зеленовато-голубой*, *бело(бледно)-серый*, *седой*, предлагаемые двуязычными словарями, не содержат компонента лёд. Хотя лёд в сознании русских может ассоциироваться со светлыми, голубоватыми или серыми цветами, прототипом этих цветов в русском языке он не выступает.

В результате сопоставления немногочисленных фразеологизмов концепта в немецком и русском языках мы выявили лишь один общий образ — «лед как символ холодности, напряженности в отношениях»: *лед разбит (сломан)* — *das Eis ist gebrochen*. Другие фразеологизмы эксплицируют новые ситуации, например, «начало ледохода как вестник перемен к лучшему» (*лёд тронулся*), «твердый, непробиваемый лед как символ непреодолимых препятствий» (*биться как рыба об лёд*) или «замораживающие свойства льда, символизирующие отсрочку дел, сбережение ресурсов или отстранение кого-либо от дел» (*etwas, j-n auf Eis legen*) [3, С. 190-191].

Исходя из материала нашей картотеки, можно предположить, что лёд в немецком языковом сознании имеет более выраженную символическую составляющую. В структуре многих немецких композитов и фразеологизмов он теряет свою прямую денотативную отнесенность, сохраняя лишь ограниченный набор дифференциальных, чаще второстепенных признаков. В русском языковом материале лед, наоборот, в большей степени денотативно ориентирован. Акцен-

тируются количественные параметры льда, для обозначения ледовых явлений используется новые корни, основы и т.п. Безусловно, географический фактор играет важную роль в познавательной-языковой деятельности народов. Различная протяженность северных границ наших стран, разные климатические условия, определяющие длительность замерзания водоемов, удержания снежно-ледового покрова и т.п., влияют на языковую представленность концепта и его ассоциативную составляющую.

Заключение

Наш анализ языкового материала показал, что немцы и русские имеют схожую систему понятий и представлений о твердой воде и формах ее существования в природе. Мы обнаружили совпадения, а также примеры взаимодействия понятийно-языкового осмысления концепта (интернационализмы, совпадение мотивированности, семантики, словообразовательной структуры немецких и русских номинатов и т.п.). Основные различия связаны со способами номинации понятий. Нами выявлены расхождения в образовании уменьшительно-ласкательных форм ядерных номинативов концепта в немецком и русском языках, морфологическая закреплённость больших ледовых скоплений формой множественного числа в русском языке, разнообразие корней, объективирующих виды льда в русском материале, более выраженный ассоциативный потенциал компонента *Eis-* в структуре немецких композитов и т. д. Обнаружены также расхождения в семантической раскройке некоторых понятийных фрагментов концепта и во внутренней форме номинативов, установлены лакуны, обусловленные национальными особенностями ассоциативно-образного мышления немецкого и русского народов и географическими особенностями расположения стран. Сопоставление материала национальных языков позволило установить незаметные на первый взгляд детали в содержании концепта «лёд» и способах его объективации, отражающие его национальную специфику и особенности мировосприятия немецкого и русского народов.

Список источников

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997. 330 с.
2. Большой немецко-русский словарь: в 3 т. / авт.-сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; под общ. рук. О. И. Москальской. 8-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2002.

3. Войтешук И. В. Способы объективации субкатегории «твердая вода» в немецком и русском языках (по данным словарей) // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 3 (31). С. 186—195.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология: моногр. М.: РУДН, 2008. 336 с.
5. Колесов В. В. Как наше слово отзовется... М.: Виктория Плюс, 2010. 352 с.
6. Косых Е. С. Русская ономазиология: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2016. 101 с.
7. Метеорологический словарь. URL: <http://meteorologist.ru/meteorologicheskij-slovar/31.html> (дата обращения: 15.03.2022).
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. 314 с.
9. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 328 с.
10. Русско-немецкий словарь / под ред. К. Лейна. 11-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1989.
11. Русский семантический словарь / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / Ин-т лингвистических исследований РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
13. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Herausg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 5., neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2003.
14. Duden. Onlinewörterbuch. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline> (дата обращения: 28.09.2021).

References

1. Babushkin AP. Tipy konceptov v leksiko-fraseologicheskoy semantike iazyka, ikh lichnostnaia i nacionalnaia specifika = Types of concepts in the lexical-phraseological semantics of the language, their personal and national specifics. Voronezh; 1997. 330 p. (In Russ.).
2. Leping EI (ed.) (et al.). Bol'shoy nemetsko-russkiy slovar' = Large German-Russian dictionary. Moscow; 2002. (In German, Russ.).
3. Voyteshchuk IV. Sposoby obyektivatzii subkategorii "tvyordaia voda" v nemetzkom i russkom iazykakh (po dannym slovarey) = Methods of objectification of the subcategory "solid water" in German and Russian (according to dictionaries). *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Smolensk State University*. 2015;3(31):186-195. (In Russ.).
4. Vorob'yov VV. Lingvokul'turologiia = Cultural linguistics. Moscow; 2008. 336 p. (In Russ.).
5. Kolesov VV. Kak nashe slovo otzovoyotca... = How our word will respond... Moscow: Victoria Plus; 2010. 352 p. (In Russ.).
6. Kosykh ES. Russkaia onomasiologiia = Russian onomasiology. Barnaul; 2016. 101 p. Available from: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/kosih2.pdf> (accessed 28.03.2021). (In Russ.).
7. Meteorologicheskij slovar' = Meteorological Dictionary. Available from: <http://meteorologist.ru/meteorologicheskij-slovar/31.html> (accessed 15.03.2022). (In Russ.).
8. Popova ZD, Sternin IA. Kognitivnaia lingvistika = Cognitive linguistics. Moscow; 2007. 314 p. (In Russ.).
9. Radbil' TB. Osnovy izucheniia iazykovogo mentaliteta = Fundamentals of Learning Language Mentality. Moscow; 2010. 328 p. (In Russ.).
10. Lein K (ed.). Russko-nemetzkiy slovar' = Russian-German dictionary. Moscow; 1989. (In Russ.).
11. Shvedova NYu (ed.). Russkiy semanticheskij slovar' = Russian Semantic Dictionary. Moscow; 1998. (In Russ.).
12. Evgen'eva AP (ed.). Slovar' russkogo iazyka = Dictionary of the Russian language. Moscow; 1999. (In Russ.).
13. Duden. Deutsches Universalwörterbuch = Duden. German Universal Dictionary. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG; 2003. (In German).
14. Duden. Onlinewörterbuch = Duden. Online dictionary. Available from: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline> (accessed 28.09.2021). (In German).

Информация об авторе

И. В. Войтешчук — кандидат фил. наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации.

Information about the author

Irina V. Voyteshchuk — Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Romano-Germanic Languages and Intercultural Communication.

Статья поступила в редакцию 30.07.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 07.09.2022.

The article was submitted 30.07.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 07.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10907

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «MOTHER» В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «LITTLE FIRES EVERYWHERE»)

Ксения Александровна Добрикова¹, Мария Альбертовна Фазлеева²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ xenia.dobrikova@gmail.com, ORCID 0000-0001-7900-1775

² mariya.fazleeva@mail.ru[✉], ORCID 0000-0002-5530-439X

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию концепта “mother” в американской лингвокультуре. В начале статьи приводится анализ понятийного слоя концепта. Затем анализируются активные признаки концепта. Они актуализируются посредством стилистических средств: эпитет, сравнение, метафора, лексический повтор, анафора, ирония, каламбур, парцелляция. Пассивные признаки концепта “mother” представлены скрытыми образами. Согласно данному исследованию это: мать-одиночка, мать-филантроп, мать-наставник, мать-карьерист. Вышеуказанные образы характерны для американской лингвокультуры. Данная статья представляет модель анализа концепта по методике Ю. С. Степанова. Анализ проводится на трёх уровнях: понятийном, активном и пассивном, он подкреплён примерами и выводами.

Ключевые слова: концепт, понятийный слой, активный слой, пассивный слой, лингвокультура

Для цитирования: Добрикова К. А., Фазлеева М. А. Актуализация концепта «mother» в американской лингвокультуре (на примере произведения «Little fires everywhere») // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 51—57. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10907.

Original article

THE REALIZATION OF THE CONCEPT “MOTHER” IN THE AMERICAN LINGUA-CULTURE (BASED ON THE NOVEL “LITTLE FIRES EVERYWHERE”)

Ksenia A. Dobrikova¹, Maria A. Fazleyeva²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ xenia.dobrikova@gmail.com, ORCID 0000-0001-7900-1775

² mariya.fazleeva@mail.ru[✉], ORCID 0000-0002-5530-439X

Abstract. The following article is dedicated to the research of the concept “mother” in the American lingua-culture. First, the notion “mother” is being presented. Then the active features of the concept are studied. They are represented through the following stylistic means: epithets, comparisons, metaphors, lexical repetition, anaphora, irony, pun intended, slang words, homogeneous members of the sentence, parcellation. The passive features of the concept “mother” are revealed through hidden images. According to the present article they are: single mother, philanthropist-mother, mother-mentor, careerist. The mentioned above images are typical for American lingua-culture. The given article is the manifestation of full concept analysis according to Y.S. Stepanov. The analysis is carried out at three basic levels: the notional, the active and the passive, the conclusions are carried out and exemplified.

Keywords: concept, notional layer, active layer, passive layer, lingua-culture

For citation: Dobrikova KA, Fazleyeva MA. The realization of the concept “mother” in the American lingua-culture (based on the novel “Little fires everywhere”). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):51-57. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10907.

Введение

Концепт «mother» — это базовый концепт культуры и социума, отражающий представления о системе биологического родства, семье и семейных ценностях. Данный концепт находится в постоянном процессе переосмысления по мере возникновения новых реалий в развивающихся лингвокультурах. Изучение языковой составляющей концепта “mother” представляет особый материал для исследования. Материалом для исследования послужило современное литературное произведение «Little fires everywhere», написанное американским автором Селестой Инг. Актуальность данного исследования определяется следующим: выявлением особенностей средств репрезентации концепта «mother» в произведении современного американского автора; научным интересом к проблеме взаимодействия языка, мышления и сознания, связи языка и культуры; концепт «mother» определяется как базовый феномен культуры и рассматривается в психологии, педагогике, философии, культурологии, мифологии, лингвистике, литературе, что говорит о многогранности вопроса и важности проблематики. Концепт «mother» является одним из структурообразующих концептов лингвокультуры.

Теоретические основы анализа концепта

По словам Ю. С. Степанова, «„концепт“ — это просто фразы, фрагменты разговора, но это тонкие фразы, которые заставляют наш разум создавать такие понятия, словно они знакомы нам в течение долгого времени. Термин можно понимать как сгусток культуры в сознании людей; это то, в виде чего культура входит в ментальный мир, а <...> человек входит в культуру и оказывает на неё влияние». Э. Д. Диллон определяет это понятие по-другому: «Концепты не только созерцаются, они переживаются. Они являются предметом эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт также является дискретной единицей коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально определенной форме. Как когнитивная единица значения, понятие представляет собой абстрактную идею или ментальный символ, иногда определяемый как «единица знания», построенная из других единиц, которые выступают в качестве характеристики понятия» [11. С. 355—358.]. Г. Г. Слышкин определяет концепт как «условно-ментальную единицу». Формирование концепта представлено им как процесс соотнесения результатов опытного позна-

ния действительности с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, искусстве и т. д. [10. С. 43]. С. Х. Ляпин в своих работах обозначал концепт так: «...самоорганизующиеся, интегративные, функционально систематизированные, многомерные, идеализированные образования, основанные на национальной основе и закреплённые за значением знака: научного термина, или слова (фразы) повседневного языка, или более сложных лексико-грамматических и семантических структур, или невербальный субъективный образ, или действие» [6. С. 47]. Концепты как элементы сознания вполне независимы в языке. По словам В. Эванс, «концепты являются посредниками между словами и экстралингвистической реальностью» [13. С. 18]. Нерознак утверждал, что «концептом могут стать только те явления действительности, которые актуальны и ценны для конкретной культуры, которая имеет большое количество языковых единиц, закрепляющихся в этой культуре, которые являются предметом пословиц и поговорок, поэзии и прозы» [8. С. 34]. А. Вежбицкая утверждает, что «концепт» — это объект из «идеального» мира, который имеет название и отражает культурное понимание людьми реального мира [3. С. 13]. Концепт описывает типичные ситуации культуры и является предметом культурологических исследований. По словам Ю. Степанова, «концепт» — это «базовая культурная ячейка в ментальном мире человека» [10. С. 248]. По мнению Д. С. Лихачева, «концепт соответствует тем чувствам, которыми человек оперирует в процессе мышления, и чувствам, которые отражают содержание опыта и знаний, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких „квантов“ знаний». Лихачев утверждал, что «концепт — это своего рода алгебраическое выражение смысла, которым человек оперирует в своей письменной речи» [5].

Лингвокогнитивисты определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [2]. А. А. Залевская предлагает разграничить концепт как

«достояние индивида и концепт как инвариант, функционирующий в определенном социуме или шире — культуре» [4. С. 67]. Отметим, что в рамках каждого подхода рассматриваются те или иные инвариантные признаки концепта. Их подробно перечисляет В. А. Маслова: «это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализирующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру; это основные единицы обработки, хранения и передачи знаний; концепт имеет подвижные границы и конкретные функции; концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику; это основная ячейка культуры» [7. С. 25]. Большинство исследователей концепта описывают его многокомпонентную структуру, указывая, например, на исторические слои, которые различаются по времени создания, происхождению и семантике. Каждый слой может включать в себя образные, ценностные и смысловые компоненты. «Образная сторона включает визуальные, аудиальные, тактильные, вкусовые и обонятельные характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, а смысловая сторона охватывает лингвистическую фиксацию понятия, его обозначение, описание, структуру атрибутов, определение, сравнительную характеристику этого понятия» [7. С. 27—28]. Активный слой, состоящий из основных актуальных атрибутов, известных каждому носителю культуры и важных для него, относится к универсальной парадигме знания. Пассивные слои (дополнительные атрибуты, существенные для отдельных групп носителей культуры) относятся к сферам концептов отдельных субкультур, авторских идиостилей. В данном анализе мы руководствуемся тем, что ядром концепта является понятийная составляющая, включающая смыслы, семы, оттенки значений, имеющие этимологическую отнесенность. Анализ ядра концепта должен проводиться на материале словарей, энциклопедий, этимологических справочников. Следующий слой представляет совокупность активных (актуальных) признаков концепта, реализующихся через лингвистическую принадлежность и функциональность. На данном этапе анализа мы выделяем объективные характеристики: части речи, синтаксические функции, стилистические средства, анализируем их частотность. Наружный слой концепта представляет совокупность пассивных признаков, которые реализуются через скрытые образы. Задача исследователя, проводящего концептуальный анализ, выделить образы из языкового материала.

Практический анализ концепта «mother» в американской лингвокультуре (на примере произведения «Little fires everywhere»)

Для начала проанализируем понятийно-этимологическое ядро. Вероятно, что mother происходит от mōdēr, восходит к праиндоевропейскому mater, среднеанглийского moder, от древнеанглийского mōdor, от протогерманского *mōdēr (восточно-фризский muur, голландский moeder, немецкий Mutter), от протоиндоевропейского *mehtēr (ср. ирландский máthair, тохарский A mācar, B mācer, литовский mótė). Написание слова mother через -th- фиксируется в письменных источниках с начала XVI в. Ма-ма и родственные ей звуки — одни из самых простых (и наиболее вероятных) звуков, которые ребенок может произнести сознательно; было выдвинуто предположение (вполне обоснованное), что слово возникло в результате ассоциирования значения со спонтанным высказыванием. В синонимический ряд с доминантой «mother» входят такие слова как: mommy, mom. Антонимическая пара создается с лексемами: father, stepmother, daughter, son. Слово имеет небольшой деривативный ряд: motherland, motherhood, mother-tongue. В данных случаях mother, являясь элементом слова, означает «родной, родственный». В идиомологическом словаре имеются устойчивые словосочетания с лексемой «mother»:

- 1) «at your mother's knee — said about something that you learned when you were a child»;
- 2) «experience is the mother of wisdom — this idiom is used to mean that people learn from what happens to them»;
- 3) «like mother, like daughter — means that daughters resemble their mothers»;
- 4) «necessity is the mother of invention — means that when people really need to do something, they will find a way to do it»;
- 5) «a mama's boy — a boy or man who allows his mother to have too much influence on him»;
- 6) «a mother hen — a person who looks out for the welfare of others, especially to an overprotective degree» [14].

Благодаря лексико-семантическому анализу полученных данных можно утверждать, что доминирующим значением лексемы mother в лексикографических источниках является значение «a female parent» — родитель — женщина. Кроме того, концепт «mother» реализует скрытый смысл «проявление заботы, защита от опасностей и неприятностей». Синонимы концепта «mother», которые показывают семантическую структуру английской лексемы, на основе онлайн-словаря Cambridge

Dictionary of English: parent, biological parent, folk, progenitor, guardian, adoptive parent [15]. В словосочетаниях лексема «mother» реализует смыслы: «родной», «знакомый с детства», «исконный».

Проанализируем активный (актуальный) слой концепта «mother». Данный слой включает общепотребительные, объективные, универсальные характеристики концепта, принятые в рамках современной американской лингвокультуры. Языковой анализ показал следующее: в романе лексема «mother» преимущественно существительное, глагольные формы встречаются лишь дважды.

«Mother» (существительное):

- 1) a female parent (n);
- 2) the title of a woman who is in charge of, or who has a high rank within, a convent (= house of religious women) (noun);
- 3) a mixture used for making sourdough bread, consisting of flour and water that has been allowed to ferment (= to undergo a chemical process of being broken down by bacteria or yeasts) and has been kept from a previous occasion when bread was made (noun);
- 4) woman who invents or begins something — usually singular;
- 5) a term of address for a female parent or a woman having or regarded as having the status, function, or authority of a female parent (noun);
- 6) a woman who is thought of as being like a mother.

Примеры из произведения: «That evening, Pearl watched her mother with a wary eye» [12. P. 139]. «Pearl quickly jotted down her own mother's name and their home phone number» [12. P. 151]. «Mothers like her were less kind: she was unstable, unreliable, an example of the worst kind of mother» [12, p.158]. «She would push Moody in his stroller, with Lexie and Trip tagging along behind her, each clutching a handful of her skirt like baby elephants trailing their mother» [11. P. 108]. «Would you have been ready to be a good mother? » Mia asked. «The kind of mother you'd have wanted to be? the kind of mother a child deserves? » [12. P. 210]. Очень редко автор использует глагол «to mother», который означает «воспитывать, давать заботу». Образ идеальной матери в романе отсутствует. «And yet here was Mia, causing poor Linda such trauma, as if she hadn't been through enough, as if Mia were any kind of example of how-to mother». Также в тексте мы можем встретить деривативные единицы, например, слово motherhood — материнство, maternity leave — декретный отпуск. «In her month and a half of turbulent motherhood, Bebe did not once seek help from a psychologist or a doctor» [12. P. 250]. «It was

a good workplace, allowing her to take six weeks of maternity leave after Lexie's birth, then Trip's, then Moody's» [12. P. 15].

В романе концепт «mother» репрезентируется посредством следующих стилистических средств: эпитет, сравнение, метафора, аллюзия, лексический повтор, анафора, эпифора, ирония, каламбур, парцелляция. «Mrs. Richardson had, her entire existence, lived **an orderly and regimented life**. She weighed herself once per week, and although her weight did not fluctuate more than the three pounds her doctor assured her was normal, she took pains to maintain herself. **Each morning** she measured exactly one half cup of Cheerios, the serving size indicated on the box, using the flowered plastic measuring cup she'd gotten from Higbee's as a new bride. **Each evening**, at dinner, she allowed herself one glass of wine— red, which the news said was most beneficial for your heart—a **faint scratch in the wineglass** marking the right level to pour». «She had, in short, done everything right and she had built a good life, the kind of life she **wanted**, the kind of life everyone **wanted**». Текст романа изобилует параллельными синтаксическими конструкциями, создающими чёткий, ритмический рисунок, как жизнь представителей современной американской лингвокультуры. Ядерной метафорой романа является образ искры, огня, пожара, описывающий при помощи механизма скрытого сравнения эмоции, чувства героев. Лексема «**fire**» является ключевым словом произведения: она появляется на первых страницах романа, упоминается на этапе кульминации, передаёт саспенс. На этапе развязки огонь уничтожает атрибуты современной американской жизни. Жизнь американского лингвокультурного сообщества характеризуется склонностью к диалоговой коммуникации, психологическим размышлениям и дискуссиям. Текст аллюзивен, он изобилует риторическими вопросами. Склонность представителей американской культуры к иронии также результируется в многочисленных каламбурах (положительное юморозъявление) и саркастических высказываниях (негативизация действительности). Стилистические средства в речах протагонистов являются объективной, универсальной характеристикой лингвокультуры. Однако на данном этапе анализа отмечается слияние активного и пассивного слоёв концепта. Стилистические средства формируют единый образный конгломерат, состоящий из отдельно взятых образов, пассивных (периферийных) характеристик концепта.

В результате анализа произведения «Little fires everywhere» были выявлены следующие дополнительные, скрытые образы концепта «mother»:

1. **Мать — одиночка.** Героине романа приходится вести непростые диалоги с собственной дочерью, отвечать на вопросы о роли отца, о желанности ребёнка при рождении. В Америке матери-одиночки очень уязвимы, они могут испытывать проблемы с социальным контролем или другими органами власти. Героиня постоянно находится в напряжении, в страхе, что ее любимого ребенка отнимут, потому что она не может дать ему очень хороших условий жизни.

“Was I wanted?” “Wanted where?” “Here. I mean, did you want me. When I was a baby.” Mia said nothing for such a long time that Pearl wasn’t sure if she’d heard. But after a long pause, Mia turned around, paintbrush in hand, and to Pearl’s amazement, her mother’s eyes were wet. Could her mother be crying? ...But there it was: an unfamiliar shimmer over her mother’s eyes, as if she were looking into rippled water. “Were you wanted?” Mia said. “Oh, yes. You were wanted. Very, very much.” Образ женщины-добытчика, материально обеспечивающей семью, является вторичным компонентом образа «мать-одиночка». “She wondered what else her mother had done to survive—so that they both could survive—those early years”. Ещё одним компонентом образа является «мать-труженик» (имеется в виду физический труд). В определённых жизненных ситуациях (при ремонте дома и автомобиля) современная американская женщина возлагает на себя мужские обязанности. “Here,” said Mia, depositing a steel toolbox at Pearl’s feet. “You’ll want these.” She gave Moody a smile, as if he were an old friend. “Call me if you need another set of hands.” “Then she stepped back into the hallway, and in a moment, they heard the snick of a box being slit open. Mia wielded the tools with expert hands, levering the side panels into place against the headboard, propping them up on one ankle while she bolted them into place”.

2. **Мать — филантроп.** Наследственное участие в благотворительных фондах является яркой характеристикой современной американской лингвокультуры. Всесторонняя помощь нуждающимся не только дает героине огласку по новостям и радио, но и позволяет вычестить из подоходной декларации сумму, потраченную на благотворительность в конце года. Кроме того, американская лингвокультура строится на христианстве, нужно поделиться с ближним, помочь.

“She wanted to feel that she was doing good with it. Her parents had brought her up to do good; they had donated every year to the Humane Society and UNICEF and always attended local fund-raisers, once winning a three-foottall stuffed bear at the Rotary Club’s silent auction. Mrs. Richardson looked at the house as a form of charity”. Помощь и взаимовыручка также характерны для граждан женского пола в американском обществе. Стремление построить карьеру, конкуренция с мужчинами, попытки пробить «стеклянный потолок» — превращают женщин-американок в бойцов, сплоченных в одну команду, сражающуюся за свободу и права. “You keep everything so clean,” she said at last, running a finger along the mantelpiece. “I should hire you to come to our house.” “You could come just for a few hours a day and do a little light housekeeping. I’d pay you for your time, of course. And then you’d have all the rest of your life to take pictures.”

3. **Мать — наставник.** Традиционная американская мечта включает компонент «многодетность», «забота о детях». Одна из целей главной героини — удачно выйти замуж, вырастить детей и жить счастливо всю оставшуюся жизнь. Дети обязательно должны иметь хорошее образование и отличные отношения с родителями. “Lots of kids,” she had said to Mr. Richardson when they’d gotten married, “at least three or four. She would push Moody in his stroller, with Lexie and Trip tagging along behind her, each clutching a handful of her skirt like baby elephants trailing their mother.”

4. **Мать — карьеристка.** Главная героиня романа получила блестящее образование в области журналистики. Её карьера предстояла быть многообещающей, но, будучи матерью четверых детей, героиня не заступила на высокий пост, однако смогла стать деятельным и маститым специалистом. Сочетание карьерных устремлений и семейственность являются важными ценностями американской лингвокультуры. Образ главной героини — манифестация данного культурного паттерна. Именно профессиональные навыки помогли главной героине разгадать центральную мистерию романа. «Now here was this Mia, a completely different kind of woman leading a completely different life, who seemed to make her own rules with no apologies. A part of her wanted to study Mia like an anthropologist, like journalist, to understand why— and how—she did what she did. Another part of her—though she was only vaguely aware

of it at the moment—was uneasy, wanted to keep an eye on Mia, as you might keep your eye on a dangerous beast» [12. P. 300].

Заключение

Концепт «mother» — «мать» в романе родственен таким концептам, как: «parent» — «родитель», «family» — «семья», «home» — «дом». Понятийная и этимологическая составляющие концепта «mother» свидетельствуют о наличии следующих сем в глубинной структуре значения: near and

dear, related to everyone, original. В романе концепт «mother» репрезентируется посредством следующих стилистических средств: эпитет, сравнение, метафора, аллюзия, лексический повтор, анафора, эпифора, ирония, каламбур, парцелляция, риторический вопрос. Ядерным стилистическим средством романа является лексический повтор «fire», актуализирующийся в произведении в качестве метафоры или символа. Ведущими пассивными образами романа являются: «мать-одиночка», «мать-филантроп», «мать-наставник», «мать-карьеристка».

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. 6-е изд. М.: Флинта, 2018. 416 с.
2. Бабушкин А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: Ритм, 2018. 229 с.
3. Вежицкая А. Культура, язык, сознание. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
4. Залевская А. А. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.
5. Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. СПб.: Гнозис, 1989. 608 с.
6. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Язык и этнос: Российская лингвокультурология. М., 2012. С. 19—35.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. СПб.: Астрель, 2001. 208 с.
8. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сборник науч. трудов Моск. гос. лингв. ун-та. М., 1996. С. 30—34.
9. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 323 с.
10. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 824 с.
11. Dillon D. J Introduction to Contemporary Linguistic Semantics (Foundations of Modern Linguistics). Prentice Hall, 1977. 182 p.
12. Ng S. Little Fires everywhere. New York: Penguin Books, 2017. 318 p.
13. Evans V. Cognitive Linguistics Enterprise. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2002. 992 с.
14. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>
15. Cambridge Online Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

References

1. Alefirenko NF. Sovremennye problemy nauki o yazyke = Contemporary problems of linguistics. Moscow: Flinta; 2018. 416 p. (In Russ.).
2. Babushkin AP. Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya = Cognitive linguistics and semasiology. Voronezh: Ritm; 2018. Pp. 143-145. (In Russ.).
3. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Knowledge. Moscow: Russkie slovarei; 1996. 412 p. (In Russ.).
4. Zalevskaya AA. Slovo. Tekst. Izbrannye Trudy = Word. Text. The Selected Works. Moscow: Gnozis; 2005. 542 p. (In Russ.).
5. Lihachev DS. Zametki i nablyudeniya = Notes and observations. St' Petersburg: Gnozis; 1989. 608 p. (In Russ.).
6. Lyapin SH. Conceptology: to the origin of the approach. In: Yazyk i etnos: Rossijskaya lingvokul'turologiya = Language and ethnos: Russian linguoculturology. Moscow; 2012. Pp. 19—35. (In Russ.).
7. Maslova VA. Lingvokul'turologiya = Cultural linguistics. St. Petersburg: Astrel; 2001. 208 p. (In Russ.).
8. Neroznak VP. Linguistic personology: to identify the status of the discipline. In: Sbornik nauchnykh trudov Mosk. gos. lingv. un-ta = Collection of scientific works of the Moscow State Linguistic University. Moscow; 1996. Pp. 30—34. (In Russ.).
9. Slyshkin GG. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty = Linguacultural concepts and metaconcepts. Thesis. Moscow; 2019. 323 p. (In Russ.).

10. Stepanov YuS. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya = Constants. The dictionary of Russian culture. Research experience. Moscow; 1997. 824 p. (In Russ.).
11. Dillon DJ. Introduction to Contemporary Linguistic Semantics (Foundations of Modern Linguistics). Prentice Hall; 1977. 182 p.
12. Ng S. Little Fires everywhere. New York: Penguin Books; 2017. 318 p.
13. Evans V. Cognitive Linguistics Enterprise. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2002. 992 p.
14. Online Etymology Dictionary. Available from: <https://www.etymonline.com/>
15. Cambridge Online Dictionary. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/>

Информация об авторах

К. А. Добрикова — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка.

М. А. Фазлеева — магистрант.

Information about the authors

Ksenia A. Dobrikova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Theory and Practice of the English Language Department.

Maria A. Fazleyeva — M.D. Student.

Статья поступила в редакцию 21.07.2022; одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 07.09.2022.

The article was submitted 21.07.2022; approved after reviewing 18.08.2022; accepted for publication 07.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10908

ЯЗЫК МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ В ДИСКУРСЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ульяна Анатольевна Жаркова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, germancsu@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию математической задачи как типа текста, актуализирующего дискурсивную практику проверки знаний, умений и уровня сформированности математического мышления. Текстовая задача, входящая в комплект заданий международного математического конкурса, рассматривается как особый тип текста глобальной культуры, создаваемого в образовательных дискурсах различных культур на основе выработанного инварианта глобального характера. В результате исследования выявлены ситуативно-нарративная природа текстовой математической задачи, описана ее факультативная культурно-кодовая основа, а также проанализированы глобализация и локализация как основные дискурсивные механизмы формирования текста глобальной культуры. Исследование показало, что для реализации указанных механизмов используются дифференцированная антропонимика и топонимика, слова-реалии, аллюзии к артефактам национальной и мировой литературы.

Ключевые слова: глобализация, локализация, текст глобальной культуры, дискурсивная практика, дискурсивный механизм, образовательный дискурс, ситуативность

Для цитирования: Жаркова У. А. Язык математической задачи в дискурсе глобальной культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 58—68. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10908.

Original article

THE LANGUAGE OF A MATHEMATICAL PROBLEM IN THE DISCOURSE OF GLOBAL CULTURE

Uliana A. Zharkova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, germancsu@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the mathematical problem as a type of text that actualizes the discursive practice of testing knowledge, skills and the level of formation of mathematical thinking. The text problem included in the set of tasks of the international mathematical competition is considered as a special type of global culture text created in educational discourses of different cultures based on the developed global invariant. As a result of the study, the situational-narrative nature of the textual mathematical problem is revealed, its optional cultural-code basis is described, and globalization and localization are analyzed as the main discursive mechanisms for the formation of the text of global culture. The study showed that for the implementation of these mechanisms, differentiated anthroponymy and toponymy, realia words, allusions to artifacts of national and world literature are used.

Keywords: globalization, localization, global culture text, discursive practice, discursive mechanism, educational discourse, situationality

For citation: Zharkova UA. The language of a mathematical problem in the discourse of global culture. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):58-68. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10908.

Введение

Известная фраза французского социолога и антрополога Клода Леви-Стросса о том, что XXI век

должен стать веком социальных наук, и это фактически является условием выживания человечества, наталкивает в том числе на мысль о необходимости распространить некоторые понятия

© Жаркова У. А., 2022

культурологического толка на область негуманитарного знания. Таковыми являются, на наш взгляд, культура и идентичность, репрезентируемые, в частности, в научной картине мира. Культурная идентичность формируется в разнообразных сегментах социума и опирается в том числе на общность системы ценностей, языка, фоновых знаний и, как нам представляется, образовательных нарративов. При этом если прямым путем формирования культурной идентичности могут считаться образовательные тексты из области истории, социологии, культурологии, литературоведения, то в косвенной форме культурно-ситуативный контекст может присутствовать в текстовых форматах учебных дисциплин естественных и точных наук. Так, вода, вытекающая из бассейна по трубам с определенной скоростью, стойко воплощает конкретное представление об абстрактном понятии объема в физической картине мира тех, кто обучался в школе по определенным учебникам, а подсчет яблок в арифметических задачах можно считать дидактической универсалией. В то же время точные науки в соответствии с общепринятыми представлениями тяготеют к использованию некоего универсального языка и больше связаны с когнитивными механизмами, чем с языковой картиной мира. Такого рода размышления приводят нас к постановке вопроса о соотношении универсального и культурно-специфического в математической задаче, понимаемой здесь как тип текста, реализующий особую дискурсивную практику. Гипотезой настоящего исследования будем считать предположение о том, что текстовые математические задачи имеют культурно-кодovou основу, а дискурсивные механизмы культурной глобализации и локализации рассмотрим как предмет научного анализа в данной статье.

Материалы и методы исследования

В качестве материала для данного исследования выбраны комплекты заданий международного математического конкурса-игры для школьников «Кенгуру» за 2012—2022 гг. для трех ступеней (5—6 классы, 7—8 классы, 9—10 классы) в сопоставимом количестве (по 30 комплектов заданий из 30 задач на русском и немецком языках) [1; 5]. Задания конкурса составляются международным коллективом, в который входят представители всех стран, где проводится конкурс. Затем национальные оргкомитеты переводят их на свои языки и адаптируют к местным программам [5]. Кроме того, в качестве одной из целей конкурса постулируется мотивация учащихся к занятиям

математикой, в связи с чем комплекты включают задачи не обучающего, а мотивирующего и проверяющего характера. Текстовые задачи такого рода получили в традиционном дидактическом дискурсе название «занимательных». Нам представляется, что и математическая и нематематическая составляющие занимательных задач имеют культурно-детерминированную природу. Мы также неслучайно говорим о «комплексах заданий», они рассматриваются нами как гипертекст, который характеризуется особой целостностью, структурой и даже модальностью. Выбранный материал представляет собой основу для многомерного сопоставительного исследования в рамках заявленного предмета.

Многомерность подхода к объекту исследования обусловила целесообразность применения дискурсивного анализа, контент-анализа, лингвистического анализа, сопоставительного метода и метода интертекстуального анализа.

Дискурсивные практики глобальной и локальной культур

Формирование глобальной культуры, как и возникновение реакции на нее в виде усиления тенденций к культурной локализации, довольно часто становятся предметом научных исследований. Дискурс «глобального» формируется вокруг экономической, политической и экологической проблематики, что во многом задает тон современным социологическим и политологическим учениям. Дискурсивность здесь понимается в сугубо культурологическом смысле (ср. «диалектический характер дискурса «глобального» и «локального») [11]. Очевидно, что говорить о сформированности собственно лингвистической традиции анализа текстов глобальной и анти-глобальной культур еще не приходится. Так, зачастую языковое видение глобализации сводится к рассмотрению владения теми или иными языками для осуществления межкультурной коммуникации [10; 17]. Вместе с тем тексты глобальной культуры представляют собой интереснейший объект для исследования, и здесь наиболее разработанной, в том числе в прикладном аспекте, можно считать теорию «локализации» в переводоведении и теории межкультурной коммуникации.

Под локализацией принято понимать переводческую адаптацию с целью достижения прагматической эквивалентности перевода данного текста [6; 14]. При этом локализация рассматривается как один из видов адаптивного транскодирования, при котором происходят перевод и адаптация

исходного текста с целью изложить информацию в форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межязыковой коммуникации. Такого рода языковое посредничество ориентировано на конкретную группу потребителей текста-перевода или на заданную форму преобразования информации, содержащейся в оригинале [7]. Локализацию, как правило, связывают с национально-культурной адаптацией переводимого текста и стабильно ассоциируют со сферой IT-технологий [6]. При этом локализация рассматривается как процесс, направленный на преодоление технических, лингвистических и культурологических трудностей при продвижении программного обеспечения или другого товара [16]. В качестве такого рода трудностей признаются безэквивалентная лексика, реалии, системы измерений, традиции оформления переписки, архетипическая нагрузка цветов

и многое другое. Понятая так локализация, безусловно, имеет отношение к пониманию глобальности современной культуры, но занимается она прежде всего процессами адаптации текстов векторного типа — превращением текста-оригинала в текст (локализованного) перевода.

Однако феномен глобальной культуры предполагает существование таких текстов, которые демонстрируют другой тип погружения в глобальную культуру. Это либо отношения глобального инварианта (жанра, дискурсивной практики, модели) и локальных вариантов текстов, каждый из которых не является переводом какого бы то ни было текста, либо глобальный текст создается представителями локальных культур в отвлечении от их различий. Назовем такие тексты текстами глобальной культуры (ТГК). Различия локализации и двух типов ТГК представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Межтекстовые отношения при локализации текстов и при создании глобального текста двух типов

Fig. 1. Intertext relations in the localization of texts and in the creation of a global text of two types

Основная особенность ТГК — отсутствие отношений перевода между его источниками или вариантами. Для ТГК обоих типов важно, что в их создании принимают участие представители разных культур, носители разных языков, каждый из которых привносит в содержание и форму текста свое видение. Такой феномен условно укладывается в модель «объединенное всеобщее» — в ней вырабатывается некий мета-дискурс, которому не свойственен этноцентризм и оппозиция своего и чужого, релевантные для других моделей глобализации [12]. Эта модель представляет собой динамическое равновесие глобальной технологичности и национальной специфичности [4].

Одним из примеров глобального текста второго типа мы считаем чат-коммуникацию в мессенджере с участием представителей разных культур, описанную в работе И. И. Минчук. Диффузия культур, позволяющая говорить о глобальном характере такого текста, репрезентируется нивелированием вопроса о месте проживания и национальности коммуникантов, введением в дискурс элементов глобальной культуры (названий транснациональных брендов и имен медиаперсон), в то время как локализация проявляется во включении в речь на выбранном для чата общем языке общения единиц национального языка, локальных топонимов, названий национальных

торговых марок, указании на атрибуты социального устройства общества, национальной истории и культуры [9].

Глобализация текста первого типа может быть продемонстрирована на примере коммуникативных феноменов, реализующих глобальные дискурсивные технологии в национально-конвенциональном преломлении: международные виртуальные знакомства, интервью и анкетирования в интернациональных корпорациях при найме на работу, клиентоориентированные переговоры по телефону и др. Эти виды коммуникации могут быть рассмотрены как дискурсивные практики, которые выступают основой инвариантного ТКК, задают некоторые универсальные параметры, которые реализуются на определенном языке, однако в отвлечении от национально-культурной специфики. Существующие исследования такого рода практик позволяют утверждать, что ТКК первого типа входит в сферу межкультурной коммуникации и основан на нивелировании локально-культурных особенностей [4].

Понятие глобальной культуры, которая, как и национальные культуры, может порождать свои тексты, небесспорно. Глобальная культура характеризуется эклектичностью, неустойчивостью, гибридностью, она детерминирована технологическими и геополитическими изменениями и безусловно не может быть признана типом культуры, рядоположенным типам национальных культур [13]. Тем не менее, наличие текстов, описанных выше, дает основание полагать, что лингвоглобалистика как теория текстов глобальной культуры имеет широкие перспективы.

Глобализация тяготеет к расширению международных контактов, формированию сетей в таких областях как туризм и миграция, торговля, финансы, информационные потоки, СМИ. Представляется, что сетевой характер взаимодействия разных стран и национальных культур, является не только следствием существования глобальной культуры, но и инструментом ее (возможно, целенаправленного) формирования. Мы рассматриваем международный конкурс по математике как сетевой феномен, идея которого — объединить школьников более 70 стран в одном формате (глобальность), при этом сами задания формируются с учетом той или иной национальной культурной образовательной/дидактической традиции (локальность).

Как отмечалось выше, поскольку мы говорим о *способах* создания текстов глобальной культуры, наиболее продуктивным представляется их

рассмотрение в рамках дискурс-анализа, а именно в терминах дискурсивных практик. По Л. В. Куликовой дискурсивная практика представляет собой социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и неинституционального общения [4]. Среди характеристик дискурсивных практик автор выделяет традиционность и целесообразность (стереотипность), нормированность, интерактивность и функционально-когнитивную направленность. Математическая задача международного конкурса, на наш взгляд, удовлетворяет этим параметрам и может быть рассмотрена как тип текста, актуализирующий дискурсивную практику проверки знаний, умений и уровня сформированности математического мышления. Рассмотрим особенности текстовой репрезентации данной дискурсивной практики в сопоставительном аспекте.

Язык математической задачи в лингвостилистическом аспекте

Языковой основой воплощения описываемой дискурсивной практики является подъязык математики и тип текста «математическая задача». Под типом текста будем понимать относительно устойчивый тип высказываний (текстов), для которого характерны определенные принципы организации содержания, типичная структура и организация языковых средств. Тип текста формируется одинаковой функциональной спецификой и схожей языковой и стилистической актуализацией. Подъязык представляет собой малую лингвостилистическую систему, репрезентирующую математику как область знания посредством набора языковых элементов, заданных тематически однородной областью функционирования языка и корпуса текстов одинаковой предметной области и функционально-стилистической направленности [15].

Важным при рассмотрении этого феномена становится учет отражаемой сферы действительности и единой тематики текстов, а также многоуровневость анализа языковых средств — хоть в основном наибольший интерес представляет собой словарный состав подъязыка, нельзя игнорировать и грамматику, синтаксис, текстовую структуру.

Сопоставление немецко- и русскоязычной части глоссария математических задач позволяет нам сделать ряд выводов. 47 % слов русскоязычного глоссария не имеет в задачах немецкоязычных

комплектов заданий эквивалентов (*диагональ, ломаная, медиана, отразить*), 44 % слов немецкоязычного глоссария не имеет в задачах русскоязычных комплектов заданий эквивалентов [*die Primzahl (простое число), spitzwinklig (остроугольный), kongruent (конгруэнтный)*]. Это означает, что глоссарии совпадают почти на 50 %, при этом отсутствие эквивалентов в задачах не свидетельствует об их отсутствии в языке математики. Возможность совпадения словарного состава обусловлена прежде всего общностью тем, пройденных учащимися на данном этапе обучения математике. Различие, в свою очередь, объясняется отличиями в учебных программах по математике. Уже на этом этапе анализа мы наблюдаем различия, детерминированные именно национально-специфической концепцией поэтапности математического образования, например, в части владения терминологией.

Математическая задача в контексте глобальной и локальной культур

В общем смысле к культурному измерению математики можно подойти с нескольких сторон. С одной стороны, в математико-дидактических и математико-философских трудах последних трех десятилетий фигурирует направление этноматематики, в основе которой лежат наблюдения над различными культурно обусловленными и релятивистски интерпретируемыми культурами формального мышления, например, «западной математикой». С другой стороны, существует теория, рассматривающая математику как культуру — систему ориентации (Orientierungssystem), детерминирующую способ мышления, модели поведения и системы ценностей [2]. В соответствии с этим подходом, если рассматривать процесс межкультурной коммуникации через призму оппозиции «свой-чужой», то основную сложность представляет интеграция повседневной (внематематической, «своей») культуры мышления и собственно математической («чужой»). Метафорическое представление освоения математического образа мышления как культурного обмена приводит педагогов к пониманию необходимости отказа от моделей, как разрывающих, так и отождествляющих повседневное и математическое мышление. Идеальным способом погружения в культуру математического мышления можно считать эксплицитное установление связи между математикой и повседневностью: понимание математического мышления как специфической формы повседневного, предполагающая осознание их

не-идентичности. Такой интегративный подход обуславливает с дидактической точки зрения необходимость «открытости» преподавания математики — ослабления нормированности в выборе решений и их объяснений, допущения субъективности и индивидуализации в мыслительных операциях и т. п., а также, очевидно, использования не только математических абстракций, но и фрагментов социальной реальности, конструируемых в математических учебных текстах. Этот подход предполагает вычленение типа «текстовой задачи» — типа учебного задания, в котором условие записано не в формальной нотации (математической, физической или иной), а сформулировано в виде связного текста на естественном языке [8].

Идея о дифференциации собственно математического измерения задачи и ее внематематического компонента (ср. — «экстралингвистические» факторы в языкознании), а также представление о некотором дискомфорте при погружении в мир математического мышления как чужеродный привела нас к постановке вопроса о том, что выстраивание моста между этими измерениями задачи может осуществляться через ее нарративизацию или ситуативность.

Ситуативность известна как один из главных принципов коммуникативно-ориентированного обучения иностранным языкам, который предполагает не обязательность набора компонентов ситуации (участники, место, время), а прежде всего учет системы взаимоотношений собеседников, релевантность для них обсуждаемых тем и решаемых коммуникативных задач. Применительно к нашему материалу будем понимать под ситуативностью математической задачи наличие в тексте задачи отсылки к внематематической реальной или фиктивной референтной ситуации, представляющей собой демонстративный контекст для математического феномена (величины, действия и др.) [3]. Применение математического способа мышления в референтной ситуации выводит решение задачи из поля сугубо формального образа мысли в конкретно-наглядные представления, погружение в среду, комфортную для реципиента: близкую, знакомую, понятную.

Математическая задача может быть осмыслена лингвистически, как речевой жанр, выстраивающийся по определенному образцу. Обычно текстовые задачи включают нарратив (рассказ) в той или иной форме: в них строится ситуация, отсылающая к некоторому реальному опыту, возникают персонажи и микросюжет. Составитель задачи должен по данному математическому выражению

(формальной модели) построить словесное описание (т. е. нарративную модель) с использованием нематематических понятий (реалий). Ситуация, описываемая в задаче, изложена очень абстрактно, лишена деталей и, как правило, предельно нейтральна. Исключение составляют задачи, в которых литературная составляющая важнее математической, как, например, в произведениях Г. Остера. Составители задач, подбирая реалии, используют наиболее общие компоненты значения, т. е. языковые и культурные стереотипы, ассоциированные с теми или иными понятиями [7]. Отбор реалий, на которых основывается задачная ситуация, подчиняется, очевидно, некоторым закономерностям. Для задач, входящих в национальные учебники, содержание определяется нормами, принятыми в данном обществе и данной образовательной системе и, кроме того, такие задачи «представляют собой очень традиционную область, в которой действует, по существу, фольклорный способ бытования текстов». Так, при составлении каждого нового учебника или задачника задачи не только и не столько сочиняются заново, сколько перепечатываются, переделываются и составляются по образцу. При этом в задачах есть не только общекультурный компонент (имена собственные, реалии), но зачастую и идеологический, что было особенно актуально в советских учебниках.

Рассмотрим реализацию категории ситуативности в задачах международного конкурса в аспекте глобализации и локализации, в отвлечении от того, что выбор ситуации во многом детерминирован математическим или формальным действием, положенным в основу задачи. Правомерность этого отвлечения обусловлена тем, что, в соответствии с нашими наблюдениями, задачи на одно и то же действие в русско- и немецкоязычном материале могут быть представлены как одинаковыми, так и разными ситуациями.

Мы рассматриваем комплекты конкурсных задач на макроуровне как гипертекст и на микроуровне как единичные текстовые задачи с точки зрения присутствия в них культурно-кодовых компонентов.

Конкурсные комплекты представляют собой гипертексты, формируемые в том числе механизмами создания лейтмотивов, внутритекстовых аллюзий и сквозных сюжетов. Так, во всех комплектах присутствует задача, в которой фигурирует кенгуру (или обыгрывается буквенный состав слова кенгуру), задача, связанная с четырехзначным числом, соответствующим году проведения

конкурса, задачи, в которых некие школьники занимаются математикой (что позволяет участнику конкурса идентифицировать себя с персонажем задач). Все это придает конкурсным комплектам гипертекстовый и нарративный характер, актуализирует ситуацию игры в математику или математической истории и, соответственно, реализует стратегию мотивации, вовлечения в процесс решения задач. В определенном смысле формируется глобальная ситуативная идентичность участников олимпиады. Эти компоненты конкурсных комплектов, очевидно, определены общими, коллегально выработанными требованиями к комплектации задач и детерминируют их глобальную природу.

Анализ референтных ситуаций, положенных в основу текстовых задач, показывает, что таковые также часто описываются вне национально-культурной специфики — это ситуации дней рождения, школьная и внеклассная повседневность (соседи по парте, размер доски и пр.), семейные отношения, занятия спортом, продукты питания, ситуации из бытового и макросоциального контекстов (розетка и удлинитель, будильник, виды транспорта, выборы мэра и пр.), а также ситуации из вымышленной жизни насекомых и животных. Практически все описанные ситуации не включают слов-реалий и не описывают специфические паттерны поведения.

Миша, плывающий на лодке, обогнул пять буйков, как показано на рисунке...

В гараже, изображенном на рисунке, машины могут двигаться либо вперед, либо назад...

Нина знает, что расстояние между полками в ее кухне 30 см... Чему равно наибольшее число тарелок, которые Нина может сложить в стопку...

Beim Eisstand im Park stehen die Preise für eine bis 5 Kugeln... (2022, 9—10 кл.)

Auf Nadjas Smartphone ist ein Diagramm zu erkennen, wie lange sie in der vergangenen Woche vier Apps benutzt hat... (2022, 9—10 кл.)

Нам представляется излишним видеть за всеми схожими и различными ситуациями отражение национально-культурной или глобально-культурной специфики. Так, в русскоязычном материале не представлены ситуации в аквапарке или в цирке, в то время как в немецком материале такие ситуации актуальны. С другой стороны, русскоязычные задачи о камешках на пляже или о тарелках и булочках не имеют ситуативных эквивалентов в немецкоязычном материале. Мы не считаем эти лакуны культурно обусловленными.

Однако для примеров об отличниках и двоечниках, клубах «Пухляков» и «Толстяков», присутствующих в русскоязычном материале, можно сделать предположения о разнице в табуировании некоторых тем.

Кроме того, мы наблюдаем различия в частотности употребления слов-реалий в русско- и немецкоязычных комплектах задач. В русскоязычном материале это два слова-реалии «копейка», «ГИБДД», а также ситуативная реалия «раздача конфет на 8 Марта». В немецкоязычных комплектах доля слов-реалий значительно больше: это указание географических объектов в задачах о передвижении и времени (это прежде всего немецкие города Bonn, Mainz, Bingen и др.), транспортных средств — скоростных поездов, контейнеровозов и пр. (Euro City EC 179 | Regio RE 15, ICE), обычаев и праздников, включая традиционные немецкие блюда и связанные с ними традиции (Ostereier, Fasching, Pflaumenknödelessen), реалии общественной жизни (Schnupperwoche in der Volkshochschule, Wahl des Klassensprechers). Также в немецкоязычных комплектах присутствуют отсылки к европейским реалиям и локациям (Europaradweg R1, Belgien, den Haag).

В балансе глобализационных и локализационных механизмов в текстах особую роль играют антропонимика и интертекстуальные включения.

Покажем на примере

Если X даст Y шесть монет, то у них станет поровну монет, а если Y даст X 9 монет, то у X станет монет в k раз больше, чем у Y...

В приведенном примере определить, из какого комплекта — русско- или немецкоязычного — взята данная задача, не представляется возможным — описанная ситуация имеет глобально-культурный характер до тех пор, пока мы не реконструируем полный текст задачи, «вернув» в него имена актантов — Вася и Петя. Именно личные имена в текстовых задачах формируют тот идентифицирующий фон, который позволяет участникам конкурса воспринимать описанные ситуации как культурно определенные. Однако следует отметить, что в комплектах русскоязычных задач стабильно присутствуют задания о детях с именами, не ассоциирующимися с русской культурой: Альба, Саймон, Поль, та же ситуация присутствует и в немецкоязычных задачах: наряду с Johanna, Willi, Mia персонажами задач являются Jegor, Maxim, Dunja, François, Vasile, Mehmet. Появление в комплекте задач с теми или иными именами не определяется какой-бы то ни было логикой, можно лишь утверждать, что в общем

подсчете задач, где персонажи носят некие имена, задачи с именами, выпадающими из стереотипной антропонимической парадигмы русской и западноевропейской культур, составляют соответственно 13 % и 14 %. Эта сопоставимость долей позволяет нам утверждать, что наличие разных национальных имен не являются отражением миграционной ситуации и этнической пестроты мультикультурного общества (свойственной, скорее, современной немецкой культуре), а являются создаваемой авторами заданий моделью такого социума. Есть, впрочем, и пример задачи, где специфика русского имяназвания играет ключевую роль

В семье пятеро мужчин: Иван Сидорович, Сидор Иванович, Сидор Петрович, Петр Сидорович и Петр Петрович. Один из них сейчас смотрит в окно, его отец спит, брат читает книгу, а сыновья ушли гулять. Как зовут того, кто смотрит в окно?

Ситуативная опора на лингвокультурный контекст реализуется также в сказочных и фантастических мотивах, присутствующих в текстах задач. Как правило, в задачах «действуют» насекомые и животные: майский жук, божья коровка, черепахи, зайчишка-хвастунишка, червячок, слоны, носороги, а также кенгуру — животное, давшее название конкурсу в силу того, что впервые он был проведен в Австралии. Здесь же присутствуют сказочные геолокации — вымышленные планеты, легендарная страна Молока и Мёда, Волшебная страна, острова и реки, сказочные персонажи — ведьмы, волшебницы и пр.

Ситуативность в задачах часто носит интертекстуальный характер. В комплектах заданий мы наблюдаем ту же ситуацию, что и с именами персонажей — интертекстуальные включения носят как глобальный, так и национально-специфический характер. Так, в русскоязычных комплектах заданий имеются аллюзии на литературные произведения, фольклор и паремиологический фонд русской лингвокультуры: жители Цветочного города, футбольные команды Шайба и Зубило (аллюзия на «Старик Хоттабыч»), Царь Горох, кот Леопольд, пословица «ложка дегтя в бочке мёда». Но и здесь мы отмечаем наличие отсылок к произведениям не только русской, но и мировой литературы: Винни Пух, Алиса в Зазеркалье, Буратино и папа Карло, Малыш и Карлсон, капитан Сильвер, капитан Флинт. В немецкоязычных комплектах фигурируют отсылки к мотивам немецких народных сказок Tischleindeck-dich, Goldesel und Knüppel-aus-dem-Sack,

Schneewittchen и художественных сказок der kleine Muck, Kapitän Grimmbart из произведения «Идем с нами, Мориц!» Д. Висмюллера. Источником литературных аллюзий без отсылки к немецкой культуре являются произведения Дж. Роулинг (Zauberin, Minerva, Albus, Severus, Phineas, Quirinus und Rubeus), повесть о докторе Джекиле и мистере Хайде, Маугли, Питер Пен.

Из представленных результатов контент-анализа (рис. 2) следует, что основу культурно-маркированных задач в русскоязычных комплектах составляют аллюзии к персонажам и сюжетам мировой литературы, а также национальной литературы и мультипликации, при этом топонимика регионов России, традиции и реалии представлены в минимальном количестве. В немецкоязычных комплектах национально-культурный фон создается в большей степени топонимикой Германии, упоминаниями реалий и традиций немецкой культуры. Культурная традиция в рассматриваемом сегменте

образовательного дискурса играет ключевую роль. Сравним:

Der Zug von Bonn nach Mainz fährt durch Bingen. Insgesamt fährt er etwa 1 Stunde und 25 Minute. Von Bingen nach Mainz braucht er etwa 15 Minuten. Wie lange etwa braucht er von Bonn bis Bingen?

Дорога из города А в город С проходит через город В. На этой дороге с разных сторон от нее стоят два столба с указателями (см. рисунок). Что написано на сломанном указателе?

Русская традиция математической задачи предполагает обозначение топонимических точек буквами. Для комплектов международного конкурса оказалось допустимым использовать вымышленные топонимы (Эники, Беники, Вареники или Арне, Берне, Верне), однако включение в текст задачи наименований реальных населенных пунктов не приемлемо. Очевидно, что немецкая традиция иначе использует пространственное мышление в топонимическом смысле.

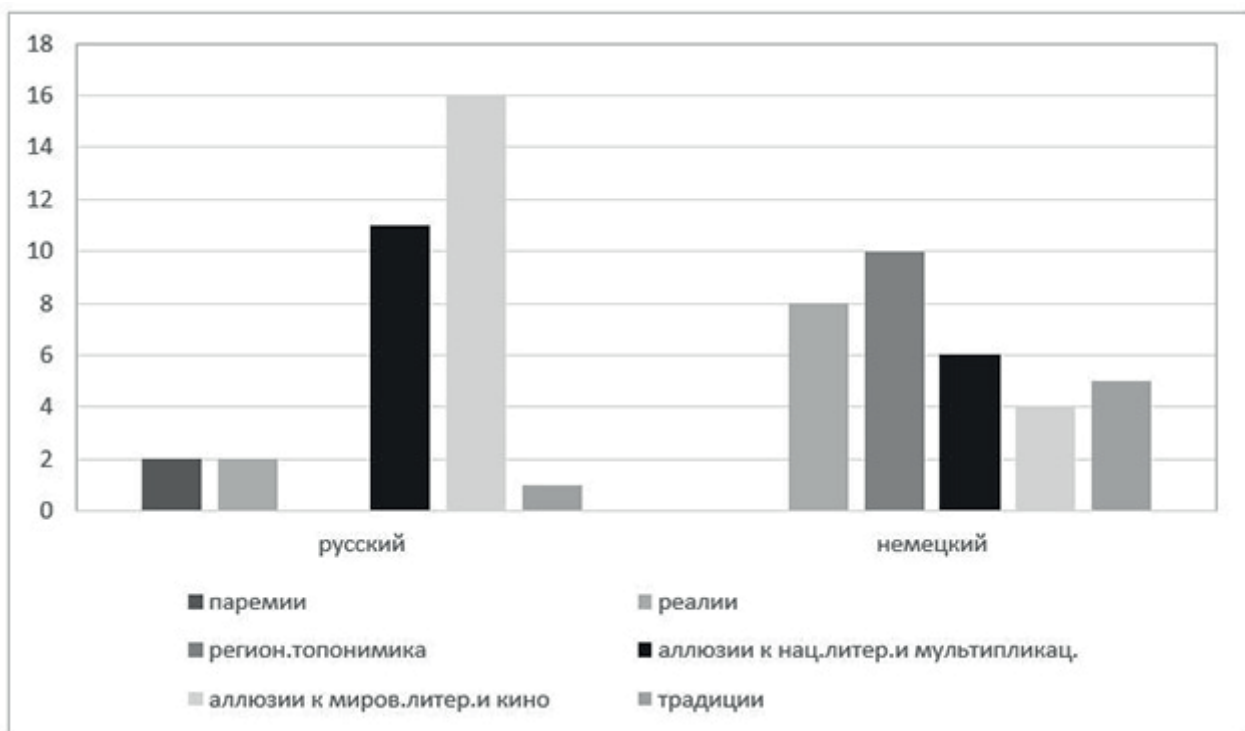

Рис. 2. Культурно-маркированные элементы, включенные в тексты задач (в абсолютных значениях)
Fig. 2. Culturally marked elements included in the texts of tasks (in absolute values)

Интертекстуальность поддерживается также историческими аллюзиями: на народ майя, египетских фараонов, Марию Кюри, однако эти вкрапления имеют точечный характер (5 задач).

Еще одно наблюдение над комплектами задач на русском и немецком языках касается использования личного дейксиса. Отметим, что для немецкоязычных комплектов характерны эксплицитная персо-

нифицированность аукториального автора заданий, выраженная использованием местоимений 1 лица.

Als wir heute ins Klassenzimmer kamen, stand in großen Buchstaben mit bunter Kreide an der Tafel KANGURUWETTBEWERB...

Als ich die alte Taschenuhr meines Großvaters neben die Landkarte auf den Tisch legte, zeigte der Minutenzeiger exakt nach Süden...

В русскоязычном материале нарративность реализуется прежде всего в сквозных сюжетах. Так, примером применения принципа глобализации является сквозной сюжет о рыцарях и лжецах, представленный в 73 % комплектов задач на русском языке: слово «рыцарь» не реализует свое значение слова-реалии именно в силу соположения с лжецами как категориально несопоставимым с рыцарями классом актантов ситуации. В немецком варианте в схожих задачах об истинных и ложных высказываниях речь идет об острове, на котором живут люди-А (говорящие правду) и люди-В (лжецы), о людях Да и Нуда, однако о воспроизведении одного сюжета речь не идет. Также сквозным сюжетом в русскоязычных комплектах является история о Жан-Кристофе, который продолжает изучать русский язык. Таким образом, можно отметить, что комплектам задач в текстовой форме свойственна ситуативность, которая в ряде случаев имеет нарративный характер, реализующийся в немецкоязычном материале наличием аукториального автора, в русскоязычном — посредством сквозных сюжетов.

Что касается универсалий, которые, очевидно, вытекают из требований / рекомендаций международного комитета, разрабатывающего инвариантный ТГК, стоит упомянуть юмористические включения, а также элементы лингвокреативности, например, неологизмы, аллитерации. Так, в немецкоязычной задаче можно встретить заинтересованную в математике лягушку (ein mathematisch interessierter Frosch), беговых улиток (Rennschnecken), остров Malsomalso (Тотак-тотак), персонажей Мона и Лиза. И в русско- и в немецкоязычных задачах активно используется

аллитерация: жук Жак, тройняшки Джим, Джон, Джек, Käfer Klaus, Heuschrecke Herbert und Grille Gerlinde.

Выводы

Итак, нами был рассмотрен пример текста глобальной культуры — комплекта задач международного математического конкурса «Кенгуру», представляющего собой разработанный интернациональным жюри инвариант, реализованный в разных национально-специфических вариантах. Тексты задач реализуют дискурсивную практику проверки знаний и умений в области математики, а также сформированности математического (формального) мышления, при этом формат международного конкурса задает необходимость использования дискурсивных механизмов глобализации и локализации. Характерной чертой текста глобальной культуры является сбалансированность глобальных, универсальных компонентов (общекультурные паттерны поведения в типичных ситуациях социокультурного взаимодействия в отвлечении от национальной специфики таковых, антропонимы с культурно-дифференцированными коннотациями, аллюзии к фактам мировой литературы и истории) и локализованных (антропонимы с коннотацией этнокультурной принадлежности, аллюзии к феноменам национальной культуры, литературы, истории). В рассмотренном типе текста глобальной культуры реализуются коды глобальной и локальных культур. На наш взгляд, указанные механизмы формируют картину глобального мира, в который на равных включена культура той страны, чей вариант ТГК реализует инвариантную модель.

Список источников

1. Känguru der Mathematik. URL: <https://www.mathe-kaenguru.de/chronik/aufgaben/index.html> (дата обращения 18.07.2022).
2. Prediger S. Mathematiklernen als interkulturelles Lernen — Entwurf für einen didaktischen Einsatz. *Journal für Mathematikdidaktik* 22 (2001) 2. S. 123—144.
3. Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория ситуативности в нарративной модели художественно-правового дискурса // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 5. С. 69—98.
4. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: моногр. / под науч. ред Л. В. Куликовой. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 182 с.
5. Кенгуру: математика для всех. Институт продуктивного обучения. Российский оргкомитет международного конкурса Кенгуру. URL: <https://ipokengu.ru/konkurs-kenguru/format.html> (дата обращения 17.07.2022).
6. Колосов С. А., Матвеев И. А. Перевод или локализация: разграничение понятий // *Вестник ТвГУ. Серия: Филология*. 2016. № 4. С. 169—174.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
8. Нестерова Н. М., Курушин Д. Д. Лингвистическая глобализация, и/или интернационализация речевых практик // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*.

Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-globalizatsiya-i-ili-internatsionalizatsiya-rechevyh-praktik> (дата обращения: 19.07.2022).

9. Маслинский К. А. Школьная математика: формулы советского дискурса // Неприкосновенный запас. 2008. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/shkolnaya-matematika-formuly-sovetskogo-diskursa.html> (дата обращения 18.07.2022).

10. Минчук И. И. Бытовой дискурс в мессенджере: глобальный и локальный аспект // Национальные культуры в межкультурной коммуникации: сб. науч. статей по материалам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12-13 апреля 2018 года; отв. ред. С. Ю. Лебедев. Минск: Колорград, 2018. С. 135—143.

11. Оводова С. Н. Влияние дискурса «глобального» и «локального» на методологические сдвиги в теории и философии культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-diskursa-globalnogo-i-lokalnogo-na-metodologicheskie-sdvigi-v-teorii-i-filosofii-kultury> (дата обращения 19.07.2022).

12. Оводова С. Н. Дискурсы идентичностей в глобальном мире // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2019. № 2 (12). С. 29—32.

13. Tlnoy-adaptatsii-tekstov-programmnogo-obespecheniya (дата обращения: 25.07.2022).

14. Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: сб. науч. трудов / Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. М., 2018. 202 с. (Сер.: Теория и история языкознания).

References

1. Känguru der Mathematik. Available from: <https://www.mathe-kaenguru.de/chronik/aufgaben/index.html> (accessed 18.07.2022). (In German).

2. Prediger S. Mathematiklernen als interkulturelles Lernen — Entwurf für einen didaktischen Einsatz. *Journal für Mathematikdidaktik*. 2001;22(2):123-144. (In German).

3. Dzyuba EV, Ryabova IYu. The category of situation in the narrative model of art and low discourse. *Nauchnyi dialog = Science Dialog*. 2022;11(5):69-98. (In Russ.).

4. Kulikova LV (ed.). Diskursivnyye praktiki sovremennoy institutsional'noy kommunikatsii = Discursive practices of modern institutional communication. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-ty, 2015. 182 p. (In Russ.).

5. Kenguru: math for everyone. Institut for productive learning. Russian organizing committee of the International Kangaroo competition. Available from: <https://ipokengu.ru/konkurs-kenguru/format.html> (accessed 17.07.2022). (In Russ.).

6. Kolosov SA, Matveev IA. Translation or localization: differentiation. *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya = Bulletin of Tver state university. Seria: Philology*. 2016;(4):169-174. (In Russ.).

7. Komissarov VN. Teoriya perevoda = Translation theory. Moscow: Vysshaya shkola; 1990. 253 p. (In Russ.).

8. Nesterova NM, Kurushin DD. Linguistic globalization and/or internationalization of speech practices. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2021;(6(848)). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-globalizatsiya-i-ili-internatsionalizatsiya-rechevyh-praktik> (accessed: 19.07.2022). (In Russ.).

9. Maslinskii KA. School mathematics: formulas of the Soviet discourse. *Neprikosnovennyi zapas = Emergency ration*. 2008;(2). Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/shkolnaya-matematika-formuly-sovetskogo-diskursa.html> (accessed 18.07.2022). (In Russ.).

10. Minchuk II. Everyday discourse in messenger: global and local aspect. In: Natsional'nye kul'tury v mezhkul'turnoi kommunikatsii = National cultures in intercultural communication. Minsk: Kolorgrad; 2018. Pp. 135—143. (In Russ.).

11. Ovodova SN. The influence of “Global” and “Local” on methodological shifts in the theory of philosophy of culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politology*. 2020;(57). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-diskursa-globalnogo-i-lokalnogo-na-metodologicheskie-sdvigi-v-teorii-i-filosofii-kultury> (accessed 19.07.2022). (In Russ.).

12. Ovodova SN. Discourses of identities in global world. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of Tyumen state culture university*. 2019;(2(12):29-32. (In Russ.).

13. Tanatova D, Yudina T. The global culture: discursive and social practices. *Slavica*. 2020;(49):120-129. (In Russ.).
14. Tishina DA. The concept of localization in the domestic and foreign linguistic and its difference from translation. Aktual'nye tendentsii i innovatsii v razvitii rossiiskoi nauki = Current trends and innovations in the development of Russian science. Moscow: Pero, 2021. Pp. 94—97. (In Russ.).
15. Dictionary of translation. Available from: <http://perevodovedcheskiy.academic.ru/> (accessed 19.07.2022). (In Russ.).
16. Shurlina OV. Difficulties of “Localization” as linguocultural adaptation of text software. *Vestnik VGU. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = *Bulletin of Voronezh state university. Serie Linguistic and intercultural communication*. 2014;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-lokalizatsii-kak-lingvokulturnoy-adaptatsii-tekstov-programmnogo-obespecheniya> (accessed: 25.07.2022). (In Russ.).
17. The language in global context: current language situation as the consequence of the process of globalization: Collection of science articles / the Russian academy of sciences. INION. Center of Humanities researche, Department of linguistics.; Edited by.: Potapov V. V., Kazak E. A. M., 2018. 202 s. (Ser.: Theory and history of linguistics). (In Russ.).

Информация об авторе

У. А. Жаркова — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой романо-германских языков и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и перевода.

Information about the author

Uliana A. Zharkova — Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Roman and German Languages of the Faculty of Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 07.08.2022; принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 07.08.2022; accepted for publication 10.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.111

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10909

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА ЭКСПЛИКАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМАХ

Светлана Алексеевна Заботина

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия, zsa.rabotal@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены случаи использования приема экспликации при аудиовизуальном переводе научно-популярных документальных фильмов исторической тематики. Обозначается корреляция между выбором способа перевода и задачей, которая стоит перед переводчиком. Отмечаются трудности, с которыми сталкивается переводчик при транслировании устаревшей лексики в научно-популярном документальном фильме.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, устаревшая лексика, историзм, архаизм, креолизованный текст, переводческая экспликация, научно-популярный документальный фильм, популяризация

Для цитирования: Заботина С. А. Использование приема экспликации при переводе устаревшей лексики в научно-популярных документальных фильмах // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 69—73. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10909.

Original article

USING THE EXPLICATION TECHNIQUE WHILE TRANSLATING OBSOLETE WORDS IN NON-FICTION DOCUMENTARIES

Svetlana A. Zabotina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zsa.rabotal@gmail.com

Abstract. In the article we examine the cases of using the explication technique in the audiovisual translation of popular science documentaries on historical subjects. Also we outline the correlation between the choice of the method of translation and the task facing the translator. The difficulties encountered by the translator in translating the obsolete words in popular science documentaries are noted.

Keywords: audio-visual translation, obsolete words, historicism, archaism, creolized text, explication technique, popular science documentary, popularization

For citation: Zabotina SA. Using the explication technique while translating obsolete words in non-fiction documentaries. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):69-73. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10909.

Введение

Испокон веков самым ценным изобретением человечества является язык. Он служит средством выражения мыслей, чувств, эмоций. Именно благодаря языку из поколения в поколение передаются обычаи и традиции народов, происходит накопление знаний об окружающем нас мире, об истории человечества в целом. Народы слагали мифы о божествах и легенды о своих правителях и великих полководцах, передавали их своим детям

при помощи устного языка, различных письменных источников.

Сегодня накопление и передача информации в основном происходит посредством глобальной сети Интернет. Все больше информации, которая хранится в книгах, справочниках, энциклопедиях, преобразовывается в новый формат и предоставляется аудитории в виде научно-популярных документальных фильмов, сериалов и интерактивных игр. Все это сделано для того, чтобы приобщить людей к культуре тех, кто жил сотни

и тысячи лет назад, рассказать об их быте, о событиях, которые меняли их судьбы. С течением времени изменилось многое, в том числе и язык. Многие исследователи высказывают мысль о том, что язык является живым организмом, так как вместе с развитием человечества происходит развитие языка: появляются новые слова, они активно входят в обиход людей, другие слова устаревают и постепенно переходят в разряд пассивной лексики или вовсе исчезают из словарного запаса современного человека.

Ввиду того, что в настоящий момент появляется все больше кино- и видеоматериалов исторической тематики, благодаря всеобъемлющему процессу глобализации во всех сферах жизни, появился спрос на перевод научно-популярных документальных фильмов. Наше исследование сосредоточено на особенностях транслирования устаревшей лексики в таких фильмах, а именно: как переводчикам удастся передать историзмы и архаизмы при помощи приема экспликации. Эмпирическим материалом исследования послужили научно-популярные фильмы исторической тематики с участием историка Люси Уорсли на английском языке и их переводные версии (дубляж и закадровый перевод) на русском языке. Объектом исследования являются устаревшие лексические единицы, а именно архаизмы и историзмы. Предметом исследования выступает прием экспликации при переводе устаревшей лексики как способ популяризации информации в креолизованном тексте научно-популярного документального фильма.

Использование приема экспликации при переводе устаревшей лексики в научно-популярных документальных фильмах исторической тематики

Слово может «устареть» ввиду многих факторов, среди которых замена слова неологизмом, исчезновение реалии или под воздействием словообразовательной трансформации оно может приобрести совершенно другую форму. В ходе эволюции наблюдается тенденция к упрощению языка. Появляются сленговые слова, профессионализмы и пр. В ходе преобразования живого языка число новых слов всегда превышает число тех, которые «выпадают» из него. Так слова переходят в разряд устаревшей лексики. Этот процесс неизбежен, так как происходит развитие общества, меняется сознание людей, то есть происходит трансформация культуры в целом.

Н. М. Шанский различает два вида устаревшей лексики «с точки зрения тех причин, в силу кото-

рых они превратились в устаревшие» — историзмы и архаизмы [6]. Историзмы — это «слова пассивного словарного запаса, служащие единственным выражением соответствующих понятий» [6]. То есть они называют реалию, которая перестала быть частью современного мира, например, слова *граф*, *кафтан*, *дворянин*. Архаизмом может быть как звуковое выражение слова, так и его смысловое значение. Таким образом, Н. М. Шанский выделяет лексические архаизмы (напр., *рыбарь* — *рыбак*) и семантические архаизмы (напр., *истукан*) [6]. На основе этих примеров можно сделать вывод о том, что архаизмы отличаются от историзмов тем, что первые имеют в языке современные синонимы, а значение или форма слова, которые использовались в прошлом, становятся по разным причинам неактуальны в настоящем.

Такого рода лексику, как правило, можно встретить на страницах школьных учебников, учебных пособий, энциклопедий, словарей, справочников, а также в других исторических письменных источниках. Однако с развитием теле- и киноиндустрии появляется все больше художественных и нехудожественных исторических фильмов, сериалов, видеороликов, при помощи которых мы можем глубже погрузиться в эпоху королей и королев, императоров, великих войн и открытий. Видеоматериалы, сопровождаемые закадровым голосом диктора или голосами актеров, позволяют проникнуться атмосферой того или иного времени, изучить то, что было нормой для людей прошлого, но что давно ушло из жизни современного человека.

Современные исследователи, авторы книг, режиссеры, кинокомпании (например, the Walt Disney Studios), компании-дистрибьюторы (например, Sony Pictures) стараются стать частью глобального рынка, поэтому появляется все больше переводных версий книг, учебников, словарей, видео, фильмов и других источников, из которых можно подчерпнуть знания о реалиях прошлого. Для переводчиков встречающиеся в таких материалах устаревшие лексические единицы могут вызвать различной степени трудности при переводе. На основе нашего исследования было выявлено, что чаще всего (53 %) в языке перевода уже существует эквивалент той или иной устаревшей лексической единицы. Однако существует множество других переводческих приемов, среди которых генерализация, контекстуальный перевод, лексическое добавление, экспликация, историческая стилизация, конкретизация, лексическое опущение, функциональный аналог, калькирование,

каноническое соответствие, практическая транскрипция. Классификация приемов взята на основе труда С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», где подробно описаны приемы перевода различных реалий (историзмы называют предметы материального и нематериального мира прошлого), также дополнительно мы рассмотрели классификацию приемов исторической стилизации Е. Н. Машалкиной, которая сформулировала способы транслирования архаизмов в тексте перевода [4].

Среди этих приемов особенный интерес вызывает прием экспликации как способ «просвещения» зрителя через призму перевода. Без особых комментариев или демонстрируемого на экране предмета, а может быть, и без субтитров, среднестатистическому реципиенту будет достаточно тяжело понять, о чем идет речь в фильме исторической тематики. Если, например, диктор упомянет в своем рассказе слово *камзол* без дополнительных пояснений или картинки, зрителю (если он до этого никогда не встречал этого слова или встречал, но не знает, что это такое) будет достаточно сложно представить этот предмет. Это происходит потому, что слово *камзол* (мужская одежда длинной до колен; бытовала в ряде европейских стран XVII—XVIII вв. [5]) устарело и неактуально в сознании современного человека. Поэтому в нашем исследовании мы определяем научно-популярный документальный фильм как вид креолизованного текста. Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов определяют креолизованные тексты как «тексты, фактура которых состоит из двух гомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [1]. То есть документальный фильм — это гармоничный синтез видеоряда, декораций, звуковых и шумовых эффектов, визуальных спецэффектов, действий и мимики актеров с текстовым наполнением в виде речи диктора и актеров, письменных источников (напр., фото письма или вывеска магазина). Все это обязательно учитывается при аудиовизуальном переводе видеоматериалов, фильмов и сериалов.

Аудиовизуальный перевод — это комплексный подход к переводу, при котором учитывается множество факторов. С точки зрения реальной переводческой практики в своих исследованиях А. В. Козуляев отмечает разные виды аудиовизуального перевода по сложности и целостности процесса семантического синтеза (перевод для закадрового озвучивания, перевод для двухмерного субтитрования, перевод для дублирования

сериальных детских художественных и нехудожественных анимационных произведений и игр, перевод под полный дубляж-липсинк, перевод для трехмерного субтитрования) [2]. Аудиовизуальный перевод накладывает на переводчика ряд ограничений, среди которых, например, совпадение числа слогов в сегменте, так как переводной текст должен быть «уложен» в губы говорящего на экране или субтитры, которые тоже строго сегментируются по размеру. А также стоит помнить о техническом задании, которое выдается переводчику. Решение, которое мы видим в финальной версии, может быть вовсе не переводческим решением, а решением заказчика или редактора. Эти и другие факторы обязательно должны быть учтены при исследовании переводных версий любых материалов.

Ввиду особенностей аудиовизуального перевода, который требует от переводчика деликатного подхода, интерес представляет транслирование устаревшей лексики при помощи приема экспликации. Экспликация или описательный перевод — это «лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица на иностранном языке заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т. е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на переводном языке» [3. С. 184]. То есть так или иначе при использовании приема экспликации переводчик «просвещает» реципиента о значении той или иной лексической единицы. На основе этого можно сделать вывод о том, что прием описательного перевода является своего рода способом популяризации информации, так как та или иная лексическая единица передается максимально простым языком, понятным среднестатистическому реципиенту.

В исследованном нами эмпирическом материале (11 документальных фильмов с участием Люси Уорсли общей продолжительностью 10 часов 50 минут) было отобрано 99 устаревших лексических единиц, среди которых 6 единиц были транслированы на русский язык при помощи приема экспликации. Рассмотрим некоторые из них.

Реалия *the Toy Navy* передана в фильме как «флотилия получила название потешный». Помимо этого варианта, в русском языке есть устоявшийся эквивалент «потешный флот». В данном случае переводчик решил использовать комплексную лексико-грамматическую трансформацию, будто бы объясняя реципиенту, что это не просто флотилия, у нее было особое название, соответствующее ее назначению. Использование слова

флотилия вместо *флот* используется в эстетических соображениях, что подчеркивает уникальность этой реалии.

Термин *militia* в третьем фильме о жизни Романовых, где раскрываются факты предреволюционного периода истории Российской империи, передан как *вооруженные добровольные отряды*. Вероятно, это было сделано для того, чтобы разграничить милицию, которая существовала в период революционных волнений и представляла собой отряды добровольцев, не обязанных военной службой и поддерживающих местный порядок, и милицию, которая означала систему государственных правоохранительных органов в СССР и затем в Российской Федерации до 2011 года. При помощи приема экспликации переводчик разделяет в сознании зрителя два понятия и просвещает его об этой разнице.

Предмет старины *louis d'or, golden louis* в переводной версии звучит как *луидор, золотая монета*. То есть переводчик не стал передавать *golden louis* как *золотой луидор*, так как тогда бы у зрителя не сложилось образа этого предмета. Однако слово *монета* наверняка знакомо среднестатистическому реципиенту, поэтому возникает логическая связь между названием монеты и ее характеристикой — золотая. В данном случае прием экспликации с уверенностью можно назвать способом популяризации, что очень важно в научно-популярном документальном фильме, перед которым стоит основная задача предоставить какую-либо информацию по возможности в максимально упрощенном виде.

Что касается термина *laudanum*, который в русском языке имеет эквивалент *лауданум* или *настойка опия*, в переводной версии он звучит как *настойка опиума на спирту*. *Лауданум* — латинское наименование наркотического вещества, который был популярен в викторианскую эпоху как сильнодействующее успокоительное лекарственное средство. Используя знакомые реципиенту слова, такие как *настойка* и *спирт*, переводчик тем самым упрощает восприятие информации о предмете и несколько расширяет его кругозор, уточняя, что это не простой опиум.

Заключение

Таким образом, на основе вышеописанных примеров, взятых из научно-популярных документальных фильмов исторической тематики, мы можем сформулировать вывод о том, что переводчик не слепо транслирует текст с одного языка на другой, а применяет более комплексный подход к анализу контекста и ставит себя на место реципиента, предугадывая те моменты, которые могут быть ему непонятны. Это крайне важно при работе с аудиовизуальным переводом, в ходе которого, как мы отмечали ранее, следует учитывать множество факторов. При помощи приема экспликации переводчик добивается эффекта просвещения зрителя, учитывая принципы популяризации научной информации путем объяснения доступным для реципиента языком ранее неизвестных исторических реалий.

Список источников

1. Вашунина И. В. Обобщение экспериментального исследования восприятия креолизированных текстов // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obobschenie-eksperimentalnogo-issledovaniya-vospriyatiya-kreolizovannyh-tekstov> (дата обращения: 17.07.2022).
2. Козуляев А. В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках Школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-dinamicheski-ekvivalentnomu-perevodu-audiovizualnyh-proizvedeniy-opyt-razrabotki-i-osvoeniya-innovatsionnyh-metodik-v> (дата обращения: 17.07.2022).
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
4. Мешалкина Е. Н. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе (на материале англоязычной художественной литературы XVIII—XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 206 с.
5. Большой Энциклопедический словарь. URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/25695/> (дата обращения: 15.07.2022).
6. Шанский Н. М. Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка // ГРАМОТА.РУ URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/riash/28_755 (дата обращения: 15.07.2022).

References

1. Vashunina IV. Generalization of Creolized Texts Perception Experimental Research. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Tambov State University*. 2008;(6). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obobschenie-eksperimentalnogo-2008.issledovaniya-vospriyatiya-kreolizovannyh-tekstov> (accessed 17.07.2022). (In Russ.).
2. Kozulyaev AV. Teaching the Dynamically Equivalent Translation of Audiovisual Discourses: Innovative Approaches of the School of Audiovisual Translation. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* = *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Pedagogy*. 2015;(3(13)). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-dinamicheski-ekvivalentnomu-perevodu-audiovizualnyh-proizvedeniy-opyt-razrabotki-i-osvoeniya-innovatsionnyh-metodov> (accessed 17.07.2022). (In Russ.).
3. Komissarov VN. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* = *Theory of Translation (Linguistic Aspects)*. Moscow: Vysshaya Shkola; 1990. 253 p. (In Russ.).
4. Meshalkina EN. *Strategii istoricheskoy stilizatsii v khudozhestvennom perevode (na materiale angloyazychnoy khudozhestvennoy literatury XVIII—XX vv.)* = *Strategies of Historical Stylization in Literary Translation (Based on the Material of English-Language Fiction of the XVIII—XX Centuries)*. Thesis. Moscow; 2008. 206 p. (In Russ.).
5. Bol'shoy Entsiklopedicheskiy slovar' = *Big Encyclopedia Dictionary*. Available from: <https://www.vedu.ru/bigencdic/25695/> (accessed 15.07.2022). (In Russ.).
6. Shanskiy NM. *Ustarevshiy slova v leksike sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* = *Obsolete Words in the Vocabulary of the Modern Russian Literary Language*. Available from: http://gramota.ru/biblio/magazines/riash/28_755 (accessed 15.07.2022). (In Russ.).

Информация об авторе

С. А. Заботина — преподаватель кафедры теории и практики перевода.

Information about the author

Svetlana A. Zabotina — Lecturer of the Department of Theory and Practice of Translation.

Статья поступила в редакцию 18.07.2022; одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 18.07.2022; approved after reviewing 28.08.2022; accepted for publication 08.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.512.145+22

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10910

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ИЗ БИБЛЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ В СОВРЕМЕННОМ НАГАЙБАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Евгений Евгеньевич Иванов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, ivanov-msu@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-6451-8111

Аннотация. Статья посвящена изучению пословиц и поговорок, восходящих к Библии, в языке нагайбаков — этнорелигиозной группы татар православного вероисповедания, одного из «старокрещёных» (в XVI—XVII вв.) коренных народов России. В результате анализа современного нагайбакского пословично-поговорочного фонда выделено четыре группы устойчивых выражений-библейзмов: универсальные (распространены в языках различных языковых семей и языковых групп), интернациональные (встречаются в различных языках, но не имеют такого широкого распространения, как универсальные), заимствованные из русского языка (имеющие точные соответствия или близкие по форме прототипы в русском переводе Священного Писания), содержащие компонент «Бог» (как имеющие библейский прототип, так и возникшие на основе обобщения содержания библейских текстов).

Ключевые слова: коренные народы России, татары, этнорелигиозная группа, нагайбакский народ, нагайбакский язык, пословица, поговорка, Библия, библейзм

Благодарности. Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования: Иванов Е. Е. Пословицы и поговорки из библейских источников в современном нагайбакском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 74—83. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10910.

Original article

PROVERBS AND SAYINGS FROM BIBLICAL SOURCES IN THE MODERN NAGAYBAK LANGUAGE

Evgeny E. Ivanov

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, ivanov-msu@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-6451-8111

Abstract. This article describes the study of proverbs and sayings that go back to the Bible, in the language of the Nagaybak people — ethno-religious group of Tatars of the Orthodox faith, one of the «old-baptized» (in the XVI—XVII centuries) indigenous peoples of Russia. As a result of the analysis of the modern Nagaybak proverb and sayings stock, four groups of set biblical phrases: universal (common in the languages of different language families and language groups), international (found in different languages, but not so widespread as universal), borrowed from the Russian language (with exact correspondence or close in form prototypes in the Russian translation of the Holy Scripture), containing the component «God» (both having a biblical prototype, and originated on the basis of the synthesis of the contents of biblical texts).

Keywords: autochthonous peoples in Russia, Tatars, ethno-religious group, the Nagaybak people, Nagaybak language, proverb, saying, Bible, bible quote

Acknowledgments. The publication was made within the framework of the RUDN Science Projects Grant Support System, project D.2-F/S2022.

For citation: Ivanov EE. Proverbs and sayings from Biblical sources in the modern Nagaybak language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):74-83. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10910.

Введение

Религиозная картина мира отражена в языке каждого народа, а понятие веры в Бога занимает одно из центральных мест в системе ценностных координат любого этноса. Религиозные концепты наиболее репрезентативно представлены в таких самых архаичных и поэтому традиционных текстовых формах, как паремии, что регулярно подтверждается на материале различных языков и культур [12; 26].

Библейские тексты являются не только хранилищем древнейших пословиц, но и весьма продуктивным текстовым источником пополнения паремиологических фондов как европейских народов, так и других народов мира. Весьма показательным в связи с этим является тот факт, что в числе 106 европейских пословиц, функционирующих в 55 языках, по данным венгерского паремиолога Д. Пацолаи, насчитывается не менее двадцати прямых цитат из Священного Писания — в его словаре «European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese» (1997) это пословицы № 2, 6, 9, 15, 20, 21, 26, 35, 44, 47, 50, 54, 57, 60, 65, 71, 73, 91, 103, 104 [28]. Примечательно, что многие из этих библейских пословиц, давно ставших универсальными в европейском паремиологическом пространстве, зафиксированы и в языках коренных народов России, причём как её европейской части, так и азиатской, что даёт все основания для выделения собственно библейского компонента в структуре евроазиатского паремиологического континуума, исторически сформировавшегося на территории российского государства.

В языках коренных народов России функционирует сравнительно небольшое, однако весьма значимое в плане своего лингвоаксиологического потенциала количество устойчивых выражений, восходящих к текстовым источникам Священного Писания. Такие устойчивые выражения попали в различные языки разными путями: в одни — в результате христианизации (как, например, в карельский язык); в другие — в результате культурного трансфера (как, например, в нагайбакский язык); в третьи — только под влиянием русского языка — как культурно не обусловленные заимствования, не предполагающие и не вызывающие ассоциативных связей со своим текстовым первоисточником (как, например, в тувинский язык). Однако и в том, и в другом, и в третьем случае такие единицы воспринимаются современными носителями языка как органическая часть языковой системы, что предполагает выделение пословиц

библейского происхождения в языках коренных народов России в особый объект лингвистического и лингвокультурологического описания.

На сегодняшний день библейское наследие в языках и лингвокультурах коренных народов России изучено крайне мало (единичные работы посвящены, как правило, рассмотрению трансформации библейских сюжетов в фольклорных текстах [7; 21; 23; 24]). В частности, языковое и культурное наследие Библии во фразеологии и паремиологии коренных народов России почти не исследовано и требует отдельного широкого и разноаспектного изучения. Особенно актуальной проблемой представляется выявление и лексикографическая фиксация таких пословиц и поговорок в языках коренных народов современной России, которые прямо или косвенно восходят к библейским текстам.

Наибольший интерес в плане представляют собой языки так называемых «старокрещёных» (в XVI—XVII вв.) коренных народов России. Яркой лингвокультурной особенностью таких языков является сложное комбинирование в их лексико-семантической и фразеопаремиологической подсистемах единиц и значений, этнически маркированных (имеющих исконное происхождение и отражающих традиционную этнокультуру, включая следы языческих верований) и религиозно маркированных (являющихся результатом культурного трансфера — принятия православной веры и связанных с ней элементов инородных — в данном случае русских — обычаев и традиций).

Нагайбаки, их история, язык, пословицы и переводы Библии

Одним из крещёных в XVI—XVII вв. коренных народов России являются нагайбаки — этно-религиозная группа татар православного вероисповедания, проживающих в настоящее время по большей части в Нагайбакском и Чебаркульском районах Челябинской области, и согласно законодательству Российской Федерации имеющая официальный статус коренного малочисленного народа. Этноним «нагайбаки» (нагайб. *нагайбәкләр*) стал применяться к ним только со второй половины XIX в., хотя формирование самого субэтноса началось двумя столетиями ранее. Основными этническими предками нагайбаков были крещёные казанские татары, которые в конце XVII — начале XVIII в. переселились в Восточное Закамье, а также (судя по особенностям нагайбакского языка), возможно, потомки ногайцев, финно-угорских народов Приуралья и др.

В 1736 г. на реке Ик была построена Нагайбацкая крепость, и согласно указу российской императрицы Анны Иоановны так называемые «уфимские новокрещёные» были приписаны к Оренбургскому казачьему войску, в составе которого охраняли приграничную территорию Российской империи и участвовали в военных кампаниях, в том числе в Отечественной войне 1812 г. и в Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. Впоследствии в 1842 г. по указу российского императора Николая I казаки-нагайбаки были переселены из Белебеевского уезда Оренбургской губернии на восток, в Верхнеуральский уезд, где были основаны казачьи поселения-крепости Новой пограничной линии, получившие названия по местам сражений российской армии, в которых участвовало Оренбургское казачье войско: Кассель, Остроленский, Фершампенуаз, Париж, Требия, Арси (в настоящее время село Фершампенуаз является административным центром Нагайбакского района Челябинской области) [1; 2; 14; 17; 18].

Язык нагайбаков принято считать одним из говоров среднего (казанского) диалекта татарского языка. Наиболее близким ему считаются кряшенские говоры татарского языка, на которых говорят «кряшены» (тат. *керәшеннар* от рус. *крещён*) — этноконфессиональная группа в составе татар (православные татары, компактно проживающие на территории волжского и уральского регионов России). Однако нагайбакский казачий субэтнос имел, как известно, полиэтническую основу. Предками значительной части казаков были ногайцы (принявшие православную веру, минуя мусульманство), поэтому на формирование нагайбакского языка, как и на кряшенские говоры, оказали сильное влияние языки кыпчакско-ногайского языкового кластера в составе кыпчакской группы тюркских языков [22. С. 140]. Кроме этого, в язык нагайбаков, которые долгое время жили отдельно от кряшен и татар, попало много заимствований из языков народов-соседей — чувашского, башкирского и др. [6. С. 39]. Это, а также ряд регулярных фонетических отличий [8. С. 23–24] и лексических особенностей, например, специфические термины родства [19. С. 88], наличие межъязыковой полисемии с татарским языком, «лексем, которым нет эквивалентов в татарском» [8. С. 24–25] и др., дало основания некоторым лингвистам для квалификации языка нагайбаков как отдельного идиома.

Возрождение и лингвистическое обособление нагайбакского языка дало мощный толчок не только его востребованности как этническо-

го языка в речи современных потомков казаков-нагайбаков (о чём доказательно свидетельствует позиционирование нагайбакского языка в социальной сети «ВКонтакте»), но и языковому строительству усилиями прежде всего энтузиастов-любителей, к которым быстро подключились специалисты-языковеды из числа активистов «нагайбакского движения». Так, за последние два десятилетия был создано несколько вариантов собственного алфавита ранее бесписьменного нагайбакского языка, с использованием которых подготовлены славяно-русско-нагайбакский ведический словарь (2012) [15], русско-нагайбакский словарь (2015) [3], нагайбакско-русский и русско-нагайбакский словари (2017) [16], толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа (2019) [4], начали публиковаться записи оригинального нагайбакского фольклора (2020) [5], создаваться учебно-методические материалы для преподавания нагайбакского языка в школах и др.

Издание пословиц и поговорок не случайно стало приоритетом в деле возрождения нагайбакского народа и его языка, поскольку, по словам профессора С. Г. Шулежковой, «именно язык в лаконичных паремиях, пословицах и поговорках, как и в легендах, сказках, преданиях при отсутствии письменности и передавал из поколения в поколение представление нагайбаков о добре и зле, о верности и долге, о любви к родной земле, о семейных ценностях» [25. С. 6]. В весьма представительном и добротном составленном толковом словаре пословиц и поговорок нагайбакского народа «Әйтем тиктән әйтелмей = Пословица недаром молвится» (2019) [4] собрано и истолковано, в том числе с помощью буквальных переводов на русский язык, а также русскоязычных пословично-поговорочных эквивалентов и соответствий, по самым скромным подсчётам, свыше 2200 паремий. Все они дифференцированы авторами словаря на 43 предметно-тематических группы, в которых отражена «картина мира нагайбакского этноса и её аксиологические составляющие» [25. С. 8]. И хотя в словаре отсутствуют такие традиционные для паремиологических тезаурусов тематические рубрики, как «Бог», «Вера», «Религия», во многих пословицах и поговорках репрезентирован и маркирован различными языковыми средствами как духовный код православной культуры нагайбаков, так и его сакральная основа — Священное Писание.

Нагайбаки не имеют перевода Библии на свой язык, поскольку он, как уже говорилось, только недавно приобрёл свою собственную систему

письма. Однако со второй половины XIX в. нагайбаки имели возможность пользоваться переводом Священного Писания на «литературный крымско-татарский язык», для которого алфавит и нормы написания (окончательно оформились в составленном в 1874 г. «Букваре для крещённых татар») создал на основе кириллицы известный российский востоковед, член-корреспондент Академии наук, профессор Казанской духовной академии Н. И. Ильминский (1822—1892). Таким образом, нагайбакам было доступно два перевода Библии — полный русский (синодальный перевод) и отдельные книги на татарском языке (перевод Н. И. Ильминского и В.Т. Тимофеева). Роль каждого перевода Священного Писания в воздействии на формирование и развитие нагайбакского языка, в том числе его фразеологической и паремиологической подсистем, ещё предстоит выяснить.

Библеизмы в нагайбакском пословично-поговорочном фонде

В паремиологическом корпусе нагайбакского языка можно выделить группу библеизмов — пословиц и поговорок, которые прямо либо косвенно восходят к различным библейским текстам. Данная группа паремий представляет собой вполне самостоятельный объект лингвокультурологического и лексикографического описания и может быть, в свою очередь, дифференцирована на несколько подгрупп на основании ряда генетических, структурных, семантических, функциональных критериев.

Наиболее наглядно языковое и культурное наследие Библии представлено в пословицах и поговорках нагайбакского народа универсальными паремиями, которые широко распространены в языках различных языковых семей и языковых групп и могут быть квалифицированы как отдельная категория — **универсальные библеизмы**. Такие единицы составляют немногочисленную, но значимую подгруппу устойчивых библейских выражений нагайбакского языка.

Типичной единицей такого рода является нагайбакская пословица *Эшләмэгән ашамый* — «Кто не работает, тот не ест» [4. С. 64], возникшая на основе евангельского афоризма *Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь*, в котором отражена обычная для раннехристианского общества формула трудовой повинности: «Ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания

нам. Ибо когда мы были у вас, то завещевали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес 3:8-10). Данное устойчивое изречение широко употребляется в более чем 50 европейских языках [28. Р. 256—258], в которых имеет множество вариантов, напр.: англ. *If any would not work, neither should he eat; He who does not work, neither shall he eat; He that will not work, shall not eat*; бел. *Хто не працуе (не робіць), той не есць*; болг. *Kойто не работи, не трябва да яде*; исп. *El que no trabaja, no come*; ит. *Chi non lavora, non mangia*; македон. *Koj не работи, нека не јаде*; нем. *Wer nicht arbeitet, [der] soll auch nicht essen*; польск. *Kto nie pracuje, ten nie je*; серб. *Ko не ради, тај не једе; Ко неће да ради, тај нека не једе*; словац. *Kto nepracuje (nechce pracovať), nech nejе*; словен. *Kdor ne dela, naj не је*; укр. *Хто не працює, той не їсть*; фр. *Celui qui ne veut pas travailler ne doit pas manger; Il faut travailler qui veut manger; Qui ne travaille pas, ne mange pas*; хорват. *Tko не ради, neka [i] не једе; Tko не ради, не треба ни да једе*; чеш. *Kdo nepracuje (nechce pracovat), аť нејі*; швед. *Den som inte arbetar skall inte heller äta* [11. Т. 1. С. 62—64]. Активность пословицы в нагайбакском языке также подтверждают её многочисленные варианты, напр.: *Эшләмэгәннең ашы жуқ* — «Кто не работает, у того нет пищи» [4. С. 142]; *Эшә жуқның ашы жуқ* — «У кого работы нет, у того еды нет» [4. С. 64]; *Эшләгән теишләгән, эшләмэгән кеишнэгән* — «Кто работает — кусает (ест), кто не работает — ржёт (не ест)» [4. С. 32]; *Игә белгән иген ашар, эшләмэгән ней ашар?* — «Кто умеет жать, будет есть, кто не умеет работать, что будет есть?» [4. С. 28] и т. п.

Универсальной является и пословица *Ней щәщәсәң, шуны урырсың* — «Что посеешь, то и пожнёшь» [4. С. 139], которая восходит к изречению из Нового Завета: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет. Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал 6:7-8). Пословицу связывают и с изречением царя Соломона, сына царя Давида, третьего еврейского царя, легендарного правителя объединённого царства Израиля и Иудеи (956—928 до Р. Х.), наделённого народной молвой огромным богатством и невиданной мудростью, ср.: «Сеющий неправду пожнет беду, и трости гнева его не станет» (Притчи 22:8). Пословица имеет аналогии в 52-х европейских языках [28. Р. 38—43], а во многих из них входит в активный состав пословичных библеизмов [11. Т. 2. С. 30—34].

К подгруппе универсальных библеизмов относится также нагайбакская пословица *Жил щәщәсәң,*

буран (дауыл) урырсың — «Кто посеет ветер, пожнёт бурю» [4. С. 85], восходящая к Ветхому Завету: «Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю: хлеба на корню не будет у него, зерно не даст муки, а если и даст, то чужие проглотят ее» (Ос 8:7). Пословица функционирует более чем в 30-ти европейских языках [11. Т. 1. С. 62—63], [28. Р. 459—460].

Ещё одной универсальной единицей является нагайбакская пословица *Кешегэ цоқыр қазыма, үзең төшәрсең* — «Кто другому яму копает, тот сам в неё попадает» [4. С. 87], которая возникла на базе древнего выражения *копать (рыть) яму другому*, на что указывают многочисленные его вариации в Ветхом завете: «Кто роет яму, тот упадет в нее» (Притчи 26:27); «Совращающий праведных на путь зла сам упадет в свою яму, а непорочные наследуют добро» (Притчи 28:10); «Вот, нечестивый зачал неправду, был чреват злобою — и родил себе ложь; рыл ров, и выкопал его — и упал в яму, которую приготовил» (Пс 7:15-16); «Обрушились народы в яму, которую выкопали; в сети, которую скрыли они, запуталась нога их» (Пс 9:16); «Приготовили сеть ногам моим; душа моя поникла; выкопали предо мною яму, и сами упали в нее» (Пс 56:7); «Кто копает яму, тот упадет в нее; и кто разрушает ограду, того ужалит змей» (Еккл 10:8). Сходные выражения, как известно, встречаются ещё и у античных авторов (Эзопа, Овидия и др.), а также в арабском, персидском и древних восточных языках — китайском, санскрите и др. [28. Р. 77—82], однако несомненную популярность почти в 50-ти европейских и азиатских языках это изречение, ставшее пословицей [28. Р. 77—81], приобрело благодаря именно своим библейским источникам [11. Т. 2. С. 223—224].

К универсальным библейским паремиям очень близки **интернациональные библеизмы**, которые также встречаются в различных языках и также характеризуются многообразием своих национально-языковых вариантов, однако не имеют такой широкой представленности в языках разных языковых семей и типов, как универсальные единицы. Интернациональные библеизмы образуют вторую по своей функциональной значимости подгруппу библейских паремий нагайбакского языка.

Типичным примером интернационального устойчивого выражения из библейского источника является нагайбакская поговорка *Барысы да үз багыты белән* — «Всему своё время» [4. С. 145], которая восходит к изречению *Всему свое время* из ветхозаветной Книги Екклесиаста, написанной легендарным библейским царём Соломоном в по-

следние годы его царствования: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» (Еккл 3:1-8). Аналоги этой библейской пословицы встречаются в ряде европейских (славянских, романских, германских) языков, во многих из которых входят в активный состав устойчивых единиц [11. Т. 1. С. 75—77]. В нагайбакском языке эта паремия также достаточно функционально активна, поскольку имеет формальный вариант *Бары да үз багыты белән* — «Всему своё время» [4. С. 127].

Интернациональным библеизмом является и нагайбакская поговорка *әңгем үрә тора* — «волосы становятся дыбом» [4. С. 156], имеющая прототип в Ветхом Завете: «И дух прошел надо мною: дыбом встали волосы на мне» (Иов 4:15). Данный оборот, как и его распространённый в русском языке вариант *волосы зашевелились на голове*, описывает безусловный рефлекс, связанный с реакцией животных на угрозу, опасность: они принимают угрожающий вид, шерсть при этом распушается, встаёт дыбом (иглы, перья и т. д. встают вертикально), животное как бы увеличивается в размерах и тем самым пугает нападающего. Несмотря, однако, на свою образную мотивировку и прозрачную внутреннюю форму, это выражение получило широкое распространение в почти 20 европейских языках (преимущественно славянских, романских, германских) благодаря своему употреблению именно в Священном Писании [11. Т. 1. С. 71—72].

Показательно, что интернациональные библеизмы могут иметь параллели в языках тех народов, которые не исповедуют христианство. Так, в составе нагайбакской пословицы *Қолақ — қодай күштенәңге, тел — қарғыш (қарғау)* — «Уши — благодать Божья, язык — проклятие» [4. С. 120] используется распространённая во многих европейских языках и давно ставшая интернационализмом точная библейская цитата *Благодать Божия*: «Господь дает Благодать и Славу; ходящих в непорочности Он не лишает благ» (Пс 83, 12); Младенец же возростал и укреплялся Духом,

исполняясь Премудрости и Благодать Божия была на Нем» (Лк 2:40); Наблюдайте, чтобы кто не лишился Благодати Божией (Евр 12:15). Однако в татарском языке употребляется тождественный по форме и смыслу оборот тат. *Алланың рэхмәте* — «Божья благодать; при выражении радости, когда неожиданно находят человека или вещь, которую долго искали» [20. С. 167].

В качестве следующей, третьей подгруппы паремиологических единиц, восходящих к Библии, в нагайбакском языке можно выделить **библейзмы, заимствованные из русского языка**, имеющие точные соответствия или близкие по форме прототипы в русском (синодальном) переводе Священного Писания.

Показательным примером устойчивых библеизмов такого рода является нагайбакская пословица *Қодай бирде, Қодай алды* — «Бог дал, Бог взял» [4. С. 21], которая является прямой цитатой из Ветхого Завета: «...наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1:21). Как и в русском языке, эта пословица широко употребляется в нагайбакском, о чём свидетельствуют её многочисленные формальные варианты, структурно-семантические вариации и дериваты, напр.: *Ней бирдем, шуны алдым* — «Что дал, то и взял» [4. С. 21]; *Қодай бирғанне ала бемейбез* — «Что даёт Бог, не умеем брать» [4. С. 21]; *Кеше алып, Қодай бирер* — «Люди отнимут — Бог даст» [4. С. 20]; *Қодай бирғанне ал; үзеңкекен үзең сақла* — «Что Бог даст — бери, а своё сам береги» [4. С. 20]; *Қодай қушқанца* — «как Бог дал» [4. С. 151] и др.

Не менее ярким образцом заимствования может служить пословица *Қылыц белән килгән — қылыцтан үләр* — «Кто с мечом придёт, от меча и погибнет» [4. С. 92], восходящая к близкому по форме евангельскому афоризму *Взявшие меч, мечом погибнут*: «И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф 26:51-52). Весьма близкое по форме и тождественное по содержанию изречение содержится и в другой книге Нового Завета: «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом» (Откр 13:10). Аналогичный по смыслу, но имеющий иную лексико-грамматическую структуру афоризм встречается и в Ветхом Завете: «кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо

человек создан по образу Божию» (Бытие 9:6). Пословица *Кто с мечом придёт, от меча и погибнет* представляет собой, как известно, неточную цитату из кинофильма «Александр Невский» (1938) по сценарию его режиссёра С. М. Эйзенштейна (1898—1948) и советского писателя и сценариста П. А. Павленко (1899—1951). В устах русского князя Александра Невского в фильме эти слова звучат так: «*Кто с мечом к нам войдёт, от меча и погибнет. На том стояла и стоит русская земля*». Цитата из кинофильма часто употребляется как якобы подлинная фраза князя Новгородского, великого князя Киевского, великого князя Владимирского Александра Невского (1221–1263), хотя в сохранившихся жизнеописаниях князя её нет [11. Т. 1. С. 250]. Нагайбакская пословица, таким образом, является по своему происхождению переводом крылатого изречения из русскоязычного кинофильма, однако сохраняет структурные и семантические связи со своими библейскими первоисточниками, как и её пословичный прототип, возникший на основе крылатой киноцитаты, в русском языке.

Последнюю, четвёртую подгруппу нагайбакских паремий, составляют **библейзмы с компонентом Қодай ('Бог')**. Нужно заметить, что в пословичных фондах разных народов, исповедующих различные религии, паремии с таким компонентом всегда занимали особое место как репрезентанты одной из наиболее важных аксиологических констант духовного мира традиционного социума [9; 10; 13; 27]. В нагайбакских паремиях компонент *Қодай* ('Бог') может как иметь соответствующий библейский прототип (как правило, в составе устойчивого оборота), так и не соотноситься прямо и непосредственно с текстом Священного Писания (преимущественно при употреблении в качестве одиночной лексемы в составе пословиц и поговорок).

Так, нагайбакская поговорка *Қодай жүл күрсәтә* — «Бог пути кажет» [4. С. 151] не имеет прямого формального прототипа в Библии, хотя и весьма близка одному из фрагментов Ветхого Завета, ср.: «Они будут Моим народом, а Я буду им Богом. И дам им одно сердце и один путь» (Иер 32:38-39). Поговорка по своему смыслу (указание жизненного пути человеку) соотносится с фрагментом из Псалтиря (Пс 36:23), ср. В его разных переводах: «Господь направляет шаги праведных. Его радуется все, что происходит в их жизни» (синодальный перевод); «Господом стопы человека направляются, и Он весьма благоволит к пути его» (перевод профессора П. А. Юнгера); «Господь

направляет стопы человека и благоволит к пути праведника» (перевод Е. Н. Бируковой и И. И. Бирукова). Вместе с тем в Ветхом Завете есть весьма близкий по форме фрагмент, имеющий, однако, совершенно иной смысл (прямое ситуативное указание), ср.: «Господь сказал: возьми в руку твою телицу из стада и скажи: «я пришел для жертвоприношения Господу»; и пригласи Иессея [и сыновей его] к жертве; Я укажу тебе, что делать тебе, и ты помажешь Мне того, о котором Я скажу тебе» (1 Царств 16:2-3). Тем не менее и этот фрагмент мог послужить формальной основой для образования паремии.

Другая нагайбакская поговорка *Қодайдан қурық: үлем бусағада* — «Бойся Бога: смерть у порога» [4. С. 131] содержит оборот *Қодайдан қурық* — «Бойся Бога», который соотносится с многочисленными тождественными по форме и по смыслу фрагментами в различных библейских книгах, ср.: «Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» (Бытие 22:12); «Итак храни заповеди Господа, Бога твоего, ходя путями Его и боясь Его» (Втор 8:6); «Боящиеся Господа! восхвалите Его» (Пс 21:24); «Идущий прямым путем боится Господа; но чьи пути кривы, тот небрежет о Нем» (Притчи 14:2); «Хотя грешник сто раз делает зло и коснеет в нем, но я знаю, что благо будет боящимся Бога, которые благоговеют пред лицом Его» (Еккл 8:12) и др. Вместе с тем в Ветхом Завете встречаются и противоположные по смыслу, но тождественные по форме фрагменты, ср.: «...как он встретил тебя на пути, и побил сзади тебя всех ослабевших, когда ты устал и утомился, и не побоялся он Бога» (Втор 25:18); «...услышит Бог, и смирит их от века Живущий, потому что нет в них перемены; они не боятся Бога» (Пс 54:20). Однако и они лишь ещё более подчёркивают общую для всех библейских текстов идею смирения человека перед Господом,

особенно в момент ожидания смерти и грядущего Страшного Суда, что отразилось в нагайбакской паремии и полностью соответствует по смыслу одному из фрагментов текста Нового Завета, ср.: «...но скажу вам, кого бояться: бойтесь Того, Кто, по убиении, может свергнуть в геенну: ей, говорю вам, Того бойтесь» (Лк 12:5).

Заключение

Генетический анализ пословично-поговорочного фонда нагайбакского языка на основе структурно-семантического моделирования паремий позволил выделить группу единиц, которые прямо либо косвенно восходят к различным библейским текстам (паремий-библейзмов). Корпус паремий-библейзмов в современном нагайбакском языке является весьма гетерогенным по своему составу и состоит из четырёх основных подгрупп: (1) универсальные библейзмы; (2) интернациональные библейзмы; (3) библейзмы, заимствованные из русского языка; (4) библейзмы с компонентом *Қодай* ('Бог'). Единицы, представленные в каждой подгруппе, целесообразно рассматривать как типы пословично-поговорочных библейзмов, которые можно использовать для выявления и описания наследия Библии в паремиологических фондах других языков.

Представленная выше типология библейских выражений на материале пословично-поговорочного фонда нагайбакского языка не является окончательной и может быть уточнена и расширена при обращении к другим языкам и этнолингвокультурам коренных народов России. Установленные подгруппы (типы) устойчивых выражений-библейзмов послужат в перспективе основанием для дифференциации и выбора наиболее адекватных способов и приёмов фразеографического и паремиографического описания языкового и культурного наследия Библии в полилингвальном универсальном словаре «*Библейские выражения и афоризмы в языках коренных народов России*».

Список источников

1. Атнагулов И. Р. Идентичность нагайбаков: генезис, структура, динамика. 2-изд., изм. и доп. Магнитогорск: Дом печати, 2015. 380 с.
2. Атнагулов И. Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX — начала XX века. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2007. 244 с.
3. Барышникова О. И. Русско-нагайбакский словарь = Нагайбакша-урысша сузлек. Магнитогорск: Изд-во МГТУ имени Г. И. Носова, 2015. 173, 112 с.
4. Барышникова О. И., Осипова А. А., Шулежкова С. Г. Әйтем тиктән әйтелмей = Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа. Магнитогорск: Дом печати, 2019. 157 с.

5. Барышникова О. И., Шулежкова С. Г. «О тебе душа страдает...»: нагайбакские частушки с переводом на русский язык. Магнитогорск: Дом печати, 2020. 154 с.
6. Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 247 с.
7. Белова О. В. «Библейские» легенды в фольклоре славянских и финно-угорских народов // Славянский альманах 2006. М.: Индрик, 2007. С. 229—241.
8. Валеев Г. К. Размышления над «Нагайбакско-русским и русско-нагайбакским словарем» О. И. Барышниковой // Барышникова О. И. Русско-нагайбакский словарь = Нагайбакша-урысша сузлек. Магнитогорск: Изд-во МГТУ имени Г. И. Носова, 2015. С. 20—27.
9. Гишкаева Л. Н., Ломакина О. В., Макарова А. С. Отражение веры в бога как ценностной константы в пословичном фонде (на примере христианской и мусульманской лингвокультур) // Cuadernos de Rusistica Espanola. 2021. № 17. С. 135—147.
10. Комова Д. Д., Коровина С. Г., Ломакина О. В. Номинации и характеристика Бога в пословицах: лингвоаксиологический аспект (на материале русского, русинского, китайского и португальского языков) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 4. С. 100—110. URL: www.tverlingua.ru
11. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. Т. 1. 334 с. Т. 2. 308 с.
12. Ломакина О. В. Понятие веры в системе ценностных координат народа (на паремиологическом материале русского, турецкого, русинского и алтайского языков) // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. М.: РУДН, 2020. С. 81—86.
13. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Концептуальная дихотомия «Бог» — «Дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 55—62. DOI: 10.17223/15617793/447/7.
14. Минеев П. М. Нагайбакский этнос от восхода до заката. Челябинск: Цицеро, 2013. 342 с.
15. Минеев П. М. Славяно-русско-нагайбакский ведический словарь. Челябинск: Цицеро, 2012. 119 с.
16. Минеев П. М., Минеева В. А. Русско-нагайбакский словарь. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский тематический словарь. 2-е изд., испр. и доп. Челябинск: Цицеро, 2017. 271 с.
17. Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казakov) / отв. ред. Д. М. Исхаков. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1995. 147 с.
18. Нагайбаки / Д. М. Исхаков, Ю. Г. Мухаметшин, С. В. Суслова, Р. К. Уразманова, Н. А. Халиков // Большая Российская Энциклопедия. М.: БРЭ, 2022. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2800874>
19. Рамазанова Д. Б. Некоторые наблюдения над системой терминов родства и свойства нагайбаков // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казakov) / отв. ред. Д. М. Исхаков. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1995. С. 88—93.
20. Саттарова М. Р., Нурмухаметова Р. С., Елезарова Ю. Н. Татарские фразеологизмы с религиозной семантикой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75). Ч. 1. С. 166—168.
21. Смирнова О. Н., Чувьуров А. А. Христианские легенды в традиционной культуре коми // Живая старина. 2002. № 3. С. 14—16.
22. Татарская нация: история и современное развитие / сост и науч. ред. Д. М. Исхаков. Казань: Магариф, 2004. 233 с.
23. Шарапов В. Э. Символы Рая в фольклоре коми-старообрядцев // Арт (Лад). 2004. № 4. С. 145—148.
24. Шарапов В. Э. Христианские сюжеты в фольклоре коми старообрядцев Средней Печоры // Христианизация Коми края и её роль в развитии государства и культуры: в 2 т. / отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар, 1996. Т. 2. С. 310—320.
25. Шулежкова С. Г. Без языка и колокол нем // Барышникова О. И., Осипова А. А., Шулежкова С. Г. Эйтем тиктэн эйтелмей = Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа. Магнитогорск: Дом печати, 2019. С. 6—12.
26. Ivanov E., Petrushevskaja Ju. Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8, № 5. Pp. 864—872.
27. Lomakina O. V. Concepts of God and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. 2021. Vol. 17, № 2. P. 125—135.

28. Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 527 p.

References

1. Atnagulov IR. Identichnost' nagajbakov: genezis, struktura, dinamika = Identity of the Nagaibaks: genesis, structure, dynamics. 2 ed. Magnitogorsk: Dom pečati; 2015. 380 p. (In Russ.).
2. Atnagulov IR. Nagajbaki: opyt kompleksnogo istoriko-etnograficheskogo issledovaniya hozyajstva i material'noj kul'tury vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka = Nagaibaki: the experience of a comprehensive historical and ethnographic study of the economy and material culture of the second half of the 19th — early 20th centuries. Magnitogorsk: MaGU Press; 2007. 244 p. (In Russ.).
3. Baryshnikova OI. Russko-nagajbaskij slovar'. Nagajbakshcha-urysshcha syzlek = Russian-Nagaybak Dictionary. Nagaybak-Russian Dictionary. Magnitogorsk: MGTU Press; 2015. 173, 112 p. (In Russ., Nagaybak).
4. Baryshnikova OI, Osipova AA, Shulezhkova SG. Əjtem tiktən əjtelmej. Poslovica nedarom molvitsya: tolkovyj slovar' poslovic i pogovorok nagajbaskogo Naroda = The proverb is not said without reason: an explanatory dictionary of proverbs and sayings of the Nagaybak people. Magnitogorsk: Dom pečati; 2019. 157 p. (In Russ., Nagaybak).
5. Baryshnikova OI, Shulezhkova SG. «O tebe dusha stradaet...»: nagajbaskie chastushki s perevodom na russkij yazyk = «My soul suffers about you...»: Nagaybak ditties with translation into Russian. Magnitogorsk: Print House; 2020. 154 p. (In Russ., Nagaybak).
6. Bayazitova FS. Govory tatar-kryashen v sravnitel'nom osveshchenii = Tatar-Kryashen dialects in a comparative description. Moscow: Nauka; 1986. 247 p. (In Russ.).
7. Belova OV. «Biblical» legends in the folklore of the Slavic and Finno-Ugric peoples. In: Slavyanskij al'manah 2006 = Slavic almanac 2006. Moscow: Indrik; 2007. Pp. 229—241. (In Russ.).
8. Valeev GK. Razmyshleniya nad «Nagajbasko-russkim i russko-nagajbaskim slovarem» OI. Baryshnikovoj = Reflections on the «Nagaybak-Russian and Russian-Nagaybak Dictionary» by O. I. Baryshnikova. In: Baryshnikova OI. Russko-nagajbaskij slovar'. Nagajbakshcha-urysshcha syzlek = Russian-Nagaybak Dictionary. Nagaybak-Russian Dictionary. Magnitogorsk: MGTU Press; 2015. Pp. 20—27. (In Russ.).
9. Gishkaeva LN, Lomakina OV, Makarova AS. Otrazhenie very v boga kak cennostnoj konstanty v poslovičnom fonde (na primere hristianskoj i musul'manskoj lingvokul'tur) = Reflection of faith in God as a value constant in the state fund (on the example of Christian and Muslim linguistic cultures). *Cuadernos de Rusística Española*. 2021;(17):135-147. (In Russ.).
10. Komova DD, Korovina SG, Lomakina OV. Nominacii i harakteristika Boga v poslovicah: lingvoaksio-logicheskij aspekt (na materiale russkogo, rusinskogo, kitajskogo i portugal'skogo yazykov) = Characteristics of theonyms in provides: linguoaxiological aspect (on the material of Russian, Rusin, Chinese and Portuguese languages). *Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal* = *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. 2021;(4):100-110. Available from: www.tverlingua.ru (In Russ.).
11. Lepta biblejskoj mudrosti: russko-slavyanskij slovar' biblejskih vyrazhenij i aforizmov s sootvetstvuyami v germanskij, romanskij, armjanskij i gruzinskij yazykah: v 2 t. = Mite of Biblical Wisdom: Russian-Slavonic Dictionary of Biblical Expressions and Aphorisms with Correspondences in Germanic, Romance, Armenian and Georgian Languages: in 2 vol. Ed. by EE. Ivanov, VM. Mokienko, D. Balakova, H. Val'ter. Mogilev: MSU Press, 2019. Vol. 1. 334 p. Vol. 2. 308 p. (In Russ.).
12. Lomakina OV. The concept of faith in the system of value coordinates of the people (based on the pare-miological material of the Russian, Turkish, Rusyn and Altai languages). In: Voprosy sovremennoj lingvistiki i izucheniya inostrannyh yazykov v epohu iskusstvennogo intellekta = Problems of modern linguistics and the study of foreign languages in the era of artificial intelligence. Moscow: RUDN; 2020. Pp. 81—86. (In Russ.).
13. Lomakina OV, Mokienko VM. The conceptual dichotomy «God» — «Devil» in Russian phraseology and paroemiology (against the Slavic background). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Tomsk State University Journal*. 2019;(447):55-62. DOI: 10.17223/15617793/447/7 (In Russ.).
14. Mineev PM. Nagajbaskij etnos ot voskhoda do zakata = Nagaybak ethnos from sunrise to sunset. Chelyabinsk: Cicero; 2013. 342 p. (In Russ.).
15. Mineev PM. Slavyano-russko-nagajbaskij vedicheskij slovar' = Slavic-Russian-Nagaybak Vedic Dictionary. Chelyabinsk: Cicero; 2012. 119 p. (In Russ.).

16. Mineev PM, Mineeva VA. Russko-nagajbaskij slovar'. Nagajbasko-russkij slovar'. Russko-nagajbaskij tematiceskij slovar' = Russian-Nagaybak Dictionary. Nagaybasky-Russian dictionary. Russian-Nagaybak thematic dictionary. 2 ed. Chelyabinsk: Cicero; 2017. 271 p. (In Russ., Nagaybak).
17. Iskhakov DM (ed.). Nagajbaki (kompleksnoe issledovanie gruppy kreshchyonyh tatar-kazakov) = Nagaybaks (a comprehensive study of a group of baptized Tatar-Cossacks). Kazan': IYALI AN Tatarstana; 1995. 147 p. (In Russ.).
18. Iskhakov DM, Muhametshin YG, Suslova SV, Urazmanova RK, Halikov NA Nagaybaks. In: Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya = Great Russian Encyclopedia. Moscow: BRE; 2022. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2800874> (In Russ.).
19. Ramazanov DB. Some observations on the system of kinship terms and properties of the Nagaibaks. In: Nagajbaki (kompleksnoe issledovanie gruppy kreshchyonyh tatar-kazakov) = Nagaybaks (a comprehensive study of a group of baptized Tatar-Cossacks). Ed. by DM. Iskhakov. Kazan': IYALI AN Tatarstana; 1995. Pp. 88—93. (In Russ.).
20. Sattarova MR, Nurmuhametova RS, Elezarova YN. Tatar phraseological units with religious semantics. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2017;(9(75)1):166-168. (In Russ.).
21. Smirnova ON, CHuv'yurov AA. Christian legends in traditional Komi culture. *Zhivaya starina = Living antiquity*. 2002;(3):14-16. (In Russ.).
22. Iskhakov DM (comp. and ed.) Tatarskaya naciya: istoriya i sovremennoe razvitie = Tatar nation: history and modern development. Kazan': Magarif; 2004. 233 p. (In Russ.).
23. Sharapov VE. Symbols of Paradise in the folklore of the Komi Old Believers. *Art (Lad)*. 2004;(4):145-148. (In Russ.).
24. Sharapov VE. Christian stories in the folklore of the Komi Old Believers of the Middle Pechora. In: Savel'eva EA (ed.). Hristianizaciya Komi kraja i eyo rol' v razvitii gosudarstva i kul'tury: v 2 t. = Christianization of the Komi region and its role in the development of the state and culture: in 2 vol. Syktyvkar; 1996. Vol. 2. Pp. 310—320. (In Russ.).
25. Shulezhkova SG. Without a tongue and a dumb bell. In: Baryshnikova OI, Osipova AA, Shulezhkova SG. Əjtem tiktən əjtelmej. Poslovica nedarom molvitsya: tolkovyj slovar' poslovic i pogovorok nagajbaskogo Naroda = The proverb is not said without reason: an explanatory dictionary of proverbs and sayings of the Nagaybak people. Magnitogorsk: Print House; 2019. Pp. 6—12. (In Russ.).
26. Ivanov E, Petrushevskaja Ju. Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015;(8(5)):864-872.
27. Lomakina OV. Concepts of God and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*. 2021;(17(2)):125-135.
28. Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda; 1997. 527 p.

Информация об авторе

Е. Е. Иванов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков.

Information about the author

Evgeny E. Ivanov — Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 03.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 03.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 80

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10911

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Вероника Викторовна Катермина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, veronika.katermina@yandex.ru, ORCID 0000-0001-9141-9867

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению когнитивно-прагматических особенностей функционирования экологических неологизмов в англоязычном дискурсе. Материалом исследования послужили лексикографические электронные издания. Важность изучения экологического дискурса несомненна, в связи с чем в конце XX — начале XXI века появилась эколлингвистика, которая исследует области экологии и лингвистики. Изучение экологического дискурса в рамках эколлингвистических исследований связано с необходимостью описания и анализа языка для решения экологических проблем: связи языка и вопросов окружающей среды, воспроизведения признаков, свойств и отношений при взаимодействии природы и человека. Неология считается одним из направлений лингвистики будущего, так как новые лексические единицы показывают изменения, происходящие в языке, и отражают систему ценностей и антиценностей современного общества. Неологизмы фиксируют и воссоздают механизмы изучения мира, так как являются орудием конструирования действительности. Анализ экологических неологических единиц англоязычного дискурса по данным электронных лексикографических источников свидетельствует о том, что аксиологической доминантой является экоцентризм — новая модель взаимодействия между человеком и природой.

Ключевые слова: аксиология, английский язык, когнитивно-прагматический аспект, неологизм, экологический дискурс

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных».

Для цитирования: Катермина В. В. Когнитивно-прагматический аспект английских неологизмов в экологическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 84—90. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10911.

Original article

COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECTS OF ENGLISH NEOLOGISMS IN ECOLOGICAL DISCOURSE

Veronika V. Katermina

Kuban State University, Krasnodar, Russia, veronika.katermina@yandex.ru, ORCID 0000-0001-9141-9867

Abstract. This article is devoted to the study of the cognitive and pragmatic features of the functioning of environmental neologisms in the English discourse. The research material was lexicographic electronic editions. The importance of studying ecological discourse is undoubtedly determined, and at the end of the 20th — beginning of the 21st century ecolinguistics as a science which explores the fields of ecology and linguistics was introduced. The study of ecological discourse in the framework of ecolinguistic research is associated with the need to describe and analyze the language to solve environmental problems: the relationship of language and environmental issues, the reproduction of signs, properties, and relationships in the interaction of nature and person. Neology is considered one of the areas of linguistics of the future since new lexical units show the changes taking place in the language and reflect the system of values and anti-values of modern society. Neologisms fix and recreate the mechanisms

of studying the world as they are a tool for constructing reality. The analysis of the ecological neological units of the English discourse according to electronic lexicographic sources indicates that the axiological dominant is eco-centrism which is a new model of interaction between a person and nature.

Keywords: axiology, the English language, cognitive and pragmatic aspects, neologism, ecological discourse

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanities and Social Sciences) within the framework of the research project No. 20-012-00033 “Linguistic models of social and political communication in the online space: discursive fields, patterns and hybrid methodology for network data analysis”.

For citation: Katermina VV. Cognitive and pragmatic aspects of English neologisms in ecological discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):84-90. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10911.

Введение

При исследовании дискурсивных практик как лингвопрагматического явления «важным этапом является установление его цели» [24]. Экологический дискурс призван «генерировать, аккумулировать и распространять экологические знания для сохранения природы на планете и улучшения качества жизни людей» [17. С. 90]. Возникновение неологизмов является перманентным процессом в социуме, что объясняет их как закономерный и обусловленный развитием общества феномен. «В периоды социальной стабильности процессы языкового развития протекают размеренно и постепенно, а языковые изменения затрагивают отдельные участки языковой системы» [19]. Когда в обществе происходят катаклизмы, возникновение неологических единиц ускоряется, что создает впечатление беспорядка и отсутствия стабильности. В связи с этим происходят изменения в психологии людей, их «языковом вкусе и чутье языка» [19].

Теоретические основы исследования

Экологический дискурс рассматривается многими исследователями: М. В. Басинская [3; 4], А. В. Зайцева [8], Е. В. Иванова [9], А. А. Лагутина [13], Е. А. Сухоруков [20]. А. В. Зайцева называет экологический дискурс «видом социальной коммуникации, в основе которой лежит речемыслительная деятельность в определенном историко-культурном контексте на базе общего предмета — экологии и охраны окружающей среды... совокупностью экологических текстов, объединенных общей темой и направленных на реализацию определенной цели» [8. С. 7]. Ключевыми концептами экологического дискурса являются концепты «природа», «экология», «защита окружающей среды» [9].

Главной дискурсивной идеей в современном английском языке является мысль о необходимости бережно и заботливо относиться к природе: «сбережение природных ресурсов и экосистем,

использование альтернативных источников энергии, возобновляемых природных материалов, природосберегающих технологий, безотходность, уменьшение «углеродного следа», этическое отношение к животным» [4. С. 6].

Становление и зарождение нового — «существенное свойство любой системы, следствие ее развития, движения вперед, неотъемлемый признак и свидетельство ее жизнеспособности. Появление новых слов в системе языка любого народа является ярким примером данной тенденции и подтверждение двух главных принципов языковой системы — ее динамизма и открытости» [12. С. 3].

Исследованием неологизмов занимались такие ученые, как С. И. Алаторцева [1], В. А. Голец [5], Е. И. Голованова [6], В. И. Заботкина [7], Ю. Н. Невсвetailo [15], Л. В. Рацибурская [18], Е. В. Сенько [19] и др. Большое количество работ по данной тематике лишь подтверждает важность, актуальность и востребованность данных знаний для современной науки.

Неологизмы «наиболее полно отображают адаптацию социума к изменению условий его существования, становясь средством творческого восприятия реальности. Неологизмы входят в категорию слов, обладающих наибольшей языковой активностью, отражённой в их экспрессивном характере и аксиологическом плане. Само создание новых слов является актом придания ценности отражаемым ими объектам, введением их в пространство социального значения. Изучение ценностной специфики неологизмов позволяет увидеть способы включения тех или иных явлений в ценностное поле языка путём их номинации и категоризации» [11. С. 91].

Практический анализ исследования

«Природа едина, но обнаруживает себя в разнообразных формах. В процессе познания природы человек пытается осознать как ее единство, так и многообразие. Особое место в восприятии мира

человеком занимают климатические и погодные явления, влияющие на поведение человека в окружающем мире, на различные аспекты его жизнедеятельности, включая хозяйственную, а также на самочувствие... Природа как источник всего необходимого для человека оказывает влияние как на материальную, так и на духовную культуру общества» [14. С. 1290].

В качестве исследуемого материала путем сплошной выборки из лексикографических электронных источников была произведена выборка экологических неологизмов в количестве 200 единиц.

Некоторые ученые считают, что основой изучения неологизмов в экологическом дискурсе является рассмотрение и анализ «языкового проявления антропоцентризма как выражения доминирующей в обществе системы взглядов, способствующей дистанцированию человека от природы» [21; 22]. Эколингвистика тем не менее нацелена на создание иной модели сознания — экоцентрической. В ее основе лежит «признание человека не в качестве собственника природы и ее центра, а в качестве одного из ее полноправных членов» [10]. Яркими примерами подтверждения этой мысли могут служить такие неологические единицы, как *climate smart — helping to prevent climate change* (умный климат — климат, помогающий предотвращению климатических изменений), *climate gentrification — the process by which a place that is thought to be less at risk of the effects of climate change turns from a poor area to a richer one* (джентрификация климата — процесс, при котором место, считающееся менее подверженным климатическим изменениям, превращается из бедного района в более богатый); *climate repair — the act of reversing the effects of climate change* (восстановление климата — действие по обращению вспять последствий изменения климата), *climate tech — the business of using technology to create products and services that will enable society to adapt to the effects of climate change* (климатические технологии — бизнес по использованию технологий для создания продуктов и услуг, которые позволят обществу адаптироваться к последствиям изменения климата).

Новая экоцентрическая модель, направленная на улучшение отношений между человеком и природой, доминирует среди ценностей данного вида дискурса: *hamburger tax — a tax on unhealthy food* (налог на гамбургеры — налог на нездоровую пищу); *chemical tax — a tax on the purchase of items that are difficult to recycle* (химический налог — налог на покупку предметов, которые трудно перераба-

тывать); *eco-aisle — an aisle in a supermarket for food products that have been produced and packaged in a way that causes minimal harm to the environment* (эко-проход — проход в крупных магазинах, созданный для продуктов питания, произведенных и упакованных так, чтобы минимизировать вред окружающей среде); *eco score — information given on the packaging of food products, usually in the form of a letter and a number, that shows the impact the food has had on the environment* (экологическая оценка — информация, указанная на упаковке пищевых продуктов, обычно в виде букв и цифр, которая показывает влияние продуктов питания на окружающую среду).

Одним из важных языковых средств в любом дискурсе выступает метафора. Метафора рассматривается учеными как «чувство, помогающее понимать мир» [2]. Метафора может восприниматься как средство оформления реальности [16].

Благодаря метафоре возможно осмысление новых сложных явлений через уже освоенные понятия. Так, например, экологический термин *ecological footprint — the amount of the earth's energy that someone or something uses* (экологический след — количество энергии земли, которое кто-то или что-то использует) в силу актуальности проблемы способствовал развитию метафорического значения, в результате чего в англоязычном неологическом дискурсе появились новые единицы, номинирующие разные аспекты отрицательного воздействия человека на экологию: *plastic footprint — a measurement of amount of plastic that someone uses and then discards, considered in terms of the resulting damage caused to the environment* (пластиковый след — измерение количества пластика, которое кто-то использует, а затем выбрасывает, с точки зрения нанесенного окружающей среде ущерба); *foodprint — a measurement of the impact on the environment of all the processes needed to bring food to consumers* (продовольственный след — измерение воздействия на природу всех процессов, которые необходимы для доставки продуктов питания потребителям); *carbon pawprint — a measurement of the amount of carbon dioxide in the atmosphere produced through activities relating to owning a pet* (углеродный отпечаток — измерение количества углекислого газа в атмосфере, произведенного в результате действий, связанных с владением домашним животным).

Следует также отметить дополнительное коннотативное значение лексемы *green* — «не причиняющий вреда окружающей среде» [4. С. 16]. Единица *green care — the therapeutic use of nature,*

especially for people with mental health issues (терапевтическое использование окружающей среды, особенно для людей, страдающих психическими проблемами) — выводит на первый план новый вид терапии, при помощи которой люди, общаясь с природой, получают психологическую помощь. *Зеленый экран — green screen* — стальная сетка, покрытая плющом для защиты от загрязнения воздуха — является прекрасным примером мер, применяемых для улучшения экологической обстановки.

Следующие неологические единицы представляют собой источник интердискурсивности — взаимопроникновения экологического и экономического дискурсов: *Green Friday — an alternative to Black Friday, when consumers are encouraged to shop less and/or to buy sustainable products instead* («Зеленая пятница» — альтернатива «черной пятнице», когда потребителям предлагается делать меньше покупок и/или вместо этого покупать экологически чистые продукты); *green swan — a very serious event, especially one that causes disruption to the world's financial markets, that is caused by the effects of climate change* (зеленый лебедь — очень серьезное событие, особенно такое, которое вызывает сбои в работе мировых финансовых рынков, вызванное последствиями изменения климата); *greenflation — an increase in prices resulting from the move to a green economy* (гринфляция — рост цен в результате перехода к зеленой экономике).

Ключевыми семами, показывающими отношение данных единиц к проблемам окружающей среды, выступают *sustainable products* — экологически чистые продукты, *effects of climate change* — последствия изменения климата; *green economy* — «зеленая» экономика.

Отдельно стоит выделить неологизм *green laird — a person or company that buys a large piece of land in Scotland and plants trees on it to compensate for things they do that harm the environment* (зеленый лэрд — человек или компания, которые покупают большой участок земли в Шотландии и сажают на нем деревья, чтобы компенсировать то, что они делают, нанося вред окружа-

ющей среде). Отметим следующую тенденцию в англоязычном дискурсе: попытка компенсировать урон, который наносится деятельностью человека окружающей среде.

Помимо взаимодействия экологического и экономического дискурсов, в анализируемом материале можно также выделить и наличие таких видов дискурса, как *медицинский [nature prescription — an instruction from a doctor to a patient to engage with nature and spend time outdoors as a way of helping to treat physical and mental illnesses without the use of medication (рецепт природы — указание врача пациенту «общаться» с природой и проводить время на свежем воздухе, чтобы помочь вылечить физические и психические заболевания без использования лекарств)]* и *компьютерный [cleantech — involving clean technology (чистые технологии — с участием чистых технологий); eco-bot — a robot with an ecologically beneficial function (эко-бот — робот с экологически полезной функцией)]*.

Заключение

«Язык — это теория нашего опыта, служащая одновременно руководством к действию» [23. С. 195]. Рассмотрение и анализ экологических неологических единиц в англоязычном дискурсе позволяет определить позицию современного человека и его взаимоотношения с окружающей средой. Метафора является основным языковым средством, ярко и образно выражающим культуру народа, его менталитет, особенности мышления, отражая отношение к внешнему и внутреннему миру.

Сочетание разных видов дискурса (экологического, экономического, медицинского и компьютерного) служит ярким примером выражения антропоцентризма в языке — отношения человека к природе, рассмотрение природы с точки зрения указанных дискурсов. Анализ экологических неологических единиц англоязычного дискурса по данным электронных лексикографических источников позволяет заключить, что аксиологической доминантой является эгоцентризм — новая модель взаимодействия между человеком и природной средой.

Список источников

1. Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография: автореф. дис ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 40 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Басинская М. В. Исследование лексико-семантических особенностей экологического дискурса в рамках языковой экологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 20 (706). С. 32—41.

4. Басинская М. В. Современные номинативные процессы в англоязычном экологическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 24 с.
5. Голец В. А. Неологизмы в современной англоязычной молодежной прессе (1990—2014 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2015. 192 с.
6. Голованова Е. И. Новые названия лиц по профессии и должности в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). Филологические науки. Вып. 98. С. 60—64.
7. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.
8. Зайцева А. В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014. 253 с.
9. Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе (на материале медийных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 219 с.
10. ИONOBA C. B. Основные направления эколлингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоград. ун-та. Серия Языкознание. Волгоград, 2010. № 1 (11). С. 86—93.
11. Катермина В. В., Липириди С. Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. 230 с.
12. Катермина В. В. Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. 133 с.
13. Лагутина А. А. Доминантные экологические реалии в современном газетно-публицистическом дискурсе и средства их языковой категоризации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 24 с.
14. Лю Яньчунь. Метеорологическая лексика в русском и китайском языках: системный аспект // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 4. С. 1290—1295.
15. Несветайло Ю. Н. Основные способы образования неологизмов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1. Ч. 2. С. 73—75.
16. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
17. Павлова Е. Б. Лингвопрагматическая организация англоязычного экологического интернет-дискурса // Научный диалог. 2019. № 1. С. 88—100.
18. Рацибурская Л. В. Сложные новообразования как игровая составляющая современных медиа-текстов // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 205—212.
19. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.: Наука, 2007. 354 с.
20. Сухоруков Е. А. Современная немецкая сказка как инструмент формирования экологического сознания: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 256 с.
21. Berman T. The Rape of Mother Nature? Women in the Language of Environmental Discourse // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment. Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. L.; N. Y.: Continuum, 2001. P. 258—260.
22. Goatly A. Green Grammar and Grammatical Metaphor, or Language and Myth of Power, or Metaphors We Die By // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment. Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. L.; N. Y.: Continuum, 2001. P. 203—226.
23. Halliday M. A. K. New Ways of Meaning: the Challenge to Applied linguistics // the Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment. Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. L.; N. Y.: Continuum, 2001. P. 175—203.
24. Shamne N. L., Pavlova E. B. Institutional, genre and discursive characteristics of British restaurant online discourse // Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). 2017. Vol. 97. P. 214—220.

References

1. Alatorceva SI. Problemy neologii i russkaya neografiya = Problems of neology in Russian neography. Abstract of thesis. St. Petersburg; 1999. 40 p. (In Russ.).
2. Arutyunova ND. Yazyk i mir cheloveka = Language and the world of a person. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury; 1999. 896 p. (In Russ.).

3. Basinskaya MV. The study of lexical and semantic features of ecological discourse within the framework of linguistic ecology. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Vestnik Moscow State Linguistic University*. 2014;(20(706):32-41. (In Russ.).
4. Basinskaya MV. Sovremennye nominativnye processy v angloyazychnom ekologicheskom diskurse = Modern nominative processes in English ecological discourse. Abstract of thesis. Moscow; 2019. 24 p. (In Russ.).
5. Golec VA. Neologizmy v sovremennoj angloyazychnoj molodezhnoj presse (1990—2014 gg.) = Neologisms in modern English youth press (1990—2014). Thesis. Pyatigorsk; 2015. 192 p. (In Russ.).
6. Golovanova EI. New names of persons by profession and position in Russian. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;(27(382):60-64. (In Russ.).
7. Zabotkina VI. Novaya leksika sovremenno anglijskogo yazyka = New vocabulary of the English language. Moscow: Vysshaya shkola; 1989. 126 p. (In Russ.).
8. Zajceva AV. Tipologiya tekstov ekologicheskogo diskursa FRG = Typology of texts of ecological discourse in FRG. Thesis. Smolensk; 2014. 253 p. (In Russ.).
9. Ivanova EV. Metaforicheskaya konceptualizaciya prirodnyh katastrof v ekologicheskom diskurse (na materiale medijnyh tekstov) = Metaphoric conceptualization of natural disasters in ecological discourse (based on media texts). Thesis. Chelyabinsk; 2007. 219 p. (In Russ.).
10. Ionova SV. The main directions of ecolinguistic research: foreign and domestic experience. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya Yazykoznanie = Vestnik Volgograd university. Series Linguistics*. 2010;(1(11):86-93. (In Russ.).
11. Katermina VV, Lipiridi SH. Pragmatiko-aksiologicheskij potencial setevyh anglijskih neologizmov turisticheskogo diskursa = Pragmatic and axiological potential of digital English neologisms of English discourse. Krasnodar: Kuban State University; 2021. 230 p. (In Russ.).
12. Katermina VV. Slovoobrazovatel'nyj potencial neologizmov v angloyazychnom massmedijnom diskurse = Word-formation potential of neologisms in English mass-media discourse. Krasnodar: Kuban State University; 2019. 133 p. (In Russ.).
13. Lagutina AA. Dominantnye ekologicheskie realii v sovremenno gazetno-publicisticheskome diskurse i sredstva ih yazykovoj kategorizacii = Dominant ecological realias in modern newspaper-publicistic discourse and means of their language categorization. Abstract of thesis. Voronezh; 2013. 24 p. (In Russ.).
14. Yan'chun' L. Meteorological Vocabulary in Russian and Chinese: System Aspect. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of the Bashkir University*. 2011;16(4):1290-1295. (In Russ.).
15. Nesvetajlo YuN. Osnovnye sposoby obrazovaniya neologizmov v sovremenno anglijskom yazyke. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2008;(1):73-75. (In Russ.).
16. Maslova VA. Lingvokul'turologiya = Linguoculturology. Moscow: Akademiya; 2001. 208 p. (In Russ.).
17. Pavlova EB. Linguistic and pragmatic organization of the English-language ecological Internet discourse. *Nauchnyj dialog = Scientific dialogue*. 2019;(1):88-100. (In Russ.).
18. Raciburskaya LV. Complex Neoplasms as a Game Component of Modern Media Texts. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Ser.: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa = Ural Philological Bulletin. Ser.: Language. System. Personality: linguistics of creativity*. 2016;(2):205-212.
19. Sen'ko EV. Neologizaciya v sovremenno ruskom yazyke: mezhurovnevij aspekt = Neologization in modern Russian: interlevel aspect. St. Petersburg: Nauka; 2007. 354 p. (In Russ.).
20. Suhorukov EA. Sovremennaya nemeckaya skazka kak instrument formirovaniya ekologicheskogo soznaniya = Modern German fairy-tale as an instrument of formation of ecological mind. Thesis. Moscow; 2017. 256 p. (In Russ.).
21. Berman T. The Rape of Mother Nature? Women in the Language of Environmental Discourse. In: Fill A, Mühlhäusler P (eds.). *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. L.; N. Y.: Continuum; 2001. P. 258—260.
22. Goatly A. Green Grammar and Grammatical Metaphor, or Language and Myth of Power, or Metaphors We Die By. In: Fill A, Mühlhäusler P (eds.). *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. L.; N. Y.: Continuum; 2001. P. 203—226.
23. Halliday MAK. New Ways of Meaning: the Challenge to Applied linguistics. In: Fill A, Mühlhäusler P (eds.). *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. L.; N. Y.: Continuum; 2001. P. 175—203.
24. Shamne NL, Pavlova EB. Institutional, genre and discursive characteristics of British restaurant online discourse. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR)*. 2017;(97):214-220.

Информация об авторе

В. В. Катермина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии.

Information about the author

Veronika V. Katermina — Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of the English Philology.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10912

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАПУТСТВЕННОЙ РЕЧИ

Ирина Владимировна Кожухова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, vinantov@mail.ru, ORCID 0000-0002-6842-21

Аннотация. Статья посвящена описанию основных жанровых особенностей речевого жанра «напутственная речь» в английском языке. На основе анализа современных англоязычных напутственных речей были выявлены основные характеристики ее частей: вводной, основной, заключения, а также процентное распределение каждой из выделенных частей. Отмечено, что реализация жанра во многом зависит от языковой личности говорящего. Исследование показывает, что для вводной части характерно использование местоимения I, составного сказуемого и интенсификаторов. Основная часть характеризуется использованием местоимений в качестве подлежащего и простых сказуемых. Заключение имеет форму настоящего или будущего времени, сказуемое — составное, подлежащее выражено местоимением.

Ключевые слова: напутственная речь, речевой жанр, структура, введение, основная часть, заключение

Для цитирования: Кожухова И. В. Жанрообразующие и структурные характеристики напутственной речи // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 91—97. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10912.

Original article

GENRE AND STRUCTURE PECULIARITIES OF COMMENCEMENT SPEECH

Irina V. Kozhukhova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, vinantov@mail.ru, ORCID 0000-0002-6842-21

Abstract. The article is devoted to the description of the main genre features of the speech genre “commencement speech” in English. Based on the analysis of modern English commencement speeches, the main characteristics of its parts were identified: introductory, main, conclusion, as well as the percentage distribution of each of the selected parts. It is noted that the implementation of the genre largely depends on the language personality of the speaker. The study shows that in the introduction, the pronoun I, the compound predicate and intensifiers are often used. The main part is characterized by the use of pronouns as a subject, and simple predicates. The final part has the form of the present or future tense, the predicate is a compound, the subject is expressed by a pronoun.

Keywords: commencement speech, speech genre, structure, introduction, main part, conclusion

For citation: Kozhukhova IV. Genre and structure peculiarities of commencement speech. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):91-97. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10912.

Введение

Речевой жанр напутственной речи (англ. Commencement speech) привлекает внимание по многим причинам — имея аналог в русскоязычной культуре, очевидно, что более полное, глубокое и разностороннее воплощение жанра напутственная речь получила в англо-саксонском мире. Пристальное внимание к медийным личностям, поли-

тическим деятелям, их поведение вне основного рода деятельности вызывает неподдельный интерес у общества.

В отечественной лингвистике исследование жанра напутственной речи нельзя отнести к популярным. Так, можно выделить следующие аспекты изучения жанра. Изучение напутственной речи чаще всего проводится на корпусе речей. Однако варианты описания характеристик исследуемого жанра возможно и на примере одной

речи — в статье И. М. Костиной рассматриваются концептуальные особенности речи Мишель Обамы в рамках дискурса пандемии [3]. Описание истории возникновения жанра, его основных жанровых характеристик, продуктивных коммуникативных стратегий описано в работе Е. Н. Галичкиной [2]. Данная статья является одной из первых работ в русскоязычном научном поле, посвященных напутственной речи. Говоря о коммуникативных стратегиях, стоит отметить исследование Д. Р. Фахрутдиновой, в котором на материале напутственной речи автор рассматривает одну из коммуникативно-риторических стратегий, заключающуюся в расположении материала вокруг главной проблемы. Концентрический метод, с точки зрения автора, ярко реализует психологическую роль напутственной речи [4]. Аналогичной по направленности считаем работу А. А. Бурыкиной, в которой рассматриваются риторические приемы в речи Дж. К. Роулинг [1].

Работа С. В. Черновой дает детальный тематический анализ структурных элементов напутственной речи. Так, автор отмечает, что вступление может иметь форму поздравления, комплимента, благодарности, извинения, шутки и притчи. Основная часть может быть биографической, исторической, сравнительно-исторической, проблемной, лирической, эмпирической. Заключительная часть может иметь форму назидания, призыва, прогноза, морали, поздравления, пожелания, комплимента [5].

Материалом для настоящей статьи послужили напутственные речи выпускникам американской писательницы нигерийского происхождения Чимаманды Нгози Адичи, телеведущей Элен ДеДженерес, политического аналитика Фариды Закарии, писателя Джорджа Сондерса, адвоката и президента Гарварда Ларри Бэкоу, интернет-предпринимателя и медиамагната Марка Цукерберга.

Характеристики напутственной речи как жанра

По коммуникативной цели напутственную речь можно отнести к этикетному (перформативному) речевому жанру. Напутственная речь реализуется в рамках события (выпускной/ вручение дипломов), что определяет ее форму и содержание. Торжественность события расширяет форму перформативного жанра, привнося в него элементы других жанров:

— информативного — элементы сторителлинга, описывающие события из жизни оратора или жизни его семьи: «*This past week I had lunch with thirty*

graduating seniors. It was wonderful to hear how they think they have changed and matured during their four years here. I actually ask them how is your current self-different from your 18-year-old self that arrived here on campus, and the stories were marvelous. And I have witnessed this process of transformation myself» [10];

— императивного — по своему характеру напутственная речь произносится человеком более опытным и авторитетным, человеком, к чьему опыту можно прислушаться. Наставления и побуждения к действию в данном случае будут примерами данного жанра: «*So to conclude my conclusion, follow your passion, stay true to yourself. Never follow anyone else's path, unless you're in the woods and you're lost and you see a path and by all means you should follow that*» [7];

— оценочного — представление субъективных суждений о событиях прошлого: «*But here's something I do regret: In seventh grade, this new kid joined our class...*» [9].

Следующими жанрообразующими признаками рассмотрим образ автора и образ адресата. Для напутственной речи характерно наличие автора, который представлен в лице одного человека, являющегося инициатором речи (оратор), и адресата, который представлен группой людей (выпускники, родители, гости). Зачастую адресат является пассивным слушателем, не вступающим в полемику и не вносящий корректировки или ответные фразы в речь автора. Образ автора также представлен апелляцией к личному примеру оратора: «*I was late so I threw on a t-shirt and didn't realize until afterwards it was inside out and backwards with my tag sticking out the front. I couldn't figure out why no one would talk to me — except one guy, KX Jin, he just went with it*» [11].

Образ адресата представлен обращением в виде местоимения 2 лица мн.числа *you*: «*You already know that because, in your life, there have been High Kindness periods and Low Kindness periods, and you know what inclined you toward the former and away from the latter*» [9].

Образ прошлого и будущего в равной мере реализуется в напутственной речи. Отправной точкой напутственной речи является настоящее — торжественная ситуация вручения дипломов. Данная ситуация служит определенной границей, разделяющей жизнь выпускников на две части. Апелляция к прошлому традиционно расценивается как бесценная и положительная: «*Harvard is really where I learned to think, and I owe this University a deep debt of gratitude, as most of you do as*

well — something the University will remind you of from time to time» [8].

Высокая оценка будущего — также обязательный атрибут напутственной речи, во время которой идет установка на достижение результатов, удовлетворение жизнью и другие оптимистичные благопожелания: *«And so, a prediction, and my heartfelt wish for you: as you get older, your self will diminish and you will grow in love. You will gradually be replaced by love. If you have kids, that will be a huge moment in your process of self-diminishment. You really won't care what happens to you, as long as they benefit»* [9].

Параметром диктумного (событийного) содержания являются пропозиции поздравления и напутствия, которые в основном выражаются лексемами типа *congratulations, wish*, а также конструкциями в повелительном наклонении: *«Congratulations to our newest alumni — and thank you all»* [10].

При этом стоит отметить, что внутри речей тематика может быть различной в зависимости от особенности языковой личности автора, его личностных и профессиональных установок, медийного образа, отношения с учебным заведением. Все эти факторы влияют на языковое воплощение речевого жанра.

Анализ материала позволил выяснить, что многообразие возможностей формального воплощения рассматриваемого речевого жанра зависит от языковых и речевых особенностей самих участников жанра. Отметим, что в напутственной речи могут присутствовать как клише, так и индивидуально-авторское понимание речевого жанра.

Минимальность и максимальность словесного выражения можем наблюдать в том факте, что в зависимости от персоны говорящего, объем исследуемых речей колеблется от 1637 до 3871 слова.

Структура и стилистика эпидейктического речевого жанра «напутственная речь»

При всем многообразии наполнения речевого жанра структура его вполне стандартна: речь можно разделить на вступление (4 %), основную часть (90 %) и заключение (6 %).

Вступление обычно начинается с приветствия и выражения благодарности за возможность выступить на таком значимом событии:

«Good afternoon. Harvard class of 2018, hello. Thank you so much for asking me to be here today, it meant a lot to me, to know that you the students select the class day speaker» [6].

Использование интенсификаторов *very much, very generous* усиливает коммуникативную значи-

мость высказывания и торжественность события: *«Thank you very much Margaret for that very generous introduction»* [10].

«Congratulations! And thank you for that wonderful welcome. And thank you President Bottomly for that wonderful introduction» [6].

Здесь автор, писательница нигерийского происхождения, использует анафору, с помощью которой выделяются особо важные мысли, а также усиливается эмоциональность всего высказывания.

«President Faust, Board of Overseers, faculty, alumni, friends, proud parents, members of the ad board, and graduates of the greatest university in the world, I'm honored to be with you today because, let's face it, you accomplished something I never could. If I get through this speech, it'll be the first time I actually finish something at Harvard. Class of 2017, congratulations!» [11].

В данном примере оратор использует перечисление, помогающее выделить и подчеркнуть каждого из перечисленных; таким образом перечисление выступает ярким источником речевой экспрессии. Превосходная степень в словосочетании *the greatest university* подчеркивает уникальность учебного заведения и добавляет экспрессивности и торжественности. Также автор говорит, что гордится быть частью мероприятия: *I'm honored to be with you today*. Это можно рассматривать как способ сблизиться с аудиторией посредством скрытого инклюзивного «мы».

Использование различных стилистических средств (чаще — анафоры, эпитета, риторических вопросов и др.) во вступительной части нацелено на установление контакта с аудиторией и выражении благодарности за предоставленную возможность выступать на мероприятии. В преобладающем большинстве случаев подлежащее выражено местоимением в 1 лице ед. ч., вторыми по частоте являются существительные, нередко выраженные антропонимами (название учебного учреждения, руководители, прославившиеся выпускники и др.). При анализе группы сказуемого отмечено небольшое преобладание составных сказуемых. Сказуемые выражены глаголами в настоящем и прошедшем времени, так как происходит описание события, по поводу которого говорит оратор.

Наполнение *основной части* напутственной речи, как отмечалось выше, во многом зависит от оратора — приглашенного гостя: статус оратора, позиционирование, другие особенности реализации языковой личности. Стилистические приемы используются для акцентирования речи

на определенных явлениях, создания красочных, юмористических, нетривиальных ассоциаций.

Оратор использует анафору, чтобы поддержать интерес публики: «*I was lucky to be given a great gift by the universe, knowing from childhood what I loved most. I was lucky to have wonderful supportive parents*» [6].

Нередко используется эпитет: «*Now, the million-dollar question: What's our problem? Why aren't we kinder?*» [9].

Выделим ряд композиционных схем построения основной части напутственной речи:

- 1) описание круга задач, которые стоят перед выпускниками: «*You have to create a sense of purpose for others*» [11];
- 2) оценка каких-либо событий прошлого и настоящего, примеры из жизни выступающего и их интерпретация: «*...Priscilla and I started dating. And, you know, that movie made it seem like Facemash was so important to creating Facebook. It wasn't. But without Facemash I wouldn't have met Priscilla, and she's the most important person in my life, so you could say it was the most important thing I built in my time here. We've all started lifelong friendships here, and some of us even families. That's why I'm so grateful to this place. Thanks, Harvard*» [11].

В приведенном отрывке Марк Цукерберг размышляет о роли приложения *Facemash* в его жизни. Данное приложение не было столь важно для изобретения *Facebook*, но благодаря ему автор познакомился со своей будущей женой, что спустя время считает самым важным в его жизни событием, связанным с университетом. Личный опыт, включая ошибки и неудачи, — частотная тема многих напутственных речей, риторический прием, суть которого — не бояться ошибок, так как они могут стать началом чего-то ценного и важного: неудача редко бывает фатальной, чаще именно неудача открывает новые перспективы;

- 3) обобщающие рассуждения о проблемах современности: «*If we're going to become kinder, that process has to include taking ourselves seriously — as doers, as accomplishees, as dreamers. We have to do that, to be our best selves*» [9].

Автор речи определяет круг задач, которые, по его мнению, на данный момент являются важными для выпускника. Необходимость данных действий выражается через конструкцию *have to*.

Анализ группы подлежащего и сказуемого основной части показывает: подлежащее выражено местоимением (61 %), вторыми по частоте являются существительные (39 %). Высокая частот-

ность местоимений 1 лица ед. числа обусловлена апелляцией к личному опыту рассказчика. Протслеживается частотное употребление местоимений 1 лица мн. числа (*we*). С помощью данного местоимения оратор старается сблизиться со слушателем, получить его доверие, показать, что он с ними заодно. Подлежащие-существительные чаще всего выражены абстрактными лексемами (*success, happiness, purpose, др.*) с положительной коннотацией и именами собственными.

Анализ группы сказуемого показывает преобладание простых сказуемых (64 %), что помогает не перегружать слушателя длинными конструкциями. Большая часть предложений в основной части написана в настоящем и прошедшем времени, так как содержит в себе факты из прошлого и их интерпретацию в настоящем: «*So I thought lipstick might help. And eyeliner. And I am grateful to that man because I have since come to love makeup, and its wonderful possibilities for temporary transformation*» [6].

В ходе разбора основной части выявлено, что ораторы удерживают интерес публики такими стилистическими средствами, как аллюзия, ретардация, эпитет, риторические вопросы и т. д. Подлежащее выражено местоимением (61 %), вторыми по частоте являются абстрактные существительные (39 %). Группа сказуемого характеризуется преобладанием простых сказуемых (64 %), выраженных глаголами в настоящем и прошедшем времени, так как содержит в себе факты из прошлого и их интерпретацию в настоящем.

На долю заключительной части приходится в среднем 6 % от общего объема речи. Если во вступительной части напутственной речи нередко можно услышать формальную информацию и слова благодарности, то основная цель заключительной части — добиться запоминаемости, хорошего настроения на будущее, оставить заметный след. Запоминаемость и яркость достигаются не только за счет содержания, но и формы, например, используя тавтологию, таким образом создавая юмористический эффект: «*So to conclude my conclusion that I've previously concluded, in the common cement speech, I guess what I'm trying to say is life is like one big Mardi Gras*» [7].

Стоит отметить, что заключительная часть исследуемого жанра является не менее важным смысловым и композиционным компонентом. Во всем многообразии заключительных реплик выделим следующие наиболее частотные типы: 1) вывод-призыв; 2) вывод-совет; 3) вывод-пожелание; 4) вывод-поздравление [5].

«Here is what I ask of you: Imagine that arc of history that Martin Luther King inspired is right here with us. The arc of the universe needs your help to bend it towards justice. It will not happen on its own. The arc of history will not bend towards justice without you bending it. Public health needs you to insure health for all. Seize that history. Bend that arc. I want you to leap up, to jump up and grab that arc of history with both hands, and yank it down, twist it, and bend it. Bend it towards fairness, bend it towards better health for all, bend it towards justice!» [10].

Данный тип вывода характеризуется призывом к действию, который выражается с помощью глаголов в повелительном наклонении и конструкций сложных дополнений.

«I said that at my age I don't feel competent to give you much advice, but I will give you one last piece of wisdom that comes with age. For all of you who are graduating students or, really, anyone who is still young, trust me. You cannot possibly understand the love that your parents have for you until you have children of your own. Once you have your own kids, their strange behavior will suddenly make sense. But don't wait that long. On this day of all days, give them a hug, and tell them that you love them» [8].

Вывод-совет содержит в себе наставления говорящего, без прямого призыва к действию, но с верой в то, что выпускники прислушаются и будут следовать данным советам.

Вывод-пожелание, в первую очередь, подразумевает наличие глагола *wish* и содержит в себе пожелания выпускникам. Вывод-поздравление содержит, соответственно, поздравление.

Как и в предыдущих двух композиционных частях напутственной речи, в заключительной части также проведен анализ групп подлежащего и сказуемого.

В заключительной части подлежащее чаще всего выражено местоимением (71 %), вторыми по частоте являются существительные (29 %). Высокая частотность местоимений 2 лица мн. числа отражает характер заключительной части: автор обращается к выпускникам (*you*) со своими пожеланиями и с помощью таких обращений поддерживает внимание слушателя: *«Just trust in your instincts, be true to them, and you will make for yourself a great and a good life. And, in doing so, you will change the world»* [8].

Анализ группы сказуемого показывает небольшое преобладание составных сказуемых (53 %), которые выражены в основном глаголами в повелительном наклонении.

Большая часть предложений в заключительной части написана в настоящем и будущем времени, что отражает характер заключительной части: оратор выражает свои пожелания выпускникам, которые нацелены на будущее воплощение.

В заключительной части встречаются глаголы в повелительном наклонении, конструкции сложных дополнений, модальные глаголы, также часто используются цитаты.

Заключение

Напутственная речь является частью этикетных эпидейктических речевых жанров, имея при этом черты информативных, императивных и оценочных жанров. Напутственная речь (при окончании вуза) является этноспецифичной. Так, в англосаксонском мире существует традиция приглашать известного или влиятельного человека для речи перед вручением диплома. В отечественной культуре приглашенный гость — редкость, напутственная речь обычно звучит от ректора, декана, преподавателей факультета. Структура речи стандартна для большинства речей и включает три части: вступительную (4 %), основную (90 %), заключительную (6 %). Во вступительной части произносятся благодарственные слова и устанавливается контакт с публикой; в основной части оратор повествует о событиях своей жизни или о глобальных проблемах, таким образом приводя слушателям примеры и давая им оценку; в заключительной части автор подводит итоги и произносит напутствия выпускникам. Анализ структуры напутственной речи показывает, что подлежащее чаще всего выражено местоимением (59,5 %), что показывает личный характер речи, использование клишированных конструкций обуславливает использование составных сказуемых (52 %). В основной части сохраняется преобладание местоимений в роли подлежащего (61 %), однако частотным становится использование в нарративе простого сказуемого (64 %). Заключительная часть характеризуется частотным использованием местоимения «you» (71 %), а сказуемые снова в своем большинстве являются составными (53 %). Использование стилистических приемов (эпитеты, аллюзии, риторические вопросы, ретардации и др.) зависят от языковой личности оратора и призваны удерживать внимание публики.

Перспективой исследования видим анализ структурно-стилистических особенностей напутственной речи в русском языке, выделение и анализ этноспецифичных характеристик.

Список источников

1. Галичкина Е. Н. Напутственная речь выпускникам как речевой жанр // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 4 (24). С. 109—113. EDN VCSWRJ.
2. Костина И. М. Напутственная речь выпускникам: семантика и прагматика (на материале речи Мишель Обамы) // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм: сб. науч. тр. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2021. С. 44—52. EDN PIDQQM.
3. Фахрутдинова Д. Р. Лингвориторические параметры напутственной речи // Риторика. Лингвистика. 2019. № 14. С. 270—280. EDN PGRAMR.
4. Бuryкина А. А. Риторические приемы в англоязычной напутственной речи Дж. К. Роулинг // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. Калуга, 2019. С. 711—715. EDN FNNMUW.
5. Чернова С. В. Классификация основных элементов композиционно-смысловой структуры жанра «напутственная речь выпускникам» // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 7 (7). С. 181—191. EDN WLBLXV.
6. Chimamanda Ngozi Adichie address at Wellesley College. URL: <https://www.wellesley.edu/events/commencement/archives/2015/commencementaddress> (дата обращения: 11.07.2022).
7. Ellen DeGeneres' Commencement Speech at Tulane University. URL: <https://www.eofire.com/podcast/speech-ellendegeneres/> (дата обращения: 11.07.2022).
8. Fareed Zakaria Commencement address. URL: <https://www.harvardmagazine.com/sites/default/files/zakariaharvardcommencement.pdf> (дата обращения: 11.07.2022).
9. George Saunders' Address to the Syracuse College Of the Arts and Sciences. URL: https://thecollege.syr.edu/news-all/news-2013/2013-george_saunders_convocation/ (дата обращения: 11.07.2022).
10. Harvard President Larry Bacow Address. URL: <https://www.harvard.edu/president/speeches/2019/2019-commencement-speech/> (дата обращения: 11.07.2022).
11. Mark Zuckerberg's Commencement address at Harvard. URL: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2017/05/mark-zuckerbergs-speech-as-written-for-harvards-class-of-2017/> (дата обращения: 11.07.2022).

References

1. Galichkina EN. Commencement speech as a separate genre. *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye = Human sciences and education*. 2015;(4(24)):109-113. EDN VCSWRJ. (In Russ.)
2. Kostina IM. Commencement speech: semantics and pragmatics (based on Michelle Obama's speech). In: *Lingvistika i lingvodidaktika v svete sovremennykh nauchnykh paradigm = Linguistics and linguodidactics in the light of modern paradigms*. Irkutsk: Irkutsk State University; 2021. Pp. 44—52. EDN PIDQQM. (In Russ.)
3. Fahrutdinova DR. Linguistic and rhetorical parameters of commencement speech. *Ritorika. Lingvistika = Rhetoric. Linguistics*. 2019;(14):270-280. EDN PGRAMR. (In Russ.)
4. Burykina AA. Rhetorical devices in the English-language commencement speech of J. K. Rowling. In: *Nauchnyye trudy Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. E. Tsiolkovskogo = Studies of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky*. Kaluga; 2019. Pp. 711—715. EDN FNNMUW. (In Russ.)
5. Chernova SV. Classification of basic elements of compositional-semantic structure of 'Commencement speeches'. *Filologicheskiye nauki v MGIMO = Philological Studies in MGIMO*. 2016;(7(7)):181-191. EDN WLBLXV. (In Russ.)
6. Chimamanda Ngozi Adichie address at Wellesley College. Available from: <https://www.wellesley.edu/events/commencement/archives/2015/commencementaddress> (accessed 11.07.2022).
7. Ellen DeGeneres' Commencement Speech at Tulane University. Available from: <https://www.eofire.com/podcast/speech-ellendegeneres/> (дата обращения: 11.07.2022).
8. Fareed Zakaria Commencement address. Available from: <https://www.harvardmagazine.com/sites/default/files/zakariaharvardcommencement.pdf> (accessed 11.07.2022).
9. George Saunders' Address to the Syracuse College Of the Arts and Sciences. Available from: https://thecollege.syr.edu/news-all/news-2013/2013-george_saunders_convocation/ (accessed 11.07.2022).
10. Harvard President Larry Bacow Address. Available from: <https://www.harvard.edu/president/speeches/2019/2019-commencement-speech/> (accessed 11.07.2022).

11. Mark Zuckerberg's Commencement address at Harvard. Available from: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2017/05/mark-zuckerbergs-speech-as-written-for-harvards-class-of-2017/> (accessed 11.07.2022).

Информация об авторе

И. В. Кожухова — кандидат фил. наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка.

Information about the author

Irina V. Kozhukhova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Assistant Professor, Theory and Practice of the English Language Department.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022; одобрена после рецензирования 07.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 13.07.2022; approved after reviewing 07.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10913

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕДИАОБРАЗА АДВОКАТА В РОССИЙСКИХ МАССМЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЬМАНА ПАШАЕВА)

Ольга Николаевна Кондратьева^{1✉}, Дарья Дмитриевна Шаполова²

^{1,2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ Olnik25@mail.ru✉, ORCID 0000-0001-9469-3634

² Dasha23dasha01@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей дискурсивного конструирования медиаобраза адвоката в российском медиадискурсе. Демонстрируется, как российские массмедиа конструируют медиаобраз «звездного» адвоката Эльмана Пашаева, получившего широкую известность после участия в резонансном деле по ДТП с участием актера М. О. Ефремова. Материалом исследования послужили русскоязычные медиатексты за период с 2017 по 2022 год, основными методами исследования являются дискурс-анализ и контент-анализ. В статье описываются основные дискурсивные стратегии, используемые массмедиа для конструирования медиаобраза адвоката: наиболее частотные диктумная и оценочная стратегии, а также реже используемые стратегии эмоционализации, прогнозирования и генерализации, выявляются языковые маркеры стратегий, определяется роль каждой стратегии в формировании медиаобраза Эльмана Пашаева.

Ключевые слова: дискурсивная стратегия, дискурсивное конструирование, медиаобраз, медиадискурс, дискурсивная стратегия, адвокат, Эльман Пашаев

Для цитирования: Кондратьева О. Н., Шаполова Д. Д. Дискурсивные стратегии конструирования медиаобраза адвоката в российских массмедиа (на примере Эльмана Пашаева) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 98—105. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10913.

Original article

DISCURSIVE STRATEGIES FOR CONSTRUCTING THE MEDIA IMAGE OF A LAWYER IN RUSSIAN MASS MEDIA (ON THE EXAMPLE OF ELMAN PASHAEV)

Olga N. Kondratyeva^{1✉}, Darya D. Shapolova²

^{1,2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

¹ Olnik25@mail.ru✉, ORCID 0000-0001-9469-3634

² Dasha23dasha01@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the features of the discursive construction of the media image of a lawyer in the Russian media discourse. It is shown how the Russian mass media construct the media image of the “star” lawyer Elman Pashayev, who became widely known after participating in a high-profile road accident case involving actor M.O. Efremov. The research material was Russian-language media texts for the period from 2017 to 2022, the main research methods are discourse analysis and content analysis. The article describes the main discursive strategies used by the mass media to construct the media image of a lawyer: the most frequent dictum and evaluative strategies, as well as less frequently used strategies of emotionalization, forecasting and generalization, the language markers of the strategies are identified, the role of each strategy in the formation of Elman Pashayev’s media image is determined.

Keywords: discursive strategy, discursive construction, mediaimage, media discourse, discursive strategy, lawyer, Elman Pashayev

For citation: Kondratyeva ON, Shapolova DD. Discursive Strategies for Constructing the Media Image of a Lawyer in Russian Mass Media (on the Example of Elman Pashaev). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):98-105. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10913.

Введение

Массмедиа в современном мире сосредоточены не столько на информировании, сколько на интерпретации и оценке, что в итоге приводит к конструированию особой медиареальности. Дискурс «непосредственно участвует в этом процессе», поскольку «конструирование мира осуществляется при помощи когнитивных сценариев действий и дискурса» [6. С. 42]. Результатом дискурсивного конструирования в массмедиа является не только формирование особой медиареальности, но и ее особых составляющих — медиаобразов, представляющих собой «совокупность эмоциональных и рациональных преставлений, основанных на информации, получаемой из СМИ» [4. С. 95].

В настоящий момент достаточно активно изучается роль массмедиа в конструировании политического фрагмента медиакартины мира и медиаобразов политиков, в то время как процессы дискурсивного конструирования правового фрагмента медиакартины мира и ее составляющих только начинают изучаться.

В частности, существуют исследования медиаобраза судьи и судебной власти [1; 2; 3], исследования же, посвященные изучению медиаобразов адвокатов, единичны (см. [5]), в то время как последние занимают важное место в правовой системе.

Современные массмедиа не только предоставляют информацию о состоянии правовой сферы и о деятельности правозащитников, но и дают систему критических и позитивных оценок их работы, зачастую создают вокруг определенной персоны атмосферу профессионального успеха или, напротив, создают впечатление профессионального аутсайдера, это в полном объеме касается и освещения в массмедиа особенностей профессиональной деятельности адвокатов, то есть создаваемых в СМИ медиаобразов адвокатов.

Задача настоящей статьи — рассмотреть дискурсивные стратегии, посредством которых в современных массмедиа конструируется медиаобраз адвоката. Обозначенная задача решается в процессе изучения медиаобраза одного из наиболее ярких и неоднозначных российских адвокатов — Эльмана Пашаева, получившего широкую известность после участия в резонансном деле о ДТП с участием актера М. О. Ефремова.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили публикации и телесюжеты, посвященные Эльману Пашаеву. В качестве основных источников использованы материалы изданий «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Космополитен», «Life», «Экспресс-газета», «РБК», «БизнесOnline», «Росбалт», «Известия», «Коммерсантъ», «The Moscow Post», «РИА Новости», «Газета.ru», «Дни.ру», «lenta.ru» и др. В отдельных случаях используются также текстовые версии передач телеканалов и радио (НТВ, Россия 24, Телеканал 360°, Пятый канал, Радио «Комсомольская правда», радио «ВестиFM» и др.). Сбор материала осуществлялся с использованием сервиса «Яндекс.Новости».

Основными методами исследования являются дискурс-анализ и контент-анализ. В процессе исследования использована методика анализа, представленная в работе Н. С. Данковой, посвященной дискурсивным стратегиям репрезентации судебной власти в печатных СМИ [2]. Дискурсивные стратегии понимаются нами как «потенциально возможные интерактивные способы осуществления коммуникативно значимых действий в дискурсе и языковые способы их выражения» [8. С. 101]. Выбор автором медиатекста набора языковых средств для достижения определенной цели в процессе коммуникации трактуется как реализация соответствующей дискурсивной стратегии.

Результаты исследования и их обсуждение

Контент-анализ публикаций и телесюжетов за период с 2017 по 2022 гг., посвященных Э. Пашаеву, позволил выявить основные дискурсивные стратегии, используемые СМИ для освещения особенностей личности адвоката и его профессиональной деятельности. Это диiktумная и оценочная стратегии, а также стратегии эмоционализации, прогнозирования и генерализации, каждая из которых выполняет свою роль в формировании медиаобраза адвоката.

Диктумная стратегия используется для объективной репрезентации фактов действительности и лишена какой-либо аксиологической нагрузки. Подобный характер подачи информации позволил Е. В. Федосеевой для характеристики названной стратегии использовать термин «стратегия

отражения» и противопоставлять ее «стратегиям конструирования» [7]. Посредством данной стратегии дается информация о внешности, возрасте, профессиональных достижениях адвоката, судебных процессах, в которых он принимал участие, датах и местах проведения судебных заседаний и т. п.

На языковом уровне диктумная стратегия реализуется с помощью нейтральной лексики, которая применяется для характеристики адвоката и его действий, также активно задействованы номинативы (названия городов, судов, вузов, собственные имена адвоката и подзащитного), среди глаголов доминируют формы действительного залога: *Эльман Пашаев переехал в Москву в 1997 году, после чего окончил Первый московский юридический институт, Московскую государственную юридическую академию имени О. Е. Кутафина и аспирантуру этого вуза по специальности «криминология». Он начал вести юридическую деятельность с 2000 года, до этого Пашаев сменил несколько профессий (Аргументы и факты, 10.09.2020); в биографиях Пашаева говорится, что будущий адвокат родился в день зимнего солнцестояния 1971 года в селе Шишкая Басаргечарского района Армении. Отчество юриста Маггерам-оглы не оставляет сомнения в национальности Пашаева — азербайджанец (www.24smi.org, 09.09.2020); Адвокат Эльман Пашаев до последнего отстаивал интересы Михаила Ефремова. Однако Пресненский суд Москвы 8 сентября 2020 года вынес приговор... (Дни24, 13.04.2022).*

Значима для диктумной стратегии и юридическая терминология, связанная с адвокатской деятельностью (*адвокат, юрист, защитник, представлять интересы, подписка о неразглашении, возбуждено дело, лишен адвокатского статуса, адвокатская палата и др.*): *На церемонии присутствовал и юрист Эльман Пашаев, который раньше был адвокатом Михаила Ефремова, осужденного за смертельное ДТП в центре Москвы (Cosmopolitan, 22.02.2021); Эльмана Пашаева, защитника Михаила Ефремова, лишили статуса адвоката на один год. Такое решение принял Совет Адвокатской палаты Северной Осетии-Алании во Владикавказе (Российская газета, 20.09.2020); Эльман Пашаев — единственный из всех участников дела, не связанный по рукам и ногам подпиской о неразглашении (Комсомольская правда, 20.02.2021).*

Оценочная стратегия проявляется «в приписывании положительных либо отрицательных характеристик объекту репрезентации» [2. С. 11].

В некоторых публикациях можно встретить достаточно неоднозначную оценку личности адвоката (на это указывают лексемы *противоречивый, неоднозначный, неординарный* и др.): *Кажется, эта неоднозначная фигура уже давно затмила даже своего знаменитого подзащитного Михаила Ефремова (www.ntv.ru, 2020); о личности Эльмана Пашаева сложилось неоднозначное мнение, поскольку он практически никогда не дает интервью (Eurasia Diary, 14.08.2017); Эльман Пашаев — личность неординарная. Его трижды лишали статуса адвоката, он был судим, в связи с этим даже побывал в СИЗО (news.ru, 14.08.2020); Адвокат Эльман Пашаев имеет крайне неоднозначную репутацию (newtribuna.ru, 03.07.2017), но значительно чаще представлена негативная оценка.*

Объектом оценивания в данной стратегии может быть личность Эльмана Пашаева, его личностные и профессиональные качества, поведение в суде, используемые стратегии защиты.

Для негативной оценки личности Э. Пашаева используются **оценочные** лексемы (*неадекватный, плохой, нехороший, зашквар, редиска* и др.): *После суда над Ефремовым люди вынесли приговор Пашаеву: неадекватен (МК, 11.09.2020); Эльман Пашаев в контексте дела Ефремова — редиска и нехороший человек. Ведь в общем и целом наш социум вон из шкуры лез, чтобы Пашаев отмазал Михаила Ефремова, или, на худой конец, выторговал у суда условку, либо колонию-поселение на год. А Пашаев взял и заделал Ефремову 8 лет реального срока (Фишки, 29.09.2020); Самое страшное, что могло произойти, произошло — потеря репутации и достоинства. Пашаев — это зашквар. Решала без чести и достоинства (www.news.rambler.ru, 05.07.2020).*

Регулярно в массмедиа при характеристике адвоката используются негативные эпитеты *скандальный, эпатажный*, характеризующие его манеру поведения и ведения дел и пр.: *Москва Пашаеву не верит. Как скандальный адвокат покорила столицу и решил квартирный вопрос (Life, 16.09.2020); Руководители партий должны подумать, прежде чем пускать в свои ряды для депутатской перспективы скандальную фигуру Эльмана Пашаева (news.myseldon.com, 23.09.2020); Истекает срок наказания эпатажного адвоката Эльмана Пашаева (Комсомольская правда, 13.09.2021); Защищать Ефремова стал эпатажный адвокат Эльман Пашаев (Телепрограмма 21.04.2022); Актера защищает Эльман Пашаев — эпатажный адвокат с криминальным прошлым, который при оче-*

видных обстоятельствах происшествия взял курс на непризнание вины (dailystorm.ru, 19.08.2020).

Негативно оцениваются профессиональные качества адвоката, на что указывает использование лексем *некомпетентный, непрофессиональный/непрофессионализм, неграмотный, мошенник* и др.: *Дочь Ефремова назвала адвоката отца, Эльмана Пашаева, некомпетентным* (Экспресс-газета, 25.06.2020); *Нет, я, конечно, ожидала, что Пашаев будет некомпетентным адвокатом, но чтобы настолько*, — написала Анна-Мария Ефремова (Экспресс-газета, 25.06.2020); *Это может являться и признаком непрофессионализма Пашаева* (Невские новости, 23.08.2020); *По мнению Александра Добровинского, нынешние адвокаты Михаила Ефремова демонстрируют такой же непрофессионализм, который наблюдался у скандального юриста Эльмана Пашаева во время суда в 2020 году* (Актуальные Новости, 12.01.2022); *Падва сказал Daily Storm, что Пашаев непрофессионал, «похожий на мошенника», а Резник отказался защищать Ефремова, пока Пашаев консультирует актера* (dailystorm.ru, 22.08.2020).

Достаточно часто в массмедиа приводится негативная оценка Э. Пашаева, высказываемая представителями адвокатского сообщества: *Его работа вызвала критику со стороны профессионального сообщества* (Коммерсантъ, 09.09.2020); *Почетный адвокат России Александр Островский в эфире НСН рассказал о стратегии защиты Михаила Ефремова в суде и назвал артиста жертвой своего защитника Эльмана Пашаева* (Газета Metro, 06.08.2020); *Утопил доверителя. Коллеги Пашаева об этике адвоката* (Аргументы и факты, 11.09.2020).

Массмедиа для оценки профессионального уровня Эльмана Пашаева активно используют мнение признанных специалистов в данной сфере, например, наиболее уважаемых адвокатов Генриха Падвы и Генри Резника: *Против методов Пашаева высказывались не только дочь Михаила Ефремова и его знаменитые друзья, но и профессиональные юристы. — На самом деле это не адвокат, а какой-то плут! — хватался за голову друг актера Генрих Падва — адвокат и Заслуженный юрист России* (КР.ру, 07.09.2020); *«У Эльмана Пашаева зашкаливает мания величия. Я в балаганах никогда не участвовал и участвовать не буду. Большие мне добавит нечего», — сообщил Daily Storm Резник* (dailystorm.ru, 22.08.2020).

Низкий профессиональный уровень адвоката, отмечаемый юристами, вызывает их стремление

отмежеваться от такого «коллеги»: *Всё, что говорит Эльман Пашаев, далеко от юридической логики, считает адвокат Игорь Бушманов. — Эльман Пашаев — нам не коллега* (Известия, 19.04.2021).

Неоднократно негативной оценке и критике подвергалась и стратегия защиты, избранная адвокатом. Для этой цели используются прилагательные *провальный, неудачный, чудовищный, неправильный* и др.: *«Провальная стратегия»: как юристы оценивают действия Эльмана Пашаева — адвоката Михаила Ефремова* (bankstoday.net, 17.07.2020); *Напомним, что Петр Хархорин занялся защитой Михаила Ефремова после провальной работы Эльмана Пашаева. Его после участия в этом процессе лишили адвокатского статуса* (Московский Комсомолец, 04.04.2022); *Я считаю нынешнюю позицию Пашаева крайне неправильной* (bankstoday.net, 17.07.2020); *Адвокат Жорин о тактике Пашаева: «Всё это не прокатит»* (www.radiokp.ru., 21.08.2020). Оценивая стратегию защиты, СМИ используют прием сравнения: *Стратегию защиты Ефремова сравнили с петлей на шее артиста* (nsn.fm, 05.08.2020).

Для выражения негативной оценки Э. Пашаева и его адвокатской деятельности российские СМИ регулярно используют метафоры. Доминирующими являются метафоры, восходящие к сферам-источникам «Театр» и «Цирк»: *Эксперт считает, что можно было бы и «не раздувать шоу» из судебного процесса* (radiokp.ru, 21.08.2020); *Добровинский vs Пашаев, или «кто в суде был, тот в цирке не смеётся»* (Дзен, 06.08.2020); *Добровинский с Пашаевым устроили в суде балаган и цирк* (Бизнес-онлайн, 10.09.2020). Используемые СМИ метафоры подчеркивают аффективную манеру поведения адвоката, его стремление превратить суд в шоу, привлечь к процессу максимум внимания.

Стратегия эмоционализации используется «для репрезентации эмоций сторон судебного процесса, судей, представителей общества и журналистов» [2. С. 12]. Стратегия реализуется посредством использования эмоционально окрашенных языковых средств, метафор, сравнений, риторических вопросов.

В качестве субъекта, испытывающего и проявляющего эмоции, выступают как лица, представляющие стороны судебного процесса (сам Пашаев и адвокаты противоположной стороны, подсудимые, истцы, судьи, прокуроры), так и лица, напрямую не причастные к судебному разбирательству

(родственники, члены общества, представители профессионального сообщества, журналисты).

Массмедиа стремятся продемонстрировать, что пострадавшие и получивший срок М. Ефремов не вызывают у Э. Пашаева сочувствия, единственная эмоция, которую он проявляет по отношению к ним — смех, что репрезентируется глаголами *смеяться, высмеять* и др.: *Жалкий человек. Я его не пинал»: Пашаев жестко высмеял претензии Ефремова* (Космополитен, 23.10.2020); *Бывший адвокат Эльман Пашаев рассмеялся, узнав о подаче актером Михаилом Ефремовым апелляции —ной жалобы на приговор* (lenta.ru, 28.09.2020).

Кроме того, массмедиа акцентируют внимание на повышенной эмоциональности адвоката, его поведение описывается с использованием лексем *истерика, ярость, всполошился, переживать: Запахло жареным. Адвокат Ефремова Эльмар Пашаев устроил истерику на заседании Пресненского суда по делу о ДТП с его подзащитным* (fishki.net, 21.08.2020); *Пашаев пришел в ярость из-за журналиста Лайфа, уличившего его во лжи* (life.ru, 19.08.2020); *Адвокат Ефремова отказался дистанционно допрашивать Андрея Гаева. По всей видимости, этот тайный свидетель много видел и знает, раз так всполошился Пашаев. Наверное, он переживает, что не успел подготовить свидетелю легенду для дачи показаний* (fishki.net, 21.08.2020). Подобные эмоции не характерны для профессионального адвоката, который традиционно объективен и сдержан.

Участники судебного процесса (подсудимые, истцы, судьи, прокуроры, адвокаты противоположной стороны) испытывают достаточно разнообразные эмоции, связанные с Э. Пашаевым и его адвокатской деятельностью. В частности, не воспринимают всерьез его действия, которые вызывают определенный скепсис и усмешку, что проявляется, например, в использовании лексем *смеяться, посмеиваться, насмешить: Над нафосом и самоуверенностью Эльмана Пашаева смеялись всё громче и громче, считали лицензии, которых его лишили, вспоминали громкие провалы* (www.kp.ru, 10.09.2020); *Отказ от услуг Пашаева Ефремов объяснил тем, что над его юристом «посмеиваются» представители потерпевшей стороны, в частности адвокат Александр Добровинский* (life.ru., 22.08.2020); *Адвокат Ефремова Пашаев насмешил журналистов: сравнил себя с Путиным* (www.mk.ru, 14.09.2020).

Доминирующей эмоцией, которую вызывает Э. Пашаев и его профессиональная деятельность, является возмущение. Названная эмоция при-

сутствует как у родственников обвиняемого, так и у представителей общественности, специалистов в области права и журналистов: *Родственники Ефремова возмущены работой Пашаева* (Космополитен, 09.09.2020); *Профессиональная этика есть у всех — у врачей и адвокатов. Но выкрутасы Пашаева настолько возмутили общественность, что известный адвокат Олшанский назвал целых восемь ошибок, которые привели к практически максимально возможному сроку для Ефремова* (Комсомольская правда, 08.09.2020).

Стратегия прогнозирования используется массмедиа, чтобы обозначить профессиональные перспективы Эльмана Пашаева, и эти перспективы рисуются достаточно печальными для адвоката. Это лишение адвокатского статуса и возможность самому стать фигурантом судебного разбирательства.

Для стратегии прогнозирования характерно использование глаголов в форме будущего времени: *Адвокаты рассказали, что ждет Пашаева после лишения статуса* (РИА Новости, 19.09.2020); *Скандально известный адвокат актёра Михаила Ефремова Эльман Пашаев может стать фигурантом уголовного дела о мошенничестве с квартирой одного из бывших клиентов* (Life, 29.08.2020).

Коллега по адвокатуре Генрих Падва так высказывается о будущем Э. Пашаева: *Выгнать с позором. Падва обвинил Пашаева в суровом приговоре Ефремову* (www.nsn.fm, 08.09.2020); *Пашаев достоин того, чтобы его выгнать с позором из адвокатуры и на пушечный выстрел к ней не подпускать. Это катастрофа, он губит людей так называемой «защитой», — высказался Падва* (www.nsn.fm, 08.09.2020).

Реализуют данную стратегию такие стилистические приёмы, как риторические вопросы: *Эльмана Пашаева до суда не 22.09.2020); смогли довести обманутые клиенты, но доведет бывшая «фиктивная» жена?* (Moscow Post, Пашаева «разведут» со свободой? (www.moscow-post.su., 22.09.2020). *Адвокат отправится за решетку вслед за своим бывшим подзащитным Михаилом Ефремовым?* (www.moscow-post.su., 22.09.2020).

Стратегия генерализации «в дискурсе СМИ позволяет конструировать репрезентации посредством обобщающих выводов» [2. С. 14]. Применительно к Эльману Пашаеву данная стратегия используется в массмедиа как для обобщающих характеристик его профессиональной деятельности,

так для обобщения его профессиональных неудач до уровня кризисного состояния адвокатской деятельности в принципе.

Для характеристики профессиональных неудач Э. Пашаева массмедиа используют лексемы с семантикой повторяемости, например, *всякий раз, раз за разом, постоянно: Просто всякий раз господин Пашаев лишился адвокатского статуса и вылетал из палаты соответствующего региона* (МК, 11.09.2020); *Так и адвоката, даже если он из раза в раз проигрывает дела и топит репутацию и будущее своих клиентов, покарать можно лишь за огрехи в работе с каждым конкретным делом* (© Кондратьева О. Н., Шаполова Д. Д., 2022 16.09.2020).

Также массмедиа используют такое стилистическое средство, как гиперболизация: *100 % гарантии Пашаева* (Telegram-канал vchkogru, 03.09.2020); *Пашаев уверял, что любые контроли ему не указ, при помощи своих связей он сделает условный срок. Давал 100 % гарантию* (Telegram-канал vchkogru, 03.09.2020); *Адвокат М. Ефремова Пашаев как гарантия потери свободы, денег и остатков репутации. Чёрная метка* (www.zen.yandex.ru., 10.07.2020).

Массмедиа регулярно подчеркивают, что итогом деятельности Э. Пашаева становится мнение общества о неэффективности адвокатского корпуса в целом, о падении авторитета профессии адвоката: *у кого-то душа болит, кто-то посвятил всю жизнь нашей профессии, а здесь (на суде по делу М. Ефремова — О. К., Д. Ш.) происходит то, что Генри Резник назвал «поруганием профессии»* (Сфера, 24.09.2020).

Достаточно часто при обобщении подобного типа используются риторические вопросы, призывающие адресата задуматься над ситуацией в мире адвокатуры: *Дело Ефремова унижает российское правосудие? Почему адвокаты-клоуны не лишаются статуса?* (social.riafan.ru, 2020); *Вероятно, дело Эльмана Пашаева и Александра Добровинского станет ярким и показательным прецедентом. Как изменится отношение к профессиональной этике среди коллег и общественности? Какие потенциальные реформы в законодательстве и профессиональных нормах могли бы минимизировать ущерб имиджу*

адвокатов и юристов? Стоит ли их ожидать? (www.sfera.fm., 24.09.2020).

Заключение

В массмедиа представлено значительное количество медиатекстов, в которых конструируется медиаобраз Эльмана Пашаева (пик подобных публикаций приходится на период судебного разбирательства по делу М. О. Ефремова). Все дискурсивные стратегии, используемые массмедиа, можно условно разделить на две группы: это «отражающие» стратегии (диктумная стратегия) и «конструирующие» (оценочная стратегия, а также стратегии эмоционализации, прогнозирования и гиперболизации), при этом в количественном отношении существенно доминируют стратегии второго типа.

Диктумная стратегия необходима, чтобы подать фактическую информацию об основных этапах профессиональной деятельности адвоката, датах и местах судебных процессов и о предпринятых адвокатом процессуальных действиях. Конструирующие стратегии используются СМИ для формирования отношения общества к адвокатской деятельности Э. Пашаева. Стратегия оценки позволяет дать *негативную* оценку адвоката и его профессиональных качеств, стратегия эмоционализации — передать *негативные* эмоции, которые вызывает деятельность Э. Пашаева у участников судебного процесса, коллег и журналистов, стратегия прогнозирования — обозначить *негативные* правовые последствия его (не)профессионального поведения, стратегия генерализации представляет деятельность характеризуемого адвоката как цепь профессиональных неудач и как показатель *негативного* состояния правовой системы в стране в целом. Таким образом, в итоге массмедиа создают достаточно негативный медиаобраз адвоката Эльмана Пашаева.

Перспективным, на наш взгляд, будет сравнение образа Эльмана Пашаева в медиадискурсе, в профессиональном дискурсе коллег-адвокатов и в непрофессиональном дискурсе обычных граждан, наблюдавших за ходом судебного процесса по делу М. О. Ефремова, что позволит определить наличие или отсутствие дискурсивной специфики медиаобраза рассматриваемого адвоката.

Список источников

1. Гуляйкина С. О., Дубровская Т. В., Данкова Н. С. Манипулятивный потенциал медийных стратегий репрезентации судебной власти (на материале СМИ Пензенской области) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 113—119.

2. Данкова Н. С. Дискурсивные стратегии репрезентации судебной власти в жанрах печатных СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2018. 209 с.
3. Дубровская Т. В. Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2008. № 3. С. 72—81.
4. Марущак А. В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 93—96.
5. Кондратьева О. Н. Дискурсивное конструирование медиаобраза адвоката в современных российских СМИ // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф., Челябинск, 7—9 апр. 2022 г.: в 2 ч. Ч. 1 ; отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. С. 52—55.
6. Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (90). С. 41—46.
7. Федосеева Е. В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации): дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2016. 190 с.
8. Цурикова Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 98—108.

References

1. Gulyajkina SO, Dubrovskaya TV, Dankova NS. Manipulative Potential of media Strategies in judicial Power Representation (Based on Massmedia Texts of Penza Oblast'). *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 2014;(4):113-119. (In Russ.).
2. Dankova NS. Diskursivnye strategii reprezentacii sudebnoj vlasti v zhanrah pechatnyh SMI = Discursive Strategies for the Representation of the Judiciary in the Genres of Print Media. Thesis. Saratov; 2018. 209 p. (In Russ.).
3. Dubrovskaya TV. The Image of a Judge and the Judiciary in the Discourse of the English Media. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2008;(3:72-81). (In Russ.).
4. Marushchak AV. Political and social Image of Russia in the American Mediaspace. *Zhurnalistskij ezhegodnik = Journalist Yearbook*. 2012;(1):93-96. (In Russ.).
5. Kondrat'eva ON. Discourse Construction of the Mediaimage of the Lawyer in modern russian Massmedia. In: *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah: v 2 ch. Ch. 1 = Word, Statement, Text in cognitive, pragmatic and cultural Aspects*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publishing House; 2022. Pp. 52—55. (In Russ.).
6. Plotnikova SN. *Discursive construction as theoretical knowledge Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University* 2014;(5(90):41-46). (In Russ.).
7. Fedoseeva EV. Kognitivnye mekhanizmy diskursivnogo konstruirovaniya dejstvitel'nosti v mediadis-kurse (na materiale statej o Rossii v sovremennyh angloyazychnyh sredstvah massovoj informacii) = Cognitive Mechanisms of discursive Construction of reality in Mediadiscourse (on the Material of Articles about Russia in modern English-language Media). Krasnoyarsk; 2016. 190 p. (In Russ.).
8. Curikova LV. Discourse Strategies in cognitive-pragmatic Analysis of Communication. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2007;(4):98-108). (In Russ.).

Информация об авторах

О. Н. Кондратьева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы.

Д. Д. Шаполова — магистрант Института филологии, иностранных языков и медиакommunikаций.

Information about the authors

Olga N. Kondratyeva — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language and the Literature.

Darya D. Shapolova — undergraduate of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 07.08.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 07.08.2022; accepted for publication 08.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10914

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТА ЧЕЛГУ И ОФИЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ ЧЕЛГУ ВКОНТАКТЕ)

Юлия Евгеньевна Кочнева¹, Оксана Дмитриевна Пастухова²✉, Елена Александровна Титова³

^{1,2,3} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ julia_kochneva@list.ru

² oksana-galaxy7@mail.ru✉

³ elena_vendina@list.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению университетского дискурса на материале официального сайта ЧелГУ и официальной страницы ЧелГУ в социальной сети ВКонтакте. Были исследованы прагматические особенности постов официальной группы ЧелГУ. В результате исследования было выявлено, что наиболее частотной функцией является информативная функция, то есть основной целью официальной группы ЧелГУ является информирование о событиях и мероприятиях, которые проходят в университете или университетской жизни.

Ключевые слова: дискурс, язык, университетский дискурс, ЧелГУ, сайт

Финансирование. При финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2022 г.

Для цитирования: Кочнева Ю. Е., Пастухова О. Д., Титова Е. А. Прагматические особенности университетского дискурса (на материале сайта ЧелГУ и официальной группы ЧелГУ ВКонтакте) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 106—113. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10914.

Original article

PRAGMATIC FEATURES OF UNIVERSITY DISCOURSE (BASED ON THE CSU WEBSITE AND CSU'S OFFICIAL GROUP VKONTAKTE)

Julia E. Kochneva¹, Oxana D. Pastukhova²✉, Elena A. Titova³

^{1,2,3} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ julia_kochneva@list.ru

² oksana-galaxy7@mail.ru✉

³ elena_vendina@list.ru

Abstract. The article is about to the study of university discourse on the official website of CSU and the official page of CSU in the social network VKontakte. The pragmatic features of the posts of CSU official group were studied. The study revealed that the most frequent function is informative, i.e. The main purpose of the official CSU group is to inform about the events and activities taking place in the university or university life.

Keywords: discourse, language, university discourse, CSU, website

Funding. With the financial support of the Foundation for Advanced Scientific Research of the Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” 2022.

For citation: Kochneva JE, Pastukhova OD, Titova EA. Pragmatic features of university discourse (based on the CSU website and CSU's official group VKontakte). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):106-113. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10914.

Введение

Язык является средством общения людей, средством передачи информации от человека к человеку. Без языка не осуществляется никакая коммуникация, так как именно язык несет важные прагматические характеристики, описывающие различные интенции говорящего. Среди функций языка можно выделить следующие:

1. Информативная или информационная — основная цель которой является передача и прием информации. Данная функция будет доминирующей в деловой и научной речи, так как именно в этих сферах говорящий передает слушающему информацию объективного содержания. Данную функцию также можно проследить в публицистических текстах и научно-популярной литературе.
2. Эмотивная — задача данной функции заключается в желании говорящего выразить свое отношение к предмету речи или к акту общения через коммуникативный акт. Эмотивная функция характерна для разговорной речи и публицистики. Средствами выражения эмотивной функции выступают междометия, слова с эмоциональной окраской и т. д.
3. Прагматическая или функция воздействия — цель которой является воздействие на адресата с целью получения определенного результата. Данная функция также имеет особые средства выражения, такие как использование побудительного наклонения, вопросов, риторических вопросов.
4. Фатическая — функция, которая направлена на установление, прекращение или поддержания контакта.
5. Художественная или эстетическая — функция, направленная на изложение информации с использованием разнообразных средств выразительности.
6. Метаязыковая — функция, предполагающая использование языка для описания самого языка [5].

Важно также отметить взаимосвязь дискурса и языка. Интерес к дискурс-анализу является актуальным, несмотря на то, что исследования дискурса проводились еще в 60-е годы прошлого столетия. Термин «дискурс» используется не только в лингвистике, но и в политике, журналистике, образовании, медицине и других направлениях. Это связано с многогранностью понятия. Так, Н. Д. Арутюнова считает, что дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультур-

ными, психологическими и другими факторами, взятый в событийном аспекте» [1. С. 240]. С. И. Виноградов пишет, что дискурс — это «завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и других знаковых комплексов в определенной ситуации и в определенных социокультурных условиях общения» [2. С. 139].

В связи с неоднородностью подходов к определению понятия дискурс лингвисты выделяют его разные функциональные составляющие. Так, Р. Якобсон считал, что дискурс существует только в цельном единстве с коммуникацией, и рассматривал следующие функции языка [9. С. 198], которые можно отнести к дискурсу:

- 1) денотативная или коммуникативная — функция, которая направлена на референта;
- 2) экспрессивная или эмотивная — функция, которая характеризует адресанта;
- 3) контактоустанавливающая или фатическая;
- 4) метаязыковая — функция, которая характеризует само сообщение;
- 5) аппелятивная или конативная — функция, которая направлена на адресата;
- 6) поэтическая — функция, которая концентрируется на сообщении [9. С. 198].

В. М. Русаков и О. Ф. Русакова разделяют мнение о доминировании коммуникативной функции языка в рамках исследования дискурса. При этом они выделяют несколько типов коммуникативной функции:

- 1) когнитивная (функция познания, идентификации и описания предметов, событий, реальности);
- 2) побудительная (функция воздействия, регулирования поведения адресата);
- 3) риторическая (функция, направленная на привлечение внимания путем использования различных образно-выразительных средств языка);
- 4) статусно-ролевая (функция распределения ролевых характеристик участников коммуникации);
- 5) эмотивная (функция, которая помогает создать определенное настроение);
- 6) персуазивная (функция, целью которой является побуждение и внушение);
- 7) метадискурсная (функция, которая ставит задачу правильно интерпретировать информацию, содержащуюся в сообщении);
- 8) фатическая (функция, целью которой является установление и поддержания контакта);

- 9) репрезентационная (функция продвижения некоторых знаний, умений, идей, концепций и т. д.);
- 10) композиционная (функция организации языковых единиц) [4. С. 13—14].

Поскольку дискурс является коммуникативным действием между слушателем и говорящим / писателем и читателем, в результате которого происходит получение и/или обмен информацией и которое протекает как в устной, так и письменной форме, коммуникативные функции могут быть применены к любому типу дискурса.

В современную эпоху глобализации и информатизации общества большое внимание уделяется образовательному дискурсу, у которого имеются разные каналы связи, например, официальные сайты в сети Интернет, Телеграм, страницы VKontakte и т. д. Образовательный дискурс охватывает обширную аудиторию: учеников разного школьного звена, абитуриентов, студентов, выпускников, родителей, профессорско-педагогический состав, работодателей и многих других. Коммуникативная функция образовательного дискурса заключается в предоставлении информации аудитории о современных тенденциях обучения, курсах, конкурсах, олимпиадах, возможности прохождения практики и стажировки, стоимости обучения в образовательных учреждениях и т.п., а также включает в себя обратную связь.

Методы и материалы

Данная статья посвящена исследованию университетского дискурса, который можно отнести к образовательному дискурсу. Университетский дискурс — это вид дискурса, отражающий языковую, когнитивную, культурно-социальную действительность в контексте университета» [6. С. 33].

Цель работы заключается в определении функциональной составляющей университетского дискурса и выявлении наиболее частотных функций.

Материал исследования составляют посты сайта ЧелГУ и официальной страницы ЧелГУ в VKontakte, размещенные в период с января по июль 2022 г. Общее количество постов составляет 350 (100 %).

Для достижения поставленной цели применяются следующие *методы*: метод сплошной выборки, метод контент-анализа, метод описания и ассоциации.

Результаты исследования и их обсуждение

«Все университеты используют сайты и различные социальные сети для информирования

преподавателей, студентов, абитуриентов и их родителей о событиях, услугах, предложениях и организации учебного процесса. Социальная сеть ВКонтакте — это самая большая и популярная социальная сеть в России. Входит в тройку самых посещаемых сайтов Рунета» [3. С. 282].

Сайт университета [8], как правило, имеет определенную структуру. Существует главная страница, с которой можно пройти по вкладке под соответствующим названием, в зависимости от того, с какой целью пользователь посещает сайт. Сайт Челябинского государственного университета не является исключением (рис. 1). На главной странице указаны адрес и контакты учебного заведения, поисковая строка. Есть основная вкладка со ссылкой на новости и ключевые события, которые происходят или должны произойти в ближайшем будущем, что сопровождается соответствующими фотографиями или картинками и основные ссылки, такие как Структура, Наука, Учеба, Расписание занятий и так далее. В период приемной кампании выделяется ссылка Списки поступающих, что упрощает поиск списков для родителей и поступающих в вуз вчерашних школьников.

Далее на главной странице [8] ссылки дублируются и уточняются (рис. 2). Есть отдельный раздел для поступающих в вуз, где можно увидеть такие сервисы, как Калькулятор ЕГЭ, Лицам с ОВЗ и предложение пообщаться с ректором ЧелГУ по ссылке Приемная ректора «Задать вопрос» с фотографией ректора. Здесь также есть продублированные ссылки Списки поступающих, Личный кабинет абитуриента и так далее. Ссылки обозначены символами, которые связаны с тематикой.

Раздел для студентов [8] отражает такие рубрики, как Общежитие университета, Студенческие организации, Профилакторий университета и так далее, также указаны ссылки на телеграм-каналы (рис. 3).

Таким образом, главная страница университета в основном выполняет информативную функцию. Стоит отметить официальный стиль всех рубрик и разделов. Фотографий сравнительно немного, их можно увидеть в ссылках на новости и анонсы событий в университете, которые летом в основном ориентированы на сегодняшних и будущих абитуриентов. В этом случае ссылки сопровождаются фотографиями, чтобы привлечь внимание и заинтересовать пользователей. Так, присутствует эмотивная функция, то есть главная страница имеет целью привлечь посетителей сайта поучаствовать в событиях, проводимых в университете.

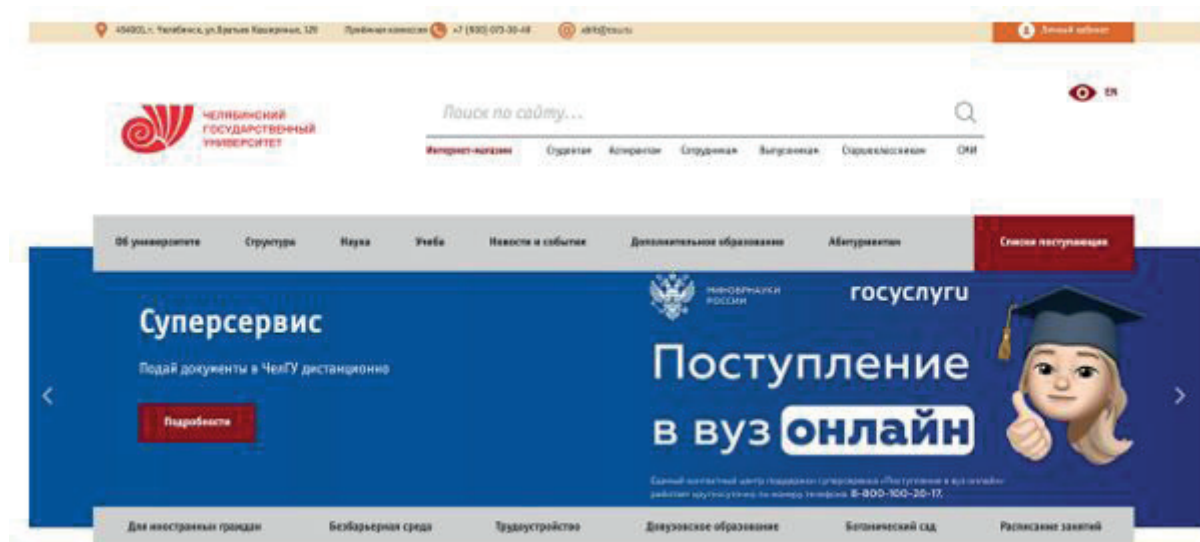

Рис. 1. Главная страница
Fig. 1. Main page

Рис. 2. Раздел «Приёмная ректора. Для поступающих»
Fig. 2. Section “Rector’s Reception. For applicants”

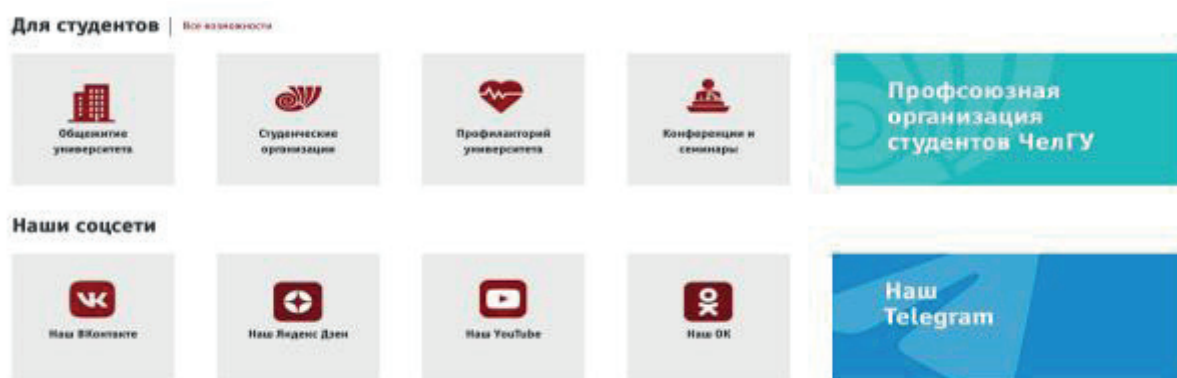

Рис. 3. Раздел «Для студентов»
Fig. 3. Section “For students”

При изучении официальной группы ВКонтакте Челябинского государственного университета [7] мы выявили следующие особенности. Во-первых, структура сообщества не отличается той формальностью и четкостью, которые присущи сайту университета. В шапке страницы указаны

контакты и адрес учебного заведения, однако фотография, которая сопровождает эти данные является более неформальной, эмоциональной и способна привлечь внимание молодых пользователей, выполняя таким образом эмотивную функцию (рис. 4).

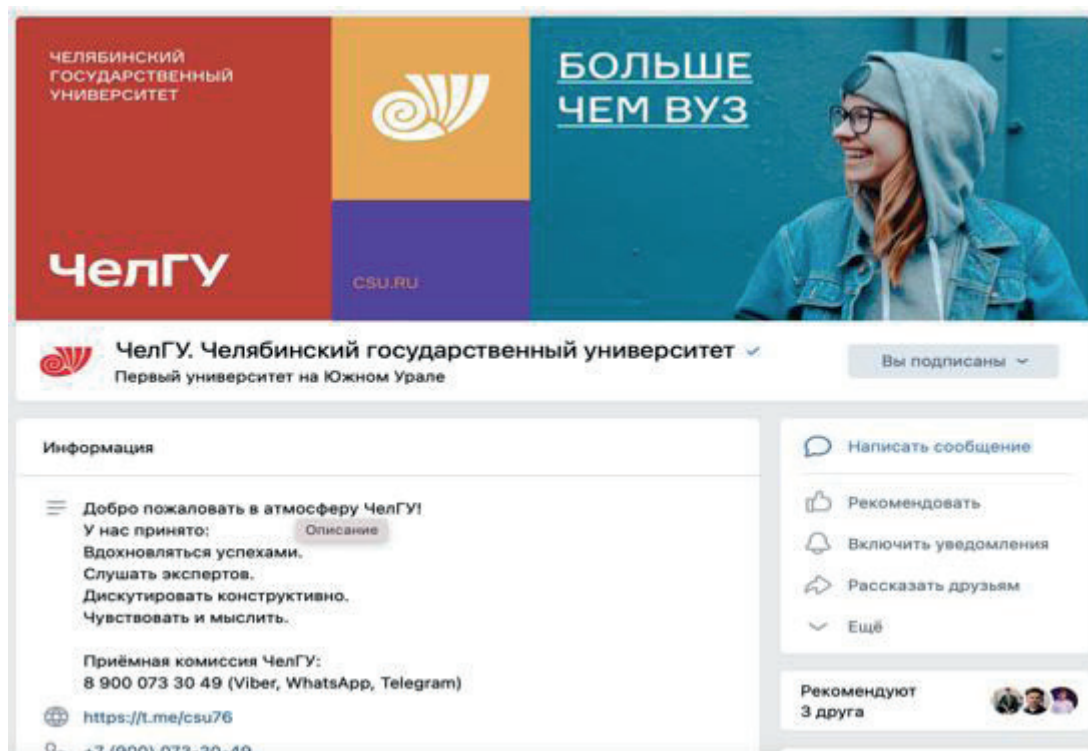

Рис. 4. Сообщество ЧелГУ ВКонтакте
Fig. 4. ChelSU community VKontakte

Так же, как и на сайте университета, присутствуют ссылки на различные сервисы и информационные источники (рис. 5).

Информативная функция является наиболее частой функцией (43 %) постов официальной группы ЧелГУ ВКонтакте. Поскольку целевая аудитория сообщества в том числе абитуриенты и их родители, ключевым моментом является их информирование о событиях и возможностях поступления в данное учебное заведение. Первый пост носит информативный характер — даты проведения встреч с абитуриентами (рис. 6). Обращение к посетителям сообщества, к абитуриентам и родителям в виде повелительного наклонения во множественном числе «Приходите» говорит об официальности данного события, а также о том, что, вероятно, полезно будет прийти абитуриенту именно в сопровождении, а не одному. Это подтверждается текстом на картинке «Приглашаем абитуриентов и их родителей...», обладает информативной функцией и не ставит цели вызвать эмоции у членов сообщества.

В отличие от сайта сообщество вуза ВКонтакте сопровождает посты фотографиями. Стоит отметить информативность и лаконичность постов с указанием всей необходимой информации. Данный пост отличается формальным подходом — нет прямого обращения к абитуриентам и родителям и каких-либо эмотиконов (рис. 7). Пост выполняет информативную функцию.

Стоит также отметить, что нельзя выделить функции постов группы ЧелГУ ВКонтакте обособленно. Большая часть постов сочетает в себе сразу несколько функций, где доминирующей выступает информативная, эмотивная или фатическая функции. Следующий пост можно характеризовать как рекламный, наряду с информативной, он выполняет эмотивную и фатическую функции (рис. 8). Речь идет об увеличении заработной платы в вузе, а также о том, что выпускники ЧелГУ остаются работать в том городе, где они получали образование. Используются такие лексические единицы и словосочетания, как «улучшил свои позиции в рейтинге», «поднялся», «при-

рост зарплат». Помимо этого, приводятся статистические данные, цифровые и процентные показатели. Все это указывает на улучшение ситуации

в вузе, подчеркивает перспективность поступления, а также мотивирует работников и студентов ЧелГУ.

Рис. 5. Ссылки в сообществе ЧелГУ ВКонтakte
Fig. 5. Links in the CSU community VKontakte

Рис. 6. ЧелГУ. Встреча с абитуриентами
Fig. 6. ChelSU. Meeting with applicants

ЧелГУ улучшил свои позиции в рейтинге по уровню зарплат выпускников экономических направлений, окончивших вуз в 2016-2021 годах. Данные предоставил портал SuperJob. Всего в рейтинге приняли участие 56 вузов страны. С прошлого года вуз поднялся на одну строчку и теперь занимает 16 место. Сегодня выпускники ЧелГУ, работающие в сфере экономики и финансов, получают в среднем 70 тысяч рублей в месяц, годовой прирост зарплат составил 8 тысяч рублей.

Также аналитики портала отмечают, что около половины (47 %) выпускников ЧелГУ вуза остаются работать в Челябинске. В ЧелГУ экономистов готовят экономический факультет, институт экономики отраслей, бизнеса и администрирования, факультет управления и факультет заочного и дистанционного обучения по направлениям: «Экономика», «Менеджмент», «Экономическая безопасность».

#ЧелГУ #рейтинг #Ton20 #SuperJob

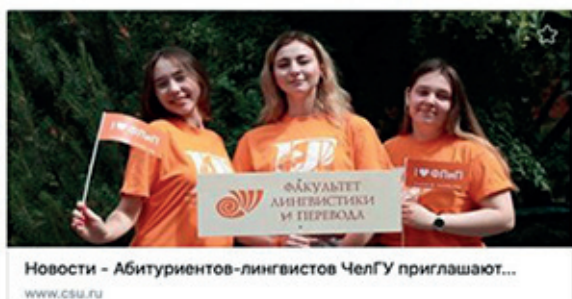
Новости - Зарплаты выпускников-экономистов ЧелГУ выросли...

Рис. 8. Зарплаты выросли
Fig. 8. Wages have gone up

Факультет лингвистики и перевода ЧелГУ продолжает «Важные встречи по вторникам». 19 июля в 12.00 с абитуриентами в онлайн-формате встретится заведующая кафедрой английского языка, доктор филологических наук, профессор Наталья Олизко. Она расскажет о факультете, его образовательных программах, особенностях обучения и ответит на вопросы.

Мероприятие традиционно пройдёт на платформе Zoom. Идентификатор конференции: 839 613 0969 Код доступа: 221017

#ЧелГУ #ФЛПЧелГУ #лингвистика #перевод #поступайЧелГУ

Новости - Абитуриентов-лингвистов ЧелГУ приглашают...

Рис. 7. Сообщество ЧелГУ ВКонтakte. Факультет Лингвистики и перевода «Важные встречи по вторникам»
Fig. 7. Community ChelSU VKontakte. Faculty of Linguistics and Translation "Important Meetings on Tuesdays"

Рис. 9. Прагматические особенности постов официальной группы ЧелГУ ВКонтakte
Fig. 9. Pragmatic features of the posts of the official ChelSU VKontakte group

В результате исследования мы пришли к выводу, что наиболее частотными функциями оказались информативная (43 %), эмотивная (23 %) и фатическая (21 %) (рису.). Несмотря на то, что основной целью прагматической функцией является воздействие на адресата, данная функция не является основной в постах университетской группы в социальных сетях.

Выводы

Университетский дискурс является одной из перспективных тем для исследования, так как в данном направлении наблюдается очень много изменений, что позволяет ученым изучать

данный дискурс в разных его проявлениях. В нашем исследовании мы рассмотрели интернет-коммуникации, которые являются основным источником информации. Наши результаты показали, что основной целью официальных групп образовательных организаций в первую очередь является информирование целевой аудитории о событиях, которые проходят в учреждении. Однако стоит заметить, что в большинстве новостных постов нельзя выделить только одну функцию — адресант использует сразу несколько функций для достижения большего эффекта и привлечения большего количества целевой аудитории.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 239—240.
2. Виноградов С. И., Платонова О. В. Культура русской речи: учебник. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 138—139.
3. Пастухова О. Д., Титова Е. А. Особенности сообщества факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета в социальной сети «ВКонтакте» // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 281—283.
4. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург, 2008. С. 13—14.
5. Функции языка. URL: <http://www.line-for-line.ru/students/?id=3> (дата обращения 18.07.2022).
6. Хомутова Т. Н., Парулина И. Ю. Тематическая структура новостного университетского дискурса. Челябинск, 2017. С. 32—40.
7. ЧелГУ. Челябинский государственный университет. URL: <https://vk.com/csu76> (дата обращения 15.07.2022).
8. Челябинский государственный университет. URL: <https://www.csu.ru/> (дата обращения 14.07.2022).
9. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193—230.

References

1. Arutyunova ND. Language and human's world. Moscow: Language of the Russian culture; 1999. Pp. 239—240. (In Russ.).
2. Vinogradov SI, Platonova OV. Russian speech culture. Moscow; 1999. Pp. 138—139. (In Russ.).
3. Pastukhova OD, Titova EA. Peculiarities of the community of the faculty of linguistics and translation at Chelyabinsk State University in the social network "VKontakte". *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = the world of science, culture and education*. 2021;(5(90):281-283. (In Russ.).
4. Rusakova OF, Rusakov VM. PR-discourse: theoretical and methodological analysis. Ekaterinburg; 2008. Pp. 13—14. (In Russ.).
5. Functions of the language. Available from: <http://www.line-for-line.ru/students/?id=3> (accessed 18.07.2022). (In Russ.).
6. Khomutova TN, Parulina IYu. Thematic structure of university news discourse. Chelyabinsk; 2017. Pp. 32—40. (In Russ.).
7. CSU. Chelyabinsk State University. Available from: <https://vk.com/csu76> (accessed 15.07.2022). (In Russ.).
8. Chelyabinsk State University. Available from: <https://www.csu.ru/> (accessed 14.07.2022). (In Russ.).
9. Jakobson R. Linguistics and poetics. In: Structuralism: «for» and «against». M.: Progress; 1975. Pp. 193—230. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. Е. Кочнева — старший преподаватель кафедры английского языка.

О. Д. Пастухова — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка.

Е. А. Титова — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка.

Information about the author

Julia E. Kochneva — Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Translation.

Oxana D. Pastukhova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation.

Elena A. Titova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 22.07.2022; одобрена после рецензирования 07.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 22.07.2022; approved after reviewing 07.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'25

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10915

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ УСТНОГО ПЕРЕВОДА С ПРИМЕНЕНИЕМ КОРПУСНЫХ РЕСУРСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА 2001—2021 ГГ.)

Екатерина Сергеевна Краснопеева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, krasnopeyeva@gmail.com, ORCID 0000-0002-3503-1849

Аннотация. Приводится характеристика исследований устного перевода, выполненных с применением корпусных ресурсов. Поскольку корпусный подход используется для описания свойств устного перевода значительно реже, чем при изучении письменного перевода, существует необходимость систематизации методов и результатов значимых исследований направления. Описываемый в статье обзор выполнен на материале 206 библиографических записей, содержащихся в базах Scopus и Translation Studies Bibliography. Критерии отбора — наличие ключевых слов corp* и interpret* в аннотации и/или заголовке, время публикации — 2001—2021 гг., язык публикации — английский. 105 исследований в выборке имеют эмпирический характер и направлены на выявление закономерностей в переводе и переводческом поведении. В данной группе работ выделены следующие тематики: нормы, универсалии перевода и закономерности в переводном тексте; особенности коммуникативного поведения переводчика; прагматика перевода, мультимодальный характер устного перевода; стратегии перевода; речевые сбои в переводе и когнитивные аспекты переводческой деятельности. Описаны ключевые задачи, проиллюстрированы методики и обобщены результаты некоторых исследований, представленных в выборке.

Ключевые слова: корпусное переводоведение, устный перевод, научный переводческий дискурс

Финансирование. Исследование выполнено за счёт гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных — кандидатов наук (проект № МК-73.2021.2).

Для цитирования: Краснопеева Е. С. Ключевые направления исследований устного перевода с применением корпусных ресурсов (на материале англоязычного научного переводческого дискурса 2001—2021 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 114—121. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10915.

Original article

KEY APPLICATIONS OF CORPUS RESOURCES IN INTERPRETING RESEARCH (BASED ON 2001—2021 ENGLISH LANGUAGE INTERPRETING STUDIES DISCOURSE)

Ekaterina S. Krasnopeyeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, krasnopeyeva@gmail.com, ORCID 0000-0002-3503-1849

Abstract. The article provides an overview of corpus-based interpreting research. As corpus-based approach is less common in interpreting studies compared to translation studies, systematization of the best practices in the field may be instrumental for its further development. The study is based on 206 bibliographic entries from Scopus and Translation Studies Bibliography databases. The following selection criteria were applied: keywords corp* and interpret* in the abstract and/or the title, time of publication — from 2001 to 2021, language of publication — English. 105 studies in the sample are of an empirical nature and aim to identify patterns in the interpreting product and interpreter behaviour. This group of papers features the following research themes: norms, translation universals and patterns in the interpreted text; interpreter communicative behaviour; pragmatics of interpreting; multimodal

nature of interpreting; interpreting strategies; speech disfluencies, and cognitive aspects of interpreting. The study describes the key objectives and methodologies, and summarizes the results of some of the studies in the sample.

Keywords: corpus-based interpreting studies, interpreting, academic discourse on interpreting

Funding. This study is funded by the President's Grant for the State Support of the Young Russian Candidates of Sciences (Project No. MK-73.2021.2).

For citation: Krasnopeyeva ES. Key applications of corpus resources in interpreting research (based on 2001–2021 English language interpreting studies discourse). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):114–121. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10915.

Введение

Уже три десятилетия корпусный подход (corpus-based translation and interpreting studies) формирует эмпирические основы мировой науки о переводе. Дескриптивному корпусному переводоведению (КП) отводится особая роль, поскольку его инструментарий способствует интеграции лингвистического и культурологического взглядов на перевод, сближению теории, практики и дидактики перевода, а также развитию новых технологий для отрасли перевода [5. Р. 9].

Принято считать, что история корпусных исследований письменного перевода началась с программной статьи М. Бейкер 1993 года [3]. Идея о применении методов корпусной лингвистики для изучения свойств устного перевода была озвучена чуть позже — в 1998 году — в программной публикации М. Шлезингер [20]. Несмотря на то, что фундамент двух направлений был заложен примерно в одно и то же время, количество корпусных исследований письменного перевода на данный момент значительно превосходит количество корпусных исследований устного перевода. Этот факт связывают с трудоёмкостью процесса создания корпусов звучащей речи в целом и устного перевода в частности. Среди факторов, затрудняющих этот процесс, — отсутствие в свободном доступе соответствующих аудио- и видеозаписей; конфиденциальность коммуникации с участием переводчика; трудности автоматизации всех этапов создания корпуса — от записи до выравнивания и разметки полученных данных [15. Р. 564]. Кроме того, подходы, разработанные для контрастивных исследований и исследований письменного перевода, оказываются неприменимы для описания свойств устного перевода, поскольку последний подразумевает значительную трансформацию оригинального текста и относительную свободу в выборе стратегий, определяемую коммуникативными задачами в ситуации перевода (в особенности, если речь идёт о корпусах абзацно-фразового перевода) [16. Р. 210]. Именно поэтому Р. Сеттон в своём обзоре

2011 года называет корпусное направление в исследованиях устного перевода «кустарным промыслом» (a cottage industry) [19].

С появлением новых технологий обработки информации подходы КП приобретают всё большую значимость, чем определяется необходимость обобщения накопленного научного опыта. В настоящей статье ставится цель на основе библиографической информации описать актуальные темы, методы и ключевые результаты, полученные за два десятилетия развития направления.

Методы и материал исследования

Междисциплинарные библиографические и реферативные базы данных, например, Scopus (<https://www.scopus.com/>) и Web of Science (<https://www.webofknowledge.com/>), позволяют объективно подходить к обзору литературы в интегративных исследованиях. Среди недостатков подобных ресурсов — «перевес» в сторону англоязычной научной литературы, популярных научных направлений и давно зарекомендовавших себя изданий [14. Р. 5]. Использование информации из указанных баз в комбинации с данными таких специализированных международных переводоведческих каталогов, как Translation Studies Bibliography (TSB) (<https://benjamins.com/online/tsb/>), BITRA (<http://dti.ua.es/en/bitra/introduction.html>) и CIRIN (<http://cirin-gile.fr/>) [10], даёт возможность более детально выстраивать обзорные исследования частных вопросов науки о переводе.

Обзор в нашей работе строится на библиографической информации из баз TSB и Scopus. Использованы следующие общие поисковые фильтры: время выхода материалов — 2001—2021 гг., язык публикации — английский. Поиск осуществлён в феврале 2022 г. При поиске в Scopus наибольшее количество релевантных результатов показал запрос *TITLE-ABS-KEY [(interpreter OR interpreting) W/10 (corpus OR corpora)]*. В TBS поиск выполнен в категории *interpreting* (устный перевод/перевод жестового языка) по заголовкам

и аннотациям материалов с использованием запроса *corpus OR corpora*.

Объём совокупной выборки составил 438 записей. Полученная выборка содержала следующие типы данных: источник информации (Scopus или TSB); текст аннотации (из открытых источников добавлены отсутствовавшие в выборке аннотации); тип работы (статья, глава в монографии); авторы; заголовок; тип источника (журнал, книга). Для исследования отобраны 206 уникальных релевантных записей¹. Заметим, что в двух базах дублировалось всего 64 из 206 записей.

Объём аннотаций в выборке составил 34 тыс. слов. Разметка аннотаций выполнялась вручную в программе OpenRefine (<https://openrefine.org/>). В ходе анализа в таблицу вносились следующие данные: 1) тип работы (обзор, эмпирическое исследование и пр.); 2) тематика/направление; 3) способ перевода (последовательный, синхронный); 4) сфера применения; 5) для эмпирических исследований корпусов переводов также — тип анализируемых данных (корпус переводов и непереводов и пр.).

Результаты исследования и их обсуждение

По итогам трёх этапов разметки выделены следующие категории публикаций. Большая часть материалов представляла собой статьи и главы в монографиях, описывающие результаты отдельных эмпирических исследований на основе корпусов переводов (105 записей).

На втором месте — материалы, посвящённые использованию параллельных и сопоставимых корпусов в дидактике перевода (16), при оценке качества перевода (13), а также на подготовительном этапе при освоении терминологии и дискурсивных особенностей определённой предметной области (11). Данная группа работ иллюстрирует многофункциональность корпуса устного перевода как ресурса. Так, в ряде рассмотренных исследований корпус используется для выявления и категоризации потенциальных переводческих трудностей, на основе которых

¹ Данные, ранее представленные в докладе, скорректированы (Краснопеева Е. С. Корпусные исследования устного перевода (обзор на материале баз Scopus и Translation Studies Bibliography // ЕВРАЗИЯ-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации: материалы Международного научного культурно-образовательного форума (Челябинск, 6–8 апреля 2022 г.) / под ред. Т. Ф. Семьян, Т. Е. Абрамзон, Л. А. Нефедовой. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2022. Т. IV. С. 431—432).

в дальнейшем строятся методики обучения. Например, исследование [6] показало, что знакомство студентов с идиоматическими выражениями и фразовыми глаголами, употребляемыми в реальных социальных ситуациях (в полиции, на таможне и др.), способствует более эффективному декодированию коммуникативной задачи, а также построению адекватной переводческой стратегии.

Третья значимая группа публикаций описывает вопросы создания корпусов устного перевода и методы их исследования (21). В эту группу мы также включили обзорные исследования, анализирующие историю развития подходов КП для изучения устного перевода (19). Одним из наиболее значимых называют обзор, выполненный Р. Сеттоном в 2011 году [19]. Эту работу можно назвать «дорожной картой» направления, поскольку она, благодаря подробному анализу теоретико-методологической базы и проблем КП, во многом заложила основы дальнейшего развития корпусных исследований устного перевода. Р. Сеттон обращает внимание на важность корпусов аутентичного материала (созданного в реальных, не инсценированных ситуациях общения), указывает на превалирование *ad hoc* корпусов в корпусных исследованиях устного перевода и описывает трудности их создания. Сегодня, вероятно, крупнейшим аутентичным корпусом устного перевода является сопоставимый корпус CEICIC (Chinese-English Conference Interpreting Corpus), содержащий 1 млн 138 тыс. словоупотреблений. Среди объёмных корпусов «живого» перевода также следует назвать корпусы синхронного перевода материалов Европарламента EPIC (European Parliament Interpretation Corpus) (177 тыс. словоупотреблений), его версии EPIC-UdS и EPICG.

Помимо массивов, содержащих стенограммы переводов, исследования устного перевода могут строиться на корпусах метапереводов или переводческого дискурса²: интервью с переводчиками, материалов в медиа о переводчиках, учебной литературы для устных переводчиков, непосредственно научных статей об устном переводе. Подобного рода исследования используют корпусный дискурс-анализ, основываются на данных о частотности и сочетаемости лексики и дискурсивных категорий. В этой группе работ 21 исследование.

Рассмотрим подробнее характеристики 105 эмпирических исследований, включённых в нашу

² См. определение понятия и описание потенциала данной категории в [2].

выборку. Графики на рисунке 1¹ отражают характеристики работ на материале синхронного (СП) (55) и последовательного перевода (УПП) (43). Работы, рассматривающие СП и УПП в сравнительном аспекте (7), также включены в график справа. На вертикальной шкале указаны ключевые направления (темы, парадигмы) исследований. Предложенные категории основаны на контент-анализе аннотаций к научным статьям. Отметим, что, безусловно, подобное деление стоит считать условным, поскольку все указанные темы взаимосвязаны и могут пересекаться в одном исследовании. Так, например, тенденция лексической симплификации, которую традиционно относят к универсалиям перевода, может трактоваться в когнитивной парадигме как индикатор когнитивной нагрузки в разных видах устного перевода [12].

На горизонтальной шкале указаны годы выхода публикаций. Цветом обозначены сферы применения перевода. Форма маркера (блок «Данные») обозначает тип корпусных данных: в исследованиях в сравнительном аспекте могут использоваться параллельные корпуса, содержащие исходные тексты (ИТ) и переводные тексты (ПТ); сопоставимые корпуса, включающие переводные тексты с различными свойствами и непередаваемые тексты (НПТ), изначально созданные на языке перевода; интермодальные корпуса, включающие устные (УП) и письменные (ПП) переводные тексты.

Характеристика эмпирических исследований устного перевода на основе корпусных данных
Features of empirical corpus-based interpreting studies

Обратимся к ключевым задачам и методикам исследований в группе, а также обобщим результаты некоторых работ.

Закономерности в переводном тексте, нормы и универсалии перевода (33)

С данного направления начинается применение методов КП в исследованиях устного перевода. В качестве материала в данной группе чаще всего выступает СП международных конференций и политических выступлений. Благодаря разработанным методикам и существующим корпусным ре-

сурсам, таким как EPIC, CECIC, CEIPPC (Chinese-English Interpreting for Premier Press Conferences), CEPIC (Chinese/English Political Interpreting Corpus), данное направление не теряет актуальность. Часть исследований в группе выполнены также на материале ad hoc корпусов, создаваемых специально для решения отдельных исследовательских задач. Например, в работе [21] влияние переводческого опыта на закономерности в реализации тенденции экспликации в УПП изучается на материале корпуса УПП профессиональных переводчиков и студентов, собранного авторами самостоятельно.

Универсальные тенденции [экспликация (5), интерференция (3), симплификация (5)] традиционно

¹ При создании иллюстрации использован ресурс Scimago Graphica (<https://www.graphica.app/>).

занимают важное место в КП. Например, в исследовании [12] сравнивается разнообразие, плотность и повторяемость лексики в подкорпусах СП (57 тыс. словоупотреблений), УПП (57 тыс.), письменного перевода (111 тыс.) публичных речей с китайского языка на английский и непереводных текстов (53 тыс.). Авторы показывают, что тенденция симплификации проявляется активнее в УПП. Этот факт связывают с более высокой когнитивной нагрузкой, чем при СП, чем опровергают распространённое мнение об особой нагрузке на переводчика при СП.

В качестве индикаторов в данной группе выступают следующие категории¹: *anaphoric links, personal and demonstrative pronouns, syntactic asymmetry, shifts, modal verbs, intensifiers, verbs of cognitive attitude, collocativity, hedges, target-oriented shifts, 's-genitive, lexical variety, lexical density, lexical patterns, lexical sophistication, linking adverbials, apposition markers, optional "that", recurrent formulaic phraseologies, cohesion, repetitiveness, informativeness*.

Когнитивный аспект устного перевода, речевые сбои как единица анализа (15)

С расширением технического инструментария КП у исследователей появляется возможность использовать всё более разнородные количественные данные для проведения многофакторного анализа и описания когнитивных механизмов перевода. В качестве предмета исследования (СП — 11, УПП — 4) могут выступать закономерности вербального и невербального поведения переводчика, в том числе хезитационные явления, повторы, отклонения от оригинала: *disfluencies, filled pauses, "uh(m)", non-renditions, mispronounced words and truncated (unfinished) words, ear-voice span, hesitations, self-repairs, silent pauses, repetitions, culture-specific linguistic metaphors*. Большая часть исследований СП в данной группе концентрируется на закономерностях появления заполненных и незаполненных пауз в речи переводчика, а исследования УПП — на так называемом «нулевом переводе» (*non-renditions*) и его причинах. Систематизация отклонений от речевой и переводческой нормы — один из немногих подходов, действительно позволяющих получить представление об особенностях когнитивности переводчика.

¹ Мы намеренно оставляем оригинальное написание терминов, чтобы у читателя была возможность использовать их в качестве ключевых слов при поиске научной литературы.

Коммуникативное поведение переводчика, прагматика коммуникации (24), мультимодальность коммуникации (11)

В 2017—2021 гг. на первый план выходят исследования, направленные на системное описание различных аспектов прагматики коммуникации с участием переводчика, в т. ч. удалённой (3). Например, Д. Дайтер в контексте теории вежливости рассматривает особенности трансляции в СП похвалы оратора в свой адрес (*self-praise*) [7]. Б. Дефранк в качестве индикатора в исследовании СП выделяет прагматический маркер *well* и рассуждает о причинах, по которым он появляется в речи переводчиков [8]. Целый ряд работ в выборке затрагивает гендерный аспект перевода: так, в [13] выявлено, что в СП переводчики-мужчины, вопреки популярному представлению, чаще прибегают к средствам митигации при передаче речевых актов, которые несут риск «потери лица» (*face-threatening acts*), чем переводчи-женщины.

А. Сандрелли на материале корпуса пресс-конференций после футбольных матчей (FOOTIE) показывает различия в особенностях перевода диалогической речи (*dialogue coordination activities*) при СП в удалённой кабине с использованием видео и в кабине на месте [18]. В [9] сравниваются особенности употребления хеджей в УПП и непереводных политических выступлениях на английском языке. Исследование показывает, что в переводных и непереводных речах наблюдаются различные закономерности употребления хеджей. Причём в переводных речах хеджи используются значительно реже, чем в непереводных.

Набирают популярность также и мультимодальные исследования социального перевода. Так, в [17] на материале перевода в учреждениях здравоохранения иллюстрируется сложный характер взаимодействия различных коммуникативных ресурсов (*speech, gestures, body posture, gaze, object manipulation, etc.*).

Исследования УПП в данной группе используют корпусные методики в комбинации с рядом теоретических и методологических подходов: *critical (corpus-based) discourse analysis, interactive framing analysis, conversation analysis, interactional dynamics analysis, social semiotics, multimodal analysis, sociolinguistics, systemic functional linguistics*. В фокусе исследований следующие факторы и единицы анализа: *pragmatic equivalence, interpreter's agency, additions, first person, footing, quotative "(s)he said", non-verbal cues, gaze, gesture, body position, head movement in discourse structur-*

ing, stance-taking, disambiguation strategies, emotional expressions, hedges, face-threatening acts.

Переводческие стратегии (22)

Значительная часть работ в выборке следует ориентации, обозначенной в программных публикациях М. Шлезингер: большой объем аутентичного материала позволяет рассуждать о тенденциях в переводческих стратегиях и формировании норм перевода. Например, в [4] описывается интермодальное исследование стратегий передачи англоязычных вкраплений в речи итальянских политиков в СП и письменном переводе на испанский язык. В [11] на материале 200 часов записей УПП на итальянском телевидении авторы описывают удачные стратегии перевода и указывают на трансформацию традиционной роли переводчика, который для решения коммуникативных задач ищет компромисс между верностью оригиналу, требованием «невидимости» и особенностями дискурса развлекательной телепередачи.

В исследованиях на материале СП присутствуют следующие единицы анализа: *unmodified loanwords, complex noun phrases (in source text), omissions of propositional information in target text, figurative language, metaphors (in source text), syntactic asymmetry, passive constructions (in target text), cultural references (in source text)*. Стратегии УПП изучаются на примере следующих категорий: *logic relations, noun complement structure “the fact that”, non-renditions*.

Заключение

По словам Д. Жия, тематическое и методологическое разнообразие науки о переводе делает её описание чрезвычайно интересным, но и не менее сложным [10]. Объём данной статьи не позволяет

проиллюстрировать всю палитру подходов, разработанных за два десятилетия корпусных исследований устного перевода. Более того, наш обзор имеет ряд ограничений: во-первых, в описанных работах варьируется трактовка понятия корпуса. Во-вторых, по замечанию Б. Дефранка¹, в исследованиях двустороннего УПП (dialogue interpreting) для описания изучаемого эмпирического материала зачастую термину *corpus* предпочитают термин *collection of texts*, при этом по ряду параметров данные текстовые массивы также могут быть названы корпусами.

Тем не менее представленный обзор позволил выделить некоторые значимые траектории развития направления и его актуальные задачи. Так, в последние пять лет методы КП начали более активно применяться в исследованиях УПП в социальных ситуациях, а к имеющимся крупным массивам СП (ЕРІС, СЕРІС) стали применяться новые методики исследования. Наблюдается отход от теории переводческих универсалий как базовой парадигмы КП в сторону исследований когниции переводчика, прагматики коммуникации, социального статуса переводчика, особенностей специального перевода в различных социальных ситуациях (в том числе в дистанционном режиме), а также изучения влияния перевода на становление различных видов дискурса. Как отмечают А. Ю. Калинин и М. В. Михайловская, в российской традиции эмпирическое изучение процесса перевода пока подразумевает выявление частотных и окказиональных переводческих приёмов [1. С. 140]. Создание мультимедийных корпусов устного перевода с привлечением материала на русском языке может во многом расширить горизонты отечественной науки о переводе.

Список источников

1. Калинин А. Ю., Михайловская М. В. Методологические аспекты изучения параллельных устных текстов // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: сборник науч. тр.; под ред. Е. М. Шастиной, В. М. Панфиловой. Елабуга, 2019. С. 139—144.
2. Новикова Э. Ю., Наумова А. П. Переводческий дискурс 4.0: разнообразие форматов, жанров и трендов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20, № 3. С. 5—17.
3. Baker M. Corpus linguistics and translation studies — Implications and applications // Text and Technology / ed. by M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli. Amsterdam : John Benjamins, 1993. P. 233—250.
4. Bertozzi M. ANGLINTRAD: Towards a purpose specific interpreting corpus // New Findings in Corpus-based Interpreting Studies. Special issue of inTRAlinea. URL: <http://www.intralinea.org/specials/article/2317> (дата обращения 17.06.2022).

¹ Лекция “Corpus Data for Interpreting Studies: Fooling Around” 10.02.2022 г. URL: <https://ctn.hkbu.edu.hk/event/corpus-data-for-interpreting-studies/> (дата обращения 10.07.2022 г.)

5. Calzada Pérez M., Laviosa S. Twenty-five years on: Time to pause for a new agenda for CTIS // *Reflexión crítica en los estudios de traducción basados en corpus. CTS spring-cleaning: A critical reflection* / MonTI. 2021. Vol. 13. P. 7—32.
6. Crezee I., Grant L. Missing the plot? Idiomatic language in interpreter education // *International Journal of Interpreter Education*. 2013. Vol. 5, № 1. P. 17—33.
7. Dayter D. Dealing with interactionally risky speech acts in simultaneous interpreting: the case of self-praise // *Journal of Pragmatics*. 2021. № 174. P. 28—42.
8. Defrancq B. Well, interpreters... a corpus-based study of a pragmatic particle used by simultaneous interpreters // *Corpus-based approaches to translation and interpreting: from theory to applications*. Vol. 106. Lausanne, Switzerland: Peter Lang, 2016. P. 105—128.
9. Fu R., Wang K. Hedging in interpreted and spontaneous speeches: a comparative study of Chinese and American political press briefings // *Text & Talk*. 2022. Vol. 42, № 2. P. 153—175.
10. Gile D. Analyzing translation studies with scientometric data: From CIRIN to citation analysis // *Perspectives*. 2015. Vol. 23, № 2. P. 240—248.
11. Katan D., Straniero-Sergio F. Look who's talking: the ethics of entertainment and talkshow interpreting // *The Translator*. 2001. Vol. 7, № 2. P. 213—237.
12. Lv Q., Liang J. Is consecutive interpreting easier than simultaneous interpreting? — a corpus-based study of lexical simplification in interpretation // *Perspectives*. 2019. Vol. 27, № 1. P. 91—106.
13. Magnifico C., Defrancq B. Hedges in conference interpreting: the role of gender // *Interpreting*. 2017. Vol. 19, № 1. P. 21—46.
14. Martínez-Gómez A. Bibliometrics as a tool to map uncharted territory: A study on non-professional interpreting // *Perspectives*. 2015. Vol. 23, № 2. P. 205—222.
15. Mikhailov M. Corpus of interpreting discourse = speech corpus + parallel corpus? // *Language Windowing through Corpora*. A Coruña, Spain: Servizo de Publicacións, 2010. P. 563—572.
16. Mikhailov M., Cooper R. *Corpus linguistics for translation and contrastive studies: A guide for research*. London: Routledge, 2016. 372 p.
17. Pasquandrea S. Co-constructing dyadic sequences in healthcare interpreting: A multimodal account // *New Voices in Translation Studies*. 2012. Vol. 8, № 1. P. 132—157.
18. Sandrelli A. Simultaneous dialogue interpreting: Coordinating interaction in interpreter-mediated football press conferences // *Journal of Pragmatics*. 2017. Vol. 107. P. 178—194.
19. Setton R. Corpus-based interpreting studies (CIS): Overview and prospects // *Corpus-based translation studies: Research and applications*; ed. by A. Kruger, J. Munday, K. Wallmach. London: Bloomsbury Publishing, 2011. P. 33—75.
20. Shlesinger M. Corpus-based interpreting studies as an offshoot of corpus-based translation studies // *Meta*. 1998. Vol. 43, № 4. P. 486—493.
21. Tang F., Li D. A corpus-based investigation of explicitation patterns between professional and student interpreters in Chinese-English consecutive interpreting // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2017. Vol. 11, no. 4. P. 373—395.

References

1. Kalinin AY, Mihailovskaya MV. Methodological issues of research into parallel oral texts. In: Shastina EM, Panfilova VM (eds.). *Sovremennye problemy filologii i metodiki prepodavanija jazykov: voprosy teorii i praktiki* = Contemporary problems of philology and language teaching methodology. Elabuga; 2019. Pp. 139—144. (In Russ.).
2. Novikova EY, Naumova AP. Translation Discourse 4.0: Variety of Formats, Genres and Trends. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* = *Bulletin of Volgograd State University. Linguistics*. 2021;20(3):5-17. (In Russ.).
3. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies — Implications and Applications. In: Baker M, Francis G, Tognini-Bonelli E (eds.). *Text and Technology*. John Benjamins; 1993. Pp. 233—250.
4. Bertozzi M. ANGLINTRAD: Towards a purpose specific interpreting corpus. *New Findings in Corpus-based Interpreting Studies. Special issue of inTRAlinea*. Available from: <http://www.intralinea.org/specials/article/2317> (accessed 17.06.2022).

5. Calzada Pérez M, Laviosa S. Twenty-five years on: Time to pause for a new agenda for CTIS. *CTS spring-cleaning: A critical reflection. MonTI*. 2021;13:7-32.
6. Crezee I, Grant L. Missing the plot? Idiomatic language in interpreter education. *International Journal of Interpreter Education*. 2013;5(1):17-33.
7. Dayter D. Dealing with interactionally risky speech acts in simultaneous interpreting: the case of self-praise. *Journal of Pragmatics*. 2021;174:28-42.
8. Defrancq B. Well, interpreters... a corpus-based study of a pragmatic particle used by simultaneous interpreters. In: *Corpus-based approaches to translation and interpreting: from theory to applications*. Vol. 106. Peter Lang; 2016. Pp. 105—128.
9. Fu R, Wang K. Hedging in interpreted and spontaneous speeches: a comparative study of Chinese and American political press briefings. *Text & Talk*. 2022;42(2):153-175.
10. Gile D. Analyzing translation studies with scientometric data: From CIRIN to citation analysis. *Perspectives*. 2015;23(2):240-248.
11. Katan D, Straniero-Sergio F. Look who's talking: the ethics of entertainment and talkshow interpreting. *The Translator*. 2001;7(2):213-237.
12. Lv Q, Liang J. Is consecutive interpreting easier than simultaneous interpreting? — a corpus-based study of lexical simplification in interpretation. *Perspectives*. 2019;27(1):91-106.
13. Magnifico C, Defrancq B. Hedges in conference interpreting: the role of gender. *Interpreting*. 2017;19(1):21-46.
14. Martínez-Gómez A. Bibliometrics as a tool to map uncharted territory: A study on non-professional interpreting. *Perspectives*. 2015;23(2):205-222.
15. Mikhailov M. Corpus of Interpreting Discourse = Speech Corpus + Parallel Corpus? In: *Language Windowing through Corpora*. Servicio de Publicacións; 2010. Pp. 563—572.
16. Mikhailov M, Cooper R. *Corpus linguistics for translation and contrastive studies: A guide for research*. Routledge; 2016.
17. Pasquandrea S. Co-constructing dyadic sequences in healthcare interpreting: A multimodal account. *New Voices in Translation Studies*. 2012;8(1):132-157.
18. Sandrelli A. Simultaneous dialogue interpreting: Coordinating interaction in interpreter-mediated football press conferences. *Journal of Pragmatics*. 2017;107:178-194.
19. Setton R. Corpus-based interpreting studies (CIS): Overview and prospects. In: Kruger A, Munday J, Wallmach K (eds.). *Corpus-based translation studies: Research and applications*. Bloomsbury Publishing; 2011. Pp. 33—75.
20. Shlesinger M. Corpus-based interpreting studies as an offshoot of corpus-based translation studies. *Meta*. 1998;43(4):486-493.
21. Tang F, Li D. A corpus-based investigation of explicitation patterns between professional and student interpreters in Chinese-English consecutive interpreting. *The Interpreter and Translator Trainer*. 2017;11(4):373-395.

Информация об авторе

Е. С. Краснопева — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода.

Information about the author

Ekaterina S. Krasnopeyeva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation.

Статья поступила в редакцию 18.07.2022; одобрена после рецензирования 04.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 18.07.2022; approved after reviewing 04.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.111'42+070:332.122:338.45(470.55)

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10916

ЧЕЛЯБИНСК И ЧЕЛЯБИНЦЫ: МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ В АМЕРИКАНСКОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ НАРРАТИВЕ

Светлана Леонидовна Кушнерук¹, Ольга Александровна Самиева²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ Svetlana_kush@mail.ru, ORCID 0000-0003-4447-4606

² samieva.olga@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2440-2533

Аннотация. В статье рассматриваются особенности когнитивно-дискурсивного миромоделирования, отражающего смыслопроизводство о крупном российском городе Челябинске и его жителях, в журналистском нарративе. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения концептуально-информационных моделей действительности, которые представляют жизнедеятельность стратегически значимого субъекта как элемента глобального социума с позиций представителя американской культуры. Общая цель заключается в анализе механизмов миромоделирования и конкретизируется задачей систематизацией фреймов как интерпретационных схем, предопределяющих представления о городе, горожанах, городских сообществах и общественно значимых проблемах в журналистском нарративе. Исследование выполнено с опорой на положения, доказанные в зарубежной и отечественной дискурсологии, когнитивной лингвистике и теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования. Журналистский нарратив изучается в аспекте интерпретации социальных вопросов города в контексте политических изменений в России последнего десятилетия двадцатого века и начала нынешнего столетия. Авторы применяют общенаучные методы наблюдения, описания, интерпретации, классификации, моделирования, методы дискурсивного и фреймового анализа, а также метод контекстуального анализа. Материалом для анализа послужили 674 контекста, отобранные методом сплошной выборки из книги корреспондента американских СМИ Энн Гэррелс «Putin Country: A Journey Into the Real Russia», которая не переводилась на русский язык. Авторы уточняют понятие репрезентационной структуры и используют его для характеристики текстового мира как ментально-языковой единицы, организующей смыслы в журналистском нарративе. Доказывается, что определяющее значение для миромоделирования играют фреймы, которые задают векторы осмысления городской жизни и моделируют урбанистическую панораму. Выделены три ключевых фрейма, формирующих взгляд на Челябинск «со стороны». Установлен макрофрейм. Обосновано, что подведение под суперординату является основным приёмом миромоделирования. Исследование вносит вклад в медиалингвистику, филологическую урбанистику, дискурсологию. Его результаты могут использоваться для разработки основ защиты от информационных угроз в интересах России.

Ключевые слова: медиалингвистика, миромоделирование, фрейм, Челябинск, промышленный город, американская журналистика, журналистика нарратива

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2022.

Для цитирования: Кушнерук С. Л., Самиева О. А. Челябинск и челябинцы: миромоделирование в американском журналистском нарративе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 122—132. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10916.

Original article

CHELYABINSK AND THE RESIDENTS: WORLD-MODELLING IN THE AMERICAN JOURNALISTIC NARRATIVE

Svetlana L. Kushneruk¹, Olga A. Samieva²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ Svetlana_kush@mail.ru, ORCID 0000-0003-4447-4606

² samieva.olga@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2440-2533

© Кушнерук С. Л., Самиева О. А., 2022

Abstract. The article deals with the peculiarities of cognitive and discursive world-modeling, which reflects sense-making about the large Russian city of Chelyabinsk and its residents, in a journalistic narrative. The paper relevance lies in the necessity of studying conceptual and informational models of reality, which represent life activity of strategically important subject as an element of global society from the viewpoint of American culture representative. The overall goal is to analyze the mechanisms of world-modeling and is specified by the purpose of systematization of frames as interpretative schemes, which predetermine ideas about the city, residents, urban communities and socially significant problems in the journalistic narrative. The study is based on the statements proven in foreign and domestic discourse studies, cognitive linguistics and the theory of cognitive and discursive world-modeling. Journalistic narrative is studied within the aspect of interpretation of the city social issues in the context of political changes in Russia of the last twenty century decade and the beginning of the present century. The authors apply general scientific methods of observation, description, interpretation, classification, modeling, methods of discourse and frame analysis, and the method of contextual analysis. The analyzed material comprises 674 contexts, selected by continuous sampling method from the American media correspondent Anne Garrels's book "Putin Country: A Journey Into the Real Russia", which has not been translated into Russian yet. The authors clarify the concept of representational structure and use it to characterize the textual world as a mental and linguistic unit that organizes meanings in the journalistic narrative. It is proved that frames, which set the vectors of comprehension of urban life and model the urban panorama, play a decisive role in world-modeling. The authors distinguish three key frames, which form the view of Chelyabinsk "from the outside". The macroframe is specified. It is substantiated that the superordinate is the main technique of world-modeling. The study makes a contribution to medialogistics, philological urbanistics and discourse studies. Its results can be used to develop a foundation for protecting against information threats within the national interests of Russia.

Keywords: media linguistics, world-modelling, frame, Chelyabinsk, industrial city, American media, narrative journalism

Acknowledgments. This research was financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of CSU 2022.

For citation: Kushneruk SL, Samieva OA. Chelyabinsk and the residents: world-modelling in the American journalistic narrative. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):122-132. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10901.

Введение

В последнее десятилетие роль зарубежных медиа, формирующих представления о крупном российском промышленном городе Челябинске как элементе системы глобального социума, значительна возросла. Согласно статистике, область попала в десятку рейтинга восприятия регионов РФ англоязычными СМИ в период с 2011 по 2020 год [<https://up74.ru/articles/news/93956/>]. Специалисты констатируют выраженный рост интереса зарубежных журналистов к Южному Уралу и его ресурсам [<https://chelyabinsk.bezformata.com/listnews/upominaemosti-v-zarubezhnih-smi/92371549/>].

Открытость современной цивилизации обеспечивает возможности изучения миромоделирования в иноязычных СМИ с целью установления концептуально-информационных моделей действительности, которые представляют фрагменты жизни российского города и формируют «взгляд со стороны». Настоящее исследование направлено на изучение особенностей репрезентации стратегически важного для страны города Челябинска зарубежными журналистами. Цель исследования заключается в анализе механизмов когнитивно-дискурсивного миромоделирования, которое от-

ражает особенности смыслопроизводства о городе-миллионнике. Частная задача — систематизация фреймов, формирующих представления о Челябинске, его жителях и качестве городской жизни в американском журналистском нарративе.

Материалы и методы

Когнитивно-дискурсивная парадигма современного языкознания даёт возможность эффективно сочетать разные методы и методики для изучения роли когнитивных, прагматических и иных факторов в конструировании социальной реальности. В таком ракурсе журналистский нарратив рассматривается в аспекте интерпретации общественно-значимых проблем Челябинска, возникающих в социально-культурных и политических условиях последнего десятилетия.

Материалом для анализа послужила книга корреспондента американских СМИ Энн Гэррелс «Putin Country: A Journey Into the Real Russia» (Страна Путина: путешествие в настоящую Россию). Все цитаты приводятся по изданию [12], которое не было переведено на русский язык. Такой выбор не случаен. Э. Гэррелс начала посещать Челябинск в 1990-е гг. с целью изучить жизнь

людей «новой России», проживающих далеко от столицы. Регулярные визиты и погружение в повседневность южно-уральского города позволили автору представить локальную урбанистическую картину в рамках журналистского нарратива и проследить тенденции изменения Челябинска на стреле времени.

Исследование особенностей миромоделирования предполагает интеграцию современных методов, каждый из которых служит достижению поставленной цели. В дополнение к общенаучным методам наблюдения, описания, интерпретации, классификации и моделирования производится дискурсивный анализ, способствующий выявлению корреляций между структурами значения и разнотипными структурами выражения (по Т. А. ван Дейку) с учётом широкого спектра контекстуальных факторов. Метод контекстуального анализа используется для изучения значений языковых форм в лексикографических источниках и их синтагматических отношениях в текстовой ткани нарратива. Фреймовый анализ обеспечивает возможность систематизации интерпретационных схем, активируемых автором для оказания прагматического воздействия на читателей.

Фреймы выделялись индуктивно [9. С. 53], то есть на основе непосредственного анализа ключевых лексических единиц *Chelyabinsk, city, people, resident, women, men* и контекстуального окружения. Макрофрейм был определён с учётом типологии А. Бойдстан [8]. Общее количество проанализированных контекстов — 674. Моделирование архитектоники текстового мира журналистского нарратива проводилось с учётом концептуальной сложности фреймов и возможности их разграничения на макрофреймы, фреймы, субфреймы, слоты. Детализация фреймов в слотовой части связана с тем, что американский автор-журналист фокусирует внимание на таких фрагментах городской жизни, которые, с её точки зрения, заслуживают внимания.

Результаты исследования и обсуждение

Понятие миромоделирования разрабатывается в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языковых фактов. В широком смысле оно обозначает структурирование представлений о действительности в дискурсе, приводящее к образованию репрезентационных структур. Основаниями для его разработки послужили работы зарубежных и отечественных учёных, которые обращаются к вопросам моделирования ментально-языковых структур и их роли в объективации

фрагментов реальности. Диапазон наиболее значимых посылок настоящего исследования формируют следующие публикации [1; 6; 7; 16; 18; 19]. Системный характер исследования обеспечивается опорой на положения, доказанные в дискурсологии и когнитивной лингвистике.

В теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования под *репрезентационными структурами* понимаются ментальные конструкторы разной степени концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления фрагментов «вещного мира» в коммуникативном контексте, накладывающем определённые ограничения на процессы смыслопорождения [4].

В европейской научной традиции они обозначены как дискурсивный мир (*discourse-world*) и текстовый мир (*text-world*). Многие подчёркивают их противопоставленность друг другу и одновременно возможность пересечения и полного совпадения (например, непосредственная беседа между членами семьи или коллегами в офисе) [15].

Дискурсивный мир профилируется относительно базы «реального мира», его нередко приравнивают к ситуационному контексту вокруг речевого события между взаимодействующими участниками, а текстовый мир рассматривается как концептуальный сценарий, представляющий сиюминутное положение дел [18. С. 83].

В отличие от этой трактовки, уходящей к «узкому» пониманию дискурса, мы полагаем, что дискурсивный мир является многокомпонентной ментальной структурой, которая объективируется и моделируется на основе широкой совокупности разнообразных в жанровом отношении текстов, объединённых в тематическом, коммуникативно-прагматическом и/или функционально-целевом планах. Дискурсивные миры соотносятся с концептуальным глобальным значением, индуцируемым типологически разными средствами текстуальности.

Текстовые миры являются ментальными проекциями второго уровня, активируемыми речевыми произведениями в пределах дискурсивного мира. Обсуждаемые репрезентационные структуры организованы по принципу «матрёшки», то есть в более объёмном концептуальном поле дискурсивного мира обозримы «вложенные» элементы, отвечающие за детализацию, — текстовые миры. Это не единичные репрезентации, но множества ментальных конструкторов, в которых персонажи и их свойства отобраны автором для выделения аспектов реальности и представления интерпретаций положения дел.

В настоящей работе текстовые миры рассматриваются как модели дискурсного понимания, представляющие собой проекции жизни российского промышленного города Челябинска в сюжетно-событийных формах журналистского нарратива. Журналистский нарратив — «семиотическая репрезентация», или форма журналистского повествования, которая представляет упорядоченную серию событий (с участием реальных лиц), обладающих временной и причинной связью и разворачивающихся при определённых обстоятельствах [2; 17]. Журналистский нарратив — это одновременно и форма репрезентации реальности, и способ её конструирования.

В традиционном понимании СМИ информируют, создают повестку дня и, описывая явления, направляют внимание читателей. Журналистский нарратив не столько воспроизводит события, сколько задаёт векторы их осмысления, что часто достигается приданием эмоциональной окраски [2]. Читатель воспринимает реальный мир через текстовые миры авторской журналистики.

При этом определяющее значение имеет комбинация фреймовых структур разной степени концептуальной сложности, выделяющих и детализирующих общественно-значимые вопросы городской жизни. Важную роль играет взаимодействие фреймов как опорных элементов текстового мира журналистского нарратива. При этом мы разделяем идеи социального конструкционизма (П. Бергера, Т. Лукмана) о том, что явления действительности особым образом «оформляются», или фреймируются в целях репрезентации социальной реальности.

Фрейм определяется как «принцип отбора, выделения и представления информации» [10], «концептуальный инструмент», используя который индивиды и СМИ «упаковывают» информацию для аудитории [16], «центральная организующая идея для осмысления соответствующих событий» [13. С. 3]; средства, при помощи которых медийная информация упорядочивается, предлагается и интерпретируется [14]. Фреймы — это «организующие принципы, которые разделяются обществом и сохраняются с течением времени, которые символически работают, чтобы осмысленно структурировать социальный мир» [11. С. 11]. Это определение лежит в основе настоящего исследования.

Исследование позволило установить фреймовые структуры, которые организуют текстовый мир журналистского нарратива и представляют взгляд представителя американской культуры

на жизнь и быт «типичного российского города» (*a typical Russian city*).

Урбанистическая панорама, создаваемая американской журналисткой, формирует объёмное видение южноуральского города. Фреймы «приглашают» читателя думать о Челябинске в пределах оценок, которые задают схемы интерпретации в аспектах общей характеристики города как его визитной карточки, городской инфраструктуры, отношений между жителями, функционирования городских сообществ, а также качества жизни челябинцев в целом.

Фрейм **Город** параметризует облик Челябинска по ряду признаков. Общее представление о нём формируется благодаря государственной принадлежности (*the Russian city of Chelyabinsk*), территориальной характеристике по отношению к столице (*a thousand miles east of Moscow*), размеру области (*the size of Austria*), расположению на окраине Уральских гор (*sits on the southern edge of the Ural Mountains*), статусу провинции (*provincial cities like Chelyabinsk*), степени загрязнённости (*Chelyabinsk's pollution history*), составу населения преимущественно из этнических русских (*The city of Chelyabinsk is predominantly ethnic Russian*), заводскому и архитектурному наследию Советского времени (*Chelyabinsk's biggest problem is its legacy of huge Soviet plants; white-brick houses from Soviet times*).

Челябинск является военно-промышленным центром (*the military-industrial hub of Chelyabinsk*) и ядерным оплотом страны (*a military-industrial-nuclear stronghold*). Закладывается ассоциация угрюмого и мрачного заводского региона (*gritty industrial region, gloomy factories*), что, как представляется, одновременно высвечивает такие качества, как твёрдость и выносливость людей. Лексема *'stronghold'* имеет семы 'укреплённое место', 'место безопасности' [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/stronghold>].

Представление о Челябинске как цитадели России также формируется благодаря участию *Танкограда* (*proudly known as Tankograd*) в Великой Отечественной войне (*The Great Patriotic War*), чем жители гордятся по сей день. Город находился в центре военных усилий (*Chelyabinsk was at the center of the war effort*), поскольку обеспечивал вооружением Советскую армию. Деятельность челябинских заводов и рабочих предопределила «триумфальную» победу над гитлеровцами (*Chelyabinsk's factories and workers played a huge part in that triumph*). Безоговорочное одобрение и неоспоримость вклада челябинцев в мир без фашизма,

актуализируемое за счёт семантики лексемы *triumph*: 'a notable success', 'the joy or exultation of victory or success' [https://www.merriam-webster.com/dictionary/triumph], свидетельствует о том, что автор признаёт значительные успехи нашей страны в победе над «коричневой чумой». Это особенно важно для предотвращения попыток «переписать» мировую историю в настоящее время.

Динамика изменения Челябинска в текстовом мире нарратива устанавливается за счёт смены временных координат, обозначенных конкретными датами или указаниями на промежуток истории. Дейксис определяет круг наиболее значимых для города периодов.

В XIX веке Челябинск стал центром торговли и точкой сопряжения Российской империи и Китая (*Chelyabinsk became a trading center that connected the expanding Russian Empire and China*). Большое внимание уделяется городу в 1990-е гг., что вполне ожидаемо, поскольку в 1993 году Э. Гэррелс начала изучать специфику «новой независимой России» и дала собственные оценки происходящему.

С течением времени репутация города меняется. В этом отношении показательны оценочные средства с негативной семантикой, которую задают лексемы 'decline', 'hit', 'desperate', 'dependent', 'depressing', обнаруженные в контекстах о жизни мегаполиса. Состояние России в 1991–1995 гг. сравнивается с периодом Великой депрессии в США и характеризуется как упадок (*decline*), который сильнее всего «ударил» по таким городам, как Челябинск (*hit hardest in cities like Chelyabinsk*), что проявилось в безработице, беспорядках и дефиците.

В 1990—1993 гг. Челябинск был депрессивным местом (*a depressing place*), а состояние горожан было похоже на эмоциональный коктейль из отчаяния, надежды и страха, попеременно охватывающих людей как реакция на политические изменения в Москве (*people were alternately desperate, hopeful, and fearful as changes emanated from Moscow*). Период низкой экономической активности продолжался несколько лет. Очередной «удар» пришёлся на 1998 год из-за дефолта. Отмечается, что город, находящийся в большой зависимости от устаревших, перегруженных персоналом заводов, серьёзно пострадал (*dependent on out-of-date, overstaffed factories, was hit hard again*). Устойчивое выражение *hit hard* актуализирует семантику 'to be affected badly: to be harmed' и намеренно используется для метафоризации и укрепления идеи о сильном отрицательном воздействии политических инициатив на отдалённый от столицы город.

На смену резко негативным оценкам состояния миллионника в «лихие девяностые» приходят нейтральные и позитивные квалификации. Немногим более, чем через десять лет работы Президента В. Путина, как пишет Гэррелс, центр города стал неузнаваемым (*the center of Chelyabinsk is unrecognizable*). Лексема *unrecognizable* коннотирует преобразование некогда бесцветного и запущенного места (*transformed the once colorless, run-down area*), что утверждает позитивные перемены в облике города. Благоприятному впечатлению о Челябинске 2012 года способствует эпитет *dramatic*, передающий семантику разительных изменений. Ср.: *Chelyabinsk is no longer a Soviet city, cut off from the world, and the changes it's seen in such a short time are dramatic. Many of those changes are for the better*. Автор подчёркивает, что это уже не советский город, который ассоциируется с «отрезанностью» от мира. Многие преобразования меняют жизнь горожан к лучшему.

Фрейм **Жители города** направляет фокус внимания на людей, с которыми автору приходилось встречаться. Обобщённый образ формируют представители разного рода профессий, занятий, религиозных конфессий — рабочие (*factory workers*), владельцы магазинов (*shopkeepers*), бизнесмены (*successful businessmen*), сутенёры и проститутки (*pimps and prostitutes*), учителя, врачи, сотрудники социальных служб (*teachers, doctors, and social workers*); христиане и мусульмане (*Christians and Muslims*); правозащитники и лидеры общественных организаций (*human rights activists and leaders of civic groups*).

По национальной принадлежности, как пишет автор, челябинцы главным образом этнические русские (*Chelyabinsk is predominantly ethnic Russian*). За пределами города расположены татарские и башкирские деревни (*indigenous Tatar and Bashkir villages*). В сельской местности также проживает большое число людей с немецкими корнями (*They were of German descent, like many in Chelyabinsk's villages*).

В 1990-х гг. выявляется кризис идентичности россиян. Ср.: *Crudely put, Russians face an identity crisis over where their country fits into the overall global scheme*. Это, по мнению американки, связано с попыткой страны вписаться в общую глобальную схему. В этот период разочарование европейскими и американскими ценностями растёт: россияне не хотят быть «жалкой копией Запада» (*a poor copy of the West*) и начинают искать «свою» русскую идентичность (*began searching for a distinctly Russian identity*).

Подведение под суперординату является основным приёмом миромоделирования в избранном нарративе, то есть зависимости между явлениями устанавливаются на основе гиперо-гипонимических отношений, или родовидовой концептуальной общности понятий. Он реализуется через регулярную активацию концептуальной пары **Челябинцы — Россияне**, а также концептуальных оппозиций **Россия — Запад** и **Россия — Советский Союз**, что позволяет автору прибегать к генерализации и экстраполировать субъективные оценки на широкий круг лиц, событий и явлений.

Ср.: *Over the past ten years, Russians are on average living a little longer, drinking themselves to death less frequently, killing themselves less often, and killing each other more rarely, but the statistics still aren't great in global terms.* В приведённом контексте отмечено, что продолжительность жизни россиян в среднем немного увеличилась, они реже убивают себя и друг друга. Но, по признанию журналиста, статистика по-прежнему невелика в глобальном масштабе. Усиленное синтаксическим параллелизмом, сравнение в сочетаниях *'a little longer', 'less frequently', 'less often', 'more rarely'*, обнажает предвзятость авторского видения благодаря внедрению семантики неопределённости: выделены объекты сравнения (*living, drinking themselves to death, killing themselves, killing each other*), но не назван стандарт сравнения (то, с чем сравнивается). Предшествующее состояние имплицуется.

Показатель смертности россиян сопоставляется с западными странами. Ср.: *Twenty-five percent of Russian men die before the age of fifty-five, compared with 7 percent in most Western countries, and researchers cite alcohol as a key reason.* Подчёркивается, что двадцать пять процентов российских мужчин не доживают до пятидесяти пяти лет по сравнению с семью процентами в большинстве западных стран. Главной причиной этого назван алкоголь.

Субфрейм **Женщины** транслирует представление о челябинках и создаёт общий портрет россиянок. Характеристика внешнего вида сводится к тому, что это стильные женщины (*stylish Russian women*), гуляющие по булыжной мостовой на десятисантиметровых каблуках (*effortlessly stroll the cobblestones in four-inch heels*), демонстрирующие и без того длинные ноги (*which make their already long legs seem endless*). При этом акцентируется, что они одеты в одежду западного производства (*Western apparel*).

По наблюдениям над жителями Челябинска, россиянки мало похожи на своих матерей, которые, как пишет Гэррелс, метались между работой, очередями и кухней, а к сорока годам казались старыми и измученными. Ср.: *Today's Russian women typically look little like their mothers, who shuttled between work, food lines, and the kitchen and appeared old and exhausted by forty.*

Однако они, как и прежде, несут два бремени — работу и заботу о семье, часто в невыносимых условиях (*the double burden of working and taking care of the family, often under impossible conditions*). Лексема *'burden'* имеет семы *'duty', 'responsibility', 'something oppressive or worrisome'* [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/burden>]. Её актуализация укрепляет идею о долге, ответственности, которые вызывают беспокойство и чувство угнетённости. Русские женщины говорят о своей выносливости со смесью гордости и негодования: *Russian women talk about their endurance with a mixture of pride and resentment.*

Женщины метафорически представлены жертвами отношений с противоположным полом или экономического кризиса. Риторические средства опредмечивают образ молодых, привлекательных, образованных матерей-одиночек, брошенных мужьями-алкоголиками: *young, attractive, educated single mothers abandoned by drunken husbands or victims of the economic crisis.*

Лексема *'victim'* имеет значение *'one that is subjected to oppression, hardship, or mistreatment'* [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/victim>]. Профилируются семантические параметры, которые характеризуют женщин как подверженных угнетению, лишениям и жестокому обращению.

Идея жертвенности женщин объёмно раскрывается системой средств. В ряде случаев механизмом фреймирования выступает цитата, принадлежащая участнику интервью. Это позволяет автору моделировать картину реальности, апеллируя к «объективным» мнениям горожан без открытого представления собственной позиции. Так, в одном из контекстов высказывается сочувствие женщинам, которые не могут найти партнёра по причине демографического перевеса и общей проблемы алкоголизма. Ср.: *"The poor women <...> there are more women than men, and it's really hard to find a good man here given the high rates of alcoholism"*.

Показательно, что в такой ситуации россиянки ищут утешение в русской бане (*The best place for women to talk about their lives is the Russian banya*), некоторые — в «тусовках» с американскими мужчинами. Ср.: *In 1997, dozens of women from across*

the country, including Chelyabinsk, turned up for a **'get-together' with American men at Moscow's Ros-siya Hotel**. В 1990-е гг. появляется понятие «оживлённой» торговли русскими невестами (*there was a brisk trade in Russian brides*). Объективируется концептуальная оппозиция *русские мужчины* — *американские мужчины*, в которой вторые рассматриваются как идеальные партнёры (*Russian women thought American men would be ideal partners*).

Другая концептуальная оппозиция как триггер обсуждаемого фрейма противопоставляет женщин и мужчин по уровню дохода и вскрывает проблему гендерной дискриминации. Заработная плата женщин значительно уступает оплате труда мужчин (*Women's salaries still lag way behind men's*). Многие женщины вынуждены работать неофициально, чтобы их работодателю не приходилось платить отпуск по беременности и родам и отчислять средства на социальное обеспечение. Ср.: *Many women are forced to work off the books so their employer won't have to pay maternity leave and social security taxes*. Одной из характерных черт поведения работодателей является практика «отсеивания» будущих матерей (*weed out prospective mothers*).

На этом фоне, по мнению автора, непросто найти женщин, которые могли бы сказать много хорошего о русских мужчинах. Ср.: *It's hard to find women who have much good to say about Russian men*. Это выводит на первый план проблему взаимоотношений между полами и причины неблагополучия, увиденные американкой в поведении русских мужчин.

Субфрейм *Мужчины* моделируется на основе дескрипций и эмоционально-оценочных контекстов, объединённых общим денотатом.

Даётся характеристика внешнего вида «успешных» мужчин: в черных рубашках и черных галстуках в сопровождении девиц, которые всё время молчат (*men in black shirts and black ties, accompanied by babes who never said a word*). Это напоминает сцену из плохого гангстерского фильма (*looked as if they had just walked out of a bad gangster movie*). Опора на символические смыслы о жанре криминального фильма, а также эпитет *'bad'* активирует негативную оценку и усиливает семантику организованной преступной деятельности, ассоциируемой с состоятельными челябинцами. Американка подмечает черту российских бизнесменов 1990-х по-быстрому заработать денег и ничего не делать: *Russian men are cursed by the belief they should make a quick million or do nothing at all*.

Как заключает Гэррелс, непьющие мужья — большая удача российских женщин. Ср.: *They [women] are among the lucky ones because their husbands don't drink, and are finally making decent money*. Моделируется неприглядный образ российского мужчины, страдающего от алкоголизма. Женщины, кому довелось жить с трезвыми и хорошо зарабатывающими супругами, оказываются «среди счастливиц».

Объяснение того, что мужчины оказались слабее женщин, нужно искать в Советском времени. Ср.: *... the legacy of the Soviet Union's demise has left men a lot weaker than women to this day*. Аллюзия к распаду Советского Союза призвана выявить причину, которая видится в истощённом генофонде страны (*the country's depleted gene pool*): много мужчин было убито во время революции, гражданской войны, чисток, а затем Второй мировой войны.

Субфрейм *Семья* обнаруживает амбивалентность авторских оценок социального явления и параллели с американскими реалиями. В городе (2013 г.) есть состоятельные семьи (*well-heeled families*), которые проживают в больших домах, расположенных в фешенебельных загородных коттеджных посёлках (*large houses in Chelyabinsk's new suburbs; the city's upscale gated communities*).

На этом благополучном фоне высвечивается ещё одна социальная проблема, связанная с тем, что материально обеспеченные горожане, или растущие, стабильные российские семьи (*expanding, stable Russian families*) вынуждены обращаться за медицинской помощью в США, например при рождении детей.

Алкоголизм назван основной причиной разводов. Ср.: *Alcoholism remains the bane of Russian family life, a major factor in a divorce rate that is now number one in the world*. Отрицательная эмоционально-оценочная квалификация достигается благодаря метафоре «проклятье». Риторическая сила метафоры раскрывается за счёт сем *'a source of harm or ruin', 'death', 'destruction', 'woe'*, организующих лексему *'bane'*. Зависимость от употребления алкоголя наносит вред, разрушает, причиняет бедствие и горе российским семьям.

Обсуждая социальное явление как один из аспектов жизни челябинцев и россиян, автор выходит на более широкий уровень обобщения и выражает критику российской власти. Это достигается за счёт иронии, основанной на противоречии между тем, что эксплицируется, и тем, что на самом деле подразумевается. Ср.: *«Family values» is the ever-repeated mantra coming from President Putin, though he has himself divorced*.

Раскрывая механизм иронии, обратим внимание на такой орфографический знак, как кавычки, которыми оформлено словосочетание «семейные ценности» («*Family values*»). В данном случае семантика кавычек производит полемический эффект, то есть автор выражает несогласие с утверждением, заключённым в словосочетании, и имплицитно, что на самом деле это не так. Культивация одобряемых в обществе представлений о семье метафорически сравнивается с мантрой (*ever-repeated mantra*), которую постоянно повторяет президент как священное заклинание. Указание на то, что глава государства пережил развод усиливает прагматический потенциал метафоры и свидетельствует в пользу критического отношения журналиста.

Фрейм **Городские сообщества** включает осмысление и оценку существующих объединений горожан на основе религиозных взглядов, как официальных, так и неофициальных, а также сексуальной идентичности жителей.

Субфрейм **Религиозные сообщества** генерирует смыслы о существующих в Челябинске группах людей, исповедующих и практикующих разные религии при доминанте христианского вероучения.

Причины этого видятся в советских репрессиях на религиозной почве. Ср.: *Repression of religion was more draconian than in many other places. Though Soviet law dictated that each confession have one place of worship in each community, Chelyabinsk was left with only one Orthodox church.*

В рамках стратегии предикации репрессии названы «драконовскими». Лексема ‘*draconian*’ передаёт семантику ‘*cruel*’, ‘*severe*’ [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/draconian>] и насыщает концептуальное пространство текстового мира признаками жестокости, беспощадности, суровости. Хотя советский закон предписывал многоконфессиональность, в Челябинске осталась только одна православная церковь. Поднимается проблема религиозной дискриминации. Ср.: *the country's four «traditional» religions—Islam, Judaism, Buddhism, and the Orthodox, with the Orthodox Church fighting for and winning distinct advantages.... Other confessions, regardless of how long they have existed in Russia, have often faced outright discrimination.*

Религиозная жизнь в Челябинской области признаётся «удивительно разнообразной» (*surprisingly diverse*). В 1993 г. из четырёх известных (традиционных) религий — ислам, иудаизм, буддизм и православие — преимущество имеет Православная Церковь. Другие конфессии сталкиваются с «откровенной» дискриминацией. Катехизис

Православной Церкви провозглашает ее превосходство над другими религиями. Ср.: *the catechism of the Orthodox Church declares its supremacy over all other religions.*

Вместе с тем подчёркивается, что мусульмане переживают культурное и религиозное возрождение (*Muslims are experiencing a cultural and religious revival*). Состояние исламской религии в Челябинске передаётся метафорой ренессанса (*the Muslim renaissance in Chelyabinsk*), что акцентирует период активности, интеллектуального и духовного преображения, связанного с вопросами религиозной идентичности.

Подчёркнуто «плохое отношение» государства (*the state's poor treatment of so-called nontraditional religions*) к так называемым нетрадиционным религиям (*evangelical churches*) и другим неформальным объединениям, например квир-культуре (от англ. *queer culture*), или культуре секс-меньшинств.

Субфрейм **ЛГБТ-сообщество** направляет читателя на восприятие формы субкультуры как разновидности социального протеста против традиционных представлений о недопустимости однополых связей, которая в 1990-е годы имела своих представителей в Челябинске (*gay activist, lesbian*).

Гей-культура, как пишет Гэррелс, вышла из подполья (*emerged from the underground*). По её мнению, челябинские представители «поразительно» хороши собой (*strikingly good-looking*) в отличие от многих российских мужчин (*unlike many Russian men*).

Противопоставление, основанное на том, что представители гей-культуры привлекательны, а традиционалисты — нет, существует как ментальная схема в американском обществе, но неприемлемо в России, поскольку закон (*antigay legislation*) запрещает пропаганду гомосексуализма. Э. Гэррелс констатирует, что в обществе их порицают, избивают (*beating up gays*), они живут в страхе (*gay men are afraid to be seen publicly*), а движение за права геев подавляется (*suppress homosexuality*). Такая ситуация, как считает автор, коренится в советском прошлом, когда однополые отношения были вне закона и карались тюремным заключением на срок до пяти лет. Ср.: *Same-sex intercourse was illegal in the Soviet Union and remained punishable by up to five years in prison.*

Признавая, что в Челябинске существует активная ЛГБТ-жизнь, автор высказывает мнение, что она «отнюдь не такая яркая и открытая, как хотелось бы». Ср.: *There is an active LGBT life in Chelyabinsk, though it's by no means as vibrant or as open*

as one might wish. Оценки имеют характер осуждения российских мер в отношении геев. Они вместе с тем формируют частное мнение журналиста как представителя западной культуры и ценностей.

Заключение

В данной статье особенности миромоделирования в нарративе исследуются на основе систематизации концептуальных структур, которые отражают репрезентацию жизни Челябинска и челябинцев в 1990-е гг. Взгляд на мегаполис представителя американской культуры формирует перспективу «извне», что позволяет сделать заключение о том, как видят россиян со стороны, и что становится особенно приметным в глазах опытного зарубежного журналиста.

Фреймы как активируемые интерпретационные схемы структурируют текстовый мир нарратива и выводят на первый план макрофрейм КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ. Его генерация основана на системе представлений об инфраструктуре города, его территориально-географических и ресурсных особенностях, этническом и конфессиональном составе, а также исторической роли города в советское время.

Опорными элементами, конституирующими макрофрейм, являются фреймы **Город**, **Жители города**, **Городские сообщества**. Каждый из них имеет субфреймы и детализируется в слотовой части, что выявляет особенности авторской «диагностики» и разъяснения вопросов городской политики сквозь призму рефлексии о жизни в России в целом.

Используемые приёмы авторского миромоделирования формируют сложный механизм, позволяющий транслировать суждения и оценки. В текстовом мире нарратива на регулярной основе засвидетельствована актуализация прямого значения ключевых слов и метафорического значения единиц, соотносимых с общим денотатом. Оценочная квалификация явлений городской жизни преимущественно осуществляется за счёт экспрессивной и эмоционально-оценочной лексики и в большей мере отражает критическое осмысление автором российской действительности.

Установлено, что **подведение под суперодинату** является основным приёмом миромоделирования, который реализуется благодаря активации концептуальной пары *Челябинск — Россия*, а также концептуальных оппозиций *Россия — Запад* и *Россия — Советский Союз*. Аккумуляция соответствующих смыслов в текстовом мире нарратива возможна благодаря эксплицитной и имплицитной оценке явлений и городских событий, в том числе через актуализацию универсальных символов, прецедентных феноменов и сравнение с реалиями родной для автора страны.

Дальнейшее изучение миромоделирования в зарубежной журналистике способно внести вклад в развитие отечественных дискурсивных исследований и медиалингвистики с учётом качества «внешней» перспективы, накладываемой на презентацию событий и явлений в России, и быть полезным для разработки основ защиты от информационных угроз в интересах нашей страны.

Список источников

1. Интерпретация мира в языке: колл. моногр. / под ред. Н. А. Бесединой, Н. Н. Болдырева. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2017. 450 с.
2. Качанов Д. Г. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия // Меди@льямы. 2021. № 3 (104). С. 20—29.
3. Кушнерук С. Л. Закон и порядок как социальная проблема в дискурсе городского издания // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7, № 1. С. 33—48.
4. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 48 с.
5. Медийная репрезентация социальных проблем городов-побратимов: моногр. / Н. Г. Асмус, М. С. Журкова, Л. П. Ковальчук [и др.]; под ред. С. Л. Кушнерук, Н. С. Олизько. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 237 с.
6. Огнева Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров: моногр. М.: Эдитус, 2019. 190 с.
7. Огнева Е. А., Гламазда С. Н. Концепция контекстной поляризации: моногр. М.: Эдитус, 2021. 232 с.
8. Boydston A. E., Card D., Gross J. H., Resnik P., Smith N. A. Tracking the development of media frames within and across policy issues. Working Paper. 2014. 25 p. URL: <http://www.cs.cmu.edu/~nasmith/papers/boydstun+card+gross+resnik+smith.apsa14.pdf>

9. De Vreese C. News framing: Theory and typology // *Information Design Journal + Document Design*. 2005, № 13 (1). P. 51—62.
10. Entman R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman // *Journal of Communication*. 1993, № 43 (4). P. 51—58.
11. Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world / ed. by S. D. Reese, O. Gandy, Jr., A. Grant. Routledge, 2001.
12. Garrels, A. Putin Country: A Journey Into the Real Russia. Picador; Farrar, Straus and Giroux, 2016.
13. Gamson W. Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear war: A constructionist approach // *American Journal of Sociology*. 1989. No 95 (1). P. 1—37.
14. Pan Z., Kosicki G. M. Framing analysis: an approach to news discourse // *Political communication*, 1993, № 10 (1). P. 55—75.
15. Tincheva N. Discourse world-profiling expressions: Contrasting data from British and Bulgarian political speeches // *Language Close Up*. Sofia: Sofia University Press, 2018. P. 297—317.
16. Van Gorp B. The constructionist approach to framing: Bringing culture back in // *Journal of communication*, 2007, № 57 (1). P. 60—78.
17. Vanoost M. Defining Narrative Journalism Through the Concept of Plot // *Diegesis*. 2013. No 2 (2). P. 77—97.
18. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. London: Longman, 1999.
19. World Building: Discourse in the Mind / ed. by J. Gavins, E. Lahey. Bloomsbury, 2016.

References

1. Besedina NA, Boldyrev NN (eds.). World Interpretation in Language. Tambov: Tambov State University after named GI Derzhavin; 2017. 450 p. (In Russ.).
2. Kachanov DG. Multimedia Journalistic Narrative: Toward a Definition of the Concept. *Medi@lmanakh = Medi@lmanah*. 2021;(3(104):20-29. (In Russ.).
3. Kushneruk SL. Law and Order as a Social Problem in the Discourse of Urban Publishing. *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki = Scientific result. Issues of theoretical and applied linguistics*. 2021;7(1):33-48. (In Russ.).
4. Kushneruk SL. Kognitivno-diskursivnoye miromodelirovaniye v britanskoy i rossiyskoy kommercheskoy reklame = Cognitive and Discursive World-Modeling in British and Russian Commercial Advertising. Abstract of thesis. Ekaterinburg; 2016. 48 p. (In Russ.).
5. Asmus NG, Zhurkova MS, Kovalchuk LP et al. Mediynaya reprezentatsiya sotsial'nykh problem gorodov-pobratimov = Media Representation of the Social Problems of the Sister Cities. Chelyabinsk: Chelyab. State University Publ.; 2021. 237 p. (In Russ.).
6. Ogneva EA. Kontsepty-dominanty kak informativnyye konstrukty tekstovykh mirov = Dominant Concepts as Informative Constructs of Text Worlds. Moscow: Editus; 2019. 190 p. (In Russ.).
7. Ogneva EA, Glamazda SN. Kontseptsiya kontekstnoy polyarizatsii = The Concept of Contextual Polarization. Moscow: Editus; 2021. 232 p. (In Russ.).
8. Boydston AE, Card D, Gross JH, Resnik P, Smith NA. Tracking the development of media frames within and across policy issues. Working Paper; 2014. 25 p. Available from: <http://www.cs.cmu.edu/~nasmith/papers/boydstun+card+gross+resnik+smith.apsa14.pdf>
9. De Vreese C. News framing: Theory and typology. *Information Design Journal + Document Design*. 2005;(13(1):51-62.
10. Entman RM. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. 1993;(43(4):51-58.
11. Reese SD, Gandy O, Jr., Grant A (eds.). Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world. Routledge; 2001.
12. Garrels A. Putin Country: A Journey Into the Real Russia. Picador; Farrar, Straus and Giroux; 2016.
13. Gamson W, Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear war: A constructionist approach. *American Journal of Sociology*. 1989;(95(1):1-37.
14. Pan Z, Kosicki GM. Framing analysis: an approach to news discourse. *Political communication*. 1993;(10(1):55-75.

15. Tinceva N. Discourse world-profiling expressions: Contrasting data from British and Bulgarian political speeches. In: *Language Close Up*. Sofia: Sofia University Press; 2018. Pp. 297—317.
16. Van Gorp B. The constructionist approach to framing: Bringing culture back in. *Journal of communication*. 2007;(57(1):60-78.
17. Vanoost M. Defining Narrative Journalism Through the Concept of Plot. *Diegesis*. 2013;(2(2):77-97.
18. Werth P. *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. London: Longman; 1999.
19. Gavins J, Lahey E (eds.). *World Building: Discourse in the Mind*. Bloomsbury; 2016.

Информация об авторах

С. Л. Кушнерук — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка.

О. А. Самиева — магистрант.

Information about the authors

Svetlana L. Kushneruk — Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of the Theory and Practice of the English language.

Olga A. Samieva — Master Student.

Статья поступила в редакцию 24.07.2022; одобрена после рецензирования 07.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 24.07.2022; approved after reviewing 07.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Вклад авторов: Кушнерук С. Л. — разработка теоретических основ исследования, практический анализ; Самиева О. А. — сбор и классификация материала для исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Kushneruk S. L. — theoretical foundation of the research, practical analysis; Samieva O. A. — collection and classification of research material.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10917

ПРИМЕТА КАК ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ

Ольга Валентиновна Ломакина

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, rusoturisto07@mail.ru, ORCID 0000-0003-0298-5678

Аннотация. Статья посвящена изучению приметы с учётом современной лингвистической парадигмы. Проанализированы исследования, посвящённые приметам, приведены классификации примет, доказано, что сновидческие тексты и гадания не могут относиться к паремийным единицам. Особое внимание уделено лексикографированию примет языков народов России: указано, как приметы приводятся в различных словарях. С учётом современных направлений лингвистики — лингвокультурологии и лингвоаксиологии — предлагается рассматривать примету как текст культуры. В качестве примера анализа функционального потенциала приведены примеры из русской литературы XIX—XX вв. и тувинской литературы (миф «Наказ духа-хозяина тайги»).

Ключевые слова: фольклор, паремия, примета, функции примет, художественный текст

Благодарности. Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования: Ломакина О. В. Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 133—140. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10917.

Original article

SIGN AS A TEXT OF CULTURE IN THE LIGHT OF THE STUDY OF THE LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Olga V. Lomakina

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, rusoturisto07@mail.ru, ORCID 0000-0003-0298-5678

Abstract. The article is devoted to the study of signs, taking into account the modern linguistic paradigm. The studies devoted to omens are analyzed, classifications of omens are given, it is proved that dream texts and divination cannot be related to paroemia units. Particular attention is paid to the lexicography of the signs of the languages of the peoples of Russia: it is indicated how the signs are given in various dictionaries. Taking into account modern areas of linguistics — linguoculturology and linguoaxiology — it is proposed to consider a sign as a text of culture. As an example of the analysis of the functional potential, examples from Russian literature of the 19th-20th centuries are given. and Tuvan literature (the myth “Order of the master spirit of the taiga”).

Keywords: folklore, paremia, sign, functions of signs, fiction text

Acknowledgments. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022

For citation: Lomakina OV. Sign as a text of culture in the light of the study of the languages of the peoples of Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):133-140. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10917.

Введение

Паремиология как раздел лингвистики, изучающий спектр различных паремийных текстов — ма-

лых жанров фольклора, к настоящему времени имеет свой терминологический и методологический аппарат, однако в большей степени изучены пословицы и поговорки (см., например: [25; 26; 27; 28]).

© Ломакина О. В., 2022

Примета как тип паремиологического текста, обладающий прогностической информацией, отражающий систему ценностных координат этноса и являющийся следствием, исследуется лишь в последние годы, фрагментарность ряда работ объясняется узкими задачами исследований, связанными с описанием определённого фрагмента той или иной национальной картины мира.

Теоретические основы изучения примет

Примета как один из жанров паремии, наряду с пословицами, поговорками, загадками, является свёрнутым текстом, который обладает кумулятивной памятью и культурной информацией. В этом малом жанре фольклора «концентрировались дошедшие из глубины столетий, проверенные жизненным опытом точные и верные наблюдения, которые не только не утрачивали своего содержания, но и подтверждали его» [33. С. 5]. Н. Н. Семененко говорит о сходстве примет с пословицами «по способности выражать умозаключения» [31. С. 99]. Е. Е. Иванов относит и пословицы, и народные приметы к «афористическим жанрам фольклора» [10. С. 390—391] на том простом основании, что и те, и другие имеют одинаковые обязательные признаки как языковые единицы: «однофразовость, обобщённость, дискурсивную автономность, устойчивость и воспроизводимость» [11. С. 698—699].

Изучение примет лингвистами имеет недолгую историю — около 50 лет: авторы коллективной работы «Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения» (2008) называют работы следующих исследователей: Л. И. Минько, А. Ф. Некрыловой, Е. Г. Павловой, Т. С. Садовой, М. И. Шахновича, В. К. Харченко [28. С. 74].

С учётом тематики исследователи (М. А. Кулькова, Е. Е. Тонкова, В. К. Харченко) традиционно выделяют календарные (сельскохозяйственные), погодные (метеорологические), бытовые (суеверные) приметы [17; 33; 37].

М. А. Кулькова предлагает функциональную классификацию с учётом их употребления в речи, т. е. как определённые высказывания: «дескриптивные, или описывающие; оценочные, или аксиологические, и прескриптивные, или предписывающие» [17. С. 13].

Примета воспринимается как «прогностическая формула», выражаемая условно-следственными отношениями [28. С. 75]. Наблюдения о предметах, явлениях природы, поведении представителей животного мира, умение расшифровы-

вать знаки и символы опирались на пресуппозитивные знания этноса. Обычно область прогноза и сфера его распространения зависят от природно-климатических факторов, традиций, системы мифологических представлений народа и направлены на получение прогноза — определение *хорошего* или *плохого* (к добру / к худу) как основной ценностной диады, задающей вектор всей системе ценностных координат вне зависимости от вероисповедания, особенностей культуры, мировоззрения нации. Вместе с тем условия прогноза могут иметь интернациональный характер (например, восприятие ворона в русской примете *Кто в лесу поет и увидит ворона, тому наткнуться на волка* [7. С. 74] и тувинской примете *Если ворон тревожно каркает, то это признак того, что к стоянке приближается волк* [15. С. 142]).

Исследователи нередко рассматривают приметы, прежде всего суеверные, вместе с другими фольклорными текстами: гаданиями, сновидениями, которые также отличает «прогностическая формула» и сфера «т. н. потаённого (отречённого) знания, официально не признаваемого ни церковной, ни аристократической светской культурой» [30. С. 5]. Т. С. Садова, наряду с рассказами о снах (сновидческих рассказах, снопаративах, сноповествованиях), выделяет сновидческие приметы (сноприметы), которые имеют, подобно другим типам примет, структурную однотипность, а в качестве доказательства использования термина «примета» в обобщающем смысле приводит мнение белорусского этнографа Е. Романова: «Толкования снов стоят в тесной связи с народными приметами и поверьями, и это вполне понятно: многие предметы и явления, объясняемые так или иначе, как наблюдаемые наяву, естественно, получают такие же объяснения и во снах» [цит. по: 30. С. 62]. На этом основании сноприметы следует считать разновидностью бытовых (суеверных) примет, а сновидческие рассказы фольклорным текстом, не верифицируемым как тип паремии.

В русской традиции гадания, как и сны, опирались на суеверные представления, однако содержали долговременный (от года) и крупномасштабный («жизнь, смерть, замужество или женитьба, бедность или богатство, урожай или неурожай») прогноз [28. С. 76]. Подблюдные песни, исполняемые после святочных гаданий, семантически/идеологически были их продолжением, предвещающая счастье и богатство; свадьбу; безбрачие; разлуку, дорогу; несчастье, бедность, болезнь; смерть [28. С. 76].

Представление примет в лексикографических источниках народов России

Хотя приметы насчитывают многовековую историю существования и отражают разные этапы становления общества, первое лексикографическое представление этого типа русских паремий содержится в «Словаре русских суеверий» М. Д. Чулкова (1-е изд. — 1782 г., 2-е изд., дополненное этнографическими сведениями, — 1786 г.). Однако более известен сборник «Пословицы русского народа» В. И. Даля (1861—1862), где, наряду с пословицами, поговорками, загадками, присловьями, включено более 1000 примет, бытующих на разных территориях Российской империи.

Наиболее полным сборником современных примет (15 000 единиц) является «Большой словарь примет» Т. Г. Никитиной, Е. И. Рогалевой, Н. Н. Ивановой (2009) [24].

В национальных лексикографиях приметы чаще всего приводились вместе с другими паремийными текстами, в некоторых случаях они включались в отдельную главу: например, 51 примета выделена в сборнике «Карельские пословицы и поговорки» (на карельском языке с переводом на русский), более 1500 — в сборнике «Мордовские пословицы, поговорки, приметы и загадки» на русском языке [14; 22]. Нередко приметы включались в этнографические издания в качестве иллюстративного материала обычаев и традиций народа [15]. Приметы, приведённые на русском языке без перевода на национальный язык, требуют тщательной проверки и верификации; в случае отсутствия письменного источника следует провести социолингвистический эксперимент и обратиться к полученным данным; возможно обращение к произведениям национальной литературы, в произведениях которой также фиксируются паремии, в т. ч. приметы.

Примета в свете современного лингвистического знания

Монографическое изучение примет представлено в работах Н. Н. Ивановой, Т. С. Садовой, Н. Н. Фаттаховой, а также в одной из глав коллективной монографии «Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения» [13; 29; 35; 28].

Описанию лексико-грамматических особенностей и когнитивно-смысловой структуры примет, в т. ч. в сравнительно-сопоставительном аспекте, посвящены работы К. Р. Вагнер, Ц. Гэн, М. И. Закирова, М. А. Кульковой, А. М. Тарасова, С. В. Тугановой, Н. Н. Фёдоровой, представителей казанской школы проф. Н. Н. Фаттаховой [3; 6; 8;

17; 32; 34; 36]. Я. Гоу, О. Н. Иванищева и М. Лян, М. А. Кулькова, Т. Г. Никитина и Е. И. Рогалёва описывали функции примет [4; 9; 18; 23].

В связи с выделением лингвокультурологии и лингвоаксиологии как самостоятельных направлений, имеющих междисциплинарный характер и базирующихся на идее взаимовлияния языка и культуры, определяющего начала системы ценностных координат в языковой системе, приметы, как и другие паремийные тексты, стали интерпретироваться с учётом традиций, обычаев, верований народа (см.: [2; 4; 5; 19; 20]), что позволяет рассматривать их как тексты культуры. «Вместе с тем выделение ценностных доминант, жизненных ориентиров, культурных традиций не делает их (паремии — О. Л.) специфическими, принадлежащими только одному народу, а может носить общечеловеческий характер и потому считаться интернациональным» [16. С. 80].

Примета как текст культуры: опыт анализа

Рассмотрение приметы как текста имеет и герменевтическое значение: понимание текста художественного произведения, включающего примету, требует комментария: несмотря на «живучесть» этого типа паремий, их отдельные компоненты, а подчас и общий смысл могут быть непонятны современному читателю.

Например, с общей отрицательной оценкой собаки [1. С. 380] связаны суеверные приметы *Собачий вой — на вечный покой. Ночной собачий вой — к покойнику; Коли собака ночью воет, то перевернуть под головами подушку, сказав: «На свою голову!» — и она замолкнет; Собака жмется к хозяину — к несчастью; Собака воет книзу (к земле) — к покойнику; кверху — к пожару; Коли собака крох не ест подле больного, то он скоро умрет* [7. С. 373].

Примета *Собачий вой — на вечный покой. Ночной собачий вой — к покойнику* трансформировалась в примету *Собачий вой — к покойнику*, что нашло отражение в художественных текстах:

«— Цыц, Розка! Цыц, Розка! — болезненно простонала испуганная Марья Петровна, — ох! что это в самом деле? Слышите, душенька Софья Ивановна, как на дворе **собака-то воет**, и ведь не в первый раз, уж **не к покойнику ли?**...» (Д. В. Григорович «Бобыль»);

«Как только наша **собака начинала выть**, так сразу соседи говорили: **к покойнику**» (В. Крупин «Как только, так сразу»);

«Где-то вдалеке, вероятно в селе, **выли, как к покойнику, собаки**». (А. И. Делианич «Вольфсберг-373»).

В следующем примере примета «растворена» в тексте: прогнозирующая часть *выли собаки* предшествует прогнозу к худу, при этом писатель в часть сложного предложения с разными видами связи включает конкретизацию прогноза *получила известие о кончине*. Экспрессивной функцию получает устойчивое сравнение *сама выла, как собака*:

«Крысы утащили государынин платок. По ночам возились, стучали, бегали, как будто выжиwały гостей непрошенных. А под окнами **выли собаки**; их отгоняли, но не могли отогнать. Валуева была уверена, что к **худу**: все чего-то боялась, куксилась, плакала, **сама выла, как собака**, и так, наконец, надоела государыне, что та запретила ей на глаза к себе являться. Дня через два после отъезда государя императрица **получила известие о кончине** короля баварского, мужа Каролины, сестры своей. Любила ее, горевала о ней, а где-то в глубине души была радость, как у солдата в огне сражения, когда просвистела пуля мимо ушей, и товарищ рядом упал: “Слава Богу, он, а не я!” Ужаснулась этой радости» (Д. С. Мержковский «Александр Первый»).

Прототипическая ситуация, связанная с приметой *Собака воеет книзу (к земле) — к покойнику; кверху — к пожару*, является текстообразующей в следующем отрывке: «Вблизи него лохматая — рыжая с белым — **собака**. Она не знает — к **пожару ей выть или к покойнику**, задрать ли голову вверх или уторнуть нос книзу. Она ставит морду подволь и начинает **выть** жутким голосом, глаза её влажны, **собака** учится плакать по-человечьи. Все её бросили, она отбилась от ушедших людей, а на деда косится сумнительно, как на неживую ходячую тень. Дед смотрит на собаку блеклыми глазами, и она представляется ему вопленицей на могиле его старухи. Жалобно вопила тогда Митрофаниха, и над гробами двух сынов его она за три копейки вопила, тогда все хрещенные плакали... Охо-хо, кто-то над ним будет вопить, давно умерла Митрофаниха. Двух сынов у него прибрал господь да трёх внуков, да много правнуков. Ну, да ведь слава тебе, господи, ещё остались у него и сыны, и внуки, и правнуки. Двенадцать внуков, то ли двенадцать, то ли двадцать, семья большая» (В. Я. Шишков «Емельян Пугачев»).

В основу тувинского мифа «Наказ духа — хозяина тайги» положена примета *Толдуг аң өлүрүп болбас, амыдыралыңа шаптараазыннар таваржыр*¹ ‘Убьешь зверя с детенышем, в жизни встретишь всякие препятствия’:

¹ Примета из картотеки кандидата филологических наук, доцента Надежды Дарьевны Сувандии.

«Один старик, зверей выслеживая, по их следам на [гору] Калчан-Ыдык поднялся. На нескольких прогалинах молодые-старые маралы собрались. [Они], как стадо коров, собравшись, стояли.

Старик в одного из этих маралов прицелился. [Только] курок ружья спустить собрался:

— Ой! Стой! Что делаешь, многодетный человек разве так поступает? у кого белое молоко, маленькие детёныши, [в тех] стрелять нельзя! — услышал, [это] седоголовая старая женищина подошла.

Старик вздрогнул, ружьё опустил.

Старушка тут:

— Завтра тебе я моего слепого на один глаз быка отдам. Впредь кормящих самок, не убивая, отпускай. [Ты] многодетный человек, всех живых жалеть, охранять должен, нужное для еды только добывай, — сказала старушка [и] пропала вдруг.

Старик после этого не охотился, на стоянку вернулся.

Утром, на заре, [когда маралы ещё] с пастбища не ушли, перед стариком огромный марал появился. Добыв [его, он] увидел — в самом деле, в двенадцативетвистыми рогами [и] слепым на один глаз этот марал оказался.

С тех пор этот охотник на кормящих зверей, самок руку не поднимал» [перевод по: 21. С. 118—119].

Анализ контекста позволяет говорить о текстообразующей функции (синтагматическом потенциале) приметы: миф показывает, что происходит с охотником, нарушающим примету, в основе которой бережное отношение к природе. Данная примета выполняет и ассоциативно-предметную функцию (реализует свой парадигматический потенциал), отсылает к многочисленным пословицам и поговоркам с анималистическими образами в паремиологическом фонде тувинского языка [12].

Заключение

Примета в свете современной гуманитарной парадигмы, опирающейся на идеи антропоцентризма и учитывающей систему ценностных координат народа, его культурные установки, рассматривается как текст культуры. Эксплицитно или имплицитно выраженные в примете смыслы не только служат руководством для новых поколений, но и содержат информацию о традициях и обычаях народа. Литературный текст, включающий приметы, становится для исследователей источником, фиксирующим фонд примет языка.

Список источников

1. Белова О. В., Гура А. В., Кабакова Г. И., Толстая С. М. Собака // Восточнославянские этимологические сказки и легенды: Энциклопедический словарь; под общ. ред. Г. И. Кабаковой. М.: Неолит, 2019. С. 380—384.
2. Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265—284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284
3. Вагнер К. Р. Семантика и синтаксис русских народных примет с компонентом «зооним»: в зеркале английских примет: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 245 с.
4. Гоу Я. Русские и китайские приметы антропоцентрической направленности: лингвокультурологический подход: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 290 с.
5. Гоу Я., Коровина С. Г. Образ собаки в русских и китайских приметах (на лексикографическом материале) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2020. № 3 (108). С. 26—37.
6. Гэн Цзе. Бинарная оппозиция небо-земля в русском и китайском языках: на материале малых жанров фольклора: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014. 182 с.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. Т. 2 М.: ТЕРА: Книжная лавка — РТР, 1996. 424 с.
8. Закиров М. И. Концепт вода/су в русских и татарских народных приметах: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 261 с.
9. Иванищева О. Н., Лян М. Познавательная функция примет // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2020. № 10 (153). С. 188—194.
10. Иванов Е. Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 381—401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
11. Иванов Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659—706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
12. Иванов Е. Е., Марфина Ж. В., Шкуран О. В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47—68. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
13. Иванова Н. Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2005. 274 с.
14. Карельские пословицы и поговорки = Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut tašananpolvet: сборник: на ливвиковском и собственно карельском наречиях и русском языках / сост. В. Г. Макаров. 3-е изд. Петрозаводск: Периодика, 2019. 238 с.
15. Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев; пер. с тувин. А. А. Дугержаа, А. С. Дембирель. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. 248 с.
16. Комова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). Ч. 1. С. 78—86.
17. Кулькова М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2011. 52 с.
18. Кулькова М. А. Тематическая и функциональная классификации народных примет (на материале русских и немецких паремий) // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития. Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2013. С. 108—114.
19. Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7, № 1. С. 97—107.
20. Ломакина О. В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6—16. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

21. Мифы, легенды, предания тувинцев / сост.: Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 28. Новосибирск, 2010. 356 с.
22. Мордовские пословицы, поговорки, приметы и загадки: поэтич. образцы житейского опыта / сост. Л. В. Седова. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2009. 336 с.
23. Никитина Т. Г., Рогалёва Е. И. Практическая лексикография как сфера многоаспектной исследовательской деятельности обучающихся разных уровней (На материале словаря народных примет) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 4. С. 16—23.
24. Никитина Т. Г., Рогалева Е. И., Иванова Н. Н. Большой словарь примет: около 15 000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2009. 685 с.
25. Паремиология без границ: колл. моногр. / под. ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.
26. Паремиология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015.
27. Паремиология на перекрёстках языков и культур: колл. моногр. / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.
28. Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения: колл. моногр. / науч. ред. проф. Т. Г. Никитина. Псков: ПГПУ, 2008. 256 с.
29. Садова Т. С. Народная примета как текст. Лингвистический аспект. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. 212 с.
30. Садова Т. С. Сногдания и рассказы о снах в русском речевом обиходе: лингвистические заметки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2021. 144 с.
31. Семененко Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика: моногр. Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011. 355 с.
32. Тарасов А. М. Семантика и функционирование прилагательных в народных приметах русского и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 164 с.
33. Тонкова Е. Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 189 с.
34. Туганова С. В. Синтагматика и парадигматика русских и английских суеверных примет антропологической направленности: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 183 с.
35. Фаттахова Н. Н. Народные приметы: принципы классификации, структурирования, функционирования. Казань: Печать-Сервис, 2012. 176 с.
36. Федорова Н. И. Концепт небо в народных приметах русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 209 с.
37. Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы: моногр. Белгород: Белгород. обл. тип., 2008. 222 с.

References

1. Belova OV, Gura AV, Kabakova GI. Sobaka = Dog. In: Kabakova GI (ed.). Vostochnoslavjanskije jetiologicheskie skazki i legendy: Jenciklopedičeskij slovar' = East Slavic etiological tales and legends: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Neolit; 2019. Pp. 380—384. (In Russ.).
2. Bredis MA, Dimoglo MS, Lomakina OV. Paremiology in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika* = *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. 2020;11(2):265-284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284 (In Russ.).
3. Vagner KR. Semantika i sintaksis russkih narodnyh primet s komponentom «zoonim»: v zerkale anglijskih primet = Semantics and syntax of Russian folk signs with the “zoonym” component: in the mirror of English signs. Thesis. Kazan'; 2008. 245 p. (In Russ.).
4. Gou J. Russkie i kitajskie primety antropocentričeskoj napravlenosti: lingvokul'turologičeskij podhod = Russian and Chinese omens of an anthropocentric orientation: Linguoculturological approach. Thesis. Moscow; 2022. 290 p. (In Russ.).
5. Gou J, Korovina SG. The image of dogs in russian and chinese superstitious beliefs (based on lexicographical material). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva* = *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev*. 2020;(3(108):26-37. (In Russ.).

6. Gjen Cze. Binarnaja opozicija nebo-zemlja v ruskom i kitajskom jazykah: na materiale malyh zhanrov fol'klora = Binary opposition heaven-earth in Russian and Chinese: on the material of small genres of folklore. Thesis. Kazan', 2014. 182 p. (In Russ.).
7. Dal' VI. Posloviy russskogo naroda: v 2 t. T. 2 = Proverbs of the Russian people: in 2 v. Vol. 2. Moscow: TERRA: Knizhnaja lavka — RTR; 1996. 424 p. (In Russ.).
8. Zakirov MI. Koncept voda/su v russkih i tatarskih narodnyh primetah = The concept of water/su in Russian and Tatar folk signs. Thesis. Kazan', 2009. 261 p. (In Russ.).
9. Ivanishheva ON, Ljan M. Cognitive function of signs. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences.* 2020;(10(153):188-194. (In Russ.).
10. Ivanov EE. Aspects of empirical understanding of aphorism. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics.* 2019;10(2):381-401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401> (In Russ.).
11. Ivanov EE. Aphorism as an object of linguistics: the main properties. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics.* 2020;11(4):659-706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (In Russ.).
12. Ivanov EE, Marfina ZhV, Shkuran OV. Animal nouns in tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *Novye issledovanija Tuvy = New studies of Tuva.* 2022;(1):47-68. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4> (In Russ.).
13. Ivanova NN. Strukturno-semanticheskie osobennosti i lingvokul'turologicheskij potencial primety = Structural-semantic features and linguoculturological potential of signs Thesis. Pskov; 2005. 274 p. (In Russ.).
14. Makarov VG (comp.) Karel'skie posloviy i pogovorki = Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut tašananpolvet = Karelian proverbs and sayings. 3rd ed. Petrozavodsk: Periodika; 2019. 238 p. (In Russ.; In Karel.).
15. Kenin-Lopsan MB. Tradicionnaja kul'tura tuvincev = Traditional culture of Tuvans. Kyzyl: Tuvan book publ. house; 2021. 248 p. (In Russ.).
16. Komova DD, Lomakina OV. Vocabulary and discursive directions of reconstruction of the paremiological picture of the world: interpretation (on the material of the russian language). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva = Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev.* 2019;(3(103),1):78-86. (In Russ.).
17. Kul'kova MA. Kognitivno-smyslovoe prostranstvo narodnoj primety = Cognitive-semantic space of folk signs. Abstract of thesis. Kazan'; 2011. 52 p. (In Russ.).
18. Kul'kova MA. Thematic and functional classification of folk signs (based on Russian and German proverbs). In: *Russkaja i sopostavitel'naja paremiologija v Tatarstane: istoki razvitija = Russian and comparative paremiology in Tatarstan: origins of development.* Kazan': Pechat'-Servis-XXI vek, 2013. Pp. 108—114. (In Russ.).
19. Lomakina OV. The studying of the proverbs in the value paradigm: the methodology of research and the criteria for estimating value. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki = Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences.* 2021;7(1):97-107. (In Russ.).
20. Lomakina OV. Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential. *Novye issledovanija Tuvy = New studies of Tuva.* 2022;(1):6-16. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1> (In Russ.).
21. Alekseev NA, Kuular DS, Samdan ZB, Jusha ZhM. (comp.). Myths, legends, legends of Tuvans. In: *Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka = Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East.* Vol. 28. Novosibirsk; 2010. 356 p. (In Russ.).
22. Sedova LV. (comp.). Mordovskie posloviy, pogovorki, primety i zagadki: pojetich. obrazcy zHITEjskogo opyta = Mordovian proverbs, sayings, signs and riddles: poetic examples of everyday experience. Saransk: Mordovian book publ. house; 2009. 336 p. (In Russ.).
23. Nikitina TG, Rogal'jova EI. Practical lexicography as a sphere of multidimensional research activity of multi-level students (on the materials of a dictionary of folk signs). *Russkij jazyk v shkole = Russian language at school.* 2020;81(4):16-23. (In Russ.).

24. Nikitina TG, Rogaleva EI, Ivanova NN. Bol'shoj slovar' primet: okolo 15 000 edinic = Big dictionary of folk signs: about 15,000 units. Moscow: AST: Astrel'; 2009. 685 p. (In Russ.).
25. Bredis MA, Lomakina OV (eds.). Paremiologija bez granic = Paremiology without borders. Moscow: RUDN; 2020. 244 p. (In Russ.).
26. Lomakina OV. Paremiologija v diskurse = Paremiology in discourse. Moscow: URSS: Lenand; 2015. (In Russ.).
27. Ivanov EE, Lomakina OV (eds.). Paremiologija na perekrjostkah jazykov i kul'tur = Paremiology at the crossroads of languages and cultures. Moscow: RUDN; 2021. 246 p. (In Russ.).
28. Nikitina TG (ed.). Russkie paremii: novye formy, novye smysly, novye aspekty izuchenija = Russian proverbs: new forms, new meanings, new aspects of study. Pskov: PGPU; 2008. 256 p. (In Russ.).
29. Sadova TS. Narodnaja primeta kak tekst. Lingvisticheskij aspekt = Sign as a text. Linguistic aspect. St. Petersburg: St. Peterburg State University Publ.; 2003. 212 p. (In Russ.).
30. Sadova TS. Snogadanija i rasskazy o snah v russkom rechevom obihode: lingvisticheskie zametki = Dreams and stories about dreams in Russian speech usage: linguistic notes. St. Petersburg: St. Peterburg State University Publ.; 2021. 144 p. (In Russ.).
31. Semenenko NN. Russkie paremii: funkicii, semantika, pragmatika = Russian proverbs: functions, semantics, pragmatics. Staryj Oskol: ROSA; 2011. 355 p. (In Russ.).
32. Tarasov AM. Semantika i funkcionirovanie prilagatel'nyh v narodnyh primetah russkogo i tatarskogo jazykov = Semantics and functioning of adjectives in folk signs of the Russian and Tatar languages. Thesis. Kazan'; 2004. 164 p. (In Russ.).
33. Tonkova EE. Narodnaja primeta s pozicij lingvokognitivistiki i lingvokul'turologii = Folk sign from the standpoint of linguocognitive science and linguoculturology. Thesis. Belgorod; 2007. 189 p. (In Russ.).
34. Tuganova SV. Sintagmatika i paradigmatica russkih i anglijskih suevernyh primet antropologicheskoi napravlenosti = Syntagmatics and paradigmatics of Russian and English superstitious signs will take on an anthropological orientation. Thesis. Kazan'; 2006. 183 p. (In Russ.).
35. Fattahova NN. Narodnye primety: principy klassifikacii, strukturirovanija, funkcionirovanija = Folk signs: principles of classification, structuring, functioning. Kazan': Pechat'-Servis; 2012. 176 p. (In Russ.).
36. Fedorova NI. Koncept nebo v narodnyh primetah russkogo jazyka = The concept of the sky in folk signs of the Russian language. Thesis. Kazan'; 2011. 209 p. (In Russ.).
37. Harchenko VK, Tonkova EE. Lingvistika narodnoj primety = Linguistics of folk signs. Belgorod: Belgorod. region printing house; 2008. 222 p. (In Russ.).

Информация об авторах

О. В. Ломакіна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета.

Information about the authors

Olga. V. Lomakina — Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of the Foreign language, Faculty of Philology.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 07.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 20.07.2022; approved after reviewing 07.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'373:81'42:070

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10918

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ ИЗ РУССКОЙ ПОЭЗИИ В МЕДИАТЕКСТАХ: ОПИСАНИЕ КОНЦЕНТРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРАВОСЛАВНОГО МЕДИАДИСКУРСА)

Александра Стефановна Макарова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия, aleste_63@mail.ru, ORCID 0000-0002-1773-4225

Аннотация. Статья посвящена изучению крылатых единиц, восходящих к текстам русской поэзии. Методология исследования базируется на идеях отечественных и зарубежных исследователей медиадискурса, московской и петербургской фразеологических школ. Показаны особенности функционирования данных языковых единиц в православных медиатекстах, на основании чего делается вывод о вхождении этих единиц в современный концентр. Анализ медийного контента подтвердил мысль о частотности использования комплексного приёма трансформаций крылатых единиц, а также тезис о высокой употребительности крылатых единиц, восходящих к русской поэзии, в православном медиаконтенте, что объясняется особенностями означенных устойчивых единиц: незамкнутостью, воспроизводимостью и генетической связью с источником, что в итоге, позволяет говорить о смещении данного периферийного раздела фразеологии в ядерную зону языкового сознания говорящего.

Ключевые слова: крылатая единица, эпоним, концентр, медиадискурс, православный медиадискурс

Для цитирования: Макарова А. С. Функциональный потенциал крылатых единиц из русской поэзии в медиатекстах: описание концентра (на материале православного медиадискурса) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 141—146. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10918.

Original article

FUNCTIONAL POTENTIAL OF WINGED UNITS FROM RUSSIAN POETRY IN MEDIA TEXTS: DESCRIPTION OF THE CONCENTRE (ON THE MATERIAL OF ORTHODOX MEDIA DISCOURSE)

Alexandra S. Makarova

St. Tikhon's Orthodox University; Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, aleste_63@mail.ru, ORCID 0000-0002-1773-4225

Abstract. Winged units dating back to the texts of Russian poetry are studied in this article. The research methodology is based on the ideas of domestic and foreign researchers of media discourse, Moscow and St. Petersburg schools of phraseology. The features of the functioning of these linguistic units in Orthodox media texts are shown, on the basis of which a conclusion is made about the entry of these units into the modern concentric. The analysis of media content confirmed the idea of the frequency of using the complex method of transforming winged units, as well as the thesis about the high use of catchwords dating back to Russian poetry in Orthodox media content, which is explained by the peculiarities of the aforementioned stable units: openness, reproducibility and genetic connection with the source, which ultimately allows us to talk about the displacement of this peripheral section of phraseology into the nuclear zone of linguistic the speaker's consciousness.

Keywords: winged unit, eponym, concentro, media discourse, Orthodox media discourse

For citation: Makarova AS. Functional Potential of Winged Units from Russian Poetry in Media Texts: Description of the Concentre (on the Material of Orthodox Media Discourse). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):141-146. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10918.

Введение

Мысль об определении и описании современно-го эптонимического концентра [4; 5] продолжает идеи, предложенные в своё время Ф. де Соссюром применительно к обозначению ядра и периферии языковых единиц. Учитывая, что главной сферой функционирования крылатых единиц (далее — КЕ) являются массмедийные тексты, а интернет-пространству отводится в ней особое место, становится понятным, почему вектор научных штудий в области анализа дискурса смещается в сторону изучения медиадискурса.

Фразеология остаётся одним из средств привлечения внимания читателя или пользователя в медиасфере, «именно в контекстуальном употреблении реализуется лингвопрагматическая функция фразеологических средств национального языка (идиом, пословиц, крылатых единиц и т. д.)» [5. С. 182]. Кроме того, «для языка современных массмедиа характерно тиражирование авторских высказываний, что является проявлением интертекстуальности» [6. С. 574] КЕ.

Вместе с тем наше исследование касается особенностей православного медиадискурса, соответственно, эмпирическим материалом для статьи послужили КЕ, используемые православной медийной личностью в прямом эфире телеканала «Спас», таким образом цель данной статьи — выявление корреляции при анализе эптонимов, входящих к русской поэзии.

Постановка проблемы

Православный медийный дискурс «представляет собой самостоятельную микросистему, которая характеризуется особыми параметрами и в которой реализуется его многоаспектный функциональный потенциал» [7. С. 369], то есть информативная, воздействующая, контактоустанавливающая и прочие функции, однако одной из его специфических функций остаётся миссионерская, способная укреплять веру и порождать интерес к ней. Таким образом, «обладая основными функциями публицистики, православные СМИ и их формы (интернет-сайты, блоги, электронные версии газет и журналов и т. д.) органично вписаны в контекст актуальной общественной мысли благодаря их открытости и особой духовной миссии» [8. С. 224].

Методология исследования

Работа с эмпирическим материалом базировалась на следующих методах: аналитическом, основанном на анализе научных трудов по ме-

диадискурсу (см. труды Т. Г. Добросклонской, В. И. Карасика, В. В. Красных, А. Carvalho, А. O’Keeffe и др.); лингвокультурологическом анализе, выявляющем культурно значимые компоненты текста (см. труды В. А. Масловой, М. Л. Ковшовой и др.). Анализ фразеологических преобразований КЕ основывается на типологии трансформаций фразеологизмов русского языка, предложенной А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, которые выделяют структурные и структурно-семантические преобразования устойчивых языковых единиц, в нашем случае — КЕ. Трансформации данного типа позволяют достичь особого стилистического эффекта в медиатексте. Если в результате различных трансформаций (субституция, экспликация, импликация, контаминация и др.) в медиаконтенте обнаруживаются индивидуально-авторские преобразования фразеологизмов, то их рассматривают как авторские окказионализмы.

Анализ эмпирического материала

Начиная с конца XVIII в. и до середины XX в. литература является главным источником КЕ русского литературного языка, что зафиксировано разными эптологическими/крылатологическими словарями и справочниками: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения (1988 г.) [1]; Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов: ок. 14 000 единиц (2005 г.) [2]; Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц (2005 г.) [3]; Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник русских, образных слов и иносказаний (1902—1903 гг.) [10]; Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина (1999 г.) [11] и др. В статье мы анализируем авторское употребление пришедших из поэтического языка КЕ непосредственно в контексте, и вслед за А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко также выделяем два типа индивидуально-авторских преобразований устойчивых языковых единиц: семантические и структурно-семантические. Последний тип преобразований может не нарушать тождества фразеологизма, а может приводить к возникновению окказиональных (индивидуально-авторских) оборотов [9. С. 17—23].

Перейдём к анализу особенностей употребления КЕ из русской поэзии в речетворчестве священника Артемия Владимирова в передаче «Прямая линия. Ответ священника» от 24.10.2017 г.

и 19.07.2018 г. на телеканале «Спас»¹, которая всегда идёт в прямом эфире. Священник Артемий Владимиров является протоиереем Русской православной церкви, проповедником, педагогом, писателем, членом Союза писателей России.

Авторство трёх первых примеров принадлежит А. С. Пушкину, остальные писатели представлены единичными употреблениями.

Давай, брат, пора, туда, где гуляет лишь ветер да я.

Ср.: «Туда, где гуляем лишь ветер ... да я!».

Пример демонстрирует комплексный приём трансформации КЕ, восходящей к стихотворению А. С. Пушкина «Узник» (1822 г.). Автор лексически расширяет цитату за счёт употребления глагола в императивной форме *давай*, обращения *брат* и наречия *пора*, и изменяет личную форму глагола *гуляем* на *гуляет*. Такие преобразования обусловлены форматом передачи — это ответы на вопросы в прямом эфире, где адресат слушает адресанта *здесь и сейчас*, потому так важна достоверность, которая появляется благодаря вводу обращения *брат* и императивной формы глагола *давай*.

Те (демоны — примечание А. С.) *так и выются. Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя над человеком, который сдуру насадил на себя всякие тату изображения.*

Ср. «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя; / То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя».

Данная КЕ восходит к стихотворению А. С. Пушкина «Зимний вечер» (1825 г.), однако в медиатексте обнаруживается комплексный приём трансформации, содержащий импликацию и экспликацию. Благодаря последней появляется определённый стилистический диссонанс из-за ввода в поэтическую цитату лексем разговорно-просторечной окраски (*сдуру насадил, всякие тату изображения*), что вызвано тематической составляющей медиаконтента и привносит в ответ священника иронию.

Последний пример этого ряда содержит приём полной деформации КЕ:

На то рождён я, чтобы чувства добрые в народе пробуждать.

Ср.: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал».

От цитаты из знаменитого стихотворения «Паятник» (1836 г.) остаются три стержневых компо-

нента *чувства добрые, народ и пробуждать*, которые, впрочем, сохраняют изначальный смысл. В данном случае адресант рассчитывает на presupпозицию адресата.

Следующие поэты представлены единичными примерами.

Русская земля богата Нефтонами и Платонами.

Ср.: «Может собственных Платонов / и быстрых разумом Нефтонов / Российская земля рождать».

Восходит к произведению М. В. Ломоносова «Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны» (1747 г.) и содержит приём полной деформации, сохраняя два имени собственных *Нефтон* и *Платон* и имя существительное *земля* как основные стержневые компоненты. В таком употреблении также востребованы фоновые культурные знания адресата, однако смысловой конденсат не теряет главную мысль о том, что русская земля богата талантами.

Комплексный приём, включающий экспликацию и субституцию, обнаруживается в цитате из комедии «Горе от ума» (1824 г.) А. С. Грибоедова: *Всё должно быть с чувством, с тактом, с расстановкой.*

Ср.: «Читай не так, как пономарь — / а с чувством, с толком, с расстановкой».

Данного преобразования слов Фамусова (действ. 2, явл. 1) требует тема разговора, которая касается проблем семейной жизни.

Следующий пример содержит приём импликации:

И верится, и плачется, и так легко, легко ...

Ср.: «С души как бремя скатится, / Сомненья далеко — / и верится, и плачется, / и так легко, легко...»

Употребление имплицированных строк стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва» (1839 г.) продиктовано темой заданного вопроса.

Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Нам не дано предугадать...» (1869 г.) преобразуется комплексно, автор использует имплицитную форму строфы и лексически расширяет её, вводя двусоставное предложение, благодаря чему фраза становится сложным предложением.

Мы должны знать, как слово наше отзовётся.

Ср.: «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется, — / и нам сочувствие дается, / Как нам дается благодать...»

Введение такого предложения, как *Мы должны знать*, подчеркивает ответственность каждого за

¹ URL: <https://yandex.ru/video/preview/17418273909604444554>; <https://yandex.ru/video/preview/6968744645355404903>

слова, которые мы произносим, в том числе речь идёт о деликатности священников.

Одна из наиболее употребляемых о. Артемием Владимировым поэтических цитат принадлежит В. В. Маяковскому:

Лучший совет я нашёл в творениях В. В. Маяковского: «Светить всегда, светить везде, вот мой закон и солнца!»

Ср.: «Светить всегда, / светить везде, / до дней последних донца, / светить — / и никаких гвоздей! / Вот лозунг мой — / и солнца!»

Данная КЕ восходит к стихотворению В. В. Маяковского «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (1920 г.) и содержит комплексный прием трансформации, который состоит из импликации и лексической субституции.

В имплицитной форме цитаты стержневой компонент *лозунг* заменяется на *закон*, а местоименное прилагательное *мой* находится не в постпозиции к имени существительному, а в препозиции к нему. Данные модификации персонифицируют высказывание, придают ему индивидуальность и обновляют его экспрессию.

Последний контекст содержит комплексно преобразованную цитату из стихотворения С. Я. Маршака «Вот такой рассеянный» (1930 г.).

Я, рассеянная, с улицы Басейной! ... ещё поспала немножко, посмотрела в окошко.

Ср.: «Вот какой рассеянный / с улицы Басейной! ... / Он опять поспал немножко / и опять взглянул в окошко».

Здесь обнаруживается комплекс таких приёмов, как лексическая субституция, построенная на синонимичной замене глагольного компонента *посмотреть* на *взглянуть* и замене наречия *опять* на *ещё*, грамматические изменения (женский род

вместо мужского *рассеянный* — *рассеянная*, синтаксические преобразования) и импликация (опущение лексем *вот* и *какой*).

Заключение

Как показал анализ медиатекстов, наиболее востребованным поэтом является А. С. Пушкин (3 примера из 9 рассмотренных), а комплексный приём трансформаций КЕ — самый используемый (6 примеров из 9). Всё это подтверждает тезис о высокой употребительности КЕ, восходящих к русской поэзии в православном медиадискурсе, что объясняется факторами, характерными для крылатики: незамкнутостью, воспроизводимостью, связью с источником, в итоге, всё это приводит к смещению данного периферийного раздела фразеологии в ядерную зону языкового сознания говорящего. Все рассмотренные структурно-семантические преобразования КЕ, восходящих к русской поэзии, достигают поставленной цели — появления особого стилистического эффекта. Автоматизация, которая возникает при частом употреблении КЕ, ведёт к снижению и даже потере выразительных возможностей данных устойчивых выражений, в то время как окказиональное употребление увеличивает их информационную насыщенность и обновляет экспрессивный потенциал.

Русская поэзия представляет собой неистощимый клад афористичности, лаконичности, красоты выражаемой мысли, изящества стихотворных форм и т. д. Благодаря таким качествам, как ритмичность стихосложения и рифма, поэтические цитаты быстро запоминаются и легко узнаются, что делает востребованными КЕ, восходящие к поэтическому творчеству, не только в публицистическом дискурсе, но, как показывает наше исследование, и в православном медиадискурсе.

Список источников

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. 4-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1988. 528 с.
2. Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов: ок. 14 000 единиц. 3-е изд. испр. М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2005. 1470 с.
3. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 40 00 единиц / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулержкова. М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с.
4. Ломакина О. В. К вопросу об определении центра современной крылатики // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 22—23 октября 2019 г. М.: РУДН, 2019. С. 259—265.
5. Ломакина О. В., Макарова А. С. Современный заголовок как пример реализации функционального потенциала крылатики в публицистическом дискурсе // Жизнь фразеологии — фразеология в жизни: сборник науч. ст. к юбилею профессора А. М. Мелерович; отв. ред. и сост. И. Ю. Третьякова. Кострома, 2018. С. 180—186.

6. Макарова А. С. Амбивалентность функционального потенциала крылатого выражения Я — Шарли // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 4. С. 566—577. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4). 566—577.
7. Макарова А. С. Православный публицистический дискурс: общая характеристика и основные направления развития // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: материалы III Международной науч.-практ. конф. (18—19 октября 2018 г., г. Орёл). Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2018. С. 366—370.
8. Макарова А. С. Православный публицистический дискурс в современной гуманитарной парадигме: отличительные черты // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2019. № 4. С. 223—230.
9. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц. 2-е изд., стер. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. 853 с.
10. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник русских, образных слов и иносказаний. Т. 1 Ф—О. СПб., 1902. 779 с.; Т. 2. П—V. СПб., 1903. 580 с.
11. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та: Фолио-пресс, 1999. 748 с.

References

1. Ashukin NS, Ashukina MG. Krylatye slova: Literaturnye citaty. Obraznye vyrazheniya = Winged words: Literary quotations. Figurative expressions. Moscow: Fiction; 1988. 528 p. (In Russ.).
2. Babkin AM, Shendecov VV. Slovar' inoyazychnyh vyrazhenij i slov: ok. 14 000 edinic = Dictionary of foreign expressions and words: approx. 14 000 units. Moscow: AST: Astrel': Transitbook; 2005. 1470 p. (In Russ.).
3. Berkov VP, Mokienko VM, Shulezhkova SG. Bol'shoj slovar' krylatyh slov russkogo yazyka: ok. 4000 edinic = Big dictionary of winged words of the Russian language: approx. 4000 units. Moscow: AST: Astrel': Russian dictionaries, 2005. 623 p. (In Russ.).
4. Lomakina OV. On the question of determining the concentration of modern winged units. In: IV Firsovskie chteniya. Yazyk v sovremennyh diskursivnyh praktikah = IV Firsov readings. Language in contemporary discursive practices. Moscow: RUDN; 2019. Pp. 259—265. (In Russ.).
5. Lomakina OV, Makarova AS. Sovremennyy zagolovok kak primer realizacii funkcional'nogo potentsiala krylatiki v publicisticheskom diskurse = Eponymic concentr of the modern orthodox and newspaper media discourse: comparative analysis (on the material of titles). In: Zhizn' frazeologii — frazeologiya v zhizni = Life of Phraseology — Phraseology in Life. Kostroma; 2018. Pp. 180—186. (In Russ.).
6. Makarova AS. Ambivalence of functional potential of the winged unit Je suis Charlie. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2017;6(4):566-577. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4). 566-577. (In Russ.).
7. Makarova AS. Orthodox publicistic discourse: general characteristics and main directions of development. In: Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya: izuchenie i obuchenie = Language. Culture. Communication: learning and learning. Oryol, Oryol State University named after I. S. Turgenev; 2018. Pp. 366—370. (In Russ.).
8. Makarova AS. The orthodox journalistic discourse in the modern humanitarian paradigm: distinguishing features. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Filologiya = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philological sciences*. 2019;(4):223-230. (In Russ.).
9. Melerovich AM, Mokienko VM. Frazеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц = Phraseologisms in Russian speech: dictionary: approx. 1000 units. Moscow: Russian dictionaries: Astrel': AST; 2005. 853 p. (In Russ.).
10. Mihel'son MI. Russkaya mysl' i rech'. Svoyo i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii: Sbornik russkih, obraznyh slov i inoskazanij = Russian thought and speech. Yours and someone else's. Experience of Russian Phraseology: A Collection of Russian, Figurative Words and Allegories. Vol. 1 F—O. St. Petersburg; 1902. 779 p.; Vol. 2. P—V. St. Petersburg; 1903. 580 p. (In Russ.).
11. Mokienko VM, Sidorenko KP. Slovar' krylatyh vyrazhenij Pushkina = Dictionary of winged words of Pushkin. St. Petersburg: St. Petersburg University Press: Folio-press; 1999. 748 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Александра Стефановна Макарова — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет); доцент кафедры иностранных языков № 3 (РЭУ им. Г. В. Плеханова).

Information about the author

Alexandra S. Makarova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages (St. Tikhon's Orthodox University); Associate Professor of the Department of Foreign Languages № 3 (Plekhanov Russian University of Economics).

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 08.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 80

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10919

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОГО БЛОГА КАК ЖАНРА ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Марина Фаритовна Масгутова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, marina_masgutova@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению лингвистических особенностей корпоративного блога как жанра виртуальной коммуникации. Материалом исследования послужили англоязычные корпоративные блоги. Для современной лингвистики актуально исследование жанрообразующих признаков блогов в виртуальном дискурсе, которые обладают специфическими лексико-семантическими, синтаксическими и графическими особенностями. Сегодня виртуальное общение является доминантным в современном лингвосообществе. Исследование корпоративного блога вызывает особый интерес у лингвистов и социологов, так как эта сфера речевой деятельности постоянно меняется и быстро реагирует на изменения социальной среды в целом, которая, в свою очередь, формирует правила речевого общения. Цель исследования заключается в комплексном исследовании языковых особенностей корпоративного блога в виртуальном дискурсе.

Ключевые слова: блог, виртуальная коммуникация, жанр, пост

Для цитирования: Масгутова М. Ф. Лингвистические особенности корпоративного блога как жанра виртуальной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 147—152. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10919.

Original article

LINGUISTIC PECULIARITIES OF CORPORATE BLOGS AS A GENRE OF VIRTUAL COMMUNICATION

Marina F. Masgutova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, marina_masgutova@mail.ru

Abstract. The present article is dedicated to the linguistic features of a corporate blog as a genre of virtual communication. The object of the analysis is English-language corporate blogs. For modern linguistics, it is important to study the genre-forming features of blogs in virtual discourse, which have specific lexical-semantic, syntactic and graphic features. Nowadays virtual communication is dominant in the modern linguistic community. The study of a corporate blog is of special interest to linguists and sociologists, since this sphere of speech activity is constantly changing and reacting quickly to changes in the social environment as a whole, which forms the norms of verbal communication. The purpose of the study is to analyze the linguistic peculiarities of a corporate blog in virtual discourse.

Keywords: blog, virtual communication, genre, post

For citation: Masgutova MF. Linguistic peculiarities of corporate blogs as a genre of virtual communication. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):147-152. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10919.

Введение

В настоящее время виртуальная коммуникация является доминантной в современном лингвосообществе, что обусловлено стремительным развитием ИТ-технологий и популярностью виртуального общения. «Функциональные различия между сферами общения оказывают влияние на состав

используемых в них языковых систем» [4. С. 21]. «Цель виртуального общения — выработка многостороннего, полипарадигмального, всеобъемлющего подхода к рассмотрению любой проблемы. Превалирование одного мнения на проблемы, которые обсуждают в виртуальной среде, не является основным условием. Общение начинается с идентификации, развивается в соответствии

с той или иной поведенческой стратегией и включает информационно-эмоциональный обмен. Виртуальная коммуникация понимается как коммуникативное взаимодействие субъектов, осуществляемое посредством компьютера, при котором создается особая модель реальности, характеризующаяся эффектом присутствия человека в ней и позволяющая действовать с воображаемыми и реальными объектами» [1. С. 22].

Появление информационных технологий привело к некоторым изменениям языка, обслуживающего эту сферу. Виртуальной коммуникации характерно жанровое разнообразие. Наиболее популярными из них являются форумы, веб-сайты, видеоконференции, домашние книги, доски объявлений, чаты, электронные письма, гостевые книги. Для того или иного жанра свойственны языковые особенности и признаки, поскольку подлинным языком виртуального сообщества является естественный язык массовой аудитории.

Теоретические основы анализа

Существует большое количество классификаций блогов, согласно разным критериям: возрастному, языковому, гендерному, авторскому и техническому. Контент играет ключевую роль в формировании блога и его дальнейшего успеха. «Контент — это любое информационно значимое (содержательно) наполнение информационного ресурса — тексты, графика, мультимедиа — вся информация, которую пользователь может загрузить на диск компьютера с соблюдением соответствующих закономерностей» [5].

Необходимо отметить, что есть некоторые трудности в определении жанра блога. Виртуальная коммуникация представляет собой смешение элементов устного и письменного общения. Многие лингвисты относят блог к эпистолярному жанру. С лингвистической точки зрения блог — это жанр, для которого характерны как монологические, так и диалогические высказывания, метатекст. Стил, язык и жанровые особенности блога зависят от его тематики и целевой аудитории. Стоит отметить, что «главной целью виртуальной коммуникации в корпоративном блоге выступает не сообщение новой информации о предмете, а представление субъективного мнения на предмет дискуссии; сочетаются некоторые дискурсы институционального и личностно-ориентированного общения» [1. С. 21]. Блогу свойственна высокая степень диалогичности, поскольку читатели могут дискутировать с автором блога и читателями.

Более подробно мы хотели бы остановиться на корпоративном блоге как жанре виртуального дискурса. Исследование корпоративного блога вызывает сегодня особый интерес у лингвистов и социологов, так как эта сфера речевой деятельности постоянно меняется и быстро реагирует на изменения социальной среды в целом, которая, в свою очередь, формирует правила речевого общения.

Отличительными признаками корпоративного блога являются интерактивность (возможность при дистанционном общении делиться информацией со скоростью устного диалога), широкое использование видео, аудио и графических элементов, полилогичность, конфликтность и стремление к оригинальности языкового выражения.

Оценочность выступает важным жанровым признаком корпоративного блога и всегда имеет место во время общения в блогах. Обсуждая какую-либо проблему, коммуникант может поддержать одних читателей и высказать мнение, отличное от других.

Корпоративный блог — это интернет-журнал компании, который необходим для обратной связи с целевой аудиторией: клиентами, партнерами, сотрудниками. Блог, который предназначен для внутреннего пользования, называется внутрикорпоративным. Публичный блог компании — это еще один тип блога. Публичный блог используется для общения с широким кругом клиентов.

Корпоративный блог носит смешанный характер, с одной стороны, он необходим для сотрудников компании, с другой — ориентирован на внешнюю целевую аудиторию. Как правило, корпоративный блог ведут сами сотрудники компании, что входит их обязанности. Сообщения и посты в корпоративном блоге содержат информацию об услугах компании и направлены на продвижение товаров и услуг на рынке. Они в большей степени направлены на побуждение читателей и их обратную связь. Зачастую в корпоративных блогах встречаются посты, не относящиеся к услугам компании, но прямо или косвенно упоминающие о них.

В большинстве случаев компании создают корпоративный блог, чтобы укрепить свой бренд на рынке и повысить имидж компании. Демонстрируя достижения компании и подчеркивая преимущества продукции, компания повышает субъективную оценку потребительской ценности. Благодаря этому сотрудничество между компанией и потребителями в дальнейшем становится более тесным. Публикация постов в корпоративных блогах с целью информирования потребителей о выпуске новой продукции является эффективной

маркетинговой стратегией и техникой управления взаимоотношениями с клиентами. Потребители, как правило, имеют возможность выражать свою точку зрения, комментировать и размещать отзывы и претензии по продуктам. Для повышения положительной оценки деятельности компании авторы постов также могут делиться положительными отзывами клиентов, публиковать ответы на наиболее интересные вопросы.

Основным содержательным элементом корпоративного блога являются посты, короткие записи временной значимости в обратном хронологическом порядке, размещаемые автором. В структуре корпоративного блога также есть комментарии пользователей к постам; навигационные компоненты — поиск по сайту; календарь для поиска публикаций; ссылки на другие блоги по схожей тематике; подписка на обновления по электронной почте; архив сообщений; теги; ссылки на самые популярные посты среди посетителей блога; рекомендации блогеров о том, какой пост заслуживает особого внимания. Дизайн, логичность изложения мыслей и контент — основные составляющие корпоративного блога. Интересным является тот факт, что общение в корпоративных блогах представляет собой некую «цепочку» — из поста блог превращается в диалог между пользователями, а затем и в полилог. При этом комментарии пользователей зависят не от самого поста, а от комментариев, оставленных ранее. Этот жанровый признак характерен для всех корпоративных блогов.

Практический анализ

Интернет — это новая коммуникативная среда, поэтому в блоговой коммуникации могут происходить изменения на всех языковых уровнях. В рамках настоящей статьи мы провели анализ лексико-семантических, синтаксических и графических особенностей англоязычных корпоративных блогов (Business insider blog, Insiderforbes blog, Nike's blog, Linkendln, Blog.hubspot.com). В ходе исследования были выявлены наиболее частотные языковые особенности блогов.

Стремление создать динамичный диалог или полилог в рамках блога послужило причиной возникновения некоторых лексико-семантических особенностей. Если в посте блогер старается придерживаться языковых норм, соблюдая правила и сохраняя имидж компании, то авторы комментариев, как правило, не ограничивают себя какими-либо нормами. В целях экономии времени авторы комментариев нарочито допускают некоторые орфографические ошибки. Например, можно встретить замену

или пропуск букв в лексеме (fone вместо phone), замену окончания множественного числа s на z (guyz, gamez, friendz). Следует отметить и частотное использование неологизмов в корпоративных блогах. Наиболее популярны неологизмы, образованные от лексемы (названия поискового портала) Google: googling, googlelingering (google + linger), googlevision, googlehacking, googlewashing, googlehunting.

Интересны с лингвистической точки зрения неологизмы, созданные блогерами в процессе коммуникации: netiquette (net + etiquette), Internetese, Internaut.

Аббревиация также встречается в блогах. Аббревиатуры, связанные с компьютерной сферой, — HD (hard drive), GB (gigabyte), IE (Internet Explorer); аббревиатуры нейтрального значения, используемые в повседневной жизни, и аббревиатуры с эмотивным компонентом — ASAP (as soon as possible), ОТОН (on the other hand), LOL (laughing out loud), BTW (by the way), THX (thanks). Примечателен тот факт, что в корпоративных блогах подобные приемы могут употребляться в серьезных дискуссиях научного профиля. В некоторых примерах можно заметить звукоподражание с использованием цифровых знаков, похожих по звучанию на отдельные слоги и слова: F2F — face to face, B2B — business to business.

В корпоративных блогах можно встретить частотное использование сокращений. Это можно объяснить тем, что в виртуальной коммуникации допустимо нарушение языковых норм и неформальное общение. Это также продиктовано стремлением автора к экономии речевых усилий и времени. Например, u, info, docs, ads, pics, ur. К сокращениям также можно отнести просторечные и разговорные редуцированные формы:

“This outflow is gonna cause a great stir in the international market”.

“We need to check what aint implemented”.

Сокращения и аббревиатуры, употребляемые в постах и комментариях в корпоративных блогах, не снижают стиль общения и его тональность, делают блог более доступным для широкой целевой аудитории.

В корпоративных блогах используются местоимения this, these, that, those, выполняющие функцию указательного элемента.

“It has been in great demand all these years!”

“In this scope these systems can be viewed as essential breakthrough”.

Следует также отметить использование вульгаризмов в отрицательных комментариях к постам.

“I am so damn curious to know about this gimmick”.

“Damnit, they want to make new modifications”.

В корпоративных блогах также можно заметить разговорную лексику, что способствует доступности информации.

“This is this stuff you will probably need”.

Корпоративным блогам характерно использование эпитетов с различной коннотацией. В ходе исследования все прилагательные были распределены на две группы: дескриптивные и оценочные лексемы.

Оценочные лексемы: awesome, gracious, amazing, gorgeous, disgusting, trustworthy, appropriate, unfriendly, excellent, beautiful.

Дескриптивные лексемы: short, long, distant, ancient, public, big, random, scientific, close, smelly.

Вышеуказанные лексемы выражают как эмоциональную, так и этическую оценку. По А. Ф. Папиной, «эмоциональная оценка вызывает положительные и отрицательные чувства говорящего, вызванные объектом, его действиями, состоянием» [3. С. 270].

Согласно результатам нашего исследования пользователи и авторы блогов в равной степени используют как дескриптивные, так и оценочные лексемы.

Как замечает Е. М. Вольф, «оценочный и дескриптивный компоненты неразрывно связаны и во многих случаях неразделимы. В системе прилагательных наиболее очевидно проявляется связь дескриптивного и собственно оценочного смысла в значении слова» [2. С. 24].

В зависимости от тематики блога употребляются терминологические единицы, обусловленные направленностью деятельности компании. Например, cryptocurrency trading, flagship currency, cryptoassets, ratio.

Отдельный интерес для исследования представляют синтаксические особенности корпоративных блогов. Сообщение в виртуальной коммуникации — это элементы устной и письменной речи. Зачастую подобное сообщение воспринимается в большей степени как устное высказывание.

Согласно результатам нашего исследования, в корпоративных блогах можно проследить тенденцию частотного использования эллиптических конструкций, эмфатических конструкций, вводных слов, риторических вопросов и обращения.

Важная отличительная черта виртуального общения — это употребление разных типов вопросов, что обусловлено высокой степенью заинтересованности коммуникантов в конкретном посте и продолжении диалога.

Эллиптические конструкции являются наиболее частотными. Данный факт можно объяснить

тем, что, как правило, одной из отличительных особенностей комментариев к постам является лаконичность. Автор дает обратную связь на то или иное новостное сообщение компании.

“Aesthetic consistency”.

“Convenient, efficient”.

“Slotting specific posts into your spreadsheet”.

“Down with consumerism”.

Прагматическая направленность и высокая степень экспрессивности представляют базовые признаки, характеризующие жанровую модель блога. Эмфатические конструкции являются типичными для корпоративных блогов. Это касается как самих постов, так и комментариев пользователей. Автор фокусирует внимание читателя на значимой информации и подчеркивает важность определенных деталей.

“This new marketing project did attract a lot of passionate clients”.

“You do need to dedicate an employee to represent the voice of your customer”.

“Never will I forget this voice”.

“Everyone did buy their products”.

Наряду с другими синтаксическими средствами вводные слова не менее частотны. Благодаря употреблению вводных слов текст приобретает более сложную, внутреннюю организацию.

“It goes without saying that zoom fulfilled the product-market need quickly”.

“However it requires your special consideration and great efforts”.

“Even so, we couldn’t expand our Nike’s product line”.

Вводные конструкции помогают читателям более доступно воспринимать информацию.

Распространенным синтаксическим приемом является обращение. Именно использование обращения создает эффект присутствия автора блога и коммуникантов. Блог обретает некую динамичность. Корпоративный блог направлен на общение читателей и обсуждении того, что было изложено в посте.

“Are you followers really want to get used to this new platform?”

“Can’t anybody of you guys explain and simplify it”.

На синтаксическом уровне побудительная интенция адресанта актуализируется посредством использования риторических вопросов.

“Ever practiced that?”

“What shall I start with?”

В письменном компьютерном дискурсе не употребляются некоторые смысловозначительные средства, содержащие эмотивный компонент

(например, жесты, интонацию, мимику) и типичные для устной коммуникации. «При этом сжатый, экономящий усилия и время отправителя виртуальный жанр не способствует детализации описания, характерной для традиционной письменной речи, что могло бы компенсировать отсутствие паравербальных средств. В связи с этим виртуальный текст становится сухим и теряет привлекательность для собеседников. Поэтому для компенсации отсутствия паравербальных средств вырабатывается особая система орфографии и пунктуации, облегчающая процесс коммуникации и отражающая «живую», яркую в выборе языковых средств личность коммуниканта» [1. С. 14].

Использование большого количества графических средств позволяет блогерам более свободно выражать свои эмоции. К графическим средствам относятся эмодзи, капитализация, сопровождающие знаки, шрифты разного типа, чрезмерное использование пунктуации, дублирование букв.

Важную роль в блогосфере играет пунктуация. Она указывает на отношение автора к выражению и на ожидаемую обратную связь читателей. Автор сообщения или поста дает подсказку аудитории, на чем стоит акцентировать свое внимание, какая фраза является ключевой в высказывании. В устной речи подобными индикаторами выступают невербальные средства — мимика, интонация, жесты.

Зачастую язык в виртуальной коммуникации характеризуется лаконичностью и информативностью. Это продиктовано желанием автора экономить свои речевые усилия.

Одной из доминантных функций графических средств является выражение экспрессивности. С помощью этих средств текст обретает понятный для читателя смысл и становится более интересным.

Капитализация — это наиболее распространенное графическое средство. Подчеркивая некоторые лексемы подобным образом, автор может выразить целый спектр эмоций — восхищение, восторг, гнев, ненависть, раздражение. Встречаются также примеры капитализации, сочетающиеся с многократным дублированием одной и той же буквы и знака препинания:

“YYYYOUTUBEEEE!!! Viewers are exposed to such a great flow of ads and commercials”.

В данном примере автор комментария корпоративного блога выражает негодование по отношению к рекламе и демонстрирует высокую степень эмоциональности. Еще одним примером капитализации является написание каждого сло-

ва с заглавной буквы. В данном случае этот прием играет роль интонационного ударения:

“This Is the Time For the Amazing Race”.

“Your Posting Is So True For All”.

Приемом, обратным капитализации, выступает использование строчных букв:

“this is the fastest way to get to the island”.

“however you can get the results soon”.

Следует также подчеркнуть многократное употребление знаков препинания.

“Her dream gives us renewed hope!!!!!!!!!!!!”

“This is definitely a great step in blogosphere!!!!”

В некоторых сообщениях и постах блогеры нарочито опускают знаки препинания с целью экономии времени и усилий, а иногда по причине неграмотности автора.

“We are excited to kick things off with four films that offer unique themes from African history a revolution of harmony”.

В комментариях к посту многие авторы допускают орфографические ошибки и опечатки, возникающие из-за невнимательности и неграмотности коммуникантов.

Одним из наиболее популярных графических средств в виртуальном дискурсе являются эмодзи.

“Your company makes it impossible for us to email customer service (((”

“We are grateful to you for such an opportunity :)”

“You can visit our new website)”

Заключение

Таким образом, в корпоративных блогах авторы постов стараются придерживаться определенных литературных рамок. Главной целью употребления графических средств в корпоративных блогах является привлечение внимания читателей к той или иной обсуждаемой проблеме. Авторы комментариев к посту не ограничивают себя в выборе графических средств.

Анализ содержательных и лингвистических особенностей корпоративных блогов позволяет сделать вывод о том, что изучение блогосферы как специфической среды виртуальной коммуникации является одним из наиболее прогрессивных направлений современной лингвистики. «Это вызвано научным осмыслением вопросов, связанных с разнообразиями блогосферы, её целями, структурой, специфическими средствами языкового оформления, поскольку данная коммуникативная интернет-среда приобретает сейчас особую социальную значимость, обусловленную вовлеченностью в неё широких общественных слоев и необходимостью

теоретического осмысления адекватности языка корпоративного блога как инструмента рекламы товаров и услуг в бизнес-коммуникации» [3. С. 17]. В корпоративном блоге отражены разные сферы профессиональной деятельности компании. Постоянная актуализация информации способствует более детальному изучению языковых особенностей.

Несмотря на жанровое разнообразие виртуальной коммуникации, корпоративный блог, функционирующий в поликультурном коммуникативном пространстве, поддерживает свой статус са-

мостоятельного жанра. «Процесс глобализации способствует глубокому осмыслению происходящих изменений, связанных не только с популяризацией новой среды социального взаимодействия, но и с формированием особой культуры виртуальной коммуникации, влияющей на развитие и изменение обслуживающего его языка». В настоящий момент анализ структурно-содержательных и лингвистических особенностей жанра корпоративного блога представляет большой интерес для лингвистов.

Список источников

1. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 24 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 278 с.
3. Касьянова Н. В. Лингвокультурологические особенности корпоративного блога как жанра интернет-коммуникации: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2015. 23 с.
4. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Едиториал УРСС, 2002. 368 с.
5. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 210 с.
6. Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org>. (дата обращения 16.07.2022).

References

1. Asmus NG. Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva = Linguistic peculiarities of virtual communicative space. Abstract of thesis. Chelyabinsk; 2005. 24 p. (In Russ.).
2. Vol'f EM. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moscow: Nauka; 1985. 278 p. (In Russ.).
3. Kas'yanova NV. Lingvokul'turologicheskie osobennosti korporativnogo bloga kak zhanra internet-kommunikacii: na materiale anglijskogo i russkogo yazykov = Linguistic and cultural features of a corporate blog as a genre of Internet communication: based on the material of English and Russian languages. Abstract of thesis. Majkop, 2015. 23 p. (In Russ.).
4. Papina AF. Tekst: ego edinicy i global'nye kategorii = Text: its lexical units and global categories. Moscow: Editorial URSS. 368 p. (In Russ.).
5. Skrebnev YuM, Sirotinina OB (ed.) Vvedenie v kollokvialistiku. Saratov: Saratov University Publ.; 1985. 210 p. (In Russ.).
6. Vikipediya. Available from: <http://ru.wikipedia.org> (accessed 16.07.2022) (In Russ.).

Информация об авторе

М. Ф. Масгутова — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка.

Information about the author

Marina F. Masgutova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, the Department of the theory and practice of the English language.

Статья поступила в редакцию 24.07.2022; одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 24.07.2022; approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 8;81'373.612.2

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10920

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В РОМАНЕ ДЖ. ОЛДРИДЖА «ГОРЫ И ОРУЖИЕ»

Сабина Авазжоновна Махмудова

Самаркандский государственный медицинский университет, Самарканд, Узбекистан

Аннотация. Статья посвящена анализу противостояния внутри бинарной оппозиции «свой/чужой» в новой исторической реальности 60 годов XX века на материале романа Дж. Олдриджа «Горы и оружие». Индивидуально авторская интерпретация концептуальной оппозиции «свой/чужой», а также механизмы её реализации стали объектом исследования. Концептуальная оппозиция отражается в разных плоскостях и ситуациях романа: национальном, политическом, психологическом, идейном, а также семейном. Анализируется глубокий внутренний конфликт, обреченность главного персонажа романа Мак-Грегора из-за трагической «раздвоенности», выраженной в рамках концептуальной оппозиции Восток/Запад, «свой/чужой». В рамках статьи была рассмотрена психологически оправданная градация концептуальной оппозиции «свой/чужой», которая в ситуациях имеет не просто разную семантику, но и эмоциональную окраску, применительно к персонажам-антагонистам.

Ключевые слова: концептуальная оппозиция «свой/чужой», архитектура романа, невербальная и вербальная репрезентация концептов, самоидентификация героя, «идентичность места», ситуация

Для цитирования: Махмудова С. А. Репрезентация концептуальной оппозиции «свой/чужой» в романе Дж. Олдриджа «Горы и оружие» // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 153—160. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10920.

Original article

REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL OPPOSITION “FRIEND/FOE” IN THE NOVEL BY J. ALDRIDGE “MOCKERY IN ARMS”

Sabina A. Mahmudova

Samarkand State Medical University, Samarkand, Uzbekistan

Abstract. The article is concerned with the analysis of the confrontation within the binary opposition “friend/foe” in the new historical reality of the 1960s. of the 20th century based on the novel by J. Aldridge “Mockery in Arms”. The author’s individual interpretation of the “friend/foe” conceptual opposition, as well as the mechanisms for its implementation, have become the object of research. The conceptual opposition is reflected in different levels and situations of the novel: national, political, psychological, ideological and family. The author analyzes the deep internal conflict, the doom of the main character of McGregor’s novel due to the tragic “duality” expressed within the framework of the conceptual opposition East/West, “friend/foe”. Within the framework of the article, a psychologically justified gradation of the conceptual opposition “friend/foe” was considered, which in situations has not only different semantics, but also emotional coloring, in relation to antagonist characters.

Keywords: conceptual opposition “friend/foe”, architectonics of the novel, non-verbal and verbal representation of concepts, hero’s self-identification, “place identity”, situation

For citation: Mahmudova SA. Representation of the conceptual opposition “friend/foe” in the novel by J. Aldridge “Mockery in Arms”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):153-160. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10920.

Введение

Понятие «культура» предполагает своего рода акт коммуникации, который осуществляется посредством разного вида источников, куда входят и достояния искусства, в нашем случае словесного т.е. искусство слова. Оппозиции и противоречия в коммуникативных ситуациях, чаще всего носят не языковой, а культурный характер, что является основным постулатом нашего исследования в рамках настоящей статьи.

Роман Дж. Олдриджа «Горы и оружие» 1974 г. является продолжением романа «Дипломат». Следует отметить, что данный роман завершает серию «восточных романов» в творчестве Дж. Олдриджа. Писатель завершает роман «Дипломат» бунтом 30-летнего ученого, бросившего вызов лорду Эссексу и всей империи; он возвращается в Иран (по его ощущениям — «домой»). В романе «Горы и оружие» Мак-Грегора — ведущий специалист в Иранской нефтяной кампании, живущий в восточном окружении уже 23 года. Это обстоятельство по ментальности, самоощущениям, статусу, фактам биографии, пониманию способов политической борьбы различает молодого и зрелого Мак-Грегора. Отметим, что в романе «Горы и оружие» Дж. Олдридж завершает эксперимент с существованием странного «англичанина», стоящего перед альтернативой вечного вопроса: кто «свой», а кто «чужой». В романах «Герои пустынных горизонтов» и «Не хочу, чтобы он умирал» тридцатилетние аналогичные герои погибают, сделав свой нравственный выбор, встав на стороне «чужого».

Следует подчеркнуть, что восточная самоидентификация Мак-Грегора, которая явно выделяла и выделяет его среди англичан, стала еще более заметной. Это подмечала Кэти Клайв на заре их знакомства в Москве: «You really don't know how much of Persian your MacGregor» [11. Р. 232]. Дж. Олдридж создал в образе Мак-Грегора человека, только формально имеющего британские документы, его биография связана с Ираном, борьбой за национальные интересы Курдистана. Данный герой по всем параметрам олицетворяет «своего» для курдов за долгие годы жизни и совместной дружбы. Мак-Грегора должен выполнить опасное поручение повстанческого комитета курдского освободительного движения в Париже. В духе ментальности курдов писатель создает клятву для Мак-Грегора и определяет сюжетную линию романа: «You commit to be loyal to the Kurdish people, to fight for self-government for Kurdistan, to keep everything secret, you commit to commitment

for life, you commit to consider all Kurds as your brothers...» [11. Р. 23]. Концепт «свой» в данном контексте синонимичен более эмоциональному и родственному «брат».

Вторая линия — семейная. Эти линии имеют несколько точек пересечения, которые можно соединить в концептуальной оппозиции «свой/чужой». Дж. Олдридж подготавливает семейный кризис нежеланием Кэти более оставаться в Иране. Дети учатся в Европе, Кэти задержалась в Париже еще на 5 месяцев, все это мотивирует ее желание жить в Европе. Писатель уже с первых страниц романа подчеркивает раздражение героини от «восточного бардака», понимание того, что это пространство родное для Мак-Грегора и чужое для нее: «Oh, damn these mountains... All this rock-mining idiocy» [11. Р. 20]. Дж. Олдридж создает разницу между самыми близкими, чтобы подчеркнуть «трещину» в восприятии жизни людьми, которым 50 лет и необходим выбор между европейским благополучием и неустойчивым политическим миропорядком в Иране.

Автор не нарушает традиционную архитектуру (действие происходит в Курдистане — Париже — Лондоне — Курдистане), что позволяет вписывать героев в привычную или непривычную обстановку, которая закреплена за пространством гор или европейских столиц. Первый семейный конфликт между супругами — необходимость возвращения в Европу. Для Мак-Грегора невозможно порвать с родным пространством, кругом своего общения, а самое главное, — выполнением миссии: «But Europe can wait a little longer». Кэти в этом вопросе непреклонна: «No it can't?» [11. Р. 6]. Писатель подчеркивает, что его герои ментально уже живут в разных пространствах.

Материалы и методы исследования

Роман Дж. Олдриджа — политический, поэтому важной персонажной оппозицией является противостояние: в национальном плане (европейцы и курды), социально-политическом (курды, выступающие за национальную автономию, и курды, продающие свои земли западу). Герой романа «Дипломат» палеонтолог Мак-Грегора должен выполнить опасное поручение повстанческого комитета курдского освободительного движения в Париже. Это доверие мотивирует и иллюстрирует концепт «свой, брат». Действие в романе происходит в 1968 году, во время студенческого бунта в Париже, в котором принимают участие сын и дочь Кэти и Мак-Грегора. Писатель создает новую политическую реальность, которая

определяет расстановку сил и нового типа борца за национальную свободу. Все это способствует моделированию фрейма «Британия» в лице «коллективного Запада», продолжающего политику вмешательства из-за своих финансовых интересов (нефть) в дела молодых восточных государств. Также традиционно продолжается борьба внутри оппозиции концептов «свой/чужой». Остановимся на двух позициях, которые считаем важными для интерпретации фрейма «Британия» и концептуальной оппозиции. В. А. Кухаренко подчеркивает, что концептуальность художественного текста является его «основополагающей категорией»: «И весь процесс интерпретации, по сути дела, сводится к скрупулезным поискам средств выражения концепта, концентрирующего в себе результаты авторского освоения действительности и пропагандирование их читателю. Концепт формируется постепенно» [5. С. 76]. Учитывая то, что произведение «Горы и оружие» является продолжением «Дипломата», следует отметить, что общие параметры концепта «свой» в ментальном и политическом смыслах в данном романе носят более расширенный характер и презентуются с учетом новой политической ситуации, возраста, статуса (муж и отец) и неизменности политических взглядов Мак-Грегора. В «восточных» романах Дж. Олдриджа явственно проявляется его модальность, знание всех тонкостей восточного быта, ведь писатель подолгу жил в Египте, дружил с молодой элитой, сочувствовал их политическим взглядам, что не могло не отразиться в произведениях: «В художественных текстах возможна актуализация признаков, не входящих в ядро национального концепта, а также не узальная оценочная интерпретация ядерных признаков» [10. С. 743]. Поэтому концептуальная оппозиция «свой/чужой» имеет индивидуально-авторское, национально-акцентированное значение, при расширении ассоциативного потенциала концепта в разных контекстах и ситуациях.

Важным считаем уточнение Н.Н. Болдырева, что «концепт обладает свойством полиапеллируемости», то есть может реализовываться при помощи разных языковых единиц и не вербально [1. С. 17]. В самом начале романа «Горы и оружие» писатель как бы создает своеобразный камертон для определения тональности «своего» по отношению к Мак-Грегору и Курдистану (пространство, любимые горы, быт, культура). Кэтти образно озвучивает эту близость: «You even accept the color of this area... A return to your native element isn't it? [11. P. 5]. В этом же плане концепт «свой»

включает семантический сегмент «дом» именно в Тегеране: «As MacGregor set in the living room of the house where he had been born and raised, with Persia looking down to him from all sides»? [11. P. 51]. Примечательно, что писатель уточняет отсутствие у Мак-Грегора своего дома в Европе. Будучи европейцем, Мак-Грегор как бы отвергает все европейское (общество, политику, отношение к курдам). Следует также отметить влияние самоидентификации Мак-Грегора, его рождение и проживание в Иране всю сознательную жизнь. Ученые пишут о важности такой категории как «идентичность места», которая создает нравственные, эмоциональные и культурные опоры для человека. Считаем, что для всех подобных героев Дж. Олдриджа «идентичность места» является родовой чертой их характера, формирует их мотивацию действия «бунтарского» характера против «своих» (формально). Более того, «идентичность места» во многом формирует «восточное сознание» и культурный уровень Мак-Грегора. Он легко и уместно обращается к персидским пословицам, цитирует поэтов, то есть его знания культуры естественны, даже когда он обращается к жене-англичанке: «It is more likely that the Shia will see his impossible messiah than that the husband and wife will stop quarreling»? [11. P. 9]. Можно считать, что определение возможностей лингвокультурного концепта близки концепту художественному: «...„пучок“ представлений, ассоциаций, знаний, оценок, эмоций и переживаний человека относительно какого-то явления, которые существуют в его сознании и ментальном мире и не в последнюю очередь обусловлены культурными знаниями» [3. С. 101]. На протяжении всего повествования Мак-Грегор реагирует, ведет себя, восклицает как «восточный человек», что делает его «чужим» для Европы и «своим» для Курдистана.

Концептуальный анализ текста позволяет выделить параметры «своего», так же, как и параметры «чужого» в соответствии с идейным замыслом автора данного романа. Маркерами этого понятия являются язык, знание культур, ритуала, одежда героев. Подчеркнем, что концептуальная оппозиция «свой/чужой» имеет разные смысловые оттенки в прямой зависимости от определенного пространства и национальности, социального статуса персонажа в той или иной ситуации. Мак-Грегор воспринимается банкирами Цюриха с уважением благодаря своему респектабельному виду: «...it was because of the English cut of his jacket», как «свой». Чужие молодые курды в Париже отличаются одеждой и обликом «also Kurds judging by

their faces, eyes, hair and European shabby clothes» от «чужого» такой же национальности и возраста сына Ильхана Дубаса, который вписывается в европейскую жизнь изысканным парижским прононсом и видом: «...looking like a young Parisian who had rolled up to entrance in an expensive sport Jaguar» [11. P. 144].

Результаты исследования и их обсуждение

В «восточных» романах Дж. Олдриджа есть ситуации, когда подчеркнута психолингвистическая составляющая модели концепта. Отметим четкую формулировку В. В. Красных: «Сознание, понимаемое как феномен, культурозависимо» [6. С. 36]. Можно отметить, что в концептуальное поле «свой» в пространстве Курдистана писатель включает сегмент «брат», в пространстве Европы — «свой» обозначает входящего в светский кружок Мозеля. Составляющее концепта «свой» в данном романе в понимании курдов есть понятие ценности родственных связей. Примечательно, что, называя Кэтти «friend and sister», Затко убеждает комитет в дружбе и преданности Мак-Грегора, используя концептуальную оппозицию «чужак — иностранец» и «свой — брат». Отметим, что, учитывая ментальность курдов, их приверженность к семейным ценностям, писатель выстраивает речь Затко убедительно: «Kurds do not like foreigners... He also raised my son Taxu for a long time as his one. I say: «Your brother is knocking» [11. P. 13]. Конкретная ненависть ко всем чужестранцам, в том числе к англичанам, объясняется постоянным многолетним вмешательством в политику и, главное, в нефтедобывающую отрасль экономики Курдистана.

Необходимо отметить, что писатель создает такие ситуации в романе, отражающие сознание Мак-Грегора, его психологическое состояние: «Термин ситуация употребляется как в применении к самому фрагменту действительности, так и к соответствующему концепту» [9. С. 18]. в данном случае подчеркнем, как в ситуации создается концептуальное поле «свой» и одновременно — «чужой». Цельность восточной натуры Мак-Грегора проявляется в сцене светского приема (в Париже), в его реакции на происходящее, даже на бессознательном уровне. Е. В. Лозинская, анализируя ТКИ (теорию концептуальной интеграции), пишет: «Важную роль ТКИ играет в изображении процессов, протекающих в психике литературных персонажей. Такое ее применение вполне естественно, поскольку при интегрировании ментальных пространств — это одна из

ключевых операций в деятельности человеческого сознания...» [7. С. 80]. Дж. Олдридж создает некий комплекс поведенческого рисунка для иллюстрации «восточного сознания» Мак-Грегора даже в рамках одной ситуации. Данная ситуация разворачивается в богатой гостиной Жизи, где собораны представители светского общества Европы.

1. Внутреннее самоощущение, а точнее психологический дискомфорт заставляет героя отторгать парижскую светскую жизнь: «...he had missed the desolate mountains of his youth in less than ten minutes» [11. P. 111]. Это как бы имитация процесса его осознания своей чужеродности. Не случайно бывший преподаватель, а ныне сотрудник ЦРУ Кэспиан точно определяет самоощущение Мак-Грегора, которому неуютно в Париже: «You're a Persian at heart» [11. P. 95].
2. Привычная и расхожая фраза в этой же ситуации, сказанная бессознательно, подчеркивает цельность восточной натуры Мак-Грегора, который даже в простой реплике верен своему мироощущению: «Allah knows it» [11. P. 98].
3. Более того, старый недруг Лорд Эссекс не может не заметить «восточную» особенность в облике Мак-Грегора и Кэтти как выделяющую их из числа «европейских» гостей. Образная характеристика содержит ассоциации с простором, горами, а не дорогими креслами, драпированными шелком: «You both look like proud eagles among this crowd» [11. P. 112]. Все эти пункты вкупе создают эмоциональное подтверждение концепту «свой» для курдов, и абсолютно «чужой» для европейцев.
4. Известно, что психическое состояние определенным образом проявляется в мимике, позе и жестах человека: «К невербальным элементам «чужого» относят внешние признаки: одежду, украшения, позы, жесты, мимику... даже запах» [11. С. 119].

Дж. Олдридж на уровне непринужденных жестов показывает, как Мак-Грегор проникся за долгие годы жизни на Востоке ко всему комплексу бытового миропорядка. Даже на уровне позы он инстинктивно ведет себя в соответствующих ситуациях в Париже как перс: «MacGregor froze, as Persian do when they hear of disasters, diseases, and deaths» [11. P. 74]. Примечательно, что в ситуациях, когда Мак-Грегор получает негативную информацию, он спонтанно выражает свое отношение к ней на уровне жеста: «„Who could have sent this wild request?“ MacGregor raised his hand in an

oriental gesture» [11. P. 135] или «MacGregor made a Persian gesture of annoyance» [11. P. 175]. Думается, что данные примеры также входят как полноправные составляющие концепта «свой», потому что и Париж для героя «чужой»: «I'll never be here again» [11. P. 171]. Жесты и поза также являются невербальным воплощением концепта «свой» для курдов и показателем чуждости для европейцев. Мак-Грегор, находясь в Курдистане, легко садится в привычную для пастухов позу около костра. Он «свой» даже на уровне позы: «sitting down on his haunches».

Продуктивная идея: «Концепт в литературе всегда реализован в образах... концепт создается при участии автора, но реконструируется читателем...» [2. С. 7] — может быть проиллюстрированной на примере данного романа. Традиционный для писателя образ странного «англичанина» манифестируется абсолютно по-разному в «восточном и западном пространствах», в прямой зависимости от ментальности героев.

Все, что связано с концептом «чужой» в романе имеет разные объекты или относится к разным персонажам (в национальном, политическом, психологическом планах). Измерение «свой/чужой» варьируется от нейтрального отношения до агрессивно-отрицающего. Это крайне важно для Дж. Олдриджа — создание такой шкалы градации в условиях национально-освободительной борьбы в Курдистане. Итак, в стане курдов четкое политическое размежевание. Кази и Затко, понимая, что без «чужестранца» не обойтись, доверяют особенному европейцу, который за 30 лет жизни в Иране стал «своим». Партия (национально своих) Ильхана и Дубаса являются «чужими», даже врагами в политическом плане, так как они хотят быть «своими» для Европы и Америки. Новое молодое поколение прозападных курдов приобрели европейский лоск в одежде, знание французского языка, дорогую машину.

Мак-Грегор — чужой в светской европейской «тусовке», в атмосфере которой Кэтти — «своя», так писатель подчеркивает начинающуюся размолвку в их семье. Явная поведенческая «инаковость» Мак-Грегора, инородность среди лощеных европейцев заставляет кузена Кэтти сказать метафорически: «You must understand a Tibetan». Кэтти ясно видит, что «MacGregor was a stranger here» [11. P. 56].

Оппозиция Запад/Восток в контексте оппозиции «свой/чужой» характеризует не просто ментальность Мак-Грегора, но и его сына Эндрю, который иносказательно констатирует: «You don't

fit in here do you Dad». Он признается отцу в своем мироощущении: «The longer I live in European, the more non-European I feel» [11. P. 139]. Позиция Эндрю, родившегося и выросшего в Иране, доказывает справедливость влияния «идентификации места» на самоидентификацию героя.

Писатель и в данном романе использует парадокс, когда Мак-Грегор борется за курдские интересы (деньги) со «своими» европейцами, которые по политическим взглядам ему «чужие».

В романе «Горы и оружие» позиция Британии в регионе сменяется интересами европейских стран и Америки, это понимает Мак-Грегор с политической и с профессиональной точки зрения. Подчеркнем, что влияние Британии в 70 гг. XX века немного ослабло под напором агрессивной политики США. Если чужестранец Мак-Грегор — свой, друг, о нем знают в горах; то другой «stranger» Фландерс является типичным представителем Британской разведки, типичным представителем имперской политики, который в новых условиях прикрывается деятельностью гуманитарной организации «Помощь детям». Действия имперской политики Запада осуществляют проводники, которые не скрывают истинных целей, абсолютно цинично признаются: «Let's say were paying for gas oil political power or land... Or maybe we want to use the Kurd to flank the Arabs or the Russians» [11. P. 96]. Интересы курдов не воспринимаются как нечто существенное, империя имеет дело с теми курдами (Ильхан), которые продают ценности собственного народа. Курдская клика Ильхана, его европеизированный сын Дубас — «чужие» как для своего народа, так и для Мак-Грегора. Писателю важно подчеркнуть, что национально-освободительная борьба Курдистана в 70-е годы вступила в новую фазу, когда внутри страны есть «свои» и «чужие», оппозиция идейно непримиримых: «Бинарность рассматривается в широком смысле как универсальный код описания мира в любой его подсистеме, важнейшей организующий механизм любой структуры» [4. С. 5]. Концептуальная оппозиция характеризует новый этап национально-освободительного движения Курдистана, происходящего как между «своими и чужими» во внешней, так и во внутренней политике (Кази, Затко- Ильхан).

Дж. Олдридж показывает обреченность действий Мак-Грегора, так как против него вся мощь политики Запада на Востоке: «All the governments in the West are suddenly interested in the Kurdish future and everyone wants to step in» [11. P. 156] и партия Ильхана.

Если в ранних романах в концептуальной оппозиции «свой/чужой» была проведена четкая «красная линия», то в данном романе за счет оппозиции внутри курдского политического общества, за счет разногласия между поколениями «отцов и сыновей», позиции усложняются. В первую очередь это касается положения Мак-Грегора в выборе методов политической борьбы.

Писатель однозначно определяет, что Мак-Грегор для Затко — «свой», что синонимично «брату». Но уже молодое поколение (Таха), разделяя родственные отношения («дядя Айрв»), ощущает разногласия в политическом плане. Стоит подчеркнуть, что Дж. Олдридж видит обреченность Мак-Грегора в его трагической «раздвоенности», выраженной в рамках концептуальной оппозиции. В первую очередь это выбор места жительства, некая неустроенность в Европе (дом в Тегеране). Во-вторых, его эмоциональная и ментальная привязанность к Востоку. Зная Мак-Грегора более 20 лет, лорд Эссекс суммирует: «I would really like to know how the division into half eastern and half western occurs in you» [11. P. 185].

Писатель показывает своего героя «человеком идеи», вдумчивым и перспективным ученым, стоящим перед альтернативой: выбрать Европу в качестве места жизни и высокооплачиваемой работы, тем самым сохранить семью, или вернуться в Курдистан, чтобы принять участие в борьбе. Подчеркнем, что данная альтернатива может развиваться в рамках концептуальной оппозиции. «свой/чужой», даже в ментальном пространстве между членами его семьи.

Мак-Грегор теряет жену, которая ставит ему ультиматум по поводу поездки в Иран, категорически отвергая прошлое даже на уровне языка: «Don't ever speak Persian to me again. Never!» [11. P. 200].

С другой стороны, сын Эндрю решает круто изменить свой жизненный курс, бросить обучение в Кембридже: «I decided to go home. — To London? — To Iran» [11. P. 197].

Дж. Олдридж — реалист не может изменить художественной правде и логике развития характера Мак-Грегора, заставив выбрать престижную и обеспеченную работу в Женеве. Его «восточная половина» ценит понимание дела чести, возвращаясь в Курдистан, хотя герой рационально понимает: «I am not a soldier or a Kurd» [11. P. 190].

Писатель подчеркивает идеологическую пропасть в понимании методов политической борьбы между Мак-Грегором и Тахой, для которого неприемлем путь переговоров, а только жесткая конфронтация с элементами террора. Показате-

лен диалог между Мак-Грегором и несгибаемым сыном после гибели Затко: «And here you need to look at things with our eyes, and not with English ones. — I've been trying to see through your eyes for thirty years» [11. P. 222]. Слабость видится молодому курду в национальной принадлежности Мак-Грегора, которая мешает ему до конца прочувствовать национальный характер, поэтому так непреклонно юноша выталкивает дядю Айвру из числа «своих»: «...and don't try to be a Kurd» [11. P. 165]. Как видим, психологически оправдана в тексте романа градация концептуальной оппозиции «свой/чужой», которая в разных ситуациях имеет не просто разную семантику, но и эмоциональную окраску. Писатель добавляет в понимание курдов, что негативной отличительной чертой европейцев есть отсутствие «чести». Это повторяет Кази, это утверждает Затко: «Europeans are alien to the concept of honor» [11. P. 159]. То качество, которое свойственно натуре курдов, является органическим составляющим концепта «свой», его же отсутствие характеризует всех «чужих»: «And if you do it your way in clever way with English tricks, then the Kurd will not recognize it as a matter of honor» [11. P. 225].

Представляется важным отметить перенос акцента в оппозиции «свой/чужой» не на национальное, а как бы на политическое, «временное» непонимание ситуации. Компромисс между действиями человека идеи и чувством долга для героя невозможен. Трагическая раздвоенность героя обуславливает выбор пути Мак-Грегором: «With my English European parliamentary leaven I am against it. And a life lived in the mountains — for» [11. P. 224]. Следует также отметить влияние «восточного» мироощущения героя, его самоидентификация в кризисной ситуации вряд ли европейская, он более «горец»-шотландец.

Выводы

В романе «Горы и оружие» Дж. Олдридж продолжает исследовать фрейм «Империя», его действия и политику в режиме нового времени. Таха — борец новой формации, который видит методы борьбы Запада (напалм, сброшенный на курдскую деревню самолетом), новейшее оружие, которым снабжается отряды Ильхана. Таха вырос в другой действительности западной и американской имперской политики, действия которой аристократ Мозель в парижской гостиной легко озвучивает: «the Americans have two dozen helicopters stationed at the Bustan base in Turkey flying over all the mountain roads... You don't stand a chance,

MacGregor» [11. Р. 210]. Если идеалист Кази бережет курдское знамя 1946 года, уверенный в торжестве социальной справедливости во всем мире, то курд новой формации Таха борется только силой американского автомата, то есть концепт «свой» в новых исторических условиях включает «новую идеологию» -террор в ответ на жесткую, не гуманную политику Запада.

В романе «Горы и оружие» Дж. Олдридж должен был завершить противостояние «своих/чужих» в рамках новой исторической реальности.

Концептуальная оппозиция проявляет свое значение в разных плоскостях и ситуациях романа. В Курдистане политическая борьба разводит даже курдов на «своих и чужих», влияние иностранцев прибавляет оттенок позитива и негатива, даже по отношению к «своему» Мак-Грегору. В Европе Мак-Грегор — «чужой» в политическом, национальном и социальном планах. Трагическая раздвоенность Мак-Грегора (психологическая, политическая, семейная), самоидентификация «не европейца» обусловят гибель героя.

Список источников

1. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Когнитивные исследования языка: сборник науч. тр. Тамбов, 2008. С. 11—29.
2. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М.: Флинта: Наука, 2010. 256 с.
3. Ефремов В. А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 104. С. 96—106
4. Илиопова К. С. Противоречие «свой/чужой» в социокультурной коммуникации (социо-философский анализ): автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов-н/Д., 2010. 23 с.
5. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
6. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
7. Лозинская Е. В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX—XXI веков. Аналитический обзор. М.: РАН ИНИОН, 2007. 160 с.
8. Матвеева Т. В. «Свое» и «чужое» как способ самоидентификации культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50), ч. 1. С. 117—119.
9. Плешакова А. В. Исследование фрейма «происшествие» на материале русских и английских текстов жанра «информационное сообщение»: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1998. 219 с.
10. Тарасова И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 742—745.
11. Aldridge J. Mockery in arms. London: Little, Brown, 1975. 385 p.

References

1. Boldyrev NN. Principles and methods of cognitive language research. In: Kognitivnyye issledovaniya yazyka = Cognitive Language Studies. Tambov; 2008. Pp. 11—29. (In Russ.).
2. Volodina NV. Koncepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniya = Concepts, universals, stereotypes in the field of literary criticism. Moscow: Flinta: Nauka; 2010. 256 p. (In Russ.).
3. Efremov VA. Concept theory and conceptual space. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* = *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. 2009;(104):96-106. (In Russ.).
4. Iliopola KS. Protivorechie «svoj/chuzhoj» v sociokul'turnoj kommunikacii (socio-filosofskij analiz) = Contradiction “friend/foe” in sociocultural communication (socio-philosophical analysis). Abstract of thesis. Rostov-on-Don; 2010. 23 p. (In Russ.).
5. Kuharenko VA. Interpretacija teksta = Text interpretation. Moscow: Prosveshhenie; 1988. 192 p. (In Russ.).
6. Krasnyh VV. Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii = Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory. Moscow: Gnozis; 2001. 270 p. (In Russ.).
7. Lozinskaja EV. Literatura kak myshlenie: kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX-XXI vekov. Analiticheskij obzor = Literature as thinking: cognitive literary criticism at the turn of the 20th—21st centuries. Analytical review. Moscow: RAN INION; 2007. 160 p. (In Russ.).
8. Matveicheva TV. “Friend” and “foe” as a way of cultural self-identification. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2015;(8(50)1):117-119. (In Russ.).

9. Pleshakova AV. Issledovanie frejma «proisshestvie» na materiale russkih i anglijskih tekstov zhanra «informacionnoe soobshhenie» = The study of the frame “incident” on the material of Russian and English texts of the “information message” genre. Thesis. Saratov; 1998. 219 p. (In Russ.).
10. Tarasova IA. Artistic concept: dialogue of linguistics and literary criticism. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. 2010;4(2):742-745. [in Russ.].
11. Aldridge J. Mockery in arms. London: Little, Brown, 1975. 385 p.

Информация об авторе

С. А. Махмудова — преподаватель, ассистент кафедры языков.

Information about the author

Sabina. A. Mahmudova — Assistant Professor of the Department of Languages.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted 25.08.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 20.09.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.0

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10921

ПРИНЦИП КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ДИСКУРСА

Наталья Викторовна Монгилёва^{1✉}, Роза Сейтхановна Муханбетжанова²

^{1,2} Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Костанай, Казахстан

¹ 77772456222@mail.ru✉, ORCID 0000-0002-2150-2312

² rose_19_93@mail.ru

Аннотация. В дискурсивном процессе говорящий вовлечен в ситуацию выбора средства интерпретации личностного смысла. Выбор средства интерпретации происходит из неограниченного ресурса языковых средств, но имеет пределы социокультурной природы: знания и представления о наиболее релевантных способах достичь целей коммуникации в типичных ситуациях. В системе ориентиров дискурсивной деятельности говорящего важное место занимает принцип конвенциональной значимости, погружающий селекцию вариантов в дихотомию *значимость для себя / значимость для других*. Первый компонент дихотомии означает актуализацию концептуального содержания, вызванного перцептивными и эмоционально-оценочными процессами, второй — сглаживает смысловые оттенки содержания ориентацией на коллективное установление. Ориентирование на принцип конвенциональной значимости было проанализировано на материале переводческого эксперимента с участием казахских и русских респондентов. Переводческие решения казахских респондентов продемонстрировали регулятивное влияние представлений об общем/допустимом/принятом в социокультурной среде.

Ключевые слова: дискурсивный процесс, выбор средства интерпретации, принцип конвенциональной значимости, переводческий эксперимент

Для цитирования: Монгилёва Н. В., Муханбетжанова Р. С. Принцип конвенциональной значимости в формировании дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 161—168. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10921.

Original article

THE PRINCIPLE OF CONVENTIONAL SIGNIFICANCE IN THE FORMATION OF DISCOURSE

Natalya V. Mongilyova^{1✉}, Rosa S. Mukhanbetzhanova²

^{1,2} A. Baitursynov Kostanay regional University, Kostanay, Kazakhstan

¹ 77772456222@mail.ru✉, ORCID 0000-0002-2150-2312

² rose_19_93@mail.ru

Abstract. The speaker is the one who involved in choosing ways of interpreting personal meaning in the discursive process. The choice of interpretation methods comes from an unlimited resource of linguistic means. But it has limits of a social and cultural nature: knowledge and ideas about the most relevant ways to achieve communication goals in typical situations. The important role in the system of reference points of the speaker's discursive activity has principle of conventional significance. It immerses the selection of options in the dichotomy of significance for oneself/significance for others. The first component of the dichotomy means the actualization of the conceptual content caused by perceptual and emotional-evaluative processes. The second component smooths out the semantic shades of the content by focusing on a collective establishment. Orientation to the principle of conventional significance was analyzed on the material of a translation experiment with the participation of Kazakh and Russian respondents. The translation decisions of the Kazakh respondents demonstrated the regulatory influence of ideas about the general / allowable / accepted in the social and cultural environment.

Keywords: discursive process, choice for consumption methods, principle of conventional sensory, translation experiment

For citation: Mongilyova NV, Mukhanbetjanova RS. The principle of conventional significance in the formation of discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):161-168. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10921.

Введение

Данная работа посвящена проблеме выбора варианта интерпретации говорящим в дискурсивном процессе и принципу конвенциональной значимости, ориентирующему этот выбор. А. А. Кибрик определяет дискурс как единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста, дискурс есть языковая реальность, осуществляемая в конкретных образцах языкового взаимодействия [6. С. 4]. Методологическая установка на единство дискурса и высказываний/текстов как процесса и его результата позволяет делать выводы о регулярных явлениях, наблюдаемых в образцах языкового взаимодействия, как о парадигмальных контурах развертывания дискурса. Введение в анализ динамики дискурсивного процесса влечет акценты на активность говорящего субъекта, его акциональную позицию. Так, для А. В. Вдовиченко именно личное актуальное действие является условием возникновения значения в дискурсе [3. С. 23]. Субъектный принцип порождения дискурса и его специфики [4] не подлежит сомнению, именно интенциональность субъекта оказывается ведущим фактором, определяющим контекст коммуникативной ситуации [2], спаивающим значение языкового знака и личностный смысл [1]. Согласно О. А. Алимурадову, интенциональность, определяемая как направленность перцептивной и мыслительной активности, устанавливает многоплановую систему корреляции между значением, смыслом и концептом как содержанием, вызываемым формой [1. С. 3]. Но стоит отметить, что понимание дискурса как динамического процесса языкового взаимодействия акцентирует также и направленность субъектной активности на цель коммуникации. Целеполагание реализует интенцию говорящего, а в контексте коммуникативной ситуации именно цели каждого из участников определяют содержание и языковые средства, релевантные актуальной ситуации. По мнению Й. Златева, целеполагание говорящего и слушающего становятся причиной порождения значимости языкового средства [16. С. 10]. Следствием этого языковые средства, используемые говорящим, не просто релевантны коммуникативной ситуации, они проходят сквозь призму коллективной конвенции.

В этом ракурсе становится очевидным противоречие, сопровождающее выбор языкового средства, между ориентированием на личное переживание коммуникативной ситуации и необходимостью использования средств, отвечающих требованиям конвенциональности подобным ситуациям языкового взаимодействия. Результатом конвенции являются все типизированные явления дискурса, закрепленные на уровне обыденного, нормативного и привычного [2; 4; 12; 13; 15]. О. В. Магировская утверждает, что каждый участник коммуникации выступает одновременно субъектом дискурсивного знания и субъектом дискурсивной организации знаний [7]. Если первое означает способность говорящего конструировать фрагмент дискурса относительно личностного содержания, то второе касается знаний и представлений о том, что релевантно в данный момент коммуникации, и о способе репрезентации релевантного. Знания о дискурсивной организации особого рода и обеспечивает целостную организацию дискурса [7. С. 267—272].

Таким образом, высказывание есть результат действия в дискурсивном процессе субъекта, погруженного в разнонаправленные ориентиры: 1) личностную значимость или *значимость для себя*, определяемую интенциональностью и целеполаганием; 2) коллективную конвенцию или *значимость для других*, установленную лингвокультурой и языковым опытом. В коммуникативной ситуации языковой знак трансформируется в речевой знак, воплощая ориентирование говорящего в коммуникативной среде, сформированной прежними речевыми взаимодействиями. Так, идея субъектности дискурса коррелирует со знаниями об общем/типичном/приемлемом/должном для участников коммуникации как членов лингвокультурного социума, а также со знаниями о наиболее релевантных способах быть понятым и достичь цели коммуникации.

Методы и приемы анализа данных, материал исследования

Материалом исследования послужили переводы публицистического текста на французском языке, сделанные русскими и казахскими респондентами (15 переводов на русский язык и 15 на казахский).

Респондентам был предложен отрывок из статьи *Il m'aime, mais ne veut pas s'engager...* [размещен на сайте: <https://www.femmeactuelle.fr/amour/couple/engagement-couple-26920> (дата обращения 29.01.2022)]. В статье описывается проблема любящих друг друга, возникающая при расхождении намерений партнеров: один хочет переходить на новый уровень отношений, например, иметь общее жилье, завести детей, а другого устраивает текущая ситуация. Некоторые результаты анализа частично освещены в нашей статье [8]. В данной статье фокус внимания направлен на переводческие решения, соответствующие существительным *partenaire* — *personne avec qui on forme un couple* (человек, с которым составляют пару); *personne avec qui on a des relations sexuelles* (человек, с которым имеют сексуальные отношения); **couple** — *ensemble de deux personnes unies par les liens de l'amour, du mariage* (союз двух людей, объединенных связями любви или брака) [11; 13], а также варианты перевода лексем *s'engager*, *engagement (m)* и *non-engagement (m)*, использованные в тексте оригинала для репрезентации смысла о стремлении изменить отношения. В работе использованы *метод анализа концептуального содержания*, выразившийся в определении профилированного аспекта значения и концептуальной фоновой области в значении лексемы — результата выбора респондентами средства интерпретации смысла, заданного ситуацией перевода; *метод сопоставительного анализа* в сравнении переводческих решений русских и казахских респондентов для выявления пределов, заданных конвенциональными установками родной лингвокультуры; *метод компонентного анализа* для определения семантических компонентов значения, внесенных респондентами в процессе переводческого решения; *метод культурного комментария* в объяснении предпочтений одних лексических средств другим потенциально возможным. Исходя из утверждения о том, что лингвокультура любого языка имеет достаточную палитру языковых средств для передачи любого концептуального содержания, *гипотезой данной работы стало предположение, что выбор респондентами средства интерпретации смысла имеет пределы социокультурной природы*.

Механизм референции осуществляет соотнесение компонентов речевых высказываний с внеязыковой действительностью, ситуациями, событиями в индивидуальном и каждый раз новом их понимании говорящим. По словам Е. В. Падучевой, референция связана с индивидуализацией

объектов и указывает связь внеязыкового объекта с тем речевым актом, о котором в нем идет речь [9]. Референтность, согласно О. Б. Йокояма, включает обязательно субъективную убежденность говорящего в праве соотнести «пучок признаков» и определенное референтное средство [5. С. 33—34]. Реферируемые объекты могут быть различной природы. С. В. Постникова предлагает различать экстенциональную и интенциональную референцию в зависимости от доминирования денотативного или сигнификативного аспектов значения [10. С. 205]. Интенциональная референция соотносит языковые выражения через языковые значения с концептуальными единицами более высокой степени абстракции, сущность которых составляют обобщенная совокупность признаков и свойств. Лексические средства, выбранные для анализа, являются референтами двух типов, *partenaire* и *couple* имеют четко выраженные денотаты, *s'engager*, *engagement* и *non-engagement* являются единицами высокой степени обобщения.

Анализ референции экстенционального объекта

Казалось бы, что экстенциональный объект речи не должен вызывать трудности в реализации механизмов референции, так как означиванию подлежит реально существующий объект с конвенционально закрепленными за ним средствами. Так и произошло в переводческих реакциях русских респондентов. Во фразе *Comprendre les réticences de son partenaire* вариативность выбора средства референции для *partenaire* отразилась в *партнера / своего партнера / вашего партнера*. Респонденты не испытывали трудностей в передаче заданного содержания, выбор коснулся лишь предпочтения выделить отношения отстраненной принадлежности *своего* или усилить адресность фразы через форму второго лица притяжательного местоимения *вашего*. Однако в той же ситуации реакции казахских респондентов показали большое количество вариантов, что свидетельствует о влиянии определенных факторов на выбор релевантного средства. Некоторые использовали лексемы *жар (жених)* и *жұп (супруг)*, которые актуализируют концептуальную область «семейные отношения» для профилирования значения: *Жұбыңыздың қалауын түсіну / Болашақ жарыңыздың қалауын біліңіз*. Варианты *болашақ жар (будущий жених)* и *сіздің жұбыңыз (ваша семейная пара)* имеют максимально положительную коннотацию, закрепленную традицией: обе лексемы используются в свадебном ритуале. Так,

Жар-жар название свадебной ритуальной песни, *жұп* используется для обозначения молодой семьи в свадебных пожеланиях *Жұбыңмен қоса ағар (благих прибавлений семье)* (данное пожелание традиционно произносится старшими гостями). В одном переводе было использовано существительное *жолдас друг*, которое означает человека, с которым имеются дружеские отношения, также *жолдас* может быть использовано в повседневном общении для обозначения супруга/супруги, то есть для профилирования привлечена область «дружеские, повседневные отношения». В нескольких реакциях респонденты в стремлении воспроизвести лексему *partenaire партнер* выбрали *серіктес (соучастник, партнер по бизнесу)* (в трех ответах) и *әріптес (коллега)* (один ответ), что означает актуализацию концептуальной области «деловые отношения» в качестве фона. Поиск происходил с привлечением схожих коммуникативных ситуаций о взаимодействии двух людей: семейные взаимодействия и деловые отношения. В комментариях, данных после перевода, на вопрос о возможности использовать лексему *көңілдес* для означивания человека, с которым говорящий имеет интимные отношения (от *көңіл душевное настроение, желание*), респонденты отвечали, что высказывание с этой лексемой приобрело бы коннотацию несерьезности, временно-сти отношений, что противоречило бы общему замыслу статьи, где речь идет о намерении продолжить отношения. На вопрос о возможности использовать в казахском переводе русскоязычное слово *партнер*, респонденты также исключили этот вариант, по их словам, возникает ассоциация *сексуальный партнер*, что было бы неприемлемо.

Разнообразие переводных вариантов демонстрируют погруженность процесса выбора средства референции одновременно по *значимости для себя и значимости для других*. *Болашақ жар (будущий жених)* — попытка сконструировать собственный ситуативно обусловленный вариант, близкий по значению, путем метонимического проецирования концептуальных областей по причинно-следственным связям (если люди испытывают взаимные чувства, имеют отношения, значит намерены вступить в брак). Варианты *серіктес соучастник, партнер по бизнесу* и *әріптес коллега* позволили сгладить нежелательный смысл об интимных отношениях в контексте высказывания за счет профилирования смысла о взаимоотношениях людей на фоне другой концептуальной области, за счет знаний о том, где также возможно взаимодействие молодого чело-

века и девушки. Респонденты направили поиск не в сферу личного понимания французской фразы, а в область коллективной конвенции, на референциальные средства, возможные в подобных ситуациях.

Равным образом во фразе *Apprenez à vivre pour vous et non pas pour votre couple*, было необходимо подобрать эквивалент для *couple* — *ensemble de deux personnes unies par les liens de l'amour, du mariage (союз двух людей, объединенных связями любви или брака)*. Большинство респондентов-казахов, использовали форму *жұп*, поместив выражение в контекст семейных отношений (четыре ответа). Единичными вариантами стали *ерлі-зайыпты (благоверный)*, *жолдас друг, серік (соучастник)*. Три респондента опустили часть фразы со словом *couple*, сократив перевод до *Өзіңіз үшін өмір сүруді үйреніңіз (для себя жить научитесь)*. Русские респонденты в большинстве использовали *для вашей пары*, форму, объединяющей двух человек в одно целое. Если внимание смещалось на одного человека, партнера, было использовано *для вашего партнера / для своего партнера / ради кого-то*. Единичными вариантами стали *для того, чтобы выйти замуж и для ваших отношений*.

Анализ референции интенционального объекта

Ориентирование в условиях оппозиции *значимость для себя / значимость для других* проявилось в поиске вариантов для единиц *s'engager, engagement (m)* и *non-engagement (m)*. Этимология данных форм восходит к корневой морфеме *gager (m)* залог, вклад. Перевод *s'engager* по данным словаря Реверсо-контексто — *участвовать, встать, вступить, начать, включиться, продвигаться, брать на себя обязательства и т. д.* [14]. Соответственно, *engagement (m)* и *non-engagement (m)* — результат / отсутствие результата этого действия — *приверженность, обязательство, участие, готовность и т. д.* В тексте, предложенном для респондентов, форма *s'engager* дана в заголовке текста *Il m'aime, mais ne veut pas s'engager*, который полностью дублируется в зачине текста, подзаголовке одного из разделов *Ça veut dire quoi «s'engager»* и во фразе *Il vous aime, mais ne souhaite pas s'engager / pour s'engager il faut avoir confiance l'un en l'autre*. Несколько строк текста посвящены разъяснению, что понимает автор статьи под этим словом *Elisabeth Couzon, psychologue, rappelle que s'engager, c'est aussi «prendre des risques, et accepter d'avoir confiance en soi, en l'autre et en la*

vie. Существительное *engagement* используется в тексте в сочетаниях *les raisons possibles de son non-engagement / cette question d'engagement / des petits engagements au quotidien*. Анализ лексико-графических данных ресурса CNRTL [11] и словаря Larousse [13] дает следующее: *engager*, имея в буквальном значении «помещение объекта в предназначенную форму» вставить в паз, расширяет значение в сферу социальных действий: 1) процесс соглашения об услуге или моральном обязательстве; 2) процесс продолжения движения в одном направлении, 3) участия в чем-либо, запрошенного или предоставленного в данной ситуации. Как переносное значение формы *s'engager* указано: 1) *poser un acte volontaire effectif*; 2) *participer, par une option conforme à ses convictions profondes et en assumant les risques de l'action, à la vie sociale, politique, intellectuelle ou religieuse de son temps*.

Итак, форма *S'engager* актуализирует сегмент знаний об отношениях между любящими людьми через представление о совместном действии, предприятии, участие в котором предполагает планирование совместных действий, взаимные обязательства и взаимную заинтересованность в успехе. На фоне концептуальной области «взаимодействие между людьми» (в самом общем его понимании) *S'engager* профилирует смысл о заинтересованности в благополучии партнера, об обоюдной заинтересованности, о личной ответственности за комфорт партнера в отношениях через метафорическое переосмысление деловых отношений, совместного предприятия.

Для респондентов данный способ означивания не был воспринят как метафорический, они не пытались воспроизвести или придумать свою метафору. Наиболее частотным вариантом в русских переводах стали *s'engager* — *брать (взять) на себя обязательства* (19 использований), *обязательства* (10), *брать (взять) на себя ответственность / стать (быть) ответственным* (9 использований). Наиболее частотными вариантами в казахских переводах стали *жауапкершілік (ответственность)*, *өзіне жауапкершілікті алу (взять на себя ответственность)*, *міндеттеме (обязанность)*, *міндеттемелерді мойнына алу (взять на себя обязанность)*. Частотность выбора *обязательства/ответственность* и *жауапкершілік/міндеттеме* свидетельствует о значимости данных вариантов для многих членов социокультурной общности, и об общей (не субъективной) конвенциональности вариантов *обязательства, ответственность, жауапкершілік,*

міндеттеме для сегмента опыта, актуализированного единицей *s'engager*. Оттенки значения данной единицы нивелировались в смыслы исполнения долга по внешним или внутренним обстоятельствам. В русских переводах более частотным было использование формы *обязанность*, профилирующей зависимость от внешних обстоятельств, в казахских *жауапкершілікті (ответственность)* профилирующей зависимость от внутренних состояний. Одинаковый выбор демонстрирует не идентичность понимания коммуникативной ситуации, переживание смысла у каждого свое, а сходное представление о конвенциональности референтного средства для данной коммуникативной ситуации. Другим частотным выбором были формы *жениться / вступить в брак / официальный брак / официально оформить* (12 использований), в казахских переводах *үйлену (жениться)*, *атастыру (помолвиться, по-свататься)*, *отбасын құру (строить семью)*, что является переосмыслением ситуации по причинно-следственным связям. Этот способ выбрали несколько респондентов, следовательно, речь идет о варианте, согласующемся с конвенцией, социальными стереотипами о положительном развитии ситуации взаимоотношений между двумя людьми. Но при этом единицы, реализующие социальную конвенцию, оказались многочисленными. Опорной точкой референции стало социально значимое, институционально подкрепленное действие (регистрация брака), но выбор конкретной единицы совершался каждым.

Единичные варианты отражают попытку сконструировать форму, максимально подходящую контексту фразы с учетом индивидуального понимания всего текста, что означает ориентирование прежде всего на личное представление коммуникативной ситуации и поиск формы по значимости для себя. В русских переводах *s'engager* таковыми стали: *связать свою жизнь с другим человеком, что-либо решать, заниматься, быть вовлеченным, принимать участие, включиться в диалог*. Единичные выборы в казахских переводах: *тартылу (тянуться / быть привлеченным)*; *Ол сізді жақсы көреді, бірақ ол сізге тартылмай ма, адал болу (быть любимым)*, *араласқызу (участвовать/общаться)*; *Ол мені жақсы көреді, бірақ араласқысы келмейді / Сіз өзіңіздің өміріңізді бөлісетін адаммен араласқыңыз келмесе, оны қалай жасайсыз, бірге тұру (вместе жить)*. Русские респонденты в четырех ответах использовали единицу *обременять себя*, профилирующей смысл трудностей через образ тяжелой ноши,

отягощения. У казахских респондентов смысловой компонент о трудностях отношений проявился только в виде оттенка значения. Выражения *өзіне жауапкершілікті алу (взять на себя ответственность)* и *міндеттемелерді алу (взять на себя обязательства)* во многих случаях были дополнены *мойнына (на свою шею)*, например, *Ол мені жақсы көреді, бірақ өз мойнына жауапкершілікті алғысы келмейді, Ол мені жақсы көреді, бірақ бізге қатысты міндеттемелерді мойнына алғысы келмейді*. О том, что для русских респондентов *обязательства* в контексте личных взаимоотношений могут коррелировать с коннотацией вынужденности, подчинения внешнему давлению, свидетельствует также введение для *обязательств* характеристик *новые, подобные, лишние*, чего не было в переводах на казахский язык.

Заключение

Выбор лексического средства для интерпретации личностного смысла, заданного коммуникативной ситуацией, предполагает интенцию субъекта акцентировать наиболее значимый аспект содержания (значимость для себя). С другой стороны, целеполагание субъекта ориентировало выбор на вариант, наиболее эффективный и для других потенциальных участников коммуникативной ситуации (значимость для других), что канализировало поиск на соответствие коллективным убеждениям в способе референции определенных аспектов содержания. Таким образом, ориентирующий принцип формирования дискурса можно сформулировать как **принцип конвенциональ-**

ной значимости, реализующийся в стремлении использовать форму, максимально соответствующую личному переживанию смысла, и одновременно с ориентированием на конвенциональное установление и личный языковой опыт в подобных коммуникативных ситуациях. Вне зависимости от природы объекта референции, экстенционального или интенционального, респонденты учитывали конвенциональность языкового средства. Ориентирующее действие принципа конвенциональной значимости в казахском дискурсе межличностных отношений обусловило при выборе средства интерпретации смысла конкретизацию сферы взаимодействий между людьми (семейных или деловых, дружеских или официальных). Для выражения схожих смыслов русские респонденты не нуждались в подобных уточнениях. Для русских респондентов оказалось достаточным соотнести *пара* и *партнер* для смыслов, актуализированных французскими *couple* и *partenaire*. Казахские респонденты искали формы с ориентацией на подобные коммуникативные ситуации, одобренные традицией, и соответствующие этому формы. В выборе средств для референции межличностных отношений как референциального объекта для казахских респондентов опорной точкой чаще выступало социально значимое, подкрепленное институционально и традицией действие. Социокультурные конвенции русского дискурса межличностных отношений стали условием введения в переводы коннотаций обременения, вынужденности, исполнения долга по внешним обязательствам.

Список источников

1. Алимуратов О. А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-н/Д., 2004. 47 с.
2. Ван Дейк Т. А. Дискурс и знание // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). С. 5—23.
3. Вдовиченко А. В. Грекоязычные библейские тексты в предметной и дискурсивной моделях описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 42 с.
4. Дубровская О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2015. 383 с.
5. Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славян. культуры, 2005. 424 с.
6. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.
7. Магировская О. В. Репрезентация субъекта познания в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2009. 39 с.
8. Монгилева Н. В., Мухаметжанова Р. С. Диспозитивный принцип как инструмент анализа интерпретирующего потенциала дискурса // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Челябинск, 2022. Ч. 1. С. 75—81.

9. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: (Референц. аспекты семантики местоимений). М., 1985. 271 с.
10. Постникова С. В. К вопросу о референциально-прагматической природе языковых знаков // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского: Серия Филология. 2001. № 1 (2). С. 202—207.
11. CNRTL (Centre national de ressources textuelles et lexicales). URL: <https://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 05.05.2022).
12. Lewis D. K. *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge, MA, 1969. 213 p.
13. Larousse. *Dictionnaire de français*. URL: <https://www.larousse.fr/> (дата обращения: 05.05.2022).
14. Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/> (дата обращения: 05.05.2022).
15. Sharifian F. *Cultural Linguistics: Cultural conceptualisations and language*. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam; Philadelphia, 2017. 171 p.
16. Zlatev J. *Language, embodiment and mimesis / Body, Language and Mind*. Vol. 1. Embodiment, T. Ziemke, J. Zlatev and R. Frank (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 297—337.

References

1. Alimuradov OA. *Znachenie, smysl, koncept i intencional'nost'*: Sistema korrelyacij = Significance, meaning, concept and intentionality: the system of correlations. Abstract of the thesis. Rostov on Don; 2004. 47 p. (In Russ.).
2. Van Dejk TA. Discourse and knowledge. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*. 2013;(13(156):5-23. (In Russ.).
3. Vdovichenko AV. *Grekoyazychnye biblejskie teksty v predmetnoj i diskursivnoj modelyah opisaniya = Greek-language biblical texts in subject and discursive models of description*. Abstract of thesis. Moscow; 2014. 42 p. (In Russ.).
4. Dubrovskaya OG. *Sub'ektnyj princip formirovaniya sociokul'turnoj specifiky diskursa = The subjective principle of the socio-cultural specifics formation of the discourse*. Thesis. Tambov, 2015; 383 p. (In Russ.).
5. Jokoyama OB. *Kognitivnaya model' diskursa i russkij poryadok slov = Cognitive model of discourse and Russian word order*. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2005. 424 p. (In Russ.).
6. Kibrik AA. *Analiz diskursa v kognitivnoj perspective = Discourse analysis in a cognitive perspective*. Abstract of the thesis. Moscow; 2003. 90 p. (In Russ.).
7. Magirovskaya OV. *Reprezentaciya sub'ekta poznaniya v yazyke = Representation of the subject of cognition in language*. Abstract of the thesis. Tambov; 2009. 39 p. (In Russ.).
8. Mongileva NV, Muhametzhanova RS. Dispositive principle as a tool for analyzing the interpretive potential of discourse. In: *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah = Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 2022. Pp. 75—81. (In Russ.).
9. Paducheva EV. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu: (Referenc. aspekty semantiki mestoimenij) = Statement and its correlation with reality: (Referential aspects of the semantics of pronouns)*. Moscow; 1985. 271 p. (In Russ.).
10. Postnikova SV. On the issue of the referential-pragmatic nature of linguistic signs. *Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N. I. Lobachevskogo: Seriya Filologiya = Bulletin of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky: Series Philology*. 2001;1(2):202-207. (In Russ.).
11. CNRTL (Centre national de ressources textuelles et lexicales). Available from: <https://www.cnrtl.fr> (accessed 05.05.2022). (In French).
12. Lewis DK. *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge, MA; 1969. 213 p.
13. Larousse. *Dictionnaire de français*. Available from: <https://www.larousse.fr/> (accessed 05.05.2022). (In French).
14. Reverso Context. Available from: <https://context.reverso.net/> (accessed 05.05.2022).
15. Sharifian F. *Cultural Linguistics: Cultural conceptualisations and language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 2017. 171 p.
16. Zlatev J. *Language, embodiment and mimesis*. In: Ziemke T, Zlatev J and Frank R (eds.). *Body, Language and Mind*. Vol. 1. Embodiment. Berlin: Mouton de Gruyter; 2007. Pp. 297—337.

Информация об авторах

Н. В. Монгилёва — кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры иностранной филологии.

Р. С. Муханбетжанова — магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры иностранной филологии.

Information about the authors

Natalya V. Mongilyova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Philology Department.

Rosa S. Mukhanbetzhanova — Master of Humanities, lecturer, Foreign Philology Department.

Статья поступила в редакцию 14.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 14.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК [811.512.156+811.133.1]:373:398.91

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10922

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ ВО ФРАНЦУЗСКИХ И ТУВИНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Наталия Юрьевна Нелюбова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, nat.nelubova@mail.ru, ORCID 0000-0002-6538-8267

Аннотация. В статье рассматривается функционирование анималистических образов во французских и тувинских пословицах в аксиологическом ракурсе. Материал подобран путем сплошной выборки из словарей французских и тувинских пословиц и поговорок. Полученные результаты показали высокую частотность образов, обозначающих представителей животного мира в двух языках, и позволили выявить их связь с репрезентацией универсальных ценностей: семьи, пищи, труда, свободы, аксиологической диады «богатство — бедность». Кроме того, обнаружены пословицы религиозной тематики. Разница в функционировании данных ценностей и ценностей, выявленных только в каждом из изучаемых языков: ум, знания, социальный статус, индивидуальные материальные блага — во французском; любовь, дружба, взаимопомощь, родина, правда, слово — в тувинском, — обусловлена спецификой становления и исторического развития этносов, а также индивидуалистской/социоцентрической направленностью их культур.

Ключевые слова: анималистический культурный код, ценность, аксиологическая диада, французские пословицы, тувинские пословицы

Финансирование. Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Благодарности. Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за важные вопросы и замечания; доктору филологических наук О. В. Ломакиной за помощь в обсуждении концепции исследования.

Для цитирования: Нелюбова Н. Ю. Аксиологическая функция анималистических образов во французских и тувинских пословицах // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 169—177. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10922.

Original article

AXIOLOGICAL FUNCTION OF ANIMALISTIC IMAGES IN FRENCH AND TUVAN PROVERBS

Natalia Yu. Neliubova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, nat.nelubova@mail.ru, ORCID 0000-0002-6538-8267

Abstract. The article examines the functioning of animalistic images in French and Tuvan proverbs from an axiological perspective. The material is collected by continuous sampling from dictionaries of French and Tuvan proverbs and sayings. The results obtained show a high frequency of images denoting representatives of the animal world in two languages and make it possible to identify their connection with the representation of universal values: family, food, labor, freedom, the axiological wealth-poverty dyad. In addition, religious proverbs are found. The difference in the functioning of these values and in the values identified only in each of the studied languages: intelligence, knowledge, social status, individual material goods in French, love, friendship, mutual assistance, homeland, the truth, the word in Tuvan, is due to the specifics of formation and the historical development of ethnic groups, as well as the individualist / sociocentric orientation of their cultures.

Keywords: animalistic cultural code, value, axiological dyad, French proverbs, Tuvan proverbs

Funding. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022

Acknowledgements. The author pays his gratitude to anonymous reviewers for important questions and comments; Doctor of Philology O. V. Lomakina for assistance in discussing the concept of the study.

For citation: Nelyubova NYu. Axiological function of animalistic images in French and Tuvan proverbs. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):169-177. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10922.

Введение

В пословичном фонде различных языков актуализируются этнокультурные коды: анималистический, природный, соматический, гастрономический, колористический и др. В целом фразеологизмы — это знаки, «зародившиеся на пересечении языка и культуры с целью описания и оценивания того, что происходит в мире, сквозь призму устойчивых образов и ценностных ориентиров культуры» [7. С. 174—175], что в значительной степени относится к пословицам. В. И. Карасик рассматривает их как один из текстотипов, в которых воплощаются аксиогенные ситуации, «осмысление которых прямо связано с осмыслением ценностей» [6. С. 8].

Поскольку «выбор «строительного материала» для фразеологического образа неслучаен <...>, в троп языкового знака входит уже окультуренная сущность» [7. С. 176], и к тому же «употребление метафор весьма характерно для актуализации лингвистической оппозиции „свой — чужой“» [17. С. 159], анализ ключевых компонентов пословиц с точки зрения его метафорического переосмысления и связи с аксиологическим наполнением показательно проводить на материале различных языков, особенно европейских и азиатских, в данном случае французского и тувинского.

Анималистический, или зооморфный, культурный код был выбран в силу того, что он «охватывает большое поле „смыслов“, образовавшихся в результате самого эффективного для человека симбиоза — с животными» [1. С. 7—8], являя собой «комплекс ассоциаций, релятивно отражающий в сознании с помощью зооморфной лексики определенные сведения о носителях языка, об этносе» [1, С. 13]. Зооморфный код «активизирует в сознании образы животных, птиц, насекомых, которые в составе языковых единиц репрезентируют, в первую очередь, качества и черты характера самого человека» [3. С. 94]. Важно подчеркнуть, что «фаунистическая лексика представляет собой одну из универсальных тематических групп в словарном составе любого языка, а центральное место в ней занимают именно прямые номинации животных» [5. С. 49]. Анализ функционирования зооморфных компонентов фразеологизмов, в том числе паремий, был проведен как на французском [23; 24 и др.], так и на тувинском [5; 18; 20 и др.] мате-

риале. Данное исследование выполнено на основе картотеки единиц, отобранных из специальных французских и тувинских словарей.

Анализ французского материала

Материал французского паремиографического источника [25] организован по принципу тематической организации, причем в качестве названий рубрик взяты понятия, обозначающие наиболее устоявшиеся и важные категории, сформировавшиеся в процессе человеческого опыта и имеющие непосредственное отношение к ценностям. Названиями подрубрик послужили ключевые метафорические образы. Подробный анализ количественной иерархии рубрик французского словаря и их соотношения с ценностными ориентациями был проведен и представлен нами ранее [13; 14; 15 и др.]. Важно отметить, что самыми многочисленными являются рубрики о домашних и диких животных (388 единиц). Единицы рубрики LES ANIMAUX DOMESTIQUES / ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ, включающей 237 паремий, сгруппированы по названиям представителей животного мира, служащих названиями подрубрик. Отметим важность количественного состава подрубрик, который указывает на роль образа того или иного животного.

Каждый образ имеет достаточно устоявшиеся коннотации в языковом сознании носителей французского языка, демонстрируя посредством подобной оценки основные жизненные ценности. Самую многочисленную подрубрику составляют единицы с компонентом *осел / l'âne*, символизирующим вульгарность, упрямое невежество, которые всегда оцениваются отрицательно, выявляя тем самым ценность **ума и знаний**. Пара осел и погонщик-собственник может быть олицетворением отношений между людьми: *Le surcharge abat l'âne / Перегрузка осла добывает* — даже осел не двуличный, подчеркивая ценность **свободы**, с одной стороны, а с другой — предупреждает собственника, что он может лишиться **прибыли**, если будет немилосердно эксплуатировать животное. Он может символизировать и крестьянина, который пытается скрыть свои корни в обществе, где уже правит урбанизация, выявляя ценность **социального статуса**: *Un âne chargé ne laisse pas de braire / Нагруженный осел не перестает ре-*

веть. Рус.: Дурака озолоти, а он все то же будет нести. Данная пословица, означающая, что богатство не может скрыть глупости, обращена также к аксиологическим диадам **богатство — бедность и ум — глупость**. Единица *L'âne du commun est toujours le plus mal bâti* / Оби́ий осел — самый глупый. Рус.: Чужую курицу как хошь дери; Своего коня шлепком, чужого кругляком выявляет ценность **индивидуального блага** и **отрицание общего**, что типично для индивидуалистской западной, в данном случае французской культуры.

Образ *лошади / le cheval* почти в той же степени продуктивен, как и образ осла, символизируя того, кто выполняет тяжелую работу. Это одинаково ценное животное и для крестьянина, и для господина, и для солдата, в средние века она заменяла вола в упряжке, она более мобильна, но непокорна. Данный образ встречается в контексте **семейных отношений**. Например, пословица *On achète les bons chevaux à l'écurie* / Добрых коней на конюшне покупают означает, что достойная девушка найдет мужа и не выходя из дома. *Cheval fait et valet (femme) à faire* / Лошадь (бери) обузданную, а слугу сговорчивого (жену податливую); *Des femmes et des chevaux il n'y en a point sans défaut* / Женщин и лошадей без изъянов не бывает. В данных пословицах женщина цинично уподобляется лошади.

Бык / le bœuf символизирует медлительность и крупные размеры, а также послушного помощника человека, **корова / la vache и теленок / le veau** являются символами **богатства** в связи с ценностью шкуры и молока, иногда символизируют противопоставление молодости и старости, превратности судьбы, которая неминуемо преследует их в лице мясника. Образы **баранов и овец / les moutons et les brebis** также являются показательными. В частности, блеяние овцы — сатирический намек на бесполезные разговоры, а ее образ ассоциируется с существом исключительно покорным и доступным для волка. Кроме того, образ овцы употребляется и в привычном **религиозном**, библейском контексте, обозначая человека как раба Божия, например, в пословице *Dieu mesure le froid à la brebis tondu* / Стриженной овце Бог холод налагает — Рус. Бог по силам крест налагает; Голенький — ох, а за голеньким Бог. Пара **ягненок — овца** так же, как и **теленок — корова**, символизирует молодость и старость. Образ **козы / la chèvre** часто является пародийным по отношению к женскому образу и поведению, а также неприхотливости и неразборчивости: *On n'a jamais vu une chèvre morte de faim* / Никогда никто

не видел козу, умирающую от голода. Рус. Голод не тетка — смысл данной единицы в том, что наиболее неприхотливые существа всегда выживают; *A la chandelle, la chèvre semble demoiselle* / При свече и коза кажется барышней. Рус. Ночью все кошки серы. Данная единица с компонентом **кошка / le chat** существует и во французском языке: *La nuit, tous les chats sont gris*.

В отдельную подрубрику выделены *L'œuf et la poule* / Яйцо и курица, где **курица** — снова отнюдь не лестный образ жены, занимающей в **семье** более низкое положение по сравнению с мужем: *Le ménage va mal quand la poule chante plus haut que le coq* / Плохи дела в семье, где курица поет громче петуха. **Яйцо** обозначает предмет, символизирующий не только возможность воспроизводства, но и еду (**гастрономическую** ценность): *Mieux vaut promptement un œuf que demain un boeuf* / Лучше сразу (съесть) яйцо, чем завтра говядину". Данная единица представляет универсальную пословичную модель *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*.

Собака / le chien — существо, часто находящееся рядом с человеком и играющее важную роль в его жизни: *Qui chasse le chien chasse le maître* / Кто охотится на собаку, охотится на хозяина. Данная пословица призывает к **осторожности** по отношению к чужой собственности, к тому, что необходимо подумать, прежде чем действовать, ведь хозяином может оказаться кто угодно. В словаре даже имеется отдельная подрубрика Собака и ее хозяин / *Le chien et son maître*. Метафорический образ собаки используется для представления различных жизненных аксиологически окрашенных ситуаций, например, соперничество и борьбу за прибыль или выгоду (косточку): *Là où il y a un os, c'est là qu'on trouve les chiens* / Где косточка, там и собаки, отражая диаду **богатство — бедность**. Пословицы данной тематики представлены в подрубрике *Le chien et l'os* / Собака и косточка. Собачий лай символизирует угрозу нападения (собака может укусить), однако не всегда представляет опасность: *Chien qui aboie ne mord pas* / Лающая собака не кусается — наибольшую опасность не всегда представляют те, кто угрожают.

В пословицах о диких животных, представленных в рубрике *LE BESTIAIRE* / ЖИВОТНЫЙ МИР, включающей 151 единицу, также метафорически отражены особенности человеческого характера и поведения, его социальных отношений. В названиях подрубрик и самом пословичном материале присутствуют различные

анималистические компоненты. Например, Animaux sauvages / Дикие животные: *лев / le lion, еж / le hérisson, жаба и лягушка / le crapaud et la grenouille, змея / le serpent, ящерица / le lézard, обезьяна / le singe* (в пословицах Мартиники и Гваделупы), *крыса / le rat и мышь / la souris* и др. *Волк / le loup* символизирует силу и жестокость, а *лиса / le renard* — хитрость, причем они никогда не меняют своей природы, про них есть одинаковые пословицы: *Le loup (le renard) change de poil, mais non de naturel / Волк (лиса) линяет, но своей природы не меняет.*

Интересны единицы подрубрики Les oiseaux / Птицы: *Les alouettes rôties ne se trouvent pas sur les haies / Жареные жаворонки на изгороди не встречаются.* Данная пословица связана и с необходимостью и значением **труда** для человека. Из компонентов-орнитонимов выделим следующие: *орел / l'aigle, жаворонок / l'alouette, ворон и ворона / le corbeau et la corneille, голубка / la colombe, ласточка / l'hirondelle, кукушка / le coucou, дрозд / le merle, сорока / la pie, лунь / le busard* и др. В пословице *Les étourneaux sont maigres, parce qu'ils vont en troupes / Скворцы тощие, потому что летают стаями* снова подчеркивается антиколлективистская направленность французских пословиц [25. Р. 27], а малиновка ценится, это та птица, которая единолично занимает свою территорию, ее образ связан с распределением материальных ценностей: *Il n'y a qu'un rouge-gorge par jardin / На каждый сад есть только одна малиновка* [25. Р. 27].

В подрубрике Les poissons et la pêche / Рыба и рыбалка важны единицы с компонентом **рыбалка** как аллюзия на умение покорять женские сердца, а также искусство жертвовать малым для достижения более важной цели. Подрубрика Охота / La chasse включает единицы об охоте на дичь, в основном на зайца: пословичная модель *Il ne faut pas courir deux lièvres à la fois / Не следует гоняться за двумя зайцами сразу* является универсальной. В единицах об охоте содержится аллюзия на игру социальную, еще более сложную и амбициозную — погоню за прибылью (аксиологическая диада **богатство — бедность**). Достаточно продуктивны образы *насекомых / les insectes: муха / la mouche, бабочка / le papillon, оса / la guêpe, вошь / la poue.* Частотным является компонент *пчела / l'abeille* с образом *меда / le miel*, который, помимо гастрономической ценности: *Si tu aimes le miel, ne crains pas les abeilles / Если любишь мед, не бойся пчел*, может обозначать мягкость как человеческое свойство: *On prend plus de mouches avec du miel qu'avec du vinaigre / Больше мух поймаетшь*

на мед, чем на уксус. Значение данной пословицы: мягкостью можно добиться лучших результатов, чем силой. Так, в пределах одной пословицы анималистический образ может присутствовать наряду с образом, реализующим другие культурные коды, например, гастрономический, что позволяет расширить метафорический спектр репрезентации ценностных ориентаций.

Таким образом, анималистические образы во французских пословицах являются самыми распространенными и служат для обозначения различных жизненных, в том числе аксиогенных, ситуаций; достоинств и, особенно недостатков человека, особенностей его поведения как участника социальных отношений. Ассоциативный ряд, связанный с зооморфными компонентами, позволяет передавать значения, выявляющие ценность **семьи, ума и знаний, социального статуса, свободы, пищи, труда, индивидуальных материальных благ**, имеющих непосредственное отношение к аксиологической диаде **богатство — бедность**. Ряд пословиц имеет отношение к погоне за **прибылью**, некоторые связаны с **религией**, к важным качествам относится **осторожность**.

Анализ тувинского материала

Переходя к тувинскому материалу [16; 21], важно отметить отсутствие в названиях рубрик образов представителей домашних и диких животных, однако в качестве наименований использованы обозначения человеческих качеств, причем в основном отрицательных. Тем не менее необходимо подчеркнуть высокую частотность употребления зоокомпонентов (101 пословица) для обозначения самых разных ценностей, ведь скотоводство представляло собой исконное, главное занятие тувинцев, более надежное, чем охота: *Ан оруу — хан, мал оруу — чаг / Путь зверя — кровь, путь скота — сало...* «кто звериной тропой бежит, того голод и холод ждет» [8. С. 35]. Укажем основные анималистические компоненты в порядке убывания частотности: **конь, лошадь / аът** (наиболее важный для тувинцев образ животного, заменившего в упряжке вола, как было отмечено выше по отношению к французскому материалу), **собака/ыт** (существо близкое человеку и глубоко преданное ему), **волк/бөрү, кокай, птица/куш, коза/өшкү, козленок/анай, корова/инек, овца/хой, заяц/тоолай, верблюд/теве, соболев/киш, косуля/элик, мышь/күске, рыба/балык, сорока/сааскан, ворон/кускун, бык/буга, лев/арзылаң, змея/чылан, петух/дагаа**, а также обобщенные образы **зверь/ан, животное, скот/мал**) [4. С. 242].

В тувинских пословицах чаще, чем во французских, в пределах одной единицы анималистические образы могут быть представлены наряду с прочими, репрезентирующими другие культурные коды или ценности, в частности, **любовь** и привязанность тувинцев к **семье и семейным отношениям**: *Кижиги төлүнге ынак, ыт коданынга ынак / Человек любит своих детей, а собака — свой двор; Уялыг куш чаныган, уруглуг кижиги кээр-гээчел / Птица гнездо бережёт, человек — детей; Ада чокта — эш чок, аьды чокта — бут чок дег / Без отца — как без друга, без коня — как без ног.* Отметим, что рубрика о семье и родственных отношениях МАТЬ, СЕМЬЯ, РОДНЯ, ДЕТИ / ИЕ, ӨГ-БУЛЕ, ТӨРЕЛ, УРУГЛАР ДУГАЙЫНДА является самой многочисленной в словаре тувинских пословиц [12]. Ряд пословиц связан с ценностью **родины**: *Куш уялыг, кижиги чурттуг / У птицы — гнездо, у человека — Родина.*

Анималистические образы сопровождают также репрезентацию ценности **дружба**, которая тесно связана с понятием **помощи**: *Демниг сааскан теке тудуп чиир / Дружные сороки и верблюда одолеют; Кижиги экизи — найыралда, аьт экизи — мунушта / Человек познаётся в дружбе, а конь — в пути; Ажыктыг эжиниң дузазын билбес, арган аьдының човаарын билбес / Помощи друга не замечает, заботы к лошади не проявляет, что отражено названии соответствующей рубрики НАЙЫРАЛ, ДУЗА ДУГАЙЫНДА / ДРУЖБА, ПОМОЩЬ. Как отмечает Н. Д. Сувандии, немало тувинских пословиц с компонентом конь/аьт воспевают дружбу [20. С. 170]. Как от семьи, от друзей тувинцы ждут помощи и поддержки.*

Некоторые пословичные единицы с анималистическим компонентом позволяют выявить сразу несколько ценностей: *Тараалыгда — тодуг, дагаалыгда — сергек / С хлебом сыт будешь, с петухом — не проспишь; Кул кижиги ыглаар чай чок, курттуг өшкү ыттаар чай чок / Батраку не до слёз, больной козе не до еды.* Данные примеры привлекают внимание к таким ценностям, как **пища, здоровье и труд**. Из еды наиболее ценно для тувинцев мясо и молочные продукты [8. С. 25-27]. В тувинских пословицах встречаются обозначения различных видов мяса, сала, специфических видов пищи из молочных продуктов [4. С. 242]. Труд в тувинских пословицах может быть отнесен к бесспорной константе. Ценностные константы понимаются нами как «ментальные постоянные, характерные для того или иного народа, сформулированные им в виде паремий, которые выступают как ретрансляторы традиций,

менталитета, национального характера, социального опыта» [11. С. 313], а переменные — как ценности, «меняющиеся под влиянием социо-историко-культурного контекста (термин О. В. Ломакиной)» [9. С. 82]. Мы признаём амбивалентность ряда ценностей, что находит отражение в пословицах [2; 10]. Отнесенность труда к ценностной константе четко прослеживается в пословице *Кежээниң мурнунда — хүндү, чалгааның мурнунда — кочу / Трудолюбивому — почёт, ленивому — насмешки*, в отличие, например, от диады **богатство — бедность**, части которой являются переменными, вступая между собой в диалектическое взаимодействие, что находит подтверждение в материале различных языков. Так, в ряде тувинских пословиц, бедность отнюдь не считается пороком: *Дуктүг-даа болза, түлээр, түрүңгидеа болза, сегиир / И шерсть может вылинять, и бедный — выйти в люди; Бай мен дээш бардамнава, яды мен дээш муңгарава / Богатством не кичись, бедности не стыдись; Эдинге элбээрденмес, эжинге көөргеттинмес / Богатством не кичись, перед другом не заносись и др.*

Еще одна ценность, в контексте которой упоминаются анималистические образы, является **вера/религия**: *Чут болурга, ыт семирчир, аарыг болурга, лама байыыр / От джута собака жиреет, от болезней лама богатеет; Дөнгүр лама төлге каржы, төрөөн өшкү ытка каржы / Лама не любит детей, коза не терпит собак.* В пословицах данной тематики в целом прослеживается отрицательное отношение к религии и служителям культа, что может быть связано с годом издания словаря (1966) и влиянием идеологии советского периода. Отметим, что в настоящее время отмечается рост религиозности в стране [19. С. 49—50].

Интересны примеры тувинских пословиц, связанных с ценностью **слова**. В них, наряду с анималистическим образом, упоминается сама пословица: *Улегер сөстө нугул чок, үер сугда балык чок / В половодье нет рыбы, в пословице нет лжи.* В этой же единице представлена и ценностная диада **правда — ложь**, где **правда** может быть отнесена к бесспорной аксиологической константе. Болтливость и пустословие относятся к порокам, как и хвастовство, скупость и жадность, лень и безделье. Данные качества служат даже названиями отдельных рубрик, другие пороки отражены в одноименной рубрике ӨСКЕ ЧЕТПЕСТЕР ДУГАЙЫНДА: *Кортуу ховаган дег, дезии дээлдиген дег, чылчыраажы сааскан дег, сарыыл чогу мезил дег / Труслив, как мотылек, пуглив, как коршун, болтлив, как сорока, глуп, как налим.*

Говоря о тувинском пословицном материале, необходимо упомянуть важность и ценность **сво-боды**, которая подчеркивается в пословицах рубрики ПРОТИВ УГНЕТАТЕЛЕЙ: *Ыл чараазын чылгааш, тотпас, дүжүмет үндүт алгааш, тотпас / Собака слюной не насытится, чиновник — поборами; Чылгы кээрге, дааш үнер, чыыш кээрге, алгы үнер / Табун идёт — шум стоит, чээш идёт — стон стоит* (чыыш — уст. — судебный процесс [22. С. 560]) и др.

В целом тувинские пословицы состоят, как правило, из двух частей: в одной напрямую называется ситуация, отражающая моральную установку, в другой используются различные, в том числе анималистические образы. Они служат для усиления экспрессивности путем повтора той же идеи, но представленной с помощью метафорического переноса. Как и во французском материале, в тувинском образы представителей фауны служат для обозначения типовых жизненных ситуаций, осуждаемых пороков и особенностей. С помощью определенного ассоциативного ряда данные образы отсылают к ценностным константам и переменным, среди которых: **семья, любовь, дружба, труд, религия**, рассматриваемая скорее, как антиценность, **пища, жизнь, родина, свобода, правда, слово**, диада **богатство — бедность** и др. Важно отметить, что тувинские пословицы передают ориентированность скорее на коллектив: семью, родню, друзей, народ, родину, чем на человека как индивидуальность.

Заключение

Полученные в процессе анализа результаты показали, что в материале двух языков анималистические образы характеризуются значительной частотностью употребления и обозначают различные, преимущественно отрицательные качества человека. Во французском материале имеет место преимущественно метафорическое обозначение человеческих пороков, в отличие от тувинского, где они называются напрямую и упоминаются непосредственно в названиях рубрик. Тувинские паремии в основном состоят как минимум из двух частей, в одной из которых напрямую передает-

ся основная идея, а в другой употребляются образы, подчеркивающие ее и выступающие своеобразным фоном, усиливающим экспрессивность. Критика человеческих пороков, представленная анималистическими образами во французских пословицах, в предметно-тематической сфере которых преобладает доминанта **человек и личные блага**, является не менее, а порой и более, ироничной и жесткой, чем в тувинском материале, для которого характерна социоцентричная ориентация, где преобладает идея **общего блага, взаимной поддержки и помощи**, отрицательные человеческие качества обозначаются либо напрямую, либо путем очевидного сравнения.

Специфика восприятия образов определенных представителей животного мира, позволяет выявить аксиологические ориентации. В пословицном материале двух языков употребление анималистического компонента связано с репрезентацией ценности **семьи и семейных отношений, пищи, труда, свободы**, а также диады **богатство — бедность**. Некоторые единицы связаны с **религиозной** тематикой. Однако указанные универсальные ценности функционируют в языковом сознании по-разному в связи со спецификой развития изучаемых европейского и азиатского этносов. Во французских пословицах с анималистическим компонентом были представлены такие ценности, как **ум, знания, социальный статус, индивидуальные материальные блага**, в тувинском — **любовь, дружба, взаимопомощь, родина, правда, слово**. Данные результаты также могут объясняться различиями культурного и исторического порядка как в период возникновения пословиц, так и на современном этапе.

Наличие в паремиологическом фонде двух языков единиц, объединяющих анималистические образы и образы, репрезентирующие иные культурные коды, позволяет детально отразить специфику функционирования ценностей этносов, что в большей степени проявляется в тувинских пословицах. Детальное изучение данной проблематики, в том числе на материале других языков, мы рассматриваем в качестве перспективы проведенного исследования.

Список источников

1. Бектурова Ж. Б., Кадеева Л. И., Сеилханова А. Об интерпретации культурного кода через призму метафорического значения // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности: сборник научных трудов по итогам 5-й Международной научной конференции, посвященной 75-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Н. Ф. Алефиренко (г. Белгород, 17—19 сентября 2021 года). Белгород: Эпицентр, 2021. С. 7—13.

2. Бредис М. А. Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 296 с.
3. Бойко Л. Г. Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 5. С. 94—97.
4. Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232—248. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
5. Иванов Е. Е., Марфина Ж. В., Шкуран О. В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47—68. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
6. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
7. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М.: Ленанд, 2016. 456 с.
8. Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001. 464 с.
9. Ломакина О. В. Понятие веры в системе ценностных координат народа (на паремиологическом материале русского, турецкого, русинского и алтайского языков) // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. М.: РУДН, 2020. С. 81—86.
10. Ломакина О. В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6—16. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>
11. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303—317. DOI: 10.17223/18572685/54/18
12. Нелюбова Н. Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146—163. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
13. Нелюбова Н. Ю. Особенности ценностных ориентиров носителей французского и русского языков и их представление в пословицах (на материале словарей) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 79—88.
14. Нелюбова Н. Ю., Хильтбруннер В. И., Ершов В. И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 1. С. 223—243. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243
15. Паремиология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.
16. Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.
17. Салимова Р. М. Бинарная оппозиция «свой—чужой» (на примере британского медиапространства) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 9 (455). С. 158—163.
18. Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки. 2019. № 6. С. 25—27.
19. Сувандии Н. Д. Антропонимы тувинского языка, связанные с буддийской религией // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 44—51.
20. Сувандии Н. Д. Аът «лошадь» в пословицах и поговорках тувинцев // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы V Междунар. науч. конф., посвящённой 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.) / отв. ред.: Т. Г. Боргоякова, Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В. М. Торопова, 2022. С. 169—170.
21. Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с. (На рус. и тув. яз.).
22. Тувинско-русский словарь / под. ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 465 с.
23. Черникова Е. М., Шатрович Н. В. Зоонимы и орнитонимы в составе фразеологизмов как способ отражения лингвокультурной информации (на материале французского и итальянского газетного текста) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 21. С. 46—50.
24. Шепилова Т. А. Французские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом: семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 16 с.

25. Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. Paris: Le Robert, 2006. 759 p.

References

1. Bekturova ZhB, Kadeeva LI, Seilhanova A. On the interpretation of the cultural code through the prism of metaphorical meaning. In: *Yazykovye obrazy: lingvokreativnye simvol'y etnokul'turnoj duhovnosti* = Language images: linguistic and creative symbols of ethno-cultural spirituality. Belgorod: Epicenter; 2021. Pp. 7—13. (In Russ.).
2. Bredis MA. *Chelovek i den'gi: ocherki o poslovitsakh russkikh i ne tol'ko* = Man and Money: Essays on Russian and other Proverbs. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies publ., 2019. 296 p. (In Russ.).
3. Boyko LG. The zoomorphic code of culture in the semantics of stable comparisons. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2008;(5):94-97. (In Russ.).
4. Ivanov EE, Lomakina OV, Nelyubova NYu. Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, images, concepts (on the European paremiological background). *Novyye issledovaniya Tuvy* = *New studies of Tuva*. 2021;(3):232-248. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17> (In Russ.).
5. Ivanov EE, Marfina ZhV, Shkuran OV. Nominations of animals in Tuvan proverbs and sayings: aspects of implementation and problems of study. *Novyye issledovaniya Tuvy* = *New studies of Tuva*. 2022;(1):47-68. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4> (In Russ.).
6. Karasik VI. *Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy* = Linguistic spiral: values, signs, motives. Moscow: Gnosis; 2019. 424 p. (In Russ.).
7. Kovshova ML. *Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury* = Linguistic and cultural method in phraseology: Codes of culture. 3rd ed. Moscow: Lenand; 2016. 456 p. (In Russ.).
8. Kurbatsky GN. *Tuvincy v svoem fol'klore* = Tuvinians in their folklore. Kyzyl: Tuva book publ. house; 2001. 464 p. (In Russ.).
9. Lomakina OV. The concept of faith in the system of value coordinates of the people (based on the paremiological material of the Russian, Turkish, Rusyn and Altai languages). In: *Voprosy sovremennoj lingvistiki i izucheniya inostrannykh yazykov v epohu iskusstvennogo intellekta* = Problems of modern linguistics and the study of foreign languages in the era of artificial intelligence. Moscow: RUDN; 2020. Pp. 81—86. (In Russ.).
10. Lomakina OV. Tuvan paremiology: linguoculturological and linguoaxiological potential. *Novyye issledovaniya Tuvy* = *New studies of Tuva*. 2022;(1):6-16. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1> (In Russ.).
11. Lomakina OV, Mokienko VM. Value Constants of the Rusin Paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian Languages). *Rusin = Rusyn*. 2018;(4(54)):303-317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18> (In Russ.).
12. Nelyubova NYu. Axiological dominants of proverbs as typological markers of Tuvan, Russian and French ethnocultures. *Novyye issledovaniya Tuvy* = *New studies of Tuva*. 2022;(1):146-163. (In Russ.).
13. Nelyubova NYu. Peculiarities of value orientations of French and Russian speakers and their presentation in proverbs (based on dictionaries). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* = *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social science*. 2020;(5):79-88. (In Russ.).
14. Nelyubova NYu, Hiltbrunner VI, Ershov VI. Reflection of the hierarchy of values in the proverbial fund of the Russian and French languages. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* = *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics*. 2019;23(1):223-243. DOI: [10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243](https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243). (In Russ.).
15. Bredis MA, Lomakina OV (eds.). *Paremiologiya bez granic* = Paremiology without borders. Moscow: RUDN University; 2020. 244 p. (In Russ.).
16. Budup BK (ed.) *Poslovicy i pogovorki tuvinskogo naroda* = Proverbs and sayings of the Tuviniian people. Kyzyl: Tuva book publishing house; Rainbow of Tuva; 2020. 112 p. (In Russ.).
17. Salimova RM. Binary “friend-or-foe” opposition (on the example of the British media space). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(9(455)):158-163. (In Russ.).

18. Salchak AM. The image of the wolf in Tuvian and English proverbs. *Simvol nauki = Symbol of Science*. 2019;(6):25-27. (In Russ.).
19. Suvandii ND. Anthroponyms of the Tuvan language associated with the Buddhist religion. *Novyye issledovaniya Tuva = New studies of Tuva*. 2021;(2):44-51. (In Russ.).
20. Suvandii ND. 'At' - "horse" in proverbs and sayings of Tuvians. In: *Sokhraneniye i razvitiye yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri = Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia*. Abakan: Khakassian book publishing house named after V. M. Torosov; 2022. Pp. 169—170. (In Russ.).
21. Hadahane M, Sagan-ool O (comp.-transl.) *Tuvinskie posloviцы i pogovorki = Tuvan proverbs and sayings*. Kyzyl: Tuvknigoizdat; 1966. 172 p. (In Russ. and Tuv.).
22. Tenisheva ER (ed.). *Tuvinsko-russkij slovar' = Tuva-Russian dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1968. 465 p. (In Russ.).
23. Chernikova EM, Shatrovich NV. Zoonyms and ornithonyms as part of phraseological units as a way of reflecting linguocultural information (based on French and Italian newspaper texts). *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 2010;(21):46-50. (In Russ.).
24. Shepilova TA. *Francuzskie frazeologicheskie edinicy s komponentom-zoonimom: semanticheskij, funkcional'no-stilisticheskij i kognitivnyj aspekty = French phraseological units with a zoonym component: semantic, functional-stylistic and cognitive aspects*. Abstract of thesis. Voronezh; 2001. 16 p. (In Russ.).
25. Montreynaud F, Pierron A, Suzzoni F. *Dictionnaire de proverbes et dictons*. Paris: Le Robert; 2006. 759 p. (In French).

Информация об авторе

Н. Ю. Нелюбова — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета.

Information about the author

Natalia Yu. Neliubova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10923

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ КОГНИТИВНЫЙ АТТРАКТОР В ТЕКСТОВОМ ИНФОРМАТИВНОМ КОДЕ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Б. ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...»)

Елена Анатольевна Огнева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, ogneva@bsu.edu.ru,
ORCID 0000-0003-4961-0304

Аннотация. В статье рассматривается архитектура художественного текста военной прозы. Уделяется внимание проблемам интерпретации текстового мира и сознания писателя. Дается авторское определение текстовому информативному коду. Впервые акцентируется внимание на существовании различных текстовых информативных кодов и излагаются параметры интерпретативной модели текстового информативного кода военной прозы как исторически-маркированной текстовой материи. Предлагаются авторские принципы построения текстовой интерпретативной модели текстового информативного кода военной прозы. Выявляются тенденции построения модели текстового темпорального когнитивного аттрактора как компонента текстового информативного кода в романе Б. Васильева «А зори здесь тихие...». Определяется двухсегментность модели текстового темпорального когнитивного аттрактора как совокупности темпоральных сюжетно-тематически маркированных субмоделей. Выявляются тенденции построения архитектуры субмоделей, в которых типологизируются темпоральные маркеры и устанавливается частотность маркеров. Определяются такие специфические черты архитектуры субмоделей, как наличие временных векторов в прошлое и в будущее, наличие темпоральной контекстной поляризации маркеров.

Ключевые слова: художественный текст, текстовый информативный код, темпоральный когнитивный аттрактор, темпоральные маркеры, моделирование, модель, субмодель, временной вектор, темпоральная контекстная поляризация

Для цитирования: Огнева Е. А. Темпоральный текстовый аттрактор в информативном коде военной прозы (на материале романа Б. Васильева «А зори здесь тихие...») // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 178—188. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10923.

Original article

TEMPORAL COGNITIVE ATTRACTOR IN THE TEXTUAL INFORMATIVE CODE OF MILITARY PROSE IN B. VASILIEV'S "THE DAWNS ARE QUIET HERE..."

Elena A. Ogneva

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia, ogneva@bsu.edu.ru, ORCID 0000-0003-4961-0304

Abstract. The article deals with the literary text architectonics of military prose. Attention is paid to the issues of interpreting the text world and the writer's consciousness. The author's definition of text informative code is given. For the first time, attention is focused on the existence of various informative text codes and the parameters of the interpretative model of the text informative code of military prose as a historically marked textual matter are outlined. The author's composing principles for a textual interpretive model of a textual informative code in military prose is proposed. The constructing tendencies in a model of a textual temporal cognitive attractor as a component of a textual informative code in B. Vasiliev's "The Dawns are Quiet Here..." are revealed. The two-segment model of a textual temporal cognitive attractor is determined as a set of temporal plot-thematically marked submodels. Tendencies are revealed for constructing of submodels' architectonics, in which temporal markers are typologized and the frequency of markers is established. Such specific features of the submodels' architectonics are determined as the presence of temporal vectors to the past and to the future, the presence of temporal contextual polarisation of markers.

Keywords: literary text, informative text code, temporal cognitive attractor, temporal markers, modeling, model, submodel, temporal vector, temporal contextual polarisation

For citation: Ogneva EA. Temporal Cognitive Attractor in the Textual Informative Code of Military Prose in B. Vasiliev's "The Dawns are Quiet Here...". *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):178-188. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10923.

Введение

В современной теории текста существует ряд аспектов, требующих детального рассмотрения в соответствии с постулатами «когнитивной лингвопоэтики» [25. С. 157—160]. Одним из таких актуальных исследовательских ракурсов видятся дальнейшие исследования в области интерпретативного когнитивного моделирования основных параметров концепции текстовой когнитивной аттракции, предоставляющей теоретико-методологический инструментарий познания принципов построения текстового мира. Текстовый мир в этом случае выступает как динамический формат знания, выстраиваемого на основе корреляции параметров текста, обусловленных, с одной стороны, категорией авторского сознания, которое «является основополагающим фактором для структурирования сюжетной линии и наполнения текста определенным смысловым содержанием» [3. С. 86], и, с другой стороны, интерпретативной базой читателей.

Исследование категории авторского сознания вскрывает в этом случае механизм «продуцирования текста» [11. С. 84], а моделирование интерпретативной базы читателя показывает принципы осмысления текстовой «языковой культуры» [23. С. 123]. Корреляция функционирования механизма продуцирования текста и механизма осмысления текстовой языковой культуры осуществима в соответствии с принципом, изложенным В. К. Харченко о том, что «проблема поиска неизученного в области лингвистической мысли требует максимально корректно подхода к обширному комплексу „уже изученного“» [24. С. 95].

В свете реализации данного корреляционно-го процесса интерпретации текстового информативного кода значим тот факт, что «язык при этом исполняет роль концентрата информации» [12. С. 149]. Под текстовым информативным кодом понимается совокупность лексико-грамматических и синтаксических информантов, обеспечивающих причинно-следственные связи построения текстовой сюжетно-тематически обусловленной материи.

Концентрат информации в этом случае предопределяет параметры лексико-грамматических

и синтаксических информантов текстового информативного кода и может состоять из нескольких «текстовых фрагментов, включающих несколько межфразовых единств» [10. С. 88].

Существуют различные текстовые информативные коды. В данной статье представлена интерпретативная модель текстового информативного кода военной прозы как исторически-маркированной текстовой материи.

Теоретические основы анализа текстового информативного кода

Текстовый информативный код военной прозы, по нашему мнению, нацелен преимущественно на реализацию функции воспитательной дискурсивной парадигмы, в том числе и такого аспекта этой парадигмы как патриотизм. В свете этого значимо мнение С. Г. Воркачева о том, что «дискурс патриотизма образован множеством речевых и литературных жанров, в которых вербализуется в том или ином виде идея любви к родине» [4. С. 92]. Следовательно, значим тот факт, что идея любви к Родине реализуется посредством сопряжения различных типов дискурсов и текстов, находящихся в их основе [18] и требующих интерпретативного моделирования с целью выявления особенностей реализации «поэтики гражданственности и патриотизма» [17].

Отсутствие алгоритма построения текстовой интерпретативной модели военной прозы говорит о необходимости для дальнейшего развития современной теории текста проведения комплексных исследований «структуры военной прозы» [9], поскольку «The concept of WAR, at large, continues to shape peoples' vision of the world» [28. С. 725] / «Концепт ВОЙНА в целом продолжает формировать мировоззрение людей» (пер. автора — О. Е.). Текстовый информативный код в этом случае характеризуется таким значимым параметром, как «компрессия оценочного смысла» [8. С. 32], поскольку, по мнению С. Л. Кушнерук, «реальность не дается человеку объективно, но конструируется сознанием» [15. С. 143]. Текстовая реальность конструируется сознанием писателя в виде когнитивно-сюжетной матрицы текста как проекции части его индивидуально-авторской концептосферы.

Практический анализ текстового информативного кода

В модели художественного текста как основного компонента текстового художественного мира значимы «средства пространственной и временной референции эгоцентрических элементов» [14. С. 80]. В свете этого актуален тот факт, что эгоцентрические элементы, сопряженные с временной референцией, образуют текстовый темпоральный когнитивный аттрактор, под которым понимаются «доминантные смысловые маркеры, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя к сюжету литературно-художественного произведения» [21. С. 87]. Проведенные исследования текстовой аттракции показали, что «часть лексических единиц, входящих в номинативное поле концепта-доминанты, становятся текстовыми когнитивными аттракторами» [6. С. 71].

В настоящее время существует следующая авторская типология текстовых когнитивных аттракторов: «(1) текстовый проксемный когнитивный аттрактор, (2) текстовый темпоральный когнитивный аттрактор, (3) текстовый пейзажный когнитивный аттрактор, (4) текстовый эмотивный когнитивный аттрактор, (5) текстовый персонажный когнитивный аттрактор, (6) текстовый коллоративный когнитивный аттрактор, (7) текстовый световой когнитивный аттрактор, (8) текстовый сюжетный когнитивный аттрактор» [21. С. 88].

В статье моделируется текстовый темпоральный когнитивный аттрактор, реализованный Б. Васильевым в литературно-художественном произведении «А зори здесь тихие...» [29], название которого маркирует определенное время суток в Карельской локации. В связи с сопряжением пространственного и темпорального аспектов название произведения представляет собой «дискурсивный феномен» [26].

Интерпретация текстового темпорального когнитивного аттрактора в когнитивно-сюжетной матрице исследуемого романа, нацелена на построение «модели с рядом особенностей» [27. С. 338], что позволяет выявить параметры реализации темпоральной сетки романа, поддерживающей «интерес адресата к даваемой фактуальной информации» [16. С. 28].

Текстовый темпоральный когнитивный аттрактор может представлять собой одну из моделей в соответствии со следующей авторской типологией текстовых темпоральных моделей, состоящей из четырёх типов: (1) линейные одновекторные модели, (2) линейные многовекторные моде-

ли, (3) нелинейные одновекторные модели, (4) нелинейные многовекторные модели. **Линейная одновекторная модель** рассматривается как «последовательная текстовая реализация временных маркеров, сопровождающих описываемые события, совместные действия одного или нескольких персонажей, излагаемая в виде временного вектора» [20. С. 144]. В этом типе темпоральной модели события разворачиваются последовательно вдоль темпоральной оси из темпорально-сюжетной точки А в темпорально-сюжетную точку В. **Линейная многовекторная модель** рассматривается как «описание непоследовательных событий, связанных с одним или несколькими персонажами, осуществляющими действия совместно» [20. С. 145]. В этом типе модели темпоральность событий имеет «скачкообразный» характер, то есть временной вектор может быть направлен из настоящего в прошлое, из прошлого в будущее, минуя настоящее время, из будущего в настоящее, из будущего в прошлое, минуя настоящее. **Нелинейная одновекторная модель** рассматривается как «последовательная текстовая реализация временных маркеров, сопровождающих потенциально различные действия нескольких персонажей» [20. С. 145]. В этом типе модели события разворачиваются последовательно по нескольким темпоральным векторам из темпорально-сюжетных точек А, В, С (количество точек ограничивается только когнитивно-сюжетной матрицей текста) и далее события сходятся в единой темпорально-сюжетной точке. **Нелинейная многовекторная модель** рассматривается как описание «потенциально различных действий нескольких персонажей <...>, в определённый момент повествования действия двух и более персонажей фокусируются в одной временной точке, тогда как действия других персонажей фокусируются в иной временной точке» [20. С. 145]. В этом типе моделей фокусировка действий во временных точках может быть реализована в различных временных плоскостях (прошлое, настоящее, будущее).

Темпоральные модели представляют собой совокупность глагольно-временных форм, хронем, лексических таймеров. Темпоральность глагольно-временных форм очевидна, поэтому находится вне рамок проводимого исследования. Под хронемами понимаются лексемы, «семантика которых выражает время, а уровень частотности хронем оказывает воздействие на динамику повествования» [19. С. 825]. Лексические таймеры рассматриваются как «темпоральные маркеры, в семантике которых наряду с непосредственным

значением имеется дополнительное темпоральное значение» [2. С. 75].

В соответствии с авторской типологией существует четыре типа хронем и четыре типа лексических таймеров: (1) *продолгованные хронемы / продолгованные лексические таймеры*, обозначающие длительность процесса (хронемы: весь день, с утра до вечера, три дня; лексические таймеры: венчание, завтрак), (2) *предельные хронемы / предельные лексические таймеры*, обозначающие завершенность процесса к определенной точке на темпоральной оси (хронемы: к двум часам дня, к девяти часам вечера; лексический таймер: к концу прогулки), (3) *точечные хронемы / точечные лексические таймеры*, обозначающие действие в определенной точке на темпоральной оси (хронемы: в семь часов вечера, первого июля; лексический таймер: в начале праздника), (4) *обобщающие хронемы / обобщающие лексические таймеры*, обозначающие темпоральный маркер, непривязанный к определенной точке на темпоральной оси (хронемы: летом, утром, лексический таймер: старинный замок). Также существуют *одноядерные хронемы* (летом) / *одноядерные лексические таймеры* (за ужином) и *многоядерные хронемы* (весной 2021 года) / *многоядерные лексические таймеры* (в старинном замке периода романтизма).

Исследование показало, что в когнитивно-сюжетной матрице романа «А зори здесь тихие...» заложена одноименная комплексная темпоральная нелинейная многовекторная модель, состоящая из циклических и линейных субмоделей. Как было доказано ранее, линейное время развивается вдоль темпоральной оси, тогда как в циклическом «отсутствует движение вперед, происходит возврат к тому, что было» [5. С. 689].

В темпоральной сетке рассматриваемой архитектоники романа циклическое время реализовано как совокупность нескольких суток, в течение которых отряд из пяти зенитчиц во главе со старшиной Васковым боролись против шестнадцати диверсантов.

Рассмотрение архитектоники комплексной темпоральной нелинейной многовекторной модели показало следующие её особенности.

Во-первых, определена двусегментность темпоральной модели когнитивного аттрактора, состоящей из сегмента «На разъезде» и сегмента «Выслеживание диверсантов». Названия обоих сегментов представляют собой лексические таймеры, которые обусловлены таким параметром как «четкая тематическая отнесенность с ситуативно-

личностными уточнениями» [13. С. 272], и параметром «соответствия с определёнными ценностно-смысловыми структурами» [1. С. 51].

Во-вторых, выявлено сопряжение настоящего и прошлого времени героев романа, посредством темпоральных одиночных векторов из настоящего в прошлое и темпоральных сюжетно-тематически маркированных субмоделей «военное настоящее» и «довоенное прошлое».

В-третьих, установлено наличие сопряжения настоящего и будущего времени героев, посредством низкочастотных темпоральных одиночных векторов из настоящего в будущее:

В-четвёртых, в темпоральном сегменте «На разъезде» выявлены четыре вектора из настоящего в прошлое: первый вектор выражен продолгованным лексическим таймером «именины» и точечной хронемой «в прошлом месяце», второй вектор выражен обобщающими хронемами «(Федоту Евграфычу) этой весной» и «исполнилось тридцать два»; третий вектор выражен двоядерной хронемой «в одну из весенних ночей», четвёртый вектор выражен обобщенными хронемами «раньше» и «никогда» в конструкции «Осянину он еще раньше выделил: строга. Не засмеется никогда»; (гл. 1). Установлено наличие одного вектора в будущее «радоваться после войны будем», выраженного продолгованным лексическим таймером «после войны».

Также в этом сегменте выявлено четыре субмодели: (1) *субмодель «Охрана объекта»*, которая размещена в начальной точке линейной темпоральной модели «На разъезде» (первая темпоральная субмодель) и в её конечной точке (четвертая темпоральная субмодель), (2) субмодель из группы «довоенное прошлое», а именно субмодель «*Довоенная жизнь Федота Евграфыча*» и (3) *субмодель «Жизнь Риты Муштаковой»*, состоящая из двух частей: «довоенная жизнь» и «военная жизнь» (2 глава); в этой темпоральной субмодели выявлена встроенность *минимодели «Помкомвзвода Кирьянова»* и *минимодели «Расчет зенитчиц»*.

В темпоральном сегменте «Выслеживание диверсантов» выявлено шестнадцать субмоделей, а именно: (1) *субмодель «Подготовка к выслеживанию фашистов»*, (2) *субмодель «Выслеживание фашистов» с встроенным временным вектором «Довоенная жизнь Сони Гурвич»*, (3) *субмодель «Довоенная жизнь Васкова»*, (4) *субмодель «В засаде»*, (5) *субмодель «Подготовка к борьбе с диверсантами»*, (6) *субмодель «Жизнь Лизы Бричкиной»*, (7) *субмодель «Соня*

Гурвич», (8) субмодель «Планы Васкова о борьбе с диверсантами», (9) субмодель «Жизнь Гали Четвертак», (10) Субмодель «Первый бой с диверсантами», (11) субмодель «После первого боя», (12) субмодель «Борьба старшины с диверсантами», (13) субмодель «Бой против диверсантов», (14) субмодель «Жизнь Жени Комельковой», (15) субмодель «Смерть Риты Муштаковой», (16) субмодель «Победа старшины Васкова над диверсантами».

Темпоральный сегмент «Выслеживание диверсантов» в четыре раза превышает по количеству темпоральных субмоделей темпоральный сегмент «На разъезде».

В-пятых, особенность темпорального сегмента «На разъезде» обусловлена следующим: *первая темпоральная субмодель* «Охрана объекта» темпорального сегмента «На разъезде» состоит из 21 темпорального маркера [29. гл. 1], а именно: (а) двуюдерной пролонгированной хронемы «шел май 1942 года», (б) двуюдерной обобщающей хронемы «жарким майским днем», (в) пяти одноядерных пролонгированных хронем: «три дня», «с неделю», «за три дня», «целый день», «дни стояли теплые»; (г) четырех одноядерных точечных хронем: «на четвертый» (день), «ежесекундно», «с того дня»; «через день доложила Мария Никифоровна»; (д) двух одноядерных обобщающих хронем: «утром», «лучше нету для дум времени»; (е) одноядерного пролонгированного лексического таймера «именины», (ж) трех одноядерных обобщающих лексических таймеров: «стариком величают», «стариком он себя считать не согласился», (з) темпоральной контекстной поляризации, выраженной обобщающими хронемами: «ночами зенитчицы азартно лупили из всех восьми стволов по пролетающим немецким самолетам, а днем разводили бесконечные постирушки». Темпоральная контекстная поляризация рассматривается как «противопоставление временных параметров свершения действий одним или несколькими героями в рамках отдельно взятого контекста художественного произведения» [7. С. 234]; (и) лексическим повтором «неделю в одном дворе, неделю — в другом».

Итак, в рассматриваемой линейной многовекторной темпоральной субмодели «Охрана объекта» превалируют одноядерные пролонгированные хронемы, отсутствуют предельные хронемы, представлено два типа лексических таймеров: пролонгированные и обобщающие, среди которых обобщающие лексические таймеры превалируют, а также писатель применил приемы

темпоральной контекстной поляризации и лексического повтора.

Вторая темпоральная субмодель «Довоенная жизнь Федота Евграфыча» состоит из 8 темпоральных маркеров [29. гл. 1]: (а) двух одноядерных пролонгированных хронем: «за десять лет», «спокойно служилось старшине Васкову» (б) одноядерной предельной хронемой «почти до сегодня», (в) трех одноядерных точечных хронем: «в конце этого, четвертого», «через год мальчонка его помер», «трижды в день», (г) одноядерного пролонгированного лексического таймера «в пределах четырех классов», (д) одноядерного точечного лексического таймера «незадолго перед финской женился». Очевидно, что в линейной одновекторной темпоральной субмодели о жизни главного героя преобладают маркеры, характеризующие этапы жизни главного героя, то есть линейные маркеры, иными словами «антропоцентрические маркеры художественного текста» [22. С. 149].

Итак, в субмодели превалируют одноядерные точечные хронемы.

Третья темпоральная субмодель «Жизнь Риты Муштаковой» состоит из тридцати трех темпоральных маркеров [29. гл. 2], а именно: (а) двуюдерной точечной хронемы «через две ночи на третью»; (б) двуюдерной обобщающей хронемы: «две-три ночи в неделю»; (в) шести одноядерных пролонгированных хронем: «на три дня», «пяти с половиной месяцев», «застава держалась семнадцать дней», «шли дни», «всю ночь ее трясло», «подремли часок»; (г) двух одноядерных предельных хронем: «так продолжалось до лета», «до восемнадцати»; (д) девяти одноядерных точечных хронем: «этот вечер», «в июне», «в тот первый день», «в мае», «на семнадцатые сутки застава замолчала», «через день», «на второй день войны», «узнала в июле», «через три ночи»; (е) пяти одноядерных обобщающих хронем «днем и ночью» — синергия двух хронем, «через три ночи», «ночью», «утром»; (ж) пролонгированного лексического таймера «школьный вечер»; (з) точечного лексического таймера «в утренней контратаке» — синергия точечного лексического таймера и обобщающей хронемы «утренняя», (и) обобщающего лексического таймера «из всех довоенных событий»; (к) двумя векторами темпоральной контекстной поляризации: (1) первый вектор выражен обобщающими хронемами «каждую субботу — каждое воскресенье», (2) второй вектор темпоральной контекстной поляризации «исчезала после ужина, а возвращалась перед подъемом», выраженный двумя точечными лексическими таймерами;

(л) лексического повтора «через год она родила мальчика <...>, а еще через год началась война». Очевидно, что вторая хронема в составе лексического повтора сопряжена с точечным лексическим таймером «началась война».

Итак, комплексная темпоральная линейная многовекторная субмодель «Жизнь Риты Муштаковой» состоит из двудерных и однодерных хронем, среди которых преобладают однодерные точечные хронемы; субмодель включает в себя лексические таймеры, темпоральную контекстную поляризацию и лексический повтор. Также в субмодели выявлено две встроенных темпоральных минимodelи: (1) **темпоральная минимodelь «Помкомзвода Кирьянова»** с вектором в прошлое, состоящая из трёх темпоральных маркеров: (а) однодерной пролонгированной хронемы «месяц снился»; (б) двух точечных лексических таймеров «когда первого убила», «еще в финскую»; (2) **темпоральная минимodelь «Расчет зенитчиц»**, состоящая из шести темпоральных маркеров, а именно: (а) однодерной пролонгированной хронемы «два часа вели бой»; (б) трёх однодерных точечных хронем: «перед маем расчету досталось»: «тот день баннным был», «на следующее утро»; (в) двух однодерных обобщающих хронем: «наутро», «их время».

Четвёртая темпоральная субмодель «Охрана объекта», состоящая из семи темпоральных маркеров [29. гл. 2], а именно: (а) двудерной пролонгированной хронемы «от зари до зари»; (в) однодерной пролонгированной хронемы «белые ночи»; (г) однодерной обобщающей хронемы «сумерки»; (д) однодерной пролонгированной хронемы «четыре часа» синергичной пролонгированному лексическому таймеру «с обеда до ужина»; (е) пролонгированного лексического таймера «шла война», (ж) предельного лексического таймера «до вторых петухов».

Итак, в темпоральной линейной многовекторной субмодели «Охрана объекта» представлены преимущественно пролонгированные темпоральные маркеры, а также предельный лексический таймер, который низкочастотен в рассматриваемой модели темпорального когнитивного аттрактора.

Таким образом, в темпоральном сегменте «На разъезде», состоящем из четырех субмоделей и двух минимodelей, превалируют линейные многовекторные модели, три из четырех, среди темпоральных маркеров — высокочастотные пролонгированные маркеры и точечные маркеры.

В целом темпоральный сегмент «На разъезде» представляет собой нелинейную многовек-

торную модель, поскольку начальная точка когнитивно-сюжетной матрицы находится в локации «На разъезде», в темпоральной точке «в мае 1942 года», затем временной вектор смещается в прошлое и описывается довоенная жизнь старшины Васкова, далее представлены события на разъезде и вновь временной вектор повествования перемещается в прошлое, в довоенную и военную жизнь Риты Муштаковой, до её прибытия на разъезд и описывается её пребывание в роли зенитчицы на разъезде.

В-шестых, особенность темпорального сегмента «Выслеживание диверсантов» рассматриваемой текстовой темпоральной модели заключается в том, что этот сегмент состоит из пятнадцати темпоральных субмоделей, в отличие от сегмента «На разъезде», который стоит из четырёх субмоделей и двух встроенных минимodelей. В данной статье рассматриваются первые четыре модели из шестнадцати: 1) **субмодель «Подготовка к выслеживанию фашистов»**, (2) **субмодель «Выслеживание фашистов» с встроенным временным вектором «Довоенная жизнь Сони Гурвич»**, (3) **субмодель «Довоенная жизнь Васкова»**, (4) **субмодель «В засаде»**.

Первая темпоральная субмодель «Подготовка к выслеживанию фашистов» состоит из 15 темпоральных маркеров [29. гл. 3], а именно: (а) двух однодерных пролонгированных хронем: «сорок минут», «остаток времени»; (б) трёх однодерных точечных хронем: «в двадцать тридцать ежедневно», «через сорок минут», «через полтора часа»; (в) однодерной обобщающей хронемы «А зори здесь были тихими-тихими»; (г) двудерного обобщающего лексического таймера «ни свет ни заря»; (д) трёх векторов в будущее: (1) «идем на двое суток», (2) «топать-то весь день», (3) вектора в будущее, состоящего из трёх однодерных точечных хронем «через пятнадцать минут выступаем», «послезавтра вернусь», «крайний срок — в среду»; (е) вектора в прошлое «в лесу в четыре утра?», состоящего из однодерной точечной хронемы; (ж) лексического повтора, выраженного пролонгированными хронемами «сорок минут преподавал, как портянки наматывать. А еще сорок — винтовки чистить». Хронема «сорок минут» повторена писателем контекстуально трижды, что в соответствии с русским культурным кодом является предупреждением для читателя о том, что «отряд погибнет».

Итак, данная темпоральная линейная многовекторная субмодель характеризуется преобладанием однодерных точечных хронем и наличием

трёх временных векторов в будущее, посредством которых писатель высказывает надежду его героев на успешный поход, на победу, и на возвращение на развед.

Вторая темпоральная субмодель «Выслеживание фашистов» состоит из одиннадцати темпоральных маркеров [29. гл. 4], а именно: (а) двуядерной пролонгированной хронемы «сейчас пятнадцать минут»; (б) трёх одноядерных пролонгированных хронем: «даю сорок минут», «все время», «за сорок минут»; (в) одноядерной точечной хронемы «через сорок минут»; (г) одноядерной обобщающей хронемы «не дал ни минуты»; (д) пролонгированного лексического таймера «солнце уже клонилось»; (е) вектора в прошлое «еще в финскую», состоящего из точечного лексического таймера, выделенных подчеркиванием; (ж) двух векторов в будущее (1) вектора «раньше чем к вечеру <...> к тому времени», состоящего из двух одноядерных точечных хронем, выделенных подчеркиванием; (2) вектора «еще часа полтора», состоящего из пролонгированной хронемы.

Встроенный временной вектор «Довоенная жизнь Сони Гурвич» состоит из пролонгированного лексического таймера, выделенного подчеркиванием «Я в Москве училась, готовилась к сессии».

Итак, данная темпоральная нелинейная многовекторная субмодель характеризуется преобладанием одноядерных пролонгированных хронем, наличием временного вектора в прошлое и двух временных векторов в будущее.

Третья темпоральная субмодель «Довоенная жизнь Васкова» состоит из двадцати семи темпоральных маркеров [29. гл. 5], а именно: (а) одноядерной пролонгированной хронемой «на данном этапе»; (б) одноядерной предельной хронемы «к двадцати годам»; (в) одноядерной точечной хронемы «в свои четырнадцать»; (г) двух пролонгированных лексических таймеров «выходные», «потом армия»; (д) пяти обобщающих лексических таймеров «чувствовал себя старше», «для бойцов старый», «позабыл о своем возрасте», «ровня всем майорам», «из другого поколения»; (е) двух векторов лексических повторов: (1) лексического повтора «в армии солидность уважают, а он армию уважал», представленного обобщающим лексическим таймером, который употреблен контекстуально трижды, что в соответствии с русским символическим кодом подчеркивает значимость этого маркера, (2) лексического повтора «старшина — старшина и есть», представленного обобщающим лексическим таймером, который употре-

блен контекстуально трижды, что в соответствии с русским символическим кодом также подчеркивает значимость этого маркера; (ж) четырёх векторов темпоральной контекстной поляризации: (1) вектора контекстной поляризации «летом крестянствовал, зимой зверя бил», состоящей из двух обобщающих хронем, (2) вектора контекстной поляризации «армия тоже не детский сад», состоящей из двух обобщающих лексических таймеров, (3) вектора контекстной поляризации «не помолодел, а наоборот, старшиной стал», выраженной обобщающим лексическим таймером «не помолодел», (4) вектора контекстной поляризации «старше рядовых и лейтенантов, и всегда младше любого полковника», выраженной обобщающими лексическими таймерами «старше-младше»; (з) синергия прошлого и настоящего «старше он самого себя, никогда Васкову в голову не приходили. И только ночью этой», выраженная обобщающим лексическим таймером «старше», и двумя обобщающими хронемами «ночью» и «никогда».

Итак, данная темпоральная линейная одновекторная субмодель примечательна преобладанием обобщающих лексических таймеров, наличием двух векторов лексического повтора, четырех векторов темпоральной контекстной поляризации и синергии темпоральных маркеров прошлого и настоящего.

Четвертая темпоральная субмодель «В засаде» состоит из тридцати пяти темпоральных маркеров [29. гл. 5], а именно: (а) пяти одноядерных пролонгированных хронем: «до ночи еще далеко», «немцам надо было часа три», «еще часа четыре», «отдохнули полчасика», «а зори здесь тихие»; (б) пяти одноядерных предельных хронем: «к тому времени», «к завтраму», «к этому времени», «до солнышка», «до бесконечности»; (в) четырёх одноядерных точечных хронем: «после обеда», «на зорьке разбужу», «наступила та таинственная минута», «минута эта»; (г) пяти одноядерных обобщающих хронем: «ввечеру», «за полночь», «завтрашний день», «с солнышком», «солнце уж оторвалось от горизонта»; (д) двух пролонгированных лексических таймеров «в обычной жизни», «на войне»; (е) двух обобщающих лексических таймеров «расчет времени», «солнце уже совсем за вершины цеплялось», «солнце давно уже село»; (ж) два вектора темпоральной контекстной поляризации: (1) временным вектором «пока тройка кашеварила, Васков с младшим сержантом Осяниной и бойцом Комельковой всю грядку излазили», (2) временным вектором «солнце давно уже село, но было светло, словно перед

рассветом», выраженным обобщающим лексическим таймером «солнце село» и точечной хронемой «перед рассветом»; (3) три временных вектора в прошлое: (1) временной вектор «Федот Евграфыч еще на марше брусничного листа насобира», выраженный пролонгированным лексическим таймером «на марше», (2) временной вектор «и маманю увидел: шуструю, маленькую, что много уж лет спала урывками, кусочками какими-то, будто воруя их у крестьянской своей жизни», выраженный обобщающей хронемой «лет» и пролонгированным лексическим таймером «крестьянская жизнь», (3) временной вектор в прошлое «был мальчонка. Помер. Аккурат перед войной», выраженный пролонгированным лексическим таймером «был мальчонка», двумя точечными лексическими таймерами «помер», «аккурат перед войной»; (и) два временных вектора в будущее: (1) временной вектор «после споем с тобой, Лизавета», выраженный обобщающей хронемой «после», (2) временной вектор «думала передремать до зари», выраженный предельной хронемой «до зари»; (к) синергия временного вектора в будущее и лексического повтора «до солнышка <...> и вы до солнышка отдохните», в целом темпоральный маркер «солнышко» контекстуально употреблен трижды, что в соответствии с русским символическим кодом говорит о стремлении героев произведения к свету, к жизни.

Итак, в данной темпоральной нелинейной многовекторной субмодели практически равное количество одноядерных хронем по пять каждого типа и только одноядерных точечных хронем четыре. Модель отличается наличием двух векторов темпоральной контекстной поляризации, трёх векторов в прошлое, двух временных векторов в будущее, а также синергией временного вектора в будущее и лексического повтора.

Таким образом, среди четырёх первых темпоральных субмоделей второго темпорального сегмента «Выслеживание диверсантов» преобладают темпоральные нелинейные многовекторные темпоральные субмодели, две из четырёх, а среди темпоральных маркеров преобладают пролонгированные хронемы, посредством которых писатель подчеркивает длительность времени до встречи с диверсантами. Также в третьей темпоральной субмодели «Довоенная жизнь старшины

Васкова» преобладают лексические таймеры. Посредством применения прямой и непрямой номинации времени писатель подчеркивает неоднозначность времени как такового в жизни старшины Васкова. С одной стороны, он жил по уставу, то есть строго по времени, а с другой стороны, он не обращал внимание на то, что жизнь проходит.

В целом, эти четыре темпоральные субмодели в совокупности представляют собой нелинейную многовекторную модель темпорального сегмента «Выслеживание диверсантов».

Заключение

Исследование архитектуры художественных произведений через призму интерпретации текстового информативного кода позволяет представить комплексную таксономическую модель. Рассмотрение архитектуры романа Б. Васильева «А зори здесь тихие...» выявило наличие комплексной модели текстового темпорального когнитивного аттрактора как одного из компонентов информативного кода. Было выявлено, что таксономическая модель темпорального когнитивного аттрактора произведения состоит из двух темпоральных сегментов: «На разъезде» и «Выслеживание диверсантов». Установлено, что темпоральный сегмент «Выслеживание диверсантов» по количеству субмоделей (16 субмоделей) в четыре раза превосходит темпоральный сегмент «На разъезде».

Определено, что, несмотря на различие типов субмоделей в темпоральном сегменте «На разъезде» и в четырёх первых темпоральных субмоделях (описывающих подготовку к борьбе с диверсантами) темпорального сегмента «Выслеживание диверсантов», в тексте реализована общая тенденция формирования темпоральных сегментов как нелинейных многовекторных текстовых конструкторов.

Выявлено, что среди темпоральных маркеров преобладают пролонгированные хронемы, а в архитектонику субмоделей, наряду с темпоральными маркерами, включены временные векторы в прошлое, в будущее, векторы темпоральной контекстной поляризации.

Таким образом, писателем создана комплексная темпоральная модель синергично встроенная в когнитивно-сюжетную матрицу произведения.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. «Язык» и «текст» культуры // *Litera*. 2015. № 4. С. 50—58.
2. Бузина Е. И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. 2019. № 44. С. 174—178.

3. Бутакова Л. О., Мячин К. А. Компонентный состав концептуальной категории «метогу» и ее роль в смыслообразовании текстов современной прозы // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 3. С. 85—99.
4. Воркачев С. Г. Дискурс патриотизма: метафорика национальной гимнодии экс-советских республик // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы V Междунар. науч. конф. М., 2021. С. 92—97.
5. Даниленко И. А. К вопросу о линейном и циклическом художественном времени // Когнитивные исследования языка. Вып. XXI. М.: Ин-т Языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2015. С. 688—691.
6. Даниленко И. А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 6-13.
7. Гламазда С. Н. Контекстная поляризация как феномен построения художественной модели мира // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 4 (63). С. 232-237.
8. Голованова Е. И., Ковалева О. Н. Когнитивные механизмы компрессии оценочного смысла в художественном тексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3 (52). С. 31—36.
9. Голованова Е. И. Документ в военной прозе В. Богомолова // Литература в контексте современности: сборник материалов XII Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием. Челябинск: Юж.-Урал. гос. гум.-пед. ун-т. 2020. С. 23—28.
10. Жирова И. Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 3. С. 85—98.
11. Жирова И. Г. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Дискурсивные практики в современном мире: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М., 2021. С. 83—89.
12. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 428 с.
13. Карасик В. И. Языковые картины бытия: моногр. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. 468 с.
14. Комуцци Л. В., Гончарова Н. С. Языковые средства пространственно-временной референции в поэме Э. А. По «Ворон» // Дискурс. 2018. № 6 (20). С. 80—86.
15. Кушнерук С. Л. Исследования ментальных пространств в лингвистике: текстовый мир в кругу смежных понятий // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Челябинск, 2016. Т. 1. С. 143—145.
16. Левченко М. Н. и др. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект): моногр. М.: Изд-во Мос. гос. обл. ун-та, 2013. 240 с.
17. Мещерякова О. И., Шестеркина Н. В. Поэтика гражданственности и патриотизма: к 75-летию публикации стихотворения В. И. Лебедева-Кумача «Священная война» // Литературные события и феномены XX—XXI веков: год 2016: материалы заоч. интерактив. конф. СПб., 2017. С. 113—123.
18. Миньяр-Белоручева А. П. Исторический текст vs исторический дискурс // Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. научных статей. СПб., 2018. С. 63—65.
19. Огнева Е. А. Хронемы в архитектонике когнитивной темпоральной модели текста // Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: материалы Всерос. науч. конф. 11—12 апреля 2013 г. // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 821—826.
20. Огнева Е. А. Темпоральная архитектоника концептосферы художественного текста // Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка: колл. моногр. Новосибирск: Сибак, 2013. С. 138—155.
21. Огнева Е. А. Концепция текстовой когнитивной аттракции // Лингвистические горизонты: междунар. сб. науч. тр. Белгород, 2018. С. 87—92.
22. Озерова Е. Г. Антропоцентрические маркеры художественного текста // Современные вопросы модернизации высшей школы: материалы Междунар. науч.-практ. конференции. Белгород, 2021. С. 149—154.
23. Попова Л. Г. Слово: анализ языковой культуры (сопоставительный аспект) // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: материалы III Междунар. научно-практической конференции. Краснодар, 2013. С. 123—126.

24. Харченко В. К. О некоторых «белых пятнах» на карте лингвистического знания // Русский язык в школе. 2007. № 3. С. 95—100.
25. Alefirenko N. F., Chumak-Zhun I. I., Ozerova E. G., Stebunova K. K. Text and discourse: between Scylla and charibdis of cognitive linguopoetics // Journal of Language and Literature. 2015. T. 6. № 2. P. 157—160.
26. Kosharnaya S. A., Chumak-Zhun I. I., Plotnikova L. I., Maltseva G. Y., Boldyreva S. M. The title of a literary text as a discursive phenomenon // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. T. 10. № 5. P. 396—404.
27. Miall D. S., Kuiken D. Beyond Text Theory. Understanding Literary Response // Discourse Processes. 1994. Vol. 17. P. 337—352.
28. Solopova O. A., Kushneruk S. L. War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse // Russian Journal of Linguistics. 2021. T. 25. № 3. P. 723—745.
29. Васильев Б. Л. А зори здесь тихие... М.: Эксмо, 2015. 224 с.

References

1. Alefirenko NF. "Language" and "cultural text". *Litera*. 2015;(4):50-58. (In Russ.).
2. Buzina EI. Determination of lexical timers in temporal structure of literary text. *Inostrannye jazyki: lingvističeskie i metodicheskie aspekty = Foreign languages: linguistic and methodic aspects*. 2019;(44):174-178. (In Russ.).
3. Butakova LO, Mjachin KA. Components units of conceptual category named "memory" and its role at the meaning-composing of contemporary prose. *Filologičeskij klass = Philological class*. 2020; (25, 3): 85-99. (In Russ.).
4. Vorkachev SG. Discourse of patriotism: metaphor of the national hymnody of the ex-Soviet republics. In: *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizacija = Image of the Motherland: content, formation, updating*. Moscow; 2021. Pp. 92—97. (In Russ.).
5. Danilenko IA. About linear and cycling literary time. In: *Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive studies of language*. Issue XXI. Tambov: Tambov State University; 2015. Pp. 688—691. (In Russ.).
6. Danilenko IA. The role of text cognitive attractors at the composing of variative text worlds. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta Serija: Lingvistika = Bulletin of Moscow state regional universities. Linguistics*. 2022;(1):6-13. (In Russ.).
7. Glamazda SN. Context polarization as composing phenomenon of literary world's model. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija = Bulletin of Tver state university. Philology*. 2019;(4(63)):232—237. (In Russ.).
8. Golovanova EI, Kovaleva ON. Cognitive Mechanisms of Evaluative Meaning Compression in a Literary Text. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of cognitive linguistics*. 2017;(3(52)):31-36. (In Russ.).
9. Golovanova EI. Document in war prose of V. Bogomolov. In: *Literatura v kontekste sovremennosti = Literature contemporary context*. Chelyabinsk; 2020. Pp. 23—28. (In Russ.).
10. Zhirova IG. The structure of the utterance and the system of linguistic communication means: based on contemporary literary texts. In: *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki = Research Result. Issues of theoretical and applied linguistics*. Moscow; 2020. Pp. 85—98. (In Russ.).
11. Zhirova IG. Linguistics and extra-linguistics element of text semantics. In: *Diskursivnye praktiki v sovremennom mire = Discursive practices in the contemporary world*. Moscow; 2021. Pp. 83—89. (In Russ.).
12. Karasik VI. Jazykovaja kristalizacija smysla = Languag sristalisation of meaning. Volgograd: Paradigma; 2010. 428 p. (In Russ.).
13. Karasik VI. Jazykovye kartiny bytija = Lingual world views. Moscow; 2020. 468 p. (In Russ.).
14. Komucci LV, Goncharova NS. Language means of space-time reference in E. A. Po's "Raven". *Diskurs = Discourse*. 2018;(6(20)):80-86. (In Russ.).
15. Kushneruk SL. Studies of mental spaces in linguistics: the text world in the circle of related concepts. Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects *Issledovanija mental'nyh prostranstv v lingvistike: tekstovyj mir v krugu smezhnyh ponjatij*. In: *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmatičeskom i kul'turologičeskom aspektah = Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects*. Chelyabinsk; 2016. Pp. 143—145. (In Russ.).
16. Levchenko MN et al. *Interpretacija teksta i ego grammatičeskikh modelej (tipologičeskij aspekt) = Text interpretation and its grammatical models in typological aspect*. Moscow: Moscow State Region University Publ.; 2013: 240 p. (In Russ.).

17. Meshherjakova OI, Shesterkina NV. Poetics of citizenship and patriotism to the 75th anniversary of the publication of the poem by V. I. Lebedev-Kumach "Holy War". In: Literaturnye sobytija i fenomeny XX—XXI vekov: god 2016 = Literal events and phenomena in 20th-21st centuries: 2016 year. St. Petersburg; 2017. Pp. 113—123. (In Russ.).
18. Min'jar-Beloručeva AP. Historical text vs historical discourse. In: Gercenovskie chtenija. Inostrannye jazyki = Herzen reading. Foreign languages. St. Petersburg; 2018. Pp. 63—65. (In Russ.).
19. Ogneva EA. Chonemes in architectonics of cognitive temporal model of text. In: Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive studies of language. Issue XIV. Tambov: Tambov State University; 2013. Pp. 821—826.
20. Ogneva EA. Temporal architectonics of literary text's conceptual domain. In: Prioritetnye napravlenija lingvističeskikh issledovanij: obshcheteoreticheskie, kognitivnye, kommunikativno-pragmatičeskie i funkcional'no-grammatičeskie aspekty jazyka = Priority areas of linguistic researches: general theoretical, cognitive, communicative-pragmatic and functional-grammatical aspects of the language. Novosibirsk: Sibak; 2013. Pp. 138—155. (In Russ.).
21. Ogneva EA. Theory of text cognitive attraction. In: Lingvističeskie gorizonty = Linguistic horizons. Belgorod; 2018. Pp. 87—92. (In Russ.).
22. Ozerova EG. Anthropocentric markers of literary text. In: Sovremennye voprosy modernizacii vysshej shkoly = Contemporary aspects of High school modernization. Belgorod; 2021. Pp. 149—154. (In Russ.).
23. Popova LG. Word: lingual culture analysis in comparison aspect. In: Slovo. Predloženie. Tekst: analiz jazykovoj kul'tury = Word. Sentence. Text: lingual culture analysis. Krasnodar; 2013. Pp. 23—126. (In Russ.).
24. Harchenko VK. About some "unknown phenomena" on the map of linguistic knowledge. *Russkij jazyk v shkole = the Russian at school*. 2007;(3):95-100. (In Russ.).
25. Alefirenko NF, Chumak-Zhun II, Ozerova EG, Stebunova KK. Text and discourse: between Scylla and charibdis of cognitive linguopoetics. *Journal of Language and Literature*. 2015;6(2):157-160.
26. Kosharnaya SA, Chumak-Zhun II, Plotnikova LI, Maltseva GY, Boldyreva SM. The title of a literary text as a discursive phenomenon. *Journal of Research in Applied Linguistics*. 2019;10(5):396-404.
27. Miall DS, Kuiken D. Beyond Text Theory. Understanding Literary Response. *Discourse Processes*. 1994;(17):337-352.
28. Solopova OA, Kushneruk SL. War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse. *Russian Journal of Linguistics*. 2021;25(3):723-745.
29. Vasil'ev BL. A zori zdes' tihie... = And the dawns here are quiet. Moscow: Jeksmo; 2015. 224 p.

Информация об авторе

Е. А. Огнева — доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков.

Information about the author

Elena A. Ogneva — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 20.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 10.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Original article

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10924

THE ASPECTS OF URBAN PORTRAITURE IN MEDIA DISCOURSE

Natalya S. Olizko¹, Mariia S. Zhurkova²✉

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ olizko@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6241-6093

² krasina87@inbox.ru✉, ORCID 0000-0001-9050-3434

Abstract. The mass media play an important role in shaping the urban portrait nowadays, the media representation of the city creates a holistic image of the surrounding reality in the mind of the citizen, which contributes to its successful functioning, but at the same time inevitably imposes certain clichés. The analysis was carried out on the materials of media texts, which relate the news of Chelyabinsk city (Russia), it allowed to formulate the most distinctive features of urban portraiture in South Ural media discourse. Media representation of the city of Chelyabinsk was analyzed on the materials of Facebook social network. The materials of the news resources of Facebook which reveal the news and events of Chelyabinsk city mostly appeal to the problems of the city development, infrastructures, crime rates and environmental hazards. The negative aspects of the city media portrait are mitigated by introduction of humoristic posts, posts devoted to important historical events or athletic feats of the citizens. A tendency is to illustrate textual information content that can cause dissatisfaction among recipients with visual content that does not correspond to the message subject and distracts the recipient's attention. The creation of a city portrait is largely aimed at getting a positive response from the audience, the display of realities is softened in some cases, some messages bear traces of the expression of a subjective assessment of the sender.

Keywords: media, urban portraiture, city, linguistics, discourse

Funding. With the financial support of the Foundation for Advanced Scientific Research of the Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” 2022.

For citation: Olizko NS, Zhurkova MS. The Aspects of Urban Portraiture in Media Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):189-196. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10924.

Научная статья

УДК 80

ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Наталья Сергеевна Олизко¹, Мария Сергеевна Журкова²✉

^{1,2} Челябинский Государственный Университет, Челябинск, Россия

¹ olizko@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6241-6093

² krasina87@inbox.ru✉, ORCID 0000-0001-9050-3434

Аннотация. Средства массовой информации играют важную роль в формировании городского портрета в наши дни, медийная репрезентация города создает в сознании горожанина целостный образ окружающей его реальности, что способствует его успешному функционированию, но в то же время неизбежно навязывает определенные клише. Анализ был проведен на материалах медиатекстов, посвященных новостным событиям города Челябинска, результаты позволили сформулировать наиболее отличительные черты городского портрета в южноуральском медиадискурсе. Медийная репрезентация города Челябинска была проанализирована по материалам социальной сети Facebook. Как показал материал новостного ресурса “Наш Челябинск” (Facebook), основными темами, формирующими городской портрет Челябинска являются проблемы развития города, инфраструктуры, уровня преступности и экологические угрозы. Негативные аспекты медийного портрета города смягчаются введением юмористических постов, постов, посвященных историческим событиям или спортивным подвигам горожан. Наблюдается тенденция иллюстрации информационного контента, способного вызвать недовольство у реципиентов, визуальным контентом, не

соотносящимся с сообщением по тематике и отвлекающим внимание получателя. Создание городского портрета во многом направлено на получение положительного отклика у аудитории, отображение реалий в некоторых случаях смягчается, некоторые сообщения несут следы выражения субъективной оценки от правителя.

Ключевые слова: медиа, городское портретирование, город, лингвистика, дискурс

Финансирование. При финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2022 г.

Для цитирования: Olizko N. S., Zhurkova M. S. The Aspects of Urban Portraiture in Media Discourse // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 189—196. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10924.

Introduction

Urban studies allow comprehending the specifics of a diverse heterogeneous environment and giving its scientific analysis. Sociological studies of such a phenomenon as urban space are plenty, the most prominent of them [8; 11; 14; 16] provide an overview of the main problems of the urban environment and trends analysis. The research in the main aspects of representation of urban environment in media discourse has also been the subject of numerous studies [1; 6; 9; 12; 13].

Media resources certainly interact with the environment: they are, on the one hand, under the influence of a number of social factors, but on the other hand, can be influential and initiate some social processes. This goes further, as the algorithms aimed “to enable predictive analytics of urban data” and thus “effectively allowing city administrators to use open data to generate patterns, use them for decision making, and better direct limited government resources” are being developed [10. P. 1]. The idea of social media giving “insights into citizens’ activities and attitudes” seems an up-to-date approach as social media nowadays “become an informative source for e-government and allow to design targeted urban planning decisions minimizing resources and increasing civil participation” [15]. It allows to see that in modern world media discourse is able not only to reflect the most significant city problems, but to help disposing of them as well.

Mass media play an important role in urban portraiture formation nowadays, as “the conditions of information redundancy and the transience of information flows, in the context of difference between the information learned in the process of primary socialization and received from the modern masses, forces a person to experience difficulties in constructing stereotyped images. As a result, he automatically retransmits those social clichés that the media offered him” [3. P. 140—141].

Thus, media representation of the city creates in the mind of a citizen an integral image of the reality

he is surrounded by, which facilitates his successful functioning, but at the same time inevitably imposes certain clichés.

The purpose and the material of the research

The purpose of this study is to build a model of an urban portraiture of Chelyabinsk employing the material of media news resources. The resulting model will allow to determine which aspects of the city’s life have greater effect on formation of Chelyabinsk portraiture. The research focuses on the techniques of providing information, applied by the developers of the site in order to gain the attention of recipients and their appraisal and mitigate negative traits in the city portrait. The city is “the center of the political, economic, and cultural life of the vast masses of the population, which is forming special ways of self-realization and self-affirmation of the individual in labor, family, household, and leisure activities” [3. P. 4]. The data of the news webpage “Our Chelyabinsk” in Facebook [5] serves as research material. “Our Chelyabinsk” is an official city community that unites more than 200.000 active citizens. The community posts current city news, weather forecast, historical news and information on cultural events in the city.

Research methods

The use of a complex analysis combining quantitative and qualitative pragmalinguistic and linguocognitive methods and techniques allows identifying effective ways of presenting media information in social networks at both verbal and non-verbal levels. The content presented on the page of the media news resource “Our Chelyabinsk” in form of text, videos, images, reviews, comments, forms the portraiture of the city and reveals the attitude of Chelyabinsk residents to the events in the city.

The content analysis method applied in the study allows converting the information presented on the web page into quantitative indicators through statistical calculation of verbal and non-verbal units. The first

stage of analysis aims at formulating the main themes of posts and grouping the material according to these themes. After a list of relevant topics has been determined through an application of statistical calculation, the analysis advances to its second stage when articles united by one topic are examined with the help of SEO analysis, which enables identification of keywords in contexts [7]. The search and grouping of post is carried through hashtags or metadata tags used in social networks. The most relevant topics of the news website “Our Chelyabinsk” are represented by the following hashtags: #ourchelyabinsk_economy&business, #ourchelyabinsk_ecology&weather, #ourchelyabinsk_insouthural, #ourchelyabinsk_politics&power, #ourchelyabinsk_incidents, #ourchelyabinsk_ourhistory, #ourchelyabinsk_events&food, #ourchelyabinsk_society&people, #ourchelyabinsk_photo, #ourchelyabinsk_sport&fitness.

Content analysis of quantitative indicators

The analysis of quantitative indicators for the period of June 2017 — June 2021 provides that the urban portraiture of Chelyabinsk by media resource “Our Chelyabinsk” is characterized by appealing primarily to the city problems on such levels as develop-

ment, infrastructures, criminal incidents, historical facts and environmental problems. These aspects reflect the main characteristics of the city, which can be seen as stereotyped clichés offered by the media. An average citizen would characterize Chelyabinsk as a steadily growing city due to the amount of construction sites and newly-built blocks of flats, but at the same time as the city with high crime rates and ecological problems, the last appearing due to the abundance of complete facilities within the city boundaries.

The numbers show that out of the analyzed 2904 news posts, 20,4 % of the messages are devoted to general topics, indicated by the hashtag #ourchelyabinsk_insouthural (592 posts); 17,9 % of the posts are about crime and incidents, they correspond to the hashtag #ourchelyabinsk_incidents, (517 posts); 16,7 % of the messages contain information on the environmental problems and weather in the city, they are marked with the hashtag #ourchelyabinsk_ecology&weather (486 posts). These groups of news reports form the core of the site structure. The next topic in the list — social issues (#ourchelyabinsk_society&people) is represented with lower amount of posts — only 8,4 % of the total number (243 posts). The data on all the topics is provided in the table below.

The main topics, forming Chelyabinsk urban portraiture according to the data of “Our Chelyabinsk” news resource (Facebook)

Topic	Hashtag	Amount of posts	Percentage
General thematics	#ourchelyabinsk_insouthural	592	20,4 %
Crime	#ourchelyabinsk_incidents	517	17,9
Ecology, weather	#ourchelyabinsk_ecology&weather	486	16,7
Social issues	#ourchelyabinsk_society&people	243	8,4
History of the city	#ourchelyabinsk_ourhistory	231	7,9
Athletic feats	#ourchelyabinsk_sport&fitness	201	6,9
Photo	#ourchelyabinsk_photo	198	6.8
Where to go and what to eat	#ourchelyabinsk_events&food	193	6.6
City state structures	#ourchelyabinsk_politics&power	156	5.4
City enterprise	#ourchelyabinsk_economy&business	87	3.6

It should be noted that if until 2018 the news published in “Our Chelyabinsk” covered mainly the social problems of the city, but since 2018 the events on the regional level were also involved. Due to added territory represented in the news, most of the community’s hashtags were changed. Thus the hashtag #ourchelyabinsk_urbanmilieu was replaced with the hashtag #ourchelyabinsk_insouthural, and the hashtag #ourchelyabinsk_politics was replaced with the hashtag #ourchelyabinsk_politics&power. At the same time, the tags #ourchelyabinsk_incidents, #ourchelyabinsk_ourhistory, #ourchelyabinsk_

events&food remained unchanged over the past years. Such resistance to changes reveals the significance of the content indicated by these tags, its sufficient amount, which makes its unification with other topics unnecessary.

SEO analysis of contexts

The analysis on the lexical level proves to be more efficient in researches of urban social-group dialect as it is more dependent on the geographic factor. The research conducted by T. I. Erofeeva showed, that “the stratum “place of birth” turned out to be essential for

the lexical level and insignificant for the syntactic and suprasegmental levels” [2. P. 95-96]. For the purposes of this research the SEO analysis [7] of lexical and semantic levels of the verbal material was implemented.

The analysis of messages united by one topic with SEO — semantic analysis of the text, enables to assess the quality and relevance of posts on the basis of the words and phrases contained in them. The program automatically highlights the semantic core of the text and determines the frequency of keywords in it. Leaning upon the data received on the previous stage of analysis, we determined that one of the most frequent hashtags is #ourchelyabinsk_insouthural. As was already mentioned, since 2018 both urban and regional news were posted under this hashtag, however the city problems still remain the priority (73 %). SEO-analysis of posts of the period of June 2017 — June 2021, united by the hashtags #ourchelyabinsk_urbanmilieu and #ourchelyabinsk_insouthural, indicates the following priority aspects for residents of Chelyabinsk — the economic development of the city and the development and functioning of urban infrastructures, represented by keywords: “repair”, “construction”, “funding”, “development”, “transport”, “road”. In the period of March 2020 — June 2021 a rapid growth of news reports with the keywords: “pandemic”, “coronavirus”, “vaccination”, “medicine” was revealed. The overwhelming majority of these posts indicate changes in the rules of public behavior in the city and changes in the sphere of medicine on urban level.

The city is presented as a complex, structured system that functions according to certain rules, norms, and aims at the welfare of citizens and general development. This is manifested through the lexemes “repair”, “construction”, “funding”, “development”, “transport”, “road”, which indicate activity within the city — new houses are being built, financing is being carried out, transport is working, and roads are being repaired. Reports, for example, of dilapidated houses or holes in the roads, street children or attacks by stray dogs are practically not found.

The lexemes “pandemic”, “coronavirus”, “vaccination”, “medicine” reveal the attempt to neutralize possible panic in society, they indicate that despite the large number of people infected with coronavirus, the government at the municipal level is making significant efforts to improve the medical services provided, to vaccinate the citizens and improve working conditions and salaries of medical personnel. Negative aspects in this type of posts are practically not covered.

Thus, the key lexemes described above aim at indicating stability and constant development of the urban environment, they are designed to create a positive image of the city, even if in some aspects this image diverges from reality.

The analysis of lexemes in texts united by the hashtag #ourchelyabinsk_incidents turned out to be not as indicative as the analysis of the previous group of texts. Among the key lexemes, we distinguished the following: “incident”, “tragedy”, “fraudster”, “death”, “lethal”. Despite the fact that most of these lexemes are very traditional for such news column, the lexeme “tragedy” should be noted separately. The use of this particular lexeme is intended to express empathy and grief on behalf of the public to all possible recipients of the text. The news is presented not as horrifying and thus making readers think they live in inappropriate conditions, but as sad and thought-provoking. It shall also be noted that in the course of the analysis many reports of criminal events were detected, in which citizens were considered to bring the crime on themselves. For example, one of the reports was devoted to the tragic death of a seven-year-old boy who drowned in a lake [5]. Providing that the news is dreadful some empathy is shown, but at the same time it is indicated that the boy drowned in a place where swimming was not allowed, thus his parents were to be blamed for not looking after their child properly and not explaining him the restriction rules. Users’ comments under the news post revealed much aggression and general negativity towards the parents of the child, but none towards the lack of proper fencing or signs. Another report was of the death of a biker who tried to escape from the police [5]. The number of reports of tragic accidents, in which citizens themselves are partly to be blamed, prevails in the community. We believe that this technique of providing information is intended to make citizens think about their behavior and lifestyle, and sometimes even shift the blame for the accident. It should as well be noted that the news resource does not publish materials about unsolved crimes, kidnappings, serious murders and increasing rates of juvenile delinquency.

Thus, we see that for a favorable urban portraiture, media resources use fairly transparent techniques of material selection. As a result, most of the posts devoted to the urban news are designed to make a positive impression about the city. Such posts alternate with neutral ones but negative ones appear rarely. It should also be mentioned that a significant (up to 30 %) number of posts have an entertaining character, they will be discussed below.

Meaning construction at non-verbal level

The analysis of keywords allows characterizing media text in aspect of effectiveness of choice of language units aimed at drawing attention of a certain target audience. The keywords distinguished in the previous step are mainly aimed at the generation aged 25 years and older; these are people who are interested in the political and economic life of the city and not indifferent to its problems. In recent years, there has been noticed an increase in number of news posts which aim at creating a comic, humorous effect. We believe that these changes are introduced to attract the attention of a younger target audience — aged from 18 to 25 years. As is known, the construction of meanings at the non-verbal level is especially relevant for the younger generation, which is distinguished by clip thinking — perception of the world through short bright images. Such type of thinking is formed under the influence of the Internet, computer games, television, and even some modern literature. Clip thinking is an underlying principle of a cliché worldview, when a person perceives the world as a series of almost unconnected parts, facts or events. “Clip thinking hinders analytical abilities, since the images that remain in thoughts only for a short period of time, almost immediately disappear being replaced by the new ones” [4. P. 67].

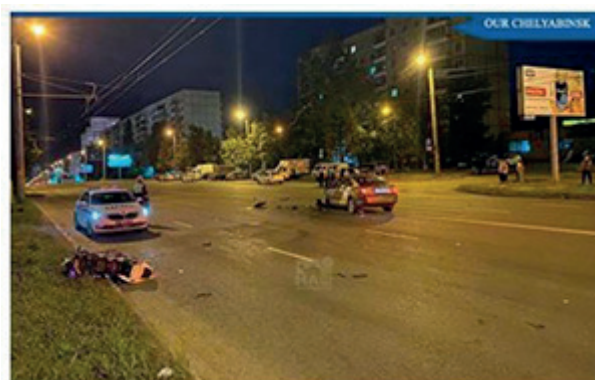
Video or visual (graphic) content, if not or only partially connected with the subject of the message, turns into information noise, thus reading the news creates the illusion of awareness of the state of events, while, in fact it accomplishes mostly an entertaining function. The recipient perceives a number of individual facts that are not to be linked a common chain of events. The media format forces the brain to make a fundamental error of understanding, some events are considered related even if they have a temporary affinity rather than an actual connection.

Using this line of reasoning it is the non-verbal content that attracts the attention of recipients, especially those who belong to the age group of 18-25 years. The combination of verbal and non-verbal content has long been practiced in news media resources, and performs important functions. In its first function, non-verbal content illustrates the verbal part. It coincides in thematic aspect with textual part reflecting its meaning, forming the visual constituent and strengthening the impact of the news on the addressee. It is beneficial for the resource due to the fact that it highlights the web site’s serious attitude and responsibility towards the material they provide the audience with. Thus, the news resource is gaining more trust from the audience. Second function — entertain-

ing, helps to distract recipients from tragic news. To facilitate it posts with hypothetically disturbing information are necessarily followed by bright pictures of the city or posts of a humorous nature. Thirdly, the inclusion of a non-verbal message that does not or partially illustrates the news serves to obscure a verbal message. In such case, the nonverbal content does not necessarily coincide with the verbal one, a partial match is enough. This way the recipient extracts from the news post some information like: “I read something about vaccination, I don’t remember exactly what, but the picture was funny.” A partial match is applicable when the news needs to be published, but it is very likely to cause irritation or dissatisfaction among readers.

The picture below is an example of a news post where a non-verbal component performs the first function. This picture illustrates the accident with the biker who crashed trying to escape from the police. The picture fully corresponds to the situation, described in the verbal part of the message.

*A biker crashed trying to escape from the police.
(<https://nashchelyabinsk.ru/post/avariia-proizoshla-vchera-24-iunia-v-2345-na-ulit/>)*

The picture below is an example of a news post where a non-verbal component performs the third function which is to obscure a verbal message that contains information on mandatory vaccination in the Bryansk region. The article provides the following data: in the Bryansk region, mandatory vaccination was introduced for certain groups of the population. In the Chelyabinsk region there is no mandatory vaccination yet but residents themselves set records: “this week, about 10 thousand people were vaccinated with the first component, with the second component — 2 thousand. For comparison, about 3-4 thousand were vaccinated earlier in the day” [5].

The news of mandatory vaccination in other region indicates that with high probability the same will happen in Chelyabinsk. Obviously, mandatory vaccination is not be treated favorably by all categories of

citizens, by which reason the news post is accompanied by the picture of a humorous nature. In the picture a well-known actor and a comedian Sergei Svetlakov is viewing TV news programmes at his leisure time and making fun of news report on coronavirus infection. The character is notoriously famous in Russia and represents a quick-witted and humorous average lower-class citizen.

Mandatory vaccination in the Bryansk region
(<https://www.facebook.com/nashchelyabinsk/photos/a.631516793620236/3731877073584177/>)

I STILL CAN'T GET IT. HOW COME IN
12 SEASONS OF "BATTLE OF
PSYCHICS" NO ONE SAID A SINGLE
WORD ABOUT CORONAVIRUS?

The picture is distracting the readers' attention from the disturbing news, for that reason, we assume, it is not even of the same topic with the verbal element of the post — the verbal part is devoted to mandatory vaccination while the non-verbal element is about "Battle of Psychics" show and its being framed, because no one of participants really had the power of prediction.

In the latter case, the actualization of the humorous component can be considered as a desire to mitigate the discontent of the city residents who are the recipients of this message and to form a general positive attitude both to the news resource "Our Chelyabinsk" and to events at the municipal level.

Conclusion

Summing up, we highlight once again that the mental-linguistic structures of content used to construct

meaning on social network pages are analyzed in this research within the framework of pragmalinguistic and linguocognitive approaches. The pragmalinguistic approach allows distinguishing the purpose of the message, studying the intentions of the addresser and means selected by him to influence the addressee of the media text. The linguo-cognitive approach is aimed at identifying complex mental connections between the unit of language, the meaning of a word and the visual sign that represents it. The identification of the construction of this three-leveled system makes it possible to define the most effective models for the construction of media texts aimed at portraying urban reality.

The analysis carried reveals a tendency for media resources to attract the attention of target audiences of various age groups to events covered at the municipal level. This can contribute to the formation of an active social position among young residents of Chelyabinsk and the desire to participate in the political and economic life of the city. Mass media influences a person, organizing his reality, influencing his ideas. Not always the reality, which is provided by media corresponds with what is happening in the real world. It is obvious, that media forms such urban portraiture, that will be agreeable and non-disturbing if possible, this way media gains the attention of recipients and their appraisal.

Media portrait of a city designed in social networks largely influences the image of the city in the public consciousness. Public media, including social networks, construct a system of symbols that contribute to formation of citizens' identity and socio-cultural integration, define a sense of community. The news resource "Our Chelyabinsk" is characterized by the formation of an urban portrait through an appeal to the problems of the city at the level of development and functioning of infrastructures, criminal incidents, environmental problems and historical facts. The tendency to mitigate the negative reaction of readers and distract their attention by introducing an extralinguistic component only partially related to the subject of the message and occasionally of a humorous character is revealed.

References

1. Tsvetkova IV. The image of the city of Tolyatti on the Internet as a factor in the regional identity of the population. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept» = Scientific and methodological electronic journal "Koncept"*. 2018;(11):162-167. (In Russ.).
2. Erofeeva TI. Lingvistika gorodskogo prostranstva = Linguistics of urban space. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-gorodskogo-prostranstva>. (In Russ.).
3. Korableva GB, Merenkova AV. Social'noe prostranstvo sovremennogo goroda = The social space of a modern city. Yekaterinburg; 2015. 252 p. (In Russ.).

4. Kupchinskaya MA, Yudalevich NV. Clip thinking as a phenomenon of modern society. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy = Business education in Economy*. 2019;(3):66-71. (In Russ.).
5. Nash Chelyabinsk = Our Chelyabinsk: e-service. URL: <https://www.facebook.com/nashchelyabinsk>
6. Olizko NS, Zhurkova MS. Features of the representation of social problems of the city in the media discourse. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: the problematic field of media education*. 2022;(43):133-140. DOI 10.47475/2070-0695-2022-10114. (In Russ.).
7. SEO-analiz teksta = SEO text analysis. URL: <https://advego.com/text/seo/>
8. Valdes Odriosola MS. The Evolution of Sociological Theories of the City of the 19th-20th Centuries. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2014;(2):319-325. (In Russ.).
9. Vasil'eva MA. The impact of the modern media to the identification practices. *V mire nauchnykh otkrytij = In the World of Scientific Discoverie*. 2013;(11):231-234. (In Russ.).
10. Balasubramani BS, Shivaprabhu VR, Krishnamurthy S, Cruz IF, Malik T. Ontology-based Urban Data Exploration. *UrbanGIS '16: Proceedings of the 2nd ACM SIGSPATIAL Workshop on Smart Cities and Urban Analytics*; 2016. Pp. 10:1–10:8. DOI: 10.1145/3007540.3007550
11. Castells M. The City and the Grass Roots: A Cross-cultural Theory of Urban Social Movements. London; 1983.
12. Golub O, Ozerina A, Timofeeva T. Representation of Urban Identity In Media Space. In Shamne NL, Cindori S, Malushko EY, Larouk O, Lizunkov VG (eds.). *Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment, European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. European Publisher; 2020. Vol. 99. Pp. 295—301. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.12.04.35>.
13. Indaco A, Manovich L. Urban Social Media Inequality: Definition, Measurements, and Application. *Urban studies and practices*. 2016;(1):11-23. URL: <https://usp.hse.ru/article/view/8356/8995>
14. Park RE, Burgess EW. The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment. London; 1992. 239 p.
15. Petrova M, Nenko A, Sukharev K. Urban acupuncture 2.0: Urban management tool inspired by social media. *Proceedings of the International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia*. 2016; 248-257. DOI:10.1145/3014087.3014124
16. Wirth L. Urbanism as a Way of Life. *The American Journal of Sociology*. 1938;(44):1-24. URL: <https://www.sjsu.edu/people/saul.cohn/courses/city/s0/27681191Wirth.pdf>

Список источников

1. Цветкова И. В. Имидж города Тольятти в сети Интернет как фактор региональной идентичности населения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 11. С. 162—167.
2. Ерофеева Т. И. Лингвистика городского пространства // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-gorodskogo-prostranstva>
3. Кораблева Г. Б., Меренкова А. В. Социальное пространство современного города. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 252 с.
4. Купчинская М. А., Юдалевич Н. В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № (3). С. 66—71.
5. Наш Челябинск: электронный ресурс. URL: <https://www.facebook.com/nashchelyabinsk>
6. Олизко Н. С., Журкова М. С. Особенности репрезентации социальных проблем города в медиадискурсе // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 1 (43). С. 133—140.
7. SEO-анализ текста. URL: <https://advego.com/text/seo/>
8. Вальдес Одриосола М. С. Эволюция социологических теорий города XIX—XX вв // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 319—325.
9. Васильева М. А. Влияние современных медиа на идентификационные практики // в мире научных открытий. 2013. № (11). С. 231—234.
10. Balasubramani B. S., Shivaprabhu V. R., Krishnamurthy S., Cruz I. F., Malik T. Ontology-based Urban Data Exploration // *UrbanGIS '16: Proceedings of the 2nd ACM SIGSPATIAL Workshop on Smart Cities and Urban Analytics*. (2016). Pp. 10:1—10:8. DOI: 10.1145/3007540.3007550
11. Castells M. The City and the Grass Roots: A Cross-cultural Theory of Urban Social Movements. London, 1983.

12. Golub O, Ozerina A, Timofeeva T. Representation of urban identity in media space. In: Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. European Publisher, 2020. Vol. 99. P. 295—301. DOI:10.15405/epsbs.2020.12.04.35
13. Indaco A, Manovich L. Urban Social Media Inequality: Definition, Measurements, and Application. Urban studies and practices. 2016. № 1. P. 11—23. URL: <https://usp.hse.ru/article/view/8356/8995>
14. Park RE., Burgess EW. The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment. London, 1992. 239 p.
15. Petrova M, Nenko A, Sukharev K. Urban acupuncture 2.0: Urban management tool inspired by social media. Proceedings of the International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia. 2016. P. 248—257. DOI:10.1145/3014087.3014124
16. Wirth L. Urbanism as a Way of Life // The American Journal of Sociology. 1938. № 44. URL: <https://www.sjsu.edu/people/saul.cohn/courses/city/s0/27681191Wirth.pdf>

Information about the authors

Natalya S. Olizko — Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of English Language.

Mariia S. Zhurkova — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of English Language.

Информация об авторах

Н. С. Олизко — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка.

М. С. Журкова — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 81'42:81'27

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10925

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЧАСТЬЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Александр Михайлович Погорелко¹, Татьяна Николаевна Герасина²

¹ Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, Pogorelkoam@rambler.ru

² Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия, magnolia-avenue@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению прагматических смыслов концепта счастья в американском предвыборном президентском дискурсе. Анализ примеров президентских выступлений показывает, что семантика слова «happy» обладает подвижными смысловыми характеристиками, способными эффективно выполнять функции актуальной политической коммуникации. Функционал английского «happy» в политическом дискурсе, кроме того, демонстрирует семантические свойства, выходящие за рамки стереотипно закрепленного словарями обиходно-ситуативного значения.

Ключевые слова: культуроспецифичная лексика, политический дискурс, политическая прагматика

Для цитирования: Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Прагматическое отражение семантики счастья в американском политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 197—205. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10925.

Original article

PRAGMATIC REFLECTION OF SEMANTICS OF HAPPINESS IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Alexander M. Pogorelko¹, Tatiana N. Gerasina²

¹ Bashkir State University, Ufa, Russia, Pogorelkoam@rambler.ru

² Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia, magnolia-avenue@rambler.ru

Abstract. The article deals with the study of pragmatic meanings of the concept of happiness in American presidential discourse. The analysis displays that the word “happy” obtains dynamic semantic characteristics that can effectively facilitate political communication. The functional capacity of the English concept of happiness in its political usage demonstrates semantic properties which are not limited to traditional dictionary stereotypes associated with basically everyday and situational meanings.

Keywords: culturally specific lexis, political discourse, political pragmatics

For citation: Pogorelko AM, Gerasina TN. Pragmatic reflection of semantics of happiness in American political discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):197-205. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10925.

Введение

В современных кросскультурных исследованиях анализ культуроспецифичной лексики играет особую роль. Во-первых, прослеживание функционирования этой лексики в актуальных текстах дает возможность уточнить и проверить выводы, закрепленные за уже описанной семантикой лексических единиц, получивших статус специфичных элементов языковой картины мира.

© Погорелко А. М., Герасина Т. Н., 2022

Во-вторых, тот же текстовый функционал может послужить интересным диагностическим инструментом, отражающим концептуальные позиции адресанта и особенности восприятия его аудитории. Для решения обеих задач удобным объектом анализа выступает политический дискурс.

Политический дискурс исключительно сильно нагружен в своих функциональных характеристиках. Требования, предъявляемые к политическому слову и многочисленны, и противоречивы.

Политическое сообщение должно совместить в себе очень многое — убедительность и убежденность, информативность и краткость, экспрессию и строгость, простоту и герменевтичность. Почти каждая характеристика в свою очередь непрым образом раскладывается на составляющие, между которыми также приходится выдерживать баланс. Баланс между убеждением через рациональность и через воздействие на чувства, информативность приведения фактов и мотивировки через объяснения, необходимость сделать сообщение легким для массового понимания и потребность передать скрытое содержание, которое будет воспринято аудиторией, имеющей запрос на элитарность и приобщенность к эксклюзивной информации. Исследователи политического дискурса выделяют разнородный набор функций, необходимых языковым единицам для построения из них действенной конструкции политического текста: когнитивная функция, коммуникативная, прагматическая, эстетическая, изобразительная, экспрессивная [9. С. 28].

Едва ли какой-либо еще тип дискурса оказывается подвержен настолько большой оценочной нагрузке со стороны восприятия адресата. Совершенно очевидно талант политика не может не сочетаться с искусством владения словом. Особенно это умение важно на этапе борьбы за власть, когда зачастую, за неизвестностью кандидата, слово становится единственным доступным ему политическим действием.

Надо отметить, что в современном дискурсе ответственность политика за неудачно подобранные слова стала значительно сильнее, чем раньше. В прошлом источники информации, не настолько многочисленные и глобальные, вполне позволяли словам стираться из забывчивой коллективной памяти, а монополия на СМИ давала возможность подкорректировать и затенить сказанное. Цифровая современность с ее огромным ресурсом объема, скорости и доступности информации становится безжалостным контролером политического дискурса. Все сказанное, независимо от срока давности, фиксируется в памяти электронных СМИ и при необходимости с легкостью воспроизводится и распространяется, становясь угрозой политической репутации и серьезным оружием в руках политических противников. Выбор политических слов при незакрытом для массовой аудитории доступе к электронным средствам информации, становится вопросом уже не только политической актуальности, но и оглядкой на будущее, в котором то, что приемлемо сейчас, может превратиться в препятствие для смены собственной позиции и

в обвинительный вердикт со стороны противников и разочарованного электората.

Исследователи отмечают, что современные СМИ становятся жестче и агрессивнее в резких характеристиках и политики в целом, и политических деятелей в частности: «как британские, так и американские СМИ, являясь одним из каналов влияния на формирование общественного мнения, занимают предельно жесткую позицию, не скупясь на контекстуальные маркеры с отрицательной оценкой» [4. С. 134]. Положение осложняется тем, что политик, попавший в немилость СМИ, становится мишенью нового современного оружия, в виде нарратива постправды. Это явление проявило себя уже настолько значимым, что его изучение стало важной исследовательской областью политической лингвистики: «можно обоснованно констатировать факт возникновения нового направления в области политической лингвистики в форме лингвистики постправды. В ее рамках исследуются разные виды реализации постправды: информационные искажения, откровенная ложь, слухи, домыслы, сплетни, разные формы непроверенной информации, неавторизованные (анонимные) сообщения [8. С. 308].

Среди культуроспецифичных концептов одним из наиболее политически значимых является понятие счастья. Коллективное счастье является главной итоговой целью любой государственной политики. Для его достижения власть должна представлять сама и уметь убедительно предлагать народу образ счастливого будущего, на вере в которое, по большому счету, и будет держаться как поддержка власти, так и согласие людей на почти неизбежные издержки любой проводимой политики. Изучение восприятия счастья осложнено тем, что счастье представляет собой одну из самых сложноопределимых культурных категорий. Понятие счастья прочно закрепилось в числе традиционно глубоких и традиционно противоречивых философских вопросов. История осмысления человеческого счастья восходит как минимум к Аристотелю. На дальнейшем пути развития философской мысли ту или иную интерпретацию понятия счастья можно обнаружить почти у каждого теоретика, вошедшего в учебники философии.

Тем удивительнее выглядит то обстоятельство, что науки об обществе, в частности политология и социология к теме счастья обращаются весьма сдержанно. Как отмечает популярный современный историк Юваль Ной Харари, специально историей счастья ни в исторической науке, ни в политологии никто не занимался. По его

словам, «большинство современных идеологий и политических программ опираются на довольно зыбкие представления об источниках человеческого счастья» [7. С. 511]. Счастье не только трудноопределимо, но и трудноизмеримо. Общепринятое понимание счастья — отмечает Харрари — «субъективное благосостояние». Но если это внутреннее ощущение, как же его измерить извне? Можно попробовать опрашивать людей об их субъективном самочувствии. Типичная анкета, оценивающая субъективное благополучие, предлагает участнику оценить по шкале от 0 до 10, насколько к нему применимы суждения: «Я доволен собой таким, каков я есть», «Я считаю свою жизнь очень удачной», «Жизнь хороша». Затем исследователь складывает баллы и вычисляет уровень удовлетворенности респондента [7. С. 516—517]. Интересно, кстати, отметить, что философия с простым пониманием счастья как субъективного самочувствия обычно не согласна (за исключением разве что гедонистических концепций, почти полностью оставшихся уже в истории). Так, с точки зрения известного философа и психолога Э. Фромма, «счастье и радость, будучи в определенном смысле субъективными переживаниями, являются результатом взаимодействия с объективными условиями и зависят от них, и их нельзя смешивать с простым субъективным переживанием удовольствия» [6. С. 199]. Счастье в его понимании — это «показатель того, что человек нашел ответ на проблему человеческого существования, а, значит, и единства с миром, и цельности своего Я» [6. С. 218].

Но, конечно, поднять до таких философских высот социологическое измерение усредненного коллективного счастья едва ли реально. Дать ответ, насколько человек сумел достичь счастья в этом высшем понимании, каждый человек, в общем-то, может лишь в сокровенном диалоге со своей душой.

Лингвистика может предложить в качестве инструмента измерения как коллективного, так и индивидуального восприятия счастья наблюдение за языком. По сравнению с социологическим анкетированием языковое наблюдение может быть даже более эффективным за счет того, что участник эксперимента может внести намеренные искажения в свои ответы, тогда как естественная речь не скована постановкой экспериментальных задач.

Проблема изучения культуроспецифичных концептов, однако, заключается в том, что анализ их языкового представления неизбежно будет нуждаться в поправках, привносимых особенностями

лексической семантики. В случае понятия счастья смысловое содержание, стоящее за русским словом счастье и английским happiness будет очевидно нетождественным. Как известно, А. Вежицкая характеризует слово «happy» как слово в очень существенной степени повседневное. Согласно ее наблюдениям, «польское прилагательное, соответствующее «happy» (я полагаю — добавляет А. Вежицкая — что это справедливо и для других славянских языков), имеет более узкое значение. Обычно оно употребляется для обозначения редких состояний полного блаженства или совершенного удовлетворения, получаемого от таких серьезных вещей, как любовь, семья, смысл жизни и т. п. Поэтому оно не используется столь широко, как «happy» в разговорной речи американцев. Если вопрос «*Is everybody happy?*» можно услышать на любой вечеринке, то польскую фразу, являющуюся его буквальным переводом, можно встретить разве что в метафизическом трактате или в политической утопии» [1. С. 340].

Можно согласиться с А. Вежицкой, что сказанное действительно справедливо для других славянских языков, во всяком случае русское слово «счастье» определенно сходно в этом отношении с семантикой польского аналога. В определении А. А. Зализняка, счастье — это не просто очень большая радость. Счастье представляет собой самостоятельный и очень важный для русской языковой картины мира концепт. В современном русском языке, отмечает исследователь, слово счастье имеет два основных класса употреблений:

1. [Диахронически первичное, уходящее]: ‘удачное стечение обстоятельств, везение’. Здесь слово счастье эквивалентно глаголу везет/повезло, который постепенно его вытесняет.
2. [Основное, «высокое», лингвоспецифичное]: ‘высшее удовлетворение, земное блаженство’ [2].

Следует отметить, что классические толковые словари русского языка помещают «высокое» измерение счастья именно на первое место:

— словарь Ожегова:

«Счастье, -я, ср. 1. **Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения.**

2. Успех, удача.»¹

— словарь Ушакова:

«Счастье, -я, ср. 1. **Состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от**

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. 1376 с.

удовлетворения жизнью. То же, как воплощение чувства любви. 2. Успех, удача (преим. случайная). 3. Участь, доля, судьба (*прост., обл.*)¹.

Английские дефиниции счастья, по сравнению с русскими, куда более прагматичны и обиходны:

The Oxford dictionary and Thesaurus:

“**Feeling or showing pleasure or contentment**”.

“1.1 Happy about — having a sense of trust and confidence in (a person, arrangement, or situation),

1.2 happy with — satisfied with the quality or standard of”².

Macmillan. English Dictionary:

“**Feeling pleased and satisfied that something is good**, and therefore not worried about it”³.

Нам представляется интересным проследить, каким образом семантическая специфика английского слова «happy» проявляет себя в современном политическом дискурсе. Мы попытаемся определить, что может показать это слово за пределами ситуативно-обиходного употребления. Ведь так или иначе политик, обращаясь к теме счастья, все равно будет вынужден апеллировать к этому слову, а значит будет связывать его с каким-то значимым для своей политической позиции содержанием. К поиску этого содержания мы и обратимся.

Материалы и методы исследования

В качестве источника нашего анализа была выбрана серия предвыборных выступлений Д. Трампа во время избирательной кампании 2020 года. В подборку вошли 36 его выступлений перед избирателями. Дискурс Трампа как иллюстрация семантики английского слова *happy* был выбран поскольку Трамп известен как политик, любящий публичность, яркую риторику, экспрессивный эффект. Он делает ставку на имидж открытого энергичного лидера, который предпочитает неопределенной дипломатичности простую и жесткую правду. От выступлений такого политика логично ожидать развитой концептуально и риторически реализации эмоционально окрашенных концептов. Отметим, что в анализе будут приведены примеры не с существительным *happiness*, а с прилагательным

happy, по той причине, что в форме существительного ни одного случая употребления концепта зафиксировано не было.

Результаты исследования и их обсуждение

Безусловно, в выступлениях Д. Трампа вполне ожидаемо встречается много примеров использования *happy* в стандартном для английской речи обиходном обозначении эмоционального одобрения, выражения удовлетворения или радости:

— *That's great. I'm good. I'm **happy with** that.*

— *Are you **happy with** your choice?*

— *Am I supposed to be **happy with** three up over this guy?*

— *You're **happy with** Amy?*

Такая семантика *happy*, фактически совпадающая со значением слова *glad*, отчетливо видна в оппозиции к прилагательному *sad*:

— *I didn't know, was I supposed to be **happy** or was I supposed to be **sad**?* (D. Trump, rally speech; 26.10.20)

Использование конструкции *to be happy* часто является зеркально тождественным значению *to like*, *to be content with*:

— *Are you happy in the suburbs that I ended the regulation that was going to destroy the suburbs, that has destroyed the suburbs?* (D. Trump, rally speech; 2.11.20).

В то же время можно заметить, что нейтрализованная стандартным ситуативным употреблением семантика *happy* все же достаточно подвижна. Значение *happy* часто усиливается как сочетанием с наречиями, так и контекстуальным взаимодействием с прилагательными экспрессивной оценки:

— *They hugged and they kissed in the Oval Office and they were **so happy*** (D. Trump, rally speech; 25.10.20).

— *The only one I really cared about was me. So I was **very happy**.*

— *I'll tell you what, when you hear that, I had a nice life. I had the **greatest** life. But you know what? I'm **so happy**. This was the **greatest** decision I ever made* (D. Trump, rally speech; 1.11.20).

Конечно, использование наречий *so* и *very* само по себе вполне шаблонно для разговорного стиля и формально ничем не отличается от таких же усиленных сочетаний «*so glad*» или «*very pleased*». Однако семантическое отличие все же создается тем, что в синонимической парах «*happy — glad*» и «*happy — pleased*» *happy* выражает более высокую степень силы эмоции. При всей стерто-сти значения за счет стандартной повседневной

¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: 100 000 слов. М.: Аделант, 2013. 800 с.

² Tulloch S. Oxford Dictionary and Thesaurus. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1997. 1754 p.

³ Rundell M. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2nd ed. London: Macmillan Publishers Ltd, 2007. 1748 p.

гиперболизации, *happy* все равно стоит выше *glad* по шкале экспрессивности.

Во многих примерах использование *glad* вместо *happy* было бы заметно слабее не столько с точки зрения лексической стилистики, сколько с точки зрения политической прагматики:

— *I came in and immediately canceled it. I canceled it. I was so happy to cancel the TPP* (D. Trump, rally speech; 2.11.20).

Трампу за счет использования слова *happy* нужно было подчеркнуть, что он был не просто рад выйти из договора о Трансатлантическом партнерстве, но что это политическое событие воспринял как долгожданное и важное, и что он явно очень гордится своим решением.

— *But we drove in front of those people, and we waved, and the people were so happy... They were so happy* (D. Trump, rally speech; 29.10.20).

Аналогично, в этом примере *glad* всего лишь обозначило бы довольно банальную констатацию факта, что избиратели Трампа рады встрече с ним. Прилагательное *happy* заметно выгоднее передает смысл того, что Трамп заметил горячую поддержку, энтузиазм и восторженное настроение, которые очень старались продемонстрировать его преданные электоральные поклонники.

Трамп экспрессивен и как личность, и как политик. Для его стиля характерны акценты, усиления, градации, повторы. Слово *happy* за счет повторения получает стилистическое усиление своей семантики и одновременно становится своего рода маркером искренности говорящего, создавая впечатление неподдельной эмоциональной увлеченности. Оно вызывает ощущение экспромта, даже если им не является, а экспромт воспринимается аудиторией как подтверждение подлинности эмоций говорящего:

— *And I just noticed there happened to be a poll out, that came out last night, that has a very, very substantial margin. We're very happy with it. We're very happy with it, and we're very happy with Iowa, thank you very much Iowa* (D. Trump, rally speech; 1.11.20).

Надо отметить, что слово *happy* в отрицательных конструкциях, как правило, экспрессивно сильнее, чем в положительных констатациях. В этих случаях смысловым усилителем выступает сам логический контраст негативного контекста с положительной семантикой *happy*:

— *And big pharma does not like me too much. They are not so happy with me* (D. Trump, rally speech; 2.11.20).

— *They want you to live on socialized medicine. I don't think you'll be too happy* (D. Trump, rally speech; 31.10.20).

Трамп прекрасно чувствует, что его слова получают более сильный эмоциональный отклик, если он скажет, что его недоброжелатели «не очень-то счастливы» иметь с ним дело, нежели просто констатировать, что они его не любят. Использование *happy* в отрицательных структурах легко и органично становится стилистическим приемом преуменьшения, не вызывая отторжения аудитории даже в тех случаях, когда стилистически обыгрывает довольно острые политические контексты, как, например, справедливую (по мнению Д. Трампа) отрицательную реакцию американцев на наплыв иммигрантов.

— *Tens of billions of people flood into our country. You're not going to be too happy in North Carolina* (D. Trump, rally speech; 24.10.20).

Преуменьшение через отрицательные конструкции со словом *happy* Трамп активно использует и для выражения критики и неодобрения по отношению к конкурентам:

— *I ended the NAFTA nightmare and replaced it with a brand new USMCA. Just kicked in. It just kicked in. You know how I know it's good? Because Mexico and Canada aren't so happy* (D. Trump, rally speech; 30.10.20)

— *It was so good for Canada and so good for Mexico. And they have a lot of power, but we ended it. And they're not that happy, but they're happy enough* (D. Trump, rally speech; 2.11.20).

— *And USMCA just kicked in and it's incredible for our country, less for their countries, but that's okay. They're happy sort of. Not too happy* (D. Trump, rally speech; 26.10.20).

Эти примеры иллюстрируют отношение Трампа к договору о Североамериканской зоне свободной торговли, оказавшегося более выгодным Канаде и Мексике, чем самим США из-за большого оттока американского капитала и производств в эти страны. Трамп занял жесткую позицию по выходу из этого договора и замене его на менее выгодное Канаде и Мексике соглашение USMCA. Во всех трех примерах *not happy* соответствует русскому «не очень-то рады», «не слишком довольны», но в английском использование *happy* делает высказывания более экспрессивными в силу уже упомянутого наличия семантически неравновесной синонимической пары «*happy* — *glad*».

Стилистически усиленное *happy* Трамп вполне эффективно применяет и для обозначения

саркастической критики по отношению к политическим противникам:

— *So they said, "Oh, it looks like it's going to be a rough time for Trump". And they were **happy as hell*** (D. Trump, rally speech; 31.10.20).

Утверждение, что противники Трампа были чертовски рады (= счастливы) трудным для него временам звучит выразительно и ярко за счет гиперболического определения, создающего юмористический эффект. Трампу как опытному бизнесмену и политику прекрасно известно, что юмористическая характеристика противника часто действует сильнее агрессивной риторики. Шутить про противника может тот, кто сохраняет самообладание, поскольку вместо страха чувствует над врагом превосходство.

В критической риторике Трампа *happy* успешно проявляет свою выразительную силу и с отрицательной приставкой:

— *He does very short speeches, very short, they're the shortest speeches I've ever seen, actually. He just wants to go home to the basement. He is the **most unhappy warrior** I've ever seen. (about Biden)* (D. Trump, rally speech; 1.11.20).

Негативные характеристики для своего соперника на выборах Дж. Байдена Трамп оформляет в типичной для себя стилистике кратких повторов и градаций (*very short speeches, very short, they're the shortest speeches*). Завершающая серию острых выпадов фраза «*He is the **most unhappy warrior***» звучит как сильный итоговый вердикт, в снисходительном стиле определяющий Дж. Байдена как неудачника в роли политического бойца.

Тем не менее практически все приведенные выше примеры демонстрируют хоть и стилистически усиленное, но ординарное и обиходное значение *happy*. Эта стилистика позволяет Трампу придать политическим оценкам соответствующие его имиджу яркость и экспрессию. Но с концептуальной точки зрения еще больший интерес представляют те высказывания, в которых семантика *happy* получает раскрытие в контекстуальной привязке, показывающей, в каких условиях *happy* проявляет себя как долговременная характеристика человека и групп людей. Очевидно, что в этом случае семантика *happy* будет неизбежно выходить за узкие границы значения удовлетворения и радости в состоянии «здесь и сейчас». Так или иначе слово *happy* должно в каких-то контекстах обозначать и внутреннее ощущение, аналогичное русскому *счастье* или (согласно А. Вежбицкой) сходными с ним немецким *glücklich* и французским *heureux*.

Happy просто вынуждено проявлять себя не только ситуативно и обиходно, потому что в английском нет никакого другого слова для обозначения чувства высшей удовлетворенности жизнью в целом, чувства полноты своего существования и гармонии своего внутреннего мира с внешней реальностью. Если, исходя из узких словарных дефиниций, предположить, что в английской языковой картине мира семантика *happy* исключительно повседневна и прагматична, тогда пришлось бы сделать фундаментальный вывод, что носителям английского языка перечисленные высшие уровни душевных переживаний либо недоступны вовсе, либо настолько малоинтересны, что они не дали себе труда обозначить свои чувства в простой однословной форме.

Разумеется, от дискурса политических выступлений нельзя требовать концептуальной глубины философских обобщений, однако мотивировка характеристик, необходимых человеку и обществу для долговременно переживания чувства *happy* должна присутствовать и в политике. Политик, не обозначающий для своей аудитории хотя бы какой-то образ счастливого будущего и не дающий понять, что он относит к счастливым и несчастливым параметрам настоящего, рискует много потерять в убедительности и политических симпатиях.

Конечно, в высказываниях Трампа *happy* как долговременная характеристика встречается нечасто. Одной из причин этой особенности должно быть отмеченное ранее опасение политиков по поводу массового тиражирования в СМИ неосторожно высказанных обещаний. Обещание счастья определенно является одним из наиболее рискованных заявлений, почти гарантирующих его невыполнение в случае сколько-нибудь завышенных формулировок. По-видимому, во многом именно по этой причине характеристики, ассоциируемые со счастьем или его отсутствием, в политических выступлениях Трампа достаточно просты и призваны найти понимание у максимально широкой аудитории.

Так, политически выгодным является простое и очевидное сравнение США и Канады с Мексикой, являющихся торговыми партнерами США, которые при этом, по мнению Трампа, получали несправедливо большую выгоду от этого партнерства:

— *Mexico, Canada. And by the way, just kicked in. The difference is unbelievable. You know how I know it's good? Because those two countries **aren't quite as happy as we are*** (D. Trump, rally speech; 24.10.20).

В этом примере речь уже идет не просто о том, что Америка должна быть довольна пересмотром торговых соглашений. Тезис Трампа сформулирован категоричнее: «хорошо, когда наши конкуренты менее счастливы, чем мы». Логично предположить, что такое положение дел должно восприниматься как долгосрочное, поскольку США должны и впредь неизменно получать больше выгоды по сравнению с партнерами.

Типичным для выступлений Трампа и очевидным для избирателей является ассоциирование долговременного состояния *happy* с высоким уровнем благосостояния, финансирования, развитости экономики:

— *But we took 28 billion dollars and we gave it to the farmers. And that's why you're all here, and that's why you're all happy... We got 28 billion dollars for our farmers, and I'm very happy about it, and so are they* (D. Trump, rally speech; 1.11.20)

— *...a billion dollars that we divided among all of these great farmers. And we have a lot of happy people out there, and we're in that position where we made a great deal, but the bad part is what happened after the deal was made.*

— *We invested \$2.5 trillion in the U.S. military, and maybe almost as important, defense spending in North Carolina, as you know very well. You're all sitting there, very happy, very rich. ... Lot of stuff built right here, made in the U.S.A., all of it, made in the U.S.A. A lot made in North Carolina* (D. Trump, rally speech; 3.11.20).

Для Трампа в общем-то универсальная политическая идея коллективного материального счастья имеет особое значение. Его политическая стратегия — приоритет развития страны с опорой на внутренние факторы, главенство национальных экономических интересов, ориентация усилий на протекционизм и подъем национального капитала. Трампу поэтому важно подчеркнуть, что производство внутри страны (*Lot of stuff built right here, made in the U.S.A.*), что приоритетное финансирование собственного сельского хозяйства в противовес закупкам более дешевого продовольствия за границей (*we took 28 billion dollars and we gave it to the farmers*), что инвестиции в развивающую технологичную экономику оборонную промышленность (*We invested \$2.5 trillion in the U.S. military*) — все это ключ к общему национальному счастью. Характерно и политически правильно то, что Трамп стремится увязать достигаемое таким образом счастье для всех с собственным счастливым состоянием — *and (I'm very happy about it, and so are they)*.

Конечно, особое, повышенное состояние *happy* кандидат на президентский пост не может не приписать и тем, кто сумел понять, что голосовать нужно именно за Трампа:

— *He won two national championships, but you know I didn't really know, but he said, no, he had it. ...And he said, "The thing that makes me happiest, because I want to vote on November 3rd for President Trump"* (D. Trump, rally speech; 23.10.20).

В таких примерах проявляется совершенно логичный политический прагматизм — плох тот политик, если он не дает понять, что его избрание уже само по себе будет благом. И напротив, отказ проголосовать (за Трампа, конечно) сделает достижение счастья невозможным:

— *If you don't vote, you're going to be very unhappy because your country will never be the same* (D. Trump, rally speech; 24.10.20).

Отрицательные обоснования счастья вообще представляют собой довольно оригинальный политический ход. Описывая параметры несчастливого состояния (как правило, конкурентов и противников) политик косвенно обозначает то, что он считает счастьем, благодаря импликации противоположности описываемому:

— *Yeah, Iran is unhappy. Hezbollah is unhappy. Hamas is unhappy, but. They should be because peace is a group thing. It's a very good thing. ...They're also poor. Iran is poor. Hamas is poor. They're all poor.* (D. Trump, rally speech; 4.11.20).

Иран, Хезболла, Хамас несчастливы, и несчастливы они прежде всего потому, что противники США счастливы быть не могут. Подразумевается, что счастливы, причем очень (*most everybody else is very happy*), те, кто за мир. За мир в понимании Трампа, потому что Хезболла и Хамас тоже позиционируют себя как борцы за мир, а Иран и вовсе за последние 30 лет ни с кем не воевал (в отличие от США).

Наконец, важны для политика и формулировки того, что он считает счастьем лично для себя. Но даже собственное счастье политика в идеале должно быть таким, чтобы оно отражало благо для его страны. Трамп, говоря о своем первом президентском сроке, уверенно проводит такую параллель. Он счастлив тем, что он сделал для своей страны — помощь собственной экономике, обороне, сокращение налогов и т. д.:

— *But you know I'm happy, you know why? No administration, no president has done anything near what we've done in the first three and a half years. How about it? We're helping our country. We're rebuilding our military. It's rebuilt. Two and a half*

trillion dollars. We've cut your taxes (D. Trump, rally speech; 1.11.20).

В противопоставлении себя президенту Б. Обаме Трамп стремится показать, что счастье — это когда президент любит работать больше, чем отдыхать и когда он находит удовольствие в политической борьбе:

— *We have a president who doesn't fight. He goes out and plays golf all the time. If you love what you do, you don't take vacations. You're happy. I love working. I'm not a vacation guy, like Obama* [14].

Заключение

Примечательно то, что в задачи нашего краткого анализа входило сравнение реализации семантики *happy* в успешных избирательных кампаниях двух президентов — Трампа и Байдена. Но удивительным образом обнаружилось, что семантику *happy* в выступлениях Байдена анализировать не представляется возможным — за почти полным отсутствием использования слова *happy*. В двух десятках предвыборных речей Байден применил слово *happy* дважды, оба раза в этикетных клише. Байден ни разу не сказал, что он рад или счастлив, с помощью слова *happy* в победной речи после состоявшихся выборов. Ни разу во время инаугура-

ции. Ни разу в помпезно озаглавленных обращениях к избирателям вроде «Битва за душу нации», по своему жанру предполагающих экспрессию и возвышенную риторику.

Мы полагаем, что дело не только в том, что Байден как личность довольно чужд экспрессии и возвышенной риторики. По-видимому, для того, чтобы прагматически правильно говорить о счастье в политике, нужна еще и особого рода смелость. Смелость политическая, проявляющаяся в смелости коммуникации. Судя по всему, одного лишь политического опыта для этого мало. Контраст между дискурсом Трампа и Байдена — это контраст стратегий и политических перспектив. Трамп не боится эмоциональной открытости и сильных оценок, для которых семантика слова *happy* оказывается очень эффективна и убедительна. Его образ счастья получает вполне определенные концептуальные контуры, в которых Трамп чувствует себя уверенно сам и транслирует эту уверенность аудитории. В то же время осторожность и уравновешенность Байдена оказываются несовместимы с потенциалом семантики *happy* до такой степени, что даже обиходно-ситуативные употребления этого слова обходятся стороной.

Список источников

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. Зализняк А. А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 85—105.
3. Салимова Р. М. Постбрексит-парадокс // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). С. 131—137.
4. Фромм Э. Человек для себя. М.: Коллегиум, 1992. 321 с.
5. Харари Ю. SAPIENS. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2021. 520 с.
6. Чанышева З. З. Лингвистика постправды как новое направление в политической лингвистике // Теория и практика языковой коммуникации: материалы X Междунар. науч.-метод. конф. Уфа: Уфим. гос. авиац. тех. ун-т, 2018. С. 307—313.
7. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
8. URL: <https://www.rev.com/blog/transcript-category/donald-trump-transcripts> (дата обращения: 08.09.2022).
9. URL: <https://www.rev.com/blog/transcript-tag/joe-biden-transcripts> (дата обращения: 09.09.2022).
10. URL: <https://www.msnbc.com/transcripts/hardball/2017-08-04-msna1010716> (дата обращения: 06.09.2022).

References

1. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition. Moscow; 1996. 416 p. (In Russ.).
2. Zaliznyak AA. Happiness and pleasure in the Russian language picture of the world. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* = *Happiness and delight in Russian language worldview*. 2003;(1(5)):85-105. (In Russ.).
3. Salimova RM. Postbexit paradox. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(7(441)):131-137 (In Russ.).

4. Fromm E. Chelovek dlya sebya = Man for himself. Moscow; 1992. 321 p. (In Russ.).
5. Harari Yu. SAPIENS. Kratkaya istoriya chelovechestva = Short history of mankind. Moscow; 2021. 520 p. (In Russ.).
6. Chanysheva ZZ. Linguistics of posttruth as new branch of political linguistics. In: Theory and practice of language communication = Theory and practice of translation. Ufa: Ufa State Aviation Technical University; 2018. Pp. 307—313. (In Russ.).
7. Chudinov AP. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii = Metaphoric mosaic of Russian political communication. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2003. 248 p. (In Russ.).
8. Available from: <https://www.rev.com/blog/transcript-category/donald-trump-transcripts> (accessed: 08.09.2022)
9. Available from: <https://www.rev.com/blog/transcript-tag/joe-biden-transcripts> (accessed: 9.09.2022)
10. Available from: <https://www.msnbc.com/transcripts/hardball/2017-08-04-msna1010716> (accessed: 06.09.2022)

Информация об авторах

А. М. Погорелко — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации.

Т. Н. Герасина — старший преподаватель кафедры инновационных технологий языковой коммуникации.

Information about the authors

Alexandr M. Pogorelko — associate professor of the Chair of English Language and Intercultural Communication, Faculty of Romance and Germanic philology.

Tatyana N. Gerasina — senior lecturer at the Chair of Language Communication Innovation Technologies.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Both authors have made equally contribution to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-26

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10926

ВИРТУАЛЬНАЯ ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА: ТЕНДЕНЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ОБУЧЕНИЯ

Алексей Васильевич Снигирев¹, Юлия Борисовна Феденева²

^{1,2} Уральский государственный юридический университет г. Екатеринбург, Россия

¹ alex_sengir@rambler.ru, ORCID 0000-0003-1888-1347

² uralkedr96@mail.ru

Аннотация. Начавшаяся в 2019 году пандемия, вызванная распространением коронавируса SARS-CoV-2, стала мощным толчком для развития виртуальной деловой переписки. Необходимость более плотного общения именно в электронной среде не могла не привести к значительным изменениям как в форме, так и в содержании деловых писем, и основными тенденциями стали иногда конфликтующие и взаимоисключающие друг друга: с одной стороны, прагматические факторы, вызывающие необходимость ведения подобной переписки, с другой — снижение популярности электронной почты как канала общения в пользу использования мессенджеров и подобных им программ (или требование обязательного этикетного оформления делового письма — и использование средств естественной письменной речи с включением разговорных элементов и др.). Соответственно, изменились требования к преподаванию тем, связанных с деловой перепиской: необходимо постоянно актуализировать список типичных ошибок, возникающих в такого рода письмах, а также особое внимание уделять этико-психологическому аспекту, который наименее контролируем в данной ситуации общения.

Ключевые слова: деловая коммуникация, деловая переписка, электронное деловое письмо, тенденции в развитии электронной переписки, электронная безопасность, стиль деловой переписки, обучение деловой переписке

Для цитирования: Снигирев А. В., Феденева Ю. Б. Виртуальная деловая переписка: тенденции и возможности обучения // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 206—212. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10926.

Original article

VIRTUAL BUSINESS MAIL: TRENDS AND LEARNING OPPORTUNITIES

Alexey V. Snigirev¹, Yulia B. Fedeneva²

^{1,2} Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

¹ ORCID 0000-0003-1888-1347

² uralkedr96@mail.ru

Abstract. The pandemic caused by the spread of the SARS-CoV-2 coronavirus that began in 2019 has become a powerful impetus for the development of virtual business correspondence. The need for closer communication in the electronic environment could not but lead to powerful changes both in the form and content of business letters, and the main trends were sometimes conflicting and mutually exclusive need for correspondence and a decrease in the popularity of e-mail in the direction of using instant messengers and messenger-like programs, etiquette and the use of natural writing and much more. The requirements for teaching topics related to business correspondence have also changed, it is necessary not only to change the list of typical errors that occur in such letters every year, but also to take into account the ethical and psychological aspect, which is the least controllable in this communication situation.

Keywords: business communication, business correspondence, business e-mail, development trends, electronic security, style of business correspondence, training in business correspondence

© Снигирев А. В., Феденева Ю. Б., 2022

For citation: Snigirev AV, Fedeneva YuB. Virtual business mail: trends and learning opportunities. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):206-212. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10926.

Введение

Деловая переписка — это одна из древнейших дошедших до нас разновидностей эпистолярного жанра. Известны, например, письма периода VI династии Древнего Египта (около 2347 года до н. э.). На территории современной России уже вскоре после возникновения государственности деловая переписка обрела популярность и получила свои характерные черты, наиболее ярко проявившиеся в берестяных грамотах (XI—XVI вв).

Сейчас деловая переписка — одно из самых важных средств информационного регулирования деятельности каждой организации, при этом большая часть ее происходит не в реальном, а в виртуальном мире. Деловое письмо приобрело электронный формат и понимается сейчас как «особый вид электронно-опосредованной коммуникации, позволяющий осуществлять диалоговое общение в режиме реального времени» [5. С. 512].

Активные процессы информатизации в сфере коммуникации и её переход в виртуальную реальность привели к тому, что почти у всех членов современного социума теперь есть e-mail, электронная подпись и зачастую цифровая личность, которая ведет активную internet social life. Снижение времени, трудо- и ресурсозатрат, высокая степень сохранности и каталогизации — все эти свойства электронной деловой переписки безоговорочно обусловили её приоритет по сравнению с обычной, бумажной, как в свое время пергамент вытеснил глиняные таблички, а те еще раньше — камни. Все эти факторы являются важнейшей предпосылкой для формирования культуры деловой переписки в электронной форме.

Материалы и методы исследования

Начавшаяся в 2019 году пандемия, вызванная распространением коронавируса SARS-CoV-2 и последовавшие в 2020 году изоляционные меры, в том числе переход обучения в школе и вузах в дистанционную форму, привели к изменению модели общения между тем, кто учит, и тем, кто обучается: сам процесс передачи знаний, их контроль и оценка достигнутых учащимся результатов, комментарии ответов и консультации перешли в сферу виртуальную. Стремительное освоение системой высшего и среднего образования электронных образовательных систем (ЭОС), наличие личного кабинета, а также корпоративной почты у каждого обучающегося и преподавателя,

активный обмен личными сообщениями на учебные и организационные темы привели к тому, что каждый преподаватель на данный момент имеет обширную текстовую базу деловой переписки со студентами. Именно эта переписка, а также материалы интернет-дискурса и данные, полученные в процессе преподавания курса «Профессиональная речь юриста» в магистратуре, стали основным материалом представленного анализа.

Методы исследования

Общенаучные методы: дедукция, индукция, анализ, синтез, сопоставление.

Эвристические методы: регистрационный.

Метод динамического описания.

Результаты исследования

1. Тенденции в использовании виртуальной переписки

Как отмечалось, электронное письмо почти вытеснило обычное, но данный процесс не так однозначен и однолинеен, как может показаться. Современные тенденции в использовании электронной деловой переписки сложны и разнообразны, но вполне укладываются в логику развития современной коммуникации.

Анализ динамики развития электронной переписки показывает, что основными на сегодняшний день являются несколько связанных друг с другом тенденций.

1. С развитием цифровых технологий деловые взаимоотношения переходят в более удобные форматы: теперь решать те или иные вопросы гораздо проще и быстрее или на видеоконференциях, или посредством мессенджеров либо социальных сетей, которые предоставляют возможность и для первого, и для второго вида связей. Поэтому деловая переписка, осуществляемая в электронном формате, конкурирует с коммуникацией в соцсетях. Так, по данным маркетинговых исследований, в России социальные сети используются как основной источник информации в 42 % [2].
2. Соответственно, второй тенденцией становится изменение целевой аудитории делового письма как такового, прежде всего в социальном плане. В современном мире цифровое письмо если не становится анахронизмом, то по крайней мере становится уделом менее

- продвинутых пользователей интернета. Ярким подтверждением данной «анахроничности» электронного делового письма является использование вложений в виде текстовых файлов, например, информационного письма о грядущей конференции. В современном мире ценится скорость и простота операций, а также уверенность пользователя электронного устройства в своей безопасности. Поэтому пользователь скорее всего задумается о необходимости открыть письмо, зачастую отправленное от незнакомого адресата, видя, что к нему прикреплен файл неизвестного (соответственно, возможно, вредоносного) содержания, будет сомневаться, скачивать ли этот файл, открывать ли его. Гораздо проще прочитать сообщение в мессенджере или услышать информацию на видеоконференции.
3. Следующей тенденцией становится дальнейшая трансформация классической антиномии «говорящий — слушающий», которая перешла в категорию «пишущий — читающий» и в электронной деловой переписке стала носить особый характер. Основной массив писем, приходящих на электронную почту, сегодня связан с рекламной или мошеннической деятельностью. Адрес электронной почты, наряду с номером телефона или профилем в социальной сети, не является тайной, зачастую люди сами делают его общедоступным, оформляя клубную карту или подписку на рассылку с целью получить скидку, из чего активно извлекают пользу недобросовестные личности. Отправитель делового письма (особенно, если это содержание письма носит рекламный или мошеннический характер) максимально заинтересован в том, чтобы адресат открыл данное письмо, в то время как последний, исходя из принципа безопасности, пытается определить содержание письма до его открытия и только потом принимать решение о том, стоит ли открывать письмо или удалить его как спам. В процессе деловой переписки, прежде всего на ее первоначальной стадии, говорящий/пишущий и слушающий/читающий меняются традиционными ролями: теперь первый пытается передать как можно больше информации, не экономя на усилиях, а второй как раз — получить как можно меньше информации.
 4. Рост комплементарности и интерактивности современного электронного письма — ещё одна тенденция, связанная с развитием интернет-технологий и популярностью широкополосного интернета. Теперь письмо включает в себя широкое поле дополнительной информации, в том числе аватарку адресанта, список других адресатов данного письма (при наличии), все содержание предыдущих писем, если переписка пролонгирована, непосредственно в тексте письма могут размещаться мультимедиа (фото и видео), гиперссылки на интернет-страницы, смайлы и эмодзи. Электронное письмо может оставаться только письмом, но при желании как адресант, так и адресат могут значительно расширить объем получаемой информации при помощи нескольких кликов мышкой.
 5. Все более и более активной тенденцией становится расширение информационного поля деловой переписки, возникшее благодаря техническим возможностям, а также стремлению почтовых серверов имитировать популярные мессенджеры. Появившаяся кнопка «быстрый ответ», включение всех предыдущих писем создает имитацию непрерывной коммуникации, что приводит к отходу от этикетного поведения (переписка рассматривается как один диалог, продленный во времени, и поэтому приветствия и прощания становятся неуместными), а также к изменению стиля деловой переписки — она больше сближается с разговорным стилем, зачастую с переходом на естественную письменную речь, которая понимается как «эталон непринужденной речи в ее письменной реализации, осуществляемой посредством графических знаков» [3. С. 227].
 6. Для культурной среды функционирования электронной деловой переписки характерны разнонаправленные тенденции в развитии. Тенденция к имитации непрерывной коммуникации приводит к значительному снижению речевой культуры текстов писем, что во многом связано с влиянием все более популярных мессенджеров, которые более интерактивны и функциональны в современном мире. Однако можно отметить и противоположную особенность — расширение арсенала речевых средств и ориентацию на более элитарную речевую культуру. Это происходит под влиянием набирающей популярность корпоративной культуры. В современном деловом общении все реже используется отправление деловых писем с личной почты

(типа loha1976@mail.ru), предпочтение отдается корпоративной (a.v.snigirev@usla.ru), само письмо оформляется с имитацией официального бланка, с логотипом, сведениями о фирме или организации, контактными телефонами и т. д. Соответственно, в текстах активно используются речевые штампы и клише, характерные для официально-делового стиля. В русле этой тенденции появляются наработки в области создания нейросетей для ведения деловой переписки с использованием специальных программ, подобным тем, которые используются при спам-звонках.

2. Обучение студентов и магистрантов электронной деловой переписке

В связи с активными, зачастую противоречивыми тенденциями возникает ряд проблем, связанных с обучением электронной деловой переписке на разных этапах обучения в вузе, начиная с бакалавриата и заканчивая магистратурой. Рассмотрим особенности такой работы на примере будущих юристов.

Умение создавать (интерпретировать, использовать) деловую документацию — одно из важнейших умений юриста, основа его профессиональной компетенции. Известно, что у юристов коммуникация, в том числе и письменная, составляет до 45 % рабочего времени. При этом главными помехами в работе («хронофагами») специалисты называют социальные сети, мессенджеры, неэффективные встречи и телефонные звонки без четкой цели [6]. Следовательно, обучение эффективной деловой переписке, в том числе в электронной форме, важнейшая задача юридического вуза.

Процесс опосредованного общения с преподавателем (через почту или учебный портал) стал своеобразной моделью деловой переписки, которая показала, что подавляющее большинство студентов-первокурсников имеет невысокий уровень владения навыками делового письма (что, впрочем, вполне объяснимо). Проявляется это прежде всего в типичных ошибках, среди которых можно назвать следующие:

1. В более чем половине случаев письмо представляет собой только вложенный файл без прочих структурно-композиционных и содержательных частей. Не обозначается тема письма, отсутствует этикетная рамка послания, не формулируется просьба, связанная с присланным документом.
2. В письме присутствуют этикетные ошибки, связанные со слабым представлени-

ем о социально-ролевых характеристиках коммуникантов. Например, студент-адресант может не задумываться о том, насколько информативно или даже читабельно его виртуальное имя, ср. примеры: *Imillillillillillillill, М.Ф.М., ВЛД.КАЗ*. Зачастую используются инфантильные псевдонимы или ник-неймы с претензией на оригинальность (часто в английской графике): *Аленушка, Солнце, faciet1945, Capitan Game*. Социальную дистанцию между студентом и преподавателем не ощущает автор, обозначивший тему письма дружеским «ку-ку». В переписке через WhatsApp ответные реплики студентов (обычно студенток) часто украшаются эмодзи или гиф-анимацией.

3. Ещё один распространенный недостаток в электронных письмах студентов — полное пренебрежение полем «Тема», в котором отражается основная идея послания.
4. В текстах писем присутствует большое количество речевых, орфографических, пунктуационных ошибок и описок, что свидетельствует о незрелости способности к самоконтролю, отсутствию навыка самопроверки текстов. Особенность семиотики знаков препинания, принятых в интернет-переписке, прежде всего, игнорирование запятой и точки как знаков-разделителей, сегментирующих высказывание, оказывает сильное влияние и на переписку официального или делового характера.

Вот типичный пример электронного письма студента-первокурсника преподавателю:

От кого: *bad boy*

Тема: *не обозначена*

Здравствуйте я студент III группы Монгуц Даяна, завтра в пятницу я рассказываю доклад, но я не помню какую тему я выбрала, не могли бы вы мне напомнить какая у меня тема

Подобные особенности писем студента к преподавателю как нельзя лучше демонстрируют типичные черты коммуникации в интернет-пространстве: «Физическая непредставленность, анонимность и связанные с этими фактами преобладающая равностатусность и неинституциональность коммуникации и др. В той или иной мере способствуют снятию целого рода социокультурных и психологических ограничений, обычно налагаемых на речевое поведение в несетевой коммуникации в целях создания гармоничного, неконфликтного общения» [4].

Учитывая современные тенденции в развитии электронной деловой переписки, типичные

трудности, с которыми сталкиваются студенты в начале её освоения, можно определить главные проблемные зоны, требующие тщательной проработки на практике. Во-первых, это освоение структурно-композиционных особенностей электронного письма. Необходимо обращать внимание студентов на такие важные структурные элементы деловой переписки, как обозначение темы и подпись, которые помогают адресату определиться со степенью важности послания, его проблематикой, понять, как правильно обратиться в ответе к автору.

Во-вторых, это стилистический и тесно с ним связанный культурно-речевой аспекты. Здесь важно дать представление об оптимальном балансе стилистических средств, которые соответствовали бы принципу коммуникативной целесообразности. С одной стороны, основу любой деловой переписки должны составлять средства официально-делового стиля, стандарты которого сегодня во многом определяются корпоративной культурой. Необходимо давать представление о подобных образцах, принятых, например, в крупных юридических фирмах. С другой стороны, важно подчеркнуть, что мера официальности переписки, следовательно, её формализованности, зависит от социально-ролевых характеристик адресанта и адресата, степени их знакомства, социального статуса. Необходимо учитывать тот факт, что, как уже говорилось выше, деловая переписка демонстрирует сближение с разговорным стилем и проявляет явные признаки «деофициализации общения и — как одно из её следствий — стремление к сжатию информации, экономии речевых усилий» [1. С. 47]. Это проявляется в широком употреблении разговорно-сниженной и жаргонной лексики. Исследователи отмечают, что профессиональные жаргонизмы в деловых письмах составляют до 10 % лексики. Чаще всего они называют объекты и понятия, с которыми связана профессиональная деятельность [1. С. 479].

Важным фактором влияния на язык и стиль современной деловой переписки признается английский язык. И хотя сфера юриспруденции не так сильно подвержена его влиянию, как бизнес, он тоже заметно меняет практику деловой переписки между юристами и их адресатами. Например, исследователи отмечают следующее: «Особенности работы с юридическими документами и широкое распространение влияния английского языка на официальное общение определяет и тот факт, что в названиях должностей, видов документов,

составных наименованиях отделов и под. нередко пишутся с прописной буквы не только первое слово, но и последующие: *Отдел Сопровождения Продаж; Старший Специалист Управления Сопровождения Продаж; выделить денежные средства Руководителям*» [1. С. 48].

Следовательно, с учетом всех названных особенностей практическая работа со студентами должна строиться на принципе сопоставления образцов деловых писем, например, одного жанра или темы, разных эпох (советской и современной), что позволит увидеть произошедшие в диахронии изменения, разных культур и языков, прежде всего английского. Необходимо делать акцент на недопустимости бездумного копирования чужих стандартов и языковых средств, проводить их культурно-речевую оценку с позиции хорошего языкового вкуса и принципов целесообразности и уместности использования.

Важно провести каталогизацию наиболее распространенных орфографических и пунктуационных ошибок в оформлении деловых писем и проводить соответствующую профилактическую работу. Студентам необходимо донести до сознания простую мысль: современный человек сегодня интегрирован в электронное пространство, в котором хранится его переписка, следовательно, коллега либо руководитель может переслать любое письмо или процитировать его в другом сообщении. От качества оформления писем может зависеть репутация и доброе имя юриста, как и другого публичного лица.

В-третьих, это этико-психологический аспект. Нельзя не согласиться с А. В. Щербаковым, который говорит о важности соблюдения универсальных принципов диалогичности (кооперации, гармонизирующего диалога) и этичности в современном деловом общении, без соблюдения которых невозможно обеспечить эффективность коммуникации [7. С. 76]. Так, неэтичным может выглядеть письмо без некоторых этикетных компонентов: приветствия, нормативного, а не сокращенного обращения (*Ув. Юл. Бор.!*), прощания, правильно сформулированной подписи. В связи с этим возникает явный конфликт между тенденцией, о которой говорилось выше: адресат (читающий) стремится к получению меньшего объема получаемой информации, и принципом этичности (пишущий не может и не должен пренебрегать им, расширяя объем послания). Составляя деловое письмо, важно подумать об интересах получателя и найти золотую середину, совмещая краткость и этикетность речи.

Выводы

Как мы видим, тенденции в современной электронной деловой переписке разнообразны и зачастую взаимоисключающи. Есть разные мнения, к чему могут привести данные изменения: к полному отказу от электронной деловой переписки или, наоборот, к ее увеличению, формализации и расширению ее возможностей. Думается, в реалиях рос-

сийской деловой жизни полный отказ от этой формы опосредованной коммуникации невозможен по причине размеров страны и наличия разных часовых поясов. Важно, чтобы электронная деловая переписка обеспечивала эффективный рабочий диалог. Для этого необходимо учитывать различные тенденции в её развитии и проводить специальную работу в вузах по обучению её механизмам.

Список источников

1. Дегальцева А. В. Основные тенденции развития электронной деловой переписки // Проблемы речевой коммуникации. 2015. № 1. С. 46—55.
2. Digital 2021: главная статистика по России и всему миру. URL: <https://spark.ru/user/115680/blog/74085/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru?ysclid=l5tuflxhs5814501162> (дата обращения 05.07.2022).
3. Золотова Е. С. Естественная письменная речь как источник изучения профессиональной языковой личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 226—228
4. Колокольцев Т. Н., Лутовинов О. В. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: моногр. М., 2014. 328 с.
5. Михеева Ю. А. Электронная деловая коммуникация: структурно-композиционная специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 512—520.
6. Тимошенков А. Юридический тайм-менеджмент // Юрист компании. Практический журнал для юриста. 2018. 18 июня. URL: <https://www.law.ru/blog/21321-yuridicheskiy-taym-menedjment> (дата обращения: 25.01.2022).
7. Щербakov А. В. Современная деловая переписка в аспекте коммуникативного принципа этичности // Народное образование. 2016. № 4-5. С. 76—80.

References

1. Degaltseva AV. The main trends in the development of electronic business correspondence. *Problemy rechevoy kommunikatsii = Problems of speech communication*. 2015;(1):46-55. (In Russ.).
2. Digital 2021: glavnaya statistika po Rossii i vsemu miru = Digital 2021: the main statistics for Russia and around the world. Available from: <https://spark.ru/user/115680/blog/74085/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru?ysclid=l5tuflxhs5814501162> (accessed 05.07.2022). (In Russ.).
3. Zolotova ES. Natural written speech as a source for the study of professional linguistic personality. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2011;(24(239):226-228. (In Russ.).
4. Kolokoltsev TN, Lutovinov OV. Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya = Internet communication as a new speech formation. Moscow; 2014. 328 p.
5. Mikheeva YuA. Electronic business communication: structural and compositional specifics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kemerovo State University*. 2021;23(2):512-520. (In Russ.).
6. Timoshenkov A. Legal time management. *Yurist kompanii. Prakticheskiy zhurnal dlya yurista = Lawyer of the company. Practical journal for a lawyer*. 2018;(18 June). Available from: <https://www.law.ru/blog/21321-yuridicheskiy-taym-menedjment> (accessed 25.01.2022). (In Russ.).
7. Shcherbakov AV. Modern business correspondence in the aspect of the communicative principle of ethics. *Narodnoe obrazovanie = Public education*. 2016;(4-5):76-80. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Снигирев — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи.

Ю. Б. Феденева — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи.

Information about the authors

Alexey V. Snigirev — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian, Foreign Languages and Culture of Speech.

Yulia B. Fedeneva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture.

Статья поступила в редакцию 03.08.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 03.08.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'38

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10927

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА В СЕТЕВОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

Елизавета Сергеевна Сотникова

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия, esstnv@gmail.com, ORCID 0000-0003-2541-9679

Аннотация. Целью данной статьи является контент-анализ сообществ гуманитарных направлений вузов Урала в социальной сети «ВКонтакте» и попытка применения к их содержанию классификации жанров сетевого дискурса В. И. Карасика. В статье приводится статистика охватов и вовлеченности аудитории четырех сообществ гуманитарных направлений крупных уральских вузов, выделяются наиболее частотные жанры публикаций и обосновывается необходимость жанрового разнообразия контента сообществ, а также рассматриваются способы включения в сообщества дискурса социальной рекламы.

Ключевые слова: дискурс, сетевой дискурс, жанры дискурса, университетский дискурс

Финансирование. При финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2022 г.

Для цитирования: Сотникова Е. С. Социальная реклама в университетском сетевом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 213—217. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10927.

Original article

PUBLIC ADVERTISING IN NETWORK UNIVERSITY DISCOURSE

Elizaveta S. Sotnikova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, esstnv@gmail.com, ORCID 0000-0003-2541-9679

Abstract. The purpose of this article is contextual analysis of communities of humanities in universities of Ural at VK social network and an attempt to apply the classification by V. I. Karasik to their content. The article shows the statistics of the communities of four humanitarian departments of major Ural universities, describes the most common genres of posts and states the necessity of genre diversity and takes a look at the possibilities of including public advertising into online communities.

Keywords: discourse, network discourse, discourse genres, university discourse

Funding. With the financial support of the Foundation for Advanced Scientific Research of the Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” 2022.

For citation: Sotnikova E. Public advertising in network university discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):213-217. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10927.

Введение

Социальные сети стали одной из главных площадок для продвижения вузов и факультетов, а также коммуникации с абитуриентами и студентами. В сообществах в социальных сетях представители вузов публикуют материалы информационного, развлекательного и обучающего харак-

тера, создавая тем самым имидж университета и/или факультета.

В. И. Карасик выделяет восемь жанровых групп контента в социальных сетях: демонстративы (автопрезентации с фото), репортативы (новости, возможно в виде пеперепостов), социативы (заметки об интересном), креативы (художественное творчество), агитативы (продвижение товара или

образа жизни), инструктивы (советы), прескриптивы (назидательные послания), аттрактивы (развлекательные и шуточные сообщения) [1]. Целью данного исследования является попытка использования данной классификации в отношении коммуникации от лица сообществ и статистический анализ частотности того или иного вида контента и отклика пользователей.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стали публикации за период с 1 июня по 20 июля 2022 г. в сообществах в социальной сети «ВКонтакте» гуманитарных направлений четырех крупных региональных вузов Уральского федерального округа: факультет лингвистики и перевода Челябинского государственного университета (vk.com/flip_chelgu), Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета (vk.com/urfu_ugi), гуманитарный институт Курганского государственного университета (vk.com/huminst_kgsu) и институт лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (vk.com/imo.susu).

В процессе исследования использовались такие методы, как описательный, метод контент-анализа и статистический метод.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе исследования мы проанализировали контент, размещенный в рассматриваемых сообществах в период с 1 июня по 20 июля 2022 года, статистически (по количеству отметок «Нравится», перепостов и комментариев), а также классифицировали его по жанровым разновидностям, выделенным В. И. Карасиком.

Результаты статистического анализа, представленные в таблице, показывают, что во всех рассматриваемых сообществах вовлеченность составляет 1 % или менее. В данном показателе мы учитываем общее количество участников группы и среднее количество отметок «Нравится». Если же рассматривать только активных участников, необходимо использовать показатель медианного охвата, который значительно ниже среднего охвата. Это связано с тем, что один популярный пост, набравший значительное количество отметок «Нравится» искажает статистику среднего арифметического, поэтому высчитывать медиану является более корректным подходом. Но стоит обратить внимание на то, что не все активные пользователи, которые учитываются в просмотрах и активности, являются подписчиками сообщества, поэтому в реальности данный показатель еще ниже.

Результаты статистического анализа сообществ «ВКонтакте» Results of statistical analysis of VKontakte communities

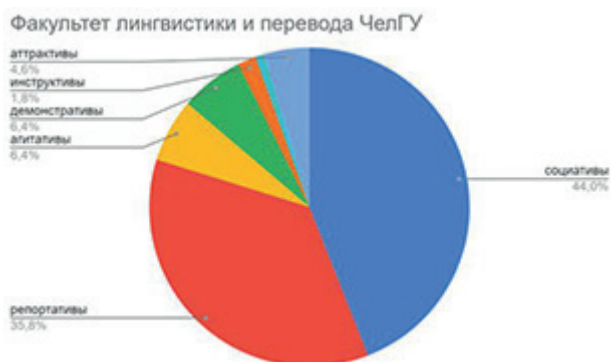
	ФЛиП ЧелГУ	УГИ УРФУ	ГУ КГУ	ИЛиМК ЮУрГУ
Общее кол-во постов за период 1.06—20.07.22 (50 дней)	109	51	39	11
Кол-во участников группы	2878	5539	2315	1724
Кол-во публикаций в день	2,2	1,0	0,8	0,2
Общее кол-во отметок «Нравится»	2289,0	1166,0	939,0	131,0
Среднее кол-во отметок «Нравится»	21,0	22,9	24,1	11,9
Средний охват	1999 или 69,5 % от числа участников	2773 или 50,1 % от числа участников	1241 или 53,6 % от числа участников	1116 или 64,7 % от числа участников
Медианный охват	1149 или 39,9 % от числа участников	2207 или 39,8 % от числа участников	747 или 32,3 % от числа участников	506 или 29,4 % от числа участников
Медианная вовлеченность	1,82 %	1,03 %	3,22 %	2,35 %

Говоря о самом контенте, стоит отметить значительные расхождения в стиле ведения сообществ и, как следствие, разнообразие жанров сетевого дискурса.

В сообществе факультета лингвистики и перевода ЧелГУ публикуется в среднем 2,2 публикации в день. Как показывает диаграмма 1, в сообществе

представлено шесть из восьми возможных жанров сетевого дискурса, причем упор делается на социативы, которые составляют 44 % от общего числа публикаций.

В сообществе «УГИ УрФУ» (диаг. 2) репортажи составляют 76,5 % от общего числа публикаций, причем большая часть этих сообщений —

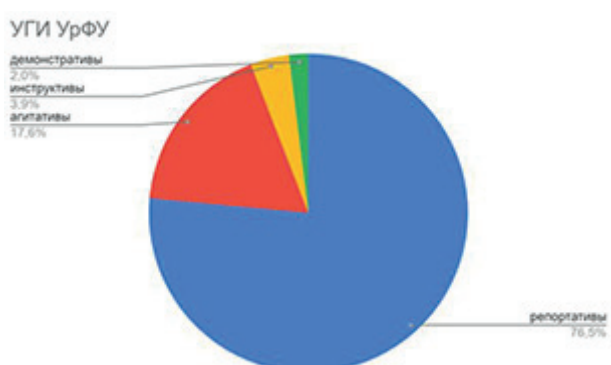
Диагр. 1. Жанры сетевого дискурса в сообществе «Факультет лингвистики и перевода ЧелГУ»

Diagr. 1. Genres of online discourse in the community "Faculty of Linguistics and Translation of ChelSU"

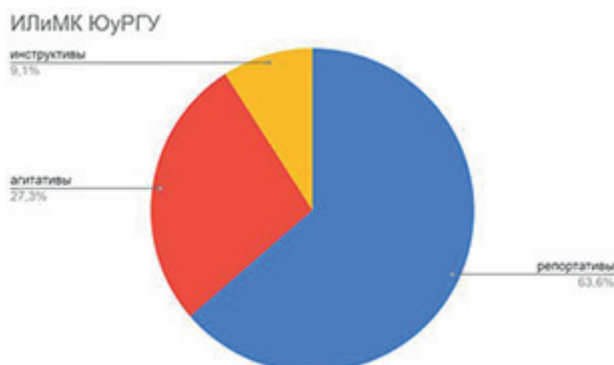
Диагр. 3. Жанры сетевого дискурса в сообществе «Гуманитарный институт КГУ»

Diagr. 3. Genres of online discourse in the community "KSU Humanitarian Institute"

Диагр. 2. Жанры сетевого дискурса в сообществе «УГИ УрФУ»

Diagr. 2. Genres of online discourse in the UGI UrFU community

Диагр. 4. Жанры сетевого дискурса в сообществе «Институт лингвистики и международных коммуникаций ЮУрГУ»

Diagr. 4. Genres of online discourse in the community "Institute of Linguistics and International Communications SUSU"

это перепосты из других сообществ либо дублирование новостных заметок с сайта вуза.

Гуманитарный институт КГУ (диаг. 3) также в основном публикует репортажные типы постов в виде перепостов. Агитативы составляют около 20 % от общего числа публикаций, но они представлены лишь перепостами публикаций других сообществ.

Наконец, в сообществе «ИЛИМК ЮУрГУ» (диаг. 4) в рамках рассматриваемого периода опубликовано всего 11 постов, семь из которых являются репортажами-перепостами.

В сообществе «Факультет лингвистики и перевода ЧелГУ» наибольшее количество отметок «Нравится» набирают публикации-демонстративы, социативы и аттрактивы. Эти же виды публикаций набирают большее количество перепостов. В остальных сообществах, где данные виды публикаций не представлены, на первом месте по количеству отметок «Нравится» и перепостов находятся репортажи.

Как отмечает В. И. Карасик, демонстративы имеют своей целью привлечение внимания, и в целом они являются наиболее частным типом публикаций в социальных сетях [1]. Социативы ориентированы на интересы пользователей, именно поэтому они всегда соответствуют общей тематике группы. В случае факультета лингвистики ЧелГУ это публикации, содержащие интересную информацию о лингвистике, языках и диалектах, а также сотрудниках и студентах факультета. Здесь необходимо отметить, что посты-интервью являются не только социативами, но и демонстративами, поскольку они полимодальны, т. е. имеют неразрывную связь между текстом и медиафайлами, а также несут личностный характер, раскрывая особенности факультета в целом и отдельных его представителей.

Аттрактивы являются неотъемлемой частью интернет-дискурса, поскольку они привлекают внимание своей краткостью, юмором и актуальностью.

Как отмечают О. Д. Пастухова и Е. И. Титова, в сообществе факультета лингвистики ЧелГУ часто публикуются мемы, которые не содержат дополнительных вербальных элементов и усиливают эмоциональную реакцию от контента [2]. Мем мы понимаем как единицу информации, которая получила популярность. Широкое распространение получают те мемы, которые вызывают интерес или порождают ассоциации [3]. Для сообществ наиболее распространяемыми становятся мемы, связанные с тематикой группы.

Репортативы в рамках персональных страниц в социальных сетях рассматриваются как пеперепост новостей с личными комментариями, непрофессиональная подача, которая становится достоинством [1]. В случае сообществ факультетов к репортативам можно отнести два вида публикаций: те, где осуществляется публикация новости, и те, где осуществляется пеперепост новости из другого сообщества (с комментарием или без). Данный вид публикаций является менее актуальным, поскольку в большинстве случаев происходит дублирование уже виденного пользователями контента либо размещение новостей в официальной стилистике, аналогично тем, что размещаются на официальном сайте вуза. Такие публикации имеют меньший охват и не всегда прочитываются до конца, поскольку официальный стиль сообщений не соответствует общей стилистике социальных сетей как общественного явления.

Инструктивы и агитативы являются наиболее редкими видами публикаций в сообществах факультетов и институтов. Они посвящены в основном рекомендациям, связанным с получением стипендий, процессу подачи документов и мероприятиям, которые актуальны для студентов. КГУ регулярно размещает пеперепосты агитативов из сообществ, не имеющих прямого отношения к жизни направления и вуза, например, информацию о мероприятиях, проходящих в городе. Такие публикации получают наименьший охват и число отметок «Нравится», поскольку актуальны далеко не для всех участников сообщества.

Креативы и прескриптивы — это два жанра, которые не встретились нам в рамках исследования. Прескриптивы представляют собой, в основном, изречения известных людей, которые выражают

экзистенциальные установки. Креативы — это творчество сетевых авторов, которое зачастую имеет весьма посредственное качество [1]. Эти жанры не актуальны для сообществ вузов, поскольку их основные цели не совпадают с целями ведения сообществ.

Социальная реклама является важным компонентом сетевого университетского дискурса. Сообщества регулярно размещают информацию о волонтерских проектах и поддержке социальных инициатив. В пандемийный и постпандемийный период сообщества вузов активно размещают информацию о необходимости вакцинации и соблюдении личной гигиены. Так, сообщество факультета лингвистики и перевода ЧелГУ использует для этого официальную социальную рекламу от Минздрава РФ. Помимо этого, многие публикации так или иначе напрямую или косвенно затрагивают социально значимые вопросы, хотя и не являются в чистом виде рекламными.

Выводы

Контент в социальных сетях должен быть разнообразным. Маркетологи утверждают, что основным типом должен быть информационный контент, который формирует доверие к сообществу и приносит участникам пользу. Применительно к вузу в эту категорию попадают публикации с новостями о жизни вуза, интервью с преподавателями и студентами, обзоры, факты и цифры, то есть репортативы и социативы. Репортативы также могут содержать в себе репутационную информацию, куда входит статистика, рейтинги, награды, кейсы, лицензии и др. Социативы могут состоять из вовлекающего контента, который предполагает взаимодействие с аудиторией. Как показал статистический анализ, процент вовлечения подписчиков у всех рассмотренных сообществ невелик, и именно всевозможные интерактивы могут увеличить этот показатель. Аттрактивы — это развлекательный контекст, который приближает сообщество к своим подписчикам и повышает их лояльность. Шутки, мемы, мотиваторы и демотиваторы, комиксы — это та информация, ради которой многие пользователи приходят в социальные сети, поэтому определенный процент развлекательного контента также должен присутствовать в сообществе вуза.

Список источников

1. Карасик В. И. Интернет-жанры // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49—55.

2. Пастухова О. Д., Титова Е. А. Особенности сообщества факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета в социальной сети «ВКонтакте» // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 281—283.

3. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Филология. 2012. № 3. С. 160—172.

References

1. Karasik VI. Genres of Network Discourse. Zhanry rechi = Genres of speech. 2019;(1(21):49-55. (In Russ.).

2. Pastukhova OD, Titova EV. Peculiarities of the community of the Faculty of Linguistics and Translation at Chelyabinsk State University. Mir nauki, kultury, obrazovaniya = The world of science, culture, education. 2021;(5(90):281-283. (In Russ.).

3. Shchurina YuV. Internet Meme as a Phenomenon of Internet Communication. Filologiya = Philology. 2012;(3):160-172. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. С. Сотникова — старший преподаватель кафедры английского языка.

Information about the author

Elizaveta S. Sotnikova — Senior Teacher of English Department.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 80

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10928

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

Анна Александровна Финогеева¹, Наталья Сергеевна Олизко²✉

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ anna.eng.1811@gmail.com, ORCID 0000-0001-9277-2929

² olizko@yandex.ru✉, ORCID 0000-0001-6241-6093

Аннотация. Данная статья посвящена изучению основных направлений исследования университетского дискурса, реализуемых в научной парадигме в настоящее время. Особый практический интерес для авторов исследования представляет анализ университетского медиадискурса на материале социальных сетей Южно-Уральского государственного университета и Челябинского государственного университета за 2021—2022 годы. Сообщения, представленные в указанных социальных сетях, отличаются краткостью и информативностью, эмоциональностью и оригинальностью, что достигается сочетанием визуальной и текстовой информации с вкраплениями эмоционально окрашенной лексики, побудительных структур и эмодзи с положительной коннотацией. Наибольшее прагматическое воздействие прослеживается в постах, соединяющих визуальную, текстовую и аудиальную информацию.

Ключевые слова: университетский медиадискурс, медиаплатформа, прагматика, мультимодальность, канал передачи информации

Финансирование. При финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2022 г.

Для цитирования: Финогеева А. А., Олизко Н. С. Мультимодальность университетского медиадискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 218—225. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10928.

Original article

THE MULTIMODALITY OF UNIVERSITY MEDIA DISCOURSE

Anna A. Finogeeva¹, Natalia S. Olizko²✉

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ anna.eng.1811@gmail.com, ORCID 0000-0001-9277-2929

² olizko@yandex.ru✉, ORCID 0000-0001-6241-6093

Abstract. This article is devoted to the study of the main directions of the university discourse research, implemented in the scientific paradigm at present time. Practical study is focused on the analysis of university media discourse based on the social networks of South Ural State University and Chelyabinsk State University for 2021–2022. Messages of social networks are short and informative, emotional and original, which is achieved through a combination of visual and textual information interspersed with emotionally colored vocabulary, incentive structures and emoticons with positive connotation. The greatest pragmatic impact can be seen in posts that combine visual, textual and auditory information.

Keywords: university media discourse, media platform, pragmatics, multimodality, communication channel

Funding. With the financial support of the Foundation for Advanced Scientific Research of the Federal State Educational Institution of Higher Education “CSU” 2022.

For citation: Finogeeva AA, Olizko NS. The Multimodality of University Media Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):218-225. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10928.

© Финогеева А. А., Олизко Н. С., 2022

Введение

Современная лингвистика регулярно расширяет спектр исследуемых видов дискурса. Университетский дискурс как способ коммуникации представителей университетского сообщества в вузе и за его пределами является актуальной областью исследования. В эпоху цифровизации среди наиболее перспективных и активно развиваемых направлений в исследовании университетского дискурса выступает изучение прагматических особенностей университетского медиадискурса.

Теоретические основы изучения университетского медиадискурса

Впервые термин «университетский дискурс» в качестве научного понятия появляется в работах французского философа Ж. Лакана, который подчеркивает, что в университетском дискурсе «доминирующую позицию занимает знание». «Знание есть основная единица университетского дискурса, что позволяет предположить, что знание, хранимое и передаваемое университетом, является идеологией» [4].

В отечественной лингвистике вопросами изучения университетского дискурса занимается известный дискурсолог В. И. Карасик. Выделяя различные типы институционального дискурса, ученый отмечает, что «главное назначение университета как образовательного учреждения заключается в предоставлении возможности получения высшего образования» [1]. Согласно В. И. Карасику, основной целью университетского дискурса выступает передача информации и сообщение знания. Участниками университетского дискурса являются не только обучающиеся и преподаватели, но и другие члены университетского сообщества (руководящий состав университета, сотрудники кампуса, учебно-вспомогательный состав университета), а также представители социума, не связанные с университетом в обычной жизни, но вступающие в контакт с университетским сообществом в определенных ситуациях (поступающие, родители поступающих, участники университетских событий, соревнований и т. д.). Опираясь на данный подход, И. К. Кириллов трактует университетский дискурс как конгломератный тип дискурса, который включает множество разновидностей: педагогический, научный, административный, ритуальный, спортивный, студенческий, бытовой [2]. Другими словами, университет объединяет различные виды практической деятельности, образуя сложную систему взаимо-

действий различных позиций: управленец и администратор, ученый и проектировщик, куратор (воспитатель) и профессор, студент и абитуриент и т. д. [5]. С уверенностью можно сказать, что университетский дискурс гармонично внедряется в различные сферы жизни человека, обеспечивая его разнообразными инструментами саморазвития и совершенствования.

Университетский дискурс распадается на ряд подтипов, среди которых особое место отводится университетскому медиадискурсу. В эпоху цифровизации именно медиадискурс занимает ведущую позицию представления университетской жизни широкой общественности. Данный вид университетского дискурса отличается следующими характеристиками: информация, содержащаяся в университетских новостных статьях, оперативна («здесь и сейчас»), информативна (отражает основные моменты), охватывает широкий спектр проблем (от научного открытия до досуга членов университетского сообщества), формализована. Рассмотрим своеобразие университетского медиадискурса на примере социальных сетей Южно-Уральского государственного университета и Челябинского государственного университета.

Выбор социальных сетей в качестве источника информации для анализа обусловлен рядом факторов. Не вызывает сомнения тот факт, что социальные сети активно внедряются во все сферы жизнедеятельности общества, включая образование. Возрастающая конкуренция образовательных учреждений требует постоянного продвижения и совершенствования образовательных продуктов. Университеты соревнуются в привлечении обучающихся путем повышения своего статуса в Интернет и социальных сетях. Университетские социальные сети, обладая информирующим и воздействующим потенциалом, оказывают значительное влияние на принятие решений о выборе вуза для получения основного или дополнительного высшего образования. В центре нашего внимания изучение прагматических особенностей университетских социальных сетей, обеспечивающих информирование поступающих, обучающихся и их родителей, выпускников и сотрудников.

Анализ прагматических особенностей университетского медиадискурса

Социальные сети являются эффективным средством общения вуза с молодежью. Положительный имидж вуза формируется посредством

воздействия на эмоциональный интеллект целевой аудитории. Целевую аудиторию вуза составляют:

- поступающие;
- родители поступающих;
- обучающиеся;
- выпускники вуза;
- сотрудники и другие представители вуза.

Каждая группа целевой аудитории откликается на соответствующую тематику сообщений. Поступающих интересуют направления специальностей, проходной балл и особенности приемной кампании. Родители поступающих беспокоятся об условиях и стоимости обучения, организации питания и проживания. Обучающимся важно получать актуальную информацию об образовательном процессе и «внеклассных» мероприятиях. Профессорско-преподавательский состав заинтересован в получении информации о конкурсах и грантах. Как правило, подробная информация по данным вопросам представлена на сайте вуза. Но в эпоху клипового мышления представители молодого поколения отдают предпочтение короткой и быстрой информации из социальных сетей.

Своеобразие социальных сетей предполагает использование коммуникативно-прагматического подхода к изучению особенностей использования языковых единиц участниками коммуникации в единстве прагматических свойств языковых единиц и их обусловленности параметрами общения (время, место, участники, их статус, знания, верования, опыт). Указанный подход обеспечивает реализацию факторов контекстуальной обусловленности миромоделирования, и его роли в регулировании поведения людей, формировании мнений и оценок, образов, стереотипов и предрассудков о социально значимых явлениях и предметах.

Необходимость формирования адекватного внешнего и внутреннего имиджа в условиях глобализации высшего образования и его повсеместной доступности приводит к созданию университетами аккаунтов на различных медиаплатформах, в частности Инстаграм (данная социальная сеть запрещена на данный момент на территории Российской Федерации), ВКонтакте или Телеграм. В. И. Карасик рассматривает университетский дискурс как специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума; по его мнению, это «коммуникация в своеобразных масках» [1. С. 16]. Исследуемый тип институционального дискурса детерминирован статусно-ролевыми отно-

шениями участников, целью и местом общения. В процессе такого общения коммуникация между участниками имеет определенный контекст, который характеризует сферу деятельности внутри университета и за его пределами. Основные цели университетского дискурса (сообщать информацию, декларировать знания, формировать ценности) соответствуют целям университета как учреждения высшего образования.

Представленное исследование проводится при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» (2022 г.). На данный момент членами коллектива уже рассмотрены особенности сообщества «Абитуриенты ФЛИП ЧелГУ» в социальной сети ВКонтакте [3] и своеобразие инстаграм-аккаунта факультета лингвистики и перевода ЧелГУ [6], а также изучены лингвокреативные средства социальной рекламы [8].

В данной статье проводится анализ публикаций ЮУрГУ, размещенных в официальном аккаунте на медиаплатформе Инстаграм, за период с января по август 2021 года. За исследуемые месяцы было опубликовано 193 поста в течение 243 дней. Пик публикационной активности приходится на февраль 2021 года, что связано с началом активной приёмной кампании в новом году и задачами привлечения большого количества поступающих. Согласно среднестатистическим данным, ежемесячно выходило примерно 12 постов. Наименьшее количество сообщений было опубликовано в мае и июне — по 12 единиц в каждом месяце. Данные цифры можно связать с переходным периодом между окончанием учебного процесса, сдачей летней сессии и активным началом очного приёма документов от поступающих (рис. 1).

Основными темами постов за исследуемый период в аккаунте ЮУрГУ стали:

Научная жизнь: гранты, конференции, лекции ведущих преподавателей, мастер-классы.

Новости: жизнь университета, всероссийские новости, праздники, новости культуры, вакцинация.

Студенческая жизнь: олимпиады для студентов, иностранные студенты, военная кафедра, стажировки.

Абитуриентам: об университете, дни открытых дверей, график встреч с будущими студентами, культура, наука.

Конкурсы и соревнования: научный stand-up, мастер-классы творческих коллективов, литературные конкурсы, конкурсы по различным направлениям подготовки (рис. 2).

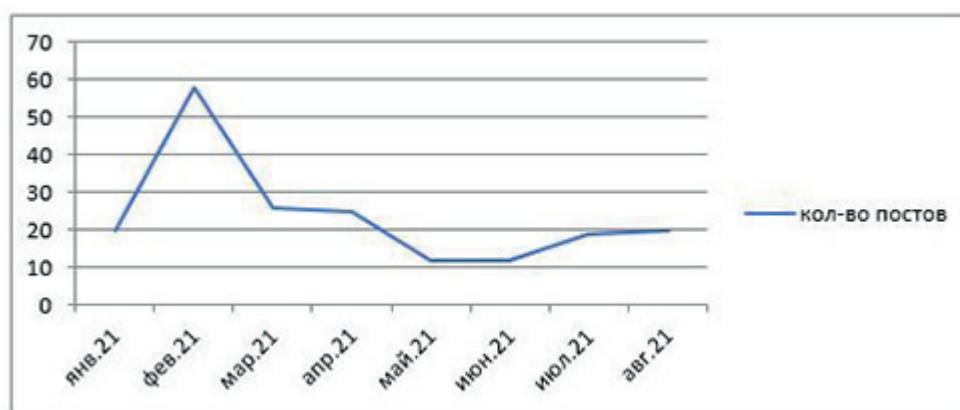

Рис 1. Количество постов, размещенных в каждый месяц 2021 года

Fig 1. Number of posts posted in each month of 2021

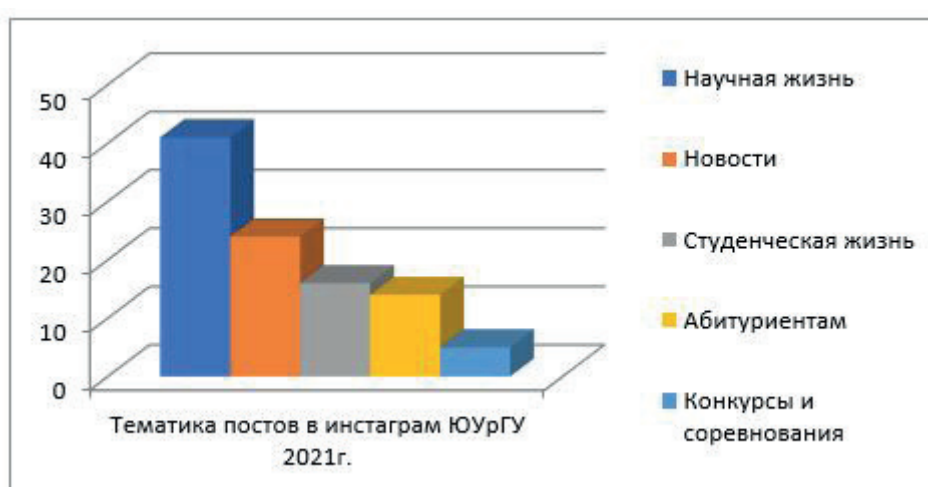

Рис 2. Тематика постов в Инстаграм ЮУрГУ за январь-август 2021

Fig 2. Subjects of posts on SUSU Instagram for January-August 2021

Самое большое количество постов опубликовано в категории «Научная жизнь». Здесь размещена информация о научных конкурсах и грантах, анонсируются лекции от учёных ЮУрГУ; блок публикаций посвящен искусственному интеллекту, открытиям учёных университета. Более того, освещаются мастер-классы от учёных ЮУрГУ и приглашённых экспертов. Следующими по частотности являются новостные сообщения, охватывающие широкий круг тем: запуск новых проектов студентами и выпускниками вуза, круглые столы для обсуждения проблем региона, поздравления победителей различных конкурсов и соревнований, творческие коворкинги и т. д. Посты, освещающие студенческую жизнь, также многочисленны. В них рассказывается о повседневной жизни студента, возможностях участия в программах обмена, конкурсах и олимпиадах. Целевой аудиторией большого количества публикаций являются

студенты, поступающие, для которых подробно изложены условия поступления в университет, расписание дней открытых дверей, список необходимых для поступления документов.

Прагматика воздействия в Инстаграм-аккаунте ЮУрГУ во многом достигается за счёт явления мультимодальности, а именно, сочетания множества типов информации: аудиальной, текстовой, вербальной, визуальной, просодической. То есть, «вербальное взаимодействует с невербальным, создавая новое значение в метафорических и метонимических представлениях, которые в свою очередь служат характеристиками как мышления, так и действия» [7. Р. 253]. Большое количество просмотров и лайков за указанный период времени набирают публикации, сочетающие в себе визуальную, аудиальную и текстовую информацию, в которых рассказывается о поступлении в университет, приёмной комиссии и жизни

факультетов. Важным в связи с этим представляется не только отбор языковых средств, но и роль визуального кода (заголовки, шрифты, подписи к фото, эмодзи). Интенция побуждения к выбору данного университета в публикациях достигается за счёт компиляции вербальных и невербальных компонентов, таких как мимика, жесты, интонация, движение тела, позы, что увеличивает ценностные ориентиры сообщений и их привлекательность для широкого круга подписчиков и гостей страницы.

Обратимся к материалам Телеграм-канала Челябинского государственного университета с января по июнь 2022 года. На 01.07.2022 у канала около трех тысяч подписчиков. Сегодня Теле-

грам — многофункциональный мессенджер для обмена сообщениями, возможностью проведения видеоконференций, работающий по подписной модели и представляющий собой новостную ленту с элементами блога. За исследуемые 6 месяцев (181 день) всего опубликовано 263 поста (рис. 3). Наибольшее количество сообщений (60) размещено в апреле, что можно объяснить началом активной подготовки к приёмной кампании, участием студентов в ежегодных мероприятиях, проводимых в это время. В январе 2022 года размещено наименьшее количество постов (30), что связано с общегосударственными праздничными выходными и отсутствием большого количества мероприятий для студентов.

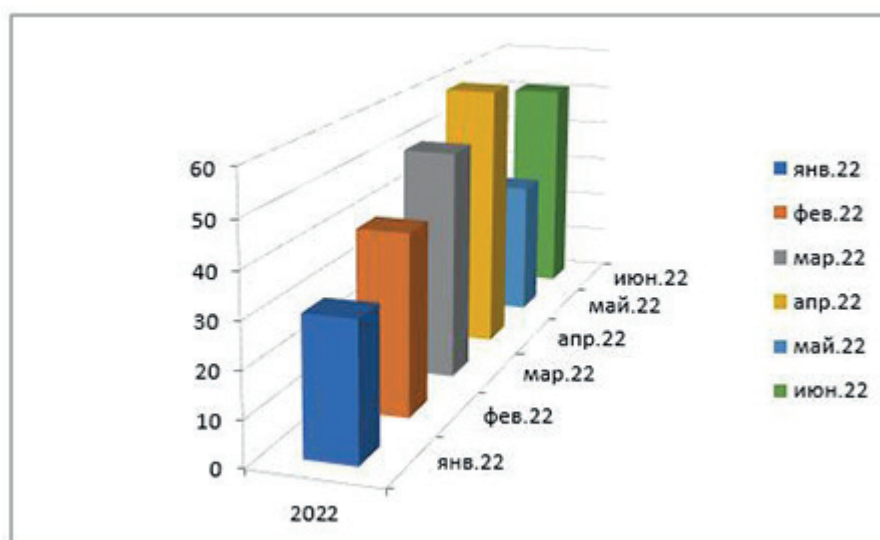

Рис. 3. Количество постов, опубликованных в каждый месяц 2022
Fig. 3. Number of posts published in each month 2022

Тематически все публикации в Телеграм-канале ЧелГУ за исследуемый период можно разделить на несколько категорий: информация для абитуриентов, информация для студентов и преподавателей, праздники, научная жизнь университета, достижения в спорте, достижения в учёбе, неофициальные сообщения, новости университета и объявления (рис. 4).

Самое большое количество сообщений содержится в группе «Новости университета», что составляет 38 % от общего объёма постов за январь—июнь 2022 года. Здесь находится последняя информация о рейтингах ЧелГУ, филиалах и отдельных корпусах университета, его выпускниках, командировках сотрудников вуза, проводимых в университете мероприятиях и достижениях студентов на городских, областных и российских конкурсах. Следующей по частотности явля-

ется группа «Объявления», с долей 20 %, к которой, как правило, относятся короткие новостные сообщения информативного характера, анонсирующие предстоящие мероприятия в рамках университета и за его пределами, рассказывающие о событиях в Челябинской области и России в сфере финансов, культуры, туризма, молодежной политики. В эту группу отнесены и текущие объявления, касающиеся работы главного корпуса, столовых, обслуживания прилегающих территорий. Третья по численности постов группа — «Неофициальные сообщения» (13 %), в которой, в основном, представлены фотографии ботанического сада, студентов и короткие подписи к ним, а также небольшие сообщения, написанные юмористическим стилем (Приглашаем всех принять участие во флешмобе «Вальс Победы»! А что-бы вы не отдавили партнёру ноги, ждём вас на

Рис. 4. Тематическое содержание постов Telegram-канала ЧелГУ

Fig. 4. Thematic content of the posts of the ChelGU Telegram channel

мастер-классы завтра) или с вкраплениями разговорной лексики (Для *бесстыдников*, которые не знают, как выглядит ректор: на фото он справа).

Прагматическое воздействие в Telegram-канале достигается за счёт сочетания разных каналов передачи информации: аудиального, визуального, текстового, вербального, просодического. Исследуя явления мультимодальности (сочетаемости данных разного типа), мы приходим к выводу, что доминантным типом корреляции различных каналов является сочетание текстовой и визуальной информации. Визуальный канал передачи данных представлен картинками, фотографиями, видеосюжетами и специальными логотипированными рисунками с изображением сусликов, которые создают уютную «домашнюю» атмосферу в мессенджере. Среди публикаций, набравших самое большое количество просмотров (свыше 2000) за исследуемый период, частотными являются публикации, комбинирующие два указанных типа данных. Подобные сообщения рассказывают о фактах из истории ЧелГУ, вакансиях для выпускников, ложном минировании университета в апреле 2022 года (рис. 5) и широко известных всем «местных жителях» — сусликах.

В исследуемых постах преобладает нейтральная лексика с использованием отдельных единиц разговорного стиля (*прокачать* знания английского; Может, покидаем в *камменты* фотки, кто как выходные провёл?), вкраплением иностранных слов (и получить призы международного конкурса — *done!* Команда нашего института информационных технологий одержала победу сразу в двух номинациях: «Лучший *геймдизайн*

по мнению компании ICVR» и «*Фан* и веселье» международного конкурса по разработке видеоигр) и неологизмов (*чир-спорт*, *спойлер*, *мема-сики*, *стартап*). Подобные лексемы усиливают неофициальный регистр общения в рамках Telegram-канала ЧелГУ.

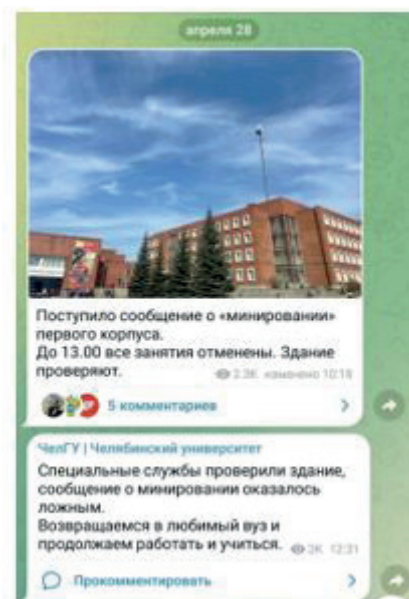

Рис. 5. Сообщения о ложном минировании университета

Fig. 5. Reports of false mining of the university

К лингвопрагматическим особенностям университетского дискурса можно отнести использование восклицательных предложений, передающих эмоции радости, ликования (*Куча призов и толпа победителей! Барабанная дробь!!! Ну красотки же! Молодцы!*); гиперболы (В этом году участниками нашего *могущественного* конкурса

станут школьники 1—11-х классов и студенты ссузов со всей России и ближнего зарубежья. Мы уже не раз говорили, что наши студенты *самые-самые*); метафоры (Скоро «*Сытый суслик*» (название кафе) *всех накормит! Звёзды, по порядку становись!*); сравнения (Есть суперболиды космические, а есть *люди-суперболиды*); эмодиконы.

Заключение

Как показывает материал, большая часть постов в исследованном аккаунте Южно-Уральского государственного университета характеризуется краткостью и информативностью, эмоциональностью и оригинальностью, которые достигаются благодаря сочетанию визуальной и текстовой информации с вкраплениями эмоционально окрашенной лексики, побудительных структур и эмодиконов с положительной коннотацией. Те-

леграм-канал ЧелГУ — современная мультимедийная платформа, организованная по принципу новостной ленты с возможностью комментировать посты. Сообщения отправляются от лица канала, а не отдельных его пользователей. В мессенджере представлены все каналы передачи данных, доминантной является корреляция текстового и визуального типа информации. Прагматический эффект создаётся на лексическом, грамматическом и лингвопрагматическом уровнях в сочетании с доминирующей визуальной составляющей. Результаты анализа использования информационных каналов (визуального, аудиального, текстового) позволяют сделать вывод о том, что мультимодальность — естественное состояние коммуникативного процесса, характерного для участников коммуникации на различных онлайн-платформах в рамках университетского дискурса.

Список источников

1. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20.
2. Кириллова И. К. Лингвосомиотика англоязычного университетского дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 200 с.
3. Кочнева Ю. Е., Пастухова О. Д., Титова Е. А. Особенности сообщества «Абитуриенты ФЛИП ЧелГУ» факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета в социальной сети «ВКонтакте» // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф., Челябинск, 7—9 апр. 2022 г.: в 2 ч. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. Ч. 1. С. 55—59.
4. Лакан Ж. Изнанка психоанализа. Семинар XVII (1969–1970) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис, 2008. 272 с.
5. Максимов В. В. Концептуальное ядро университетского дискурса // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317, № 6. С. 199—203.
6. Олизко Н. С. Университетский массмедийный дискурс // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф., Челябинск, 7—9 апр. 2022 г.: в 2 ч. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. Ч. 1. С. 87—89.
7. Naciscione A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins; 2010. 292 p.
8. Sotnikova E. S. Creative linguistic means in Covid-19 public advertising discourse // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф., Челябинск, 7—9 апр. 2022 г.: в 2 ч. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. Ч. 1. С. 107—110.

References

1. Karasik VI. On the types of discourse. In: Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs = Linguistic personality: institutional and personal discourse. Volgograd: Peremena; 2000. Pp. 5—20.
2. Kirillova IK. Lingvosemiotika angloyazychnogo universitetskogo diskursa = Linguosemiotics of English-language university discourse. Thesis. Volgograd; 2010. 200 p.
3. Kochneva YuE, Pastuhova OD, Titova EA. Features of the community “Applicants of FLIP ChelSU” of the Department of Linguistics and Translation of Chelyabinsk State University in the social network “VRontakte”. In: Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah = Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publ.; 2022. Part 1. Pp. 55—59.

4. Lakan ZH, Chernoglazov A (transl.). Iznanka psihoanaliza = The inside of psychoanalysis. Seminar XVII (1969—1970). Moscow: Gnozis; 2008. 272 p.
5. Maksimov VV. Conceptual kernel of university discourse. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Proceedings of Tomsk Polytechnic University*. 2010;317(6):199-203.
6. Oliz'ko NS. University mass-media discourse. In: Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah = Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publ.; 2022. Part 1. Pp. 87—89.
7. Naciscione A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins; 2010. 292 p.
8. Sotnikova ES. Creative linguistic means in Covid-19 public advertising discourse In: Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah = Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publ.; 2022. Part 1. Pp. 107—110.

Информация об авторах

А. А. Финогеева — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка.

Н. С. Олизко — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка.

Information about the authors

Anna A. Finogeeva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the English language.

Natalia S. Olizko — Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of the English language.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-112.2

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10929

ЛИНГВОКРЕАТИВНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЧЕЛОВЕК» В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Олеся Федоровна Циберная

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, igoshevaolesya@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема лингвокреативного становления концепта «Человек» в китайской языковой картине мира. Особое внимание в работе уделено проблеме диахронического исследования когнитивных процессов. Исходя из анализа расширения числа когнитивных признаков концепта в периферийной зоне интерпретационного поля, в статье выявлены особенности лингвокреативной деятельности носителей китайской языковой картины мира. В ходе исследования проиллюстрированы частные случаи реализации средств лингвокреативности на разных этапах становления концепта. Результаты исследования могут быть использованы учеными-когнитивистами для углубления знаний о китайской языковой картине мира, а также в работе с материалом на других языках.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, лингвокреативность, когнитивный признак концепта, диахрония, средства лингвокреативности

Для цитирования: Циберная О. Ф. Лингвокреативное становление концепта «Человек» в китайской языковой картине мира // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 226—231. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10929.

Original article

LINGUO-CREATIVE FORMATION OF THE CONCEPT “MAN” IN THE CHINESE LANGUAGE WORLD VIEW

Olesya F. Tsibernaya

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, igoshevaolesya@gmail.com

Abstract. This article deals with the problem of linguo-creative formation of the concept “Man” in the Chinese language world view. Particular attention is paid to the problem of diachronic study of cognitive processes. Based on the analysis of the expansion of the number of cognitive features of the concept in the peripheral zone of the interpretive field, the article reveals the features of the linguo-creative activity of the carriers of the Chinese language world view. During the study, particular cases of the implementation of the means of linguistic creativity at different stages of the formation of the concept are illustrated. The results of the study can be used by cognitive scientists to deepen their knowledge of the Chinese language world view, as well as in working with material in other languages.

Keywords: concept, concept structure, linguocreativity, cognitive feature of the concept, diachrony, means of linguocreativity

For citation: Tsibernaya OF. Linguo-creative formation of the concept “Man” in the Chinese language world view. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):226-231. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10929.

Введение

На современном этапе развития науки ученые проявляют устойчивый интерес как к динамическим языковым процессам в целом, так и к лингвокреативности в частности. Лингвокреативную деятельность при этом можно определить как

мыслительный процесс, выраженный языковыми средствами в устном или письменном тексте [7]. Лингвокреативность, в частности, можно проследить в изменении способов репрезентации концепта: окружающий человека мир непрерывно меняется, в ходе лингвокреативной деятельности подвергаются трансформациям и языковые

© Циберная О. Ф., 2022

средства репрезентации концепта [4; 5; 8]. Репрезентированные и актуализированные в китайском языке концепты при этом подчеркивают глубокие культурные ценности носителей китайской языковой картины мира [3]. Изучение процесса становления концепта в перспективе дает возможность проследить этот процесс на материале разных языков и сопоставить полученные результаты [10]. Концепт «Человек» рассматривается в рамках данной работы как универсальный базовый концепт, широко репрезентированный в разных языковых картинах мира [2]. Цель настоящего исследования — определить, какими средствами насыщался исследуемый концепт, как происходило его становление.

Наряду с содержанием, важнейшей характеристикой концепта является его структура, которая в разные периоды времени может отличаться: концепт может быть в разной степени насыщен теми или иными когнитивными признаками [6; 12]. Динамика структуры концепта отражает процесс его становления. Для того чтобы проследить этот процесс, необходимо выделить контрольные точки (синхронные срезы), а затем описать и проанализировать структуру концепта в этих контрольных точках.

При выделении синхронных срезов мы опирались, прежде всего, на значимые для носителей лингвокультуры экстралингвистические факторы, которые могли оказать влияние на их сознание. В качестве таких факторов, в частности, рассматривались революции, результатом которых зачастую являлись значимые сдвиги в восприятии мира носителями китайской лингвокультуры. Таким образом, нами были выделены следующие синхронные состояния концепта «Человек» в китайской языковой картине мира:

1850—1911 гг.;

1912—1980 гг.;

1981—2020 гг. [9].

Итак, в рамках данной работы проанализирована структурная динамика концепта «Человек» в аспекте лингвокреативности, что позволило углубить понимание становления концептов в процессе развития, что вносит вклад в развитие сравнительно-исторических исследований когнитивных процессов [8].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили лексические единицы, репрезентирующие исследуемый

концепт в китайском языке, извлеченные из публицистических текстов близкой тематики, соответствующих исследуемому периоду времени. Рассмотрение в качестве материала исследования публицистических текстов возможно, поскольку такие тексты отражают актуальный своему времени взгляд на окружающий мир носителей лингвокультуры.

Реализацию процесса исследования можно кратко описать следующим образом: в рамках каждого из указанных выше синхронных срезов были выделены репрезентанты концепта. Общий объем выделенных репрезентантов составляет 3460 единиц.

Далее репрезентанты концепта были объединены в группы по принципу когнитивного признака. Когнитивные признаки, в свою очередь, распределены по уровням структуры концепта. Последующее рассмотрение структурной динамики концепта позволило сделать выводы об особенностях и средствах лингвокреативности в процессе становления концепта «Человек» в сознании носителей китайской лингвокультуры, а детальное рассмотрение массива выделенных репрезентантов дало возможность наблюдать случаи реализации средств лингвокреативности на конкретных примерах.

Результаты исследования и их обсуждение

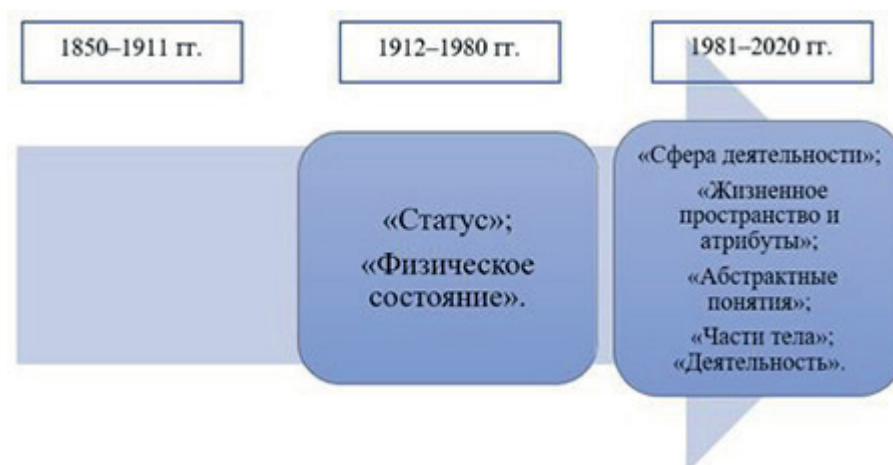
В результате проведенного анализа структуры концепта «Человек» в китайской языковой картине мира выявлены изменения описывающих его когнитивных признаков, а также выделены основные направления лингвокреативности в ходе становления концепта.

Динамика структуры рассматриваемого концепта характеризуется поступательным расширением интерпретационного поля за счет увеличения количества когнитивных признаков, описывающих концепт, и стабильностью образного и информационного компонентов.

Расширение интерпретационного поля, которое объединяет признаки концепта, определяющие культурно-маркированные утверждения и установки сознания, говорит о том, что носители китайской языковой картины мира в процессе познавательной и далее лингвокреативной деятельности придавали обобщенному представлению о человеке все новые характеристики.

Так, при переходе от синхронного среза 1850—1911 гг. к синхронному срезу 1912—1980 гг. концепт «Человек» обогатился двумя когнитивными признаками. При переходе же от синхронного

среза 1912—1980 гг. К синхронному срезу 1981—2020 гг. концепт был дополнен еще пятью когнитивными признаками. Это процесс представлен на рисунке.

Обогащение концепта «Человек» когнитивными признаками
Enrichment of the concept "Man" with cognitive features

Отметим, что когнитивный признак «Семья» был репрезентирован в зоне интерпретационного поля в первых двух исследуемых временных отрезках, но был утрачен на современном этапе развития концепта.

Наблюдение за реализацией частных средств лингвокреативности в ходе становления концепта позволяет сделать вывод, что преобразование языковых средств и, соответственно, содержательные сдвиги происходят в основном в периферийной зоне структуры концепта.

В ходе исследования мы выявили, что языковые средства, выражающие мыслительный процесс носителей китайской лингвокультуры, подвергаются изменениям. Однако лингвокреативная деятельность наблюдается и в рамках отдельных синхронных срезов.

Отечественные ученые говорят об актуальной для русского, английского и многих других европейских языков реализации лингвокреативности через следующие языковые выразительные средства:

- метафоризация — расширение семантического объема слова за счет возникновения у него переносных значений;
- смысловая транспозиция — сужение или расширение реального значения относительно номинального;
- концептуальная интеграция, характеризуемая смешением ментальных пространств в сознании человека;
- аппроксимация сквозь призму лингвокреативной деятельности может рассматриваться

как сознательное упрощение семантики слова, а также приблизительное наименование разных денотатов;

- лексическая гибридизация, наблюдаемая при смешении родственных языков;
- языковая игра — важнейшая форма лингвокреативной, предполагает осознанное нарушение речевых норм в стремлении к реализации языковых возможностей и реализуется в рамках конкретного акта речевого общения [1, 3].

Рассмотрим частные случаи реализации средств лингвокреативности на разных этапах становления концепта.

Метафоризацию можно наблюдать в следующих случаях:

1850—1911 гг.: 红人 любимчик, фаворит (дословно: «красный человек»); 苦人 бедняк (дословно: «горький человек»); 老两口儿 пожилая супружеская чета (дословно: «пожилые два рта») и т. д.

1912—1980 гг.: 文盲 неграмотный (дословно: «слепой в культуре») и др.

1981—2020 гг.: 青年 молодой (дословно: «зеленые годы»); 脑袋 голова (дословно: «мешок для мозга») и т. д.

Характерным во всех случаях является структура метафор, где метафоричен один из элементов, а второй используется в прямом значении.

Смысловая транспозиция с расширением/сужением значения репрезентируется в таких лексических единицах:

1850—1911 гг.: 室人 супруга («дословно: комнатный человек»); 上人 святой отец (дословно:

«верхний человек»); 场人 садовник (дословно: «человек площадки»); 大尊 начальник округа (дословно: «большой уважаемый человек») и т. д.

1912—1980 гг.: 公子 сын влиятельного лица (дословно: «сын знати»); 脑子 умы (дословно: «мозг»); 时人 современник (дословно: «человек времени») и т. д.

1981—2020 гг.: 职工 персонал (дословно: «служащие и работники») и т. д.

Концептуальная интеграция встречается при смешении ментальных пространств в сознании носителей языка:

1850—1911 гг.: 同人 сослуживец («дословно: общий человек»); 天下人 народы мира (дословно: «поднебесные люди») и т. д.

1912—1980 гг.: 人家 семья (дословно: «человек дома»); 女工 женщина-рабочий (дословно: «женщина работать»); 弟子 ученик, последователь (дословно: «младший») и т. д.

1981—2020 гг.: 临时工 внештатный сотрудник (дословно: «временный рабочий»); 族人 сородич (дословно: «человек клана») и т. д.

Аппроксимация наблюдается, например, в таких случаях:

1850—1911 гг.: 汉人 китаец (дословно: «ханец»); 国人 соотечественники (дословно: «люди страны») и т. д.

1912—1980 гг.: 户人 хозяин (дословно: «человек двора»); 达人 просвещенный, высокоинтеллектуальный человек (дословно: «мудрый человек») и т. д.

1981—2020 гг.: 亲属 супруги (дословно: «относиться к родне»); 家属 члены семьи (дословно: «относиться к семье»); 常委 член постоянного комитета (дословно: «постоянно препоручать») и т. д.

Лексическая гибридизация, которая наблюдается обычно при смешении родственных языков в ходе становления исследуемого концепта не отмечена.

Языковая игра как средство лингвокреативности предполагает осознанное нарушение рече-

вых норм в стремлении к реализации языковых возможностей и наблюдается в рамках конкретного акта речевого общения. В исследуемом материале подобные нарушения языковых норм не выявлены.

Таким образом, помимо общих выводов о тенденциях в содержательной динамике концепта «Человек», можно сделать и частные заключения о реализации средств лингвокреативности в когнитивной деятельности носителей китайской языковой картины мира. Средства лингвокреативности в китайском языке сходны со средствами лингвокреативности в русском и европейских языках. Необходимо, однако отметить, что лингвокреативность в китайском языке во многом обусловлена его типологическими особенностями.

Заключение

Становление концепта — когнитивный процесс, который актуализируется динамикой содержания и структуры концепта, зависящей от особенностей лингвокреативной деятельности носителей языковой картины мира.

Маркером, демонстрирующим наличие структурных и содержательных изменений концепта, является трансформация элементов языковой системы (репрезентантов концепта), коррелирующая с трансформацией мысли, знаний и концептов в сознании носителей языковой картины мира.

Несмотря на известную степень влияния лингвокреативности, например, английского языка на средства лингвокреативности китайского языка, типологические и лингвокультурные особенности китайского языка требуют иного взгляда на проблему лингвокреативности. В частности, более детального рассмотрения требует структура образованных в результате процесса лингвокреативности единиц.

Список источников

1. Бай С. Лингвокреативность в реализации риторики патриотизма в дискурсе китайских масс-медиа // *Litera*. 2022. № 5. С. 31—42.
2. Ли Хуйцзы. Динамика лексической репрезентации концепта «деньги» в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2016. 198 с.
3. Николаева О. В. Дискурсивно-прагматическая креативность в англоязычных китайских масс-медиа // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 2. С. 221—238.
4. Новикова Н. Л., Лебедев А. В. Концепт как ментальная сущность // *Ярославский педагогический вестник*. 2016. № 2. С. 164—168.
5. Песина С. А., Вторушина Ю. Л. Концепт как ментальный культурно значимый конструкт // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия*. 2016. № 2. С. 120—128.

6. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 30 с.
7. Соломка Н. А. Лингвокреативная деятельность как особая форма языкового мышления // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2016. № 12-5. С. 165—168.
8. Тищенко И. Е. Концепт как диахронический феномен (на материале исследования концепта «смелость» во французском и русском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 20 с.
9. Циберная О. Ф. Сопоставительное исследование внутрикультурного трансфера знаний в русской и китайской языковых картинах мира (на примере концепта «человек»/«人 (rén)»): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019. 232 с.
10. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. New York: Cambridge University Press, 1994. 240 p.
11. Li Wei, Tong King Lee. Language play in and with Chinese: traditional genres and contemporary developments // Global Chinese. 2021. No 7 (2). P. 125—142.
12. Rosch E. H. Cognitive representation of semantic categories // Journal of Experimental Psychology. 1975. 104 (3). P. 192—233.

References

1. Bay S. Linguistic creativity in the implementation of the rhetoric of patriotism in the discourse of Chinese mass media. *Litera*. 2022;(5):31-42. (In Russ.).
2. Li H. Dinamika leksicheskoy reprezentatsii kontsepta «den'gi» v russkom i kitayskom yazykakh = Dynamics of the lexical representation of the concept “money” in Russian and Chinese. Abstract of thesis. Irkutsk; 2016. 198 p. (In Russ.).
3. Nikolaeva OV. Discursive-pragmatic creativity in the English-language Chinese mass media. *Nauchnyy dialog = Scientific dialogue*. 2022;11(2):221-238. (In Russ.).
4. Novikova NL, Lebedev AV. Concept as a mental entity. *Ярославский педагогический вестник = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2016;(2):164-168. (In Russ.).
5. Pesina SA, Vtorushina YuL. Concept as a mental culturally significant construct. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya = Bulletin of Voronezh State University. Series Philosophy*. 2016;(2):120-128. (In Russ.).
6. Popova ZD, Sternin IA. The concept of “concept” in linguistic research. Voronezh: Voronezh State University Publ. House; 1999. 30 p. (In Russ.).
7. Solomka NA. Linguocreative activity as a special form of linguistic thinking. *Novaya nauka: Sovremennoye sostoyaniye i puti razvitiya = New science: Current state and ways of development*. 2016;(12-5):165-168. (In Russ.).
8. Tishchenko IYe. Kontsept kak diakhronicheskiy fenomen (na materiale issledovaniya kontsepta «smelost» vo frantsuzskom i russkom yazyke) = Concept as a diachronic phenomenon (based on the study of the concept of “courage” in French and Russian). Abstract of thesis. Kemerovo; 2008. 20 p. (In Russ.).
9. Tsibernaya OF. Sopostavitel'noye issledovaniye vnutrikul'turnogo transfera znaniy v russkoy i kitayskoy yazykovykh kartinakh mira (na primere kontsepta «chelovek»/«rén (rén)») = Comparative study of the intra-cultural transfer of knowledge in the Russian and Chinese language pictures of the world (on the example of the concept “Novaya nauka: Sovremennoye sostoyaniye i puti razvitiya person” „人 (rén)”). Abstract of thesis. Chelyabinsk; 2019. 232 p. (In Russ.).
10. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. New York: Cambridge University Press; 1994. 240 p.
11. Li W, Tong KL. Language play in and with Chinese: traditional genres and contemporary developments. *Global Chinese*. 2021;(7(2):125-142.
12. Rosch EH. Cognitive representation of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology*. 1975;(104(3):192-233.

Информация об авторе

О. Ф. Циберная — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода.

Information about the author

Olesya F. Tsibernaya — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at Theory and Practice of Translation Department.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.131.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10930

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ ИТАЛОЯЗЫЧНЫХ ТУРИСТИЧЕСКИХ БЛОГОВ

Елена Олеговна Шаповалова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, megapchelishe@mail.ru, ORCID 0000-0003-2877-8247

Аннотация. В эпоху глобализации и кризиса идентичности особенно остро стоит задача определения этой идентичности. Решение такой задачи позволит не только выйти из данного кризиса, но и, например, привлечь больше туристов и развить туристическую индустрию в стране, демонстрируя уникальность и неповторимость своего региона и его культурной жизни. Основное содержание статьи составляет анализ способов передачи национально-культурной идентичности на разных языковых уровнях в текстах италийских туристических блогов. Проведенный анализ показал, что используемые языковые средства для передачи идентичности встречаются в основном на лексическом уровне (тематические группы и заимствования из диалектов) и на стилистическом уровне (изобразительно-выразительные средства). На грамматическом уровне выявленные языковые средства во многом совпадают с теми, что используются при создании рекламы и служат в первую очередь для убеждения. Междисциплинарный характер работы на стыке социолингвистики, маркетинга, лингвокультурологии позволит использовать результаты исследования при продвижении сайтов и блогов отечественных туристических компаний.

Ключевые слова: национально-культурная идентичность, идентификация, туристический блог, имидж, геобрендинг

Для цитирования: Шаповалова Е. О. Языковые средства передачи национально-культурной идентичности в текстах италийских туристических блогов // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 232—237. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10930.

Original article

LANGUAGE MEANS OF TRANSMITTING NATIONAL-CULTURAL IDENTITY IN TEXTS OF ITALIAN-SPEAKING TRAVEL BLOGS

Elena O. Shapovalova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation megapchelishe@mail.ru, ORCID 0000-0003-2877-8247

Abstract. In an era of globalization and identity crisis, the challenge of defining that identity is particularly acute. Solving such a problem will allow not only to get out of this crisis, but also, for example, to attract more tourists and develop the tourism industry in the country, demonstrating the uniqueness and uniqueness of its region and its cultural life. The main content of the article is an analysis of the methods of transmitting national-cultural identity at different language levels in the texts of Italian-speaking travel blogs. The analysis showed that the language means used to convey identity are found mainly at the lexical level (thematic groups and borrowings from dialects) and at the stylistic level (pictorial and expressive means). At the grammatical level, the identified language means largely coincide with those used in the creation of advertising and serve primarily for persuasion. The interdisciplinary nature of work at the intersection of sociolinguistics, marketing, linguoculturology will make it possible to use the results of the study when promoting sites and blogs of domestic travel companies.

Keywords: national-cultural identity, identification, travel blog, image, geobranding

For citation: Shapovalova EO. Language means of transmitting national-cultural identity in texts of italian-speaking travel blogs. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):232-237. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10930.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью сохранения своей уникальности в эпоху глобализации. С данной проблемой сталкиваются все страны без исключения. Однако для этого необходимо осознать свою национально-культурную идентичность и сформулировать, в чем она состоит. Туристическая отрасль способна сформулировать, в чем же состоит идентичность страны, отдельного региона, народа, и распространить эту информацию на туристических сайтах, в туристических блогах. К тому же это поможет развитию туристического бизнеса, привлечению туристов в тот или иной регион.

Целью данной статьи является изучение языковых средств, передающих национально-культурную идентичность в текстах италияязычных туристических блогов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить, для чего служит национально-культурная идентичность в текстах выбранного жанра; во-вторых, выявить языковые средства, с помощью которых передается национально-культурная коннотация на различных языковых уровнях (лексическом, грамматическом, стилистическом); в-третьих, проанализировать, в какой степени языковые средства на разных языковых уровнях способны передавать национально-культурную коннотацию.

Теоретической базой исследования послужили работы по психоанализу (Э. Эриксон) и социологии (С. Хантингтон), геобрендингу (И. В. Логунцова) и др.

Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке социолингвистики, маркетинга, лингвокультурологии. Научная новизна заключается в исследовании возможностей использования языковых способов выражения национально-культурной идентичности для создания положительного имиджа региона и развития туристического бизнеса. Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты можно использовать при продвижении сайтов и блогов отечественных туристических компаний, используя положительный опыт других стран, что поможет в развитии внутреннего туризма и привлечении новых клиентов.

Материалы и методы

В ходе работы применялись следующие методы исследования: методы описания по лексико-семантическим группам и классификации (при выделении различных тематических групп лексики в анализируемых текстах); методы лингвостили-

стического наблюдения и описания (при анализе выявленных лингвостилистических единиц); метод сплошной выборки (при поиске эмпирического материала для анализа).

Материалом для анализа послужили три италияязычных блога, посвященные туризму: <https://www.turismovacanza.net>, <https://www.turismoitalia.com>, <https://www.italiadascoprire.net/blog-turismo>. В них можно найти информацию по путешествиям не только в Италию, но нас интересовали, прежде всего, статьи, рассказывающие о путешествиях на итальянские курорты и в различные регионы этой страны.

Отметим, что в выбранных нами блогах имелись тексты разного объема: от половины печатной страницы до 1,5 печатной страницы. Тексты большего объема не встречались, ввиду того, что слишком длинные тексты сложнее для восприятия и не выполняют главной цели туристического блога — заинтересовать, прорекламирровать. Общий объем проанализированных текстов составил примерно 20 печатных страниц.

Понятие идентичности

В настоящей статье мы рассматриваем национально-культурную идентичность на материале италияязычных туристических блогов. Италия — страна с богатой и древней культурой, разнообразными традициями и кухней. В каждом регионе, в каждом городе и населенном пункте можно найти особые, присущие только этому месту черты, познакомиться с его историей. Поэтому Италия привлекает как своими природными богатствами, возможностями рекреационного туризма, так и культурным разнообразием, и в блогах, рассказывающих о возможностях путешествий в эту страну, делается упор именно на эти отличительные черты с помощью разнообразных языковых средств. То есть создание положительного имиджа территории происходит на основе идентичности этой территории, ее жителей. Данный процесс связан с таким понятием, как геобренд — «это сложный комплекс уникальных свойств конкретной территории, сформированных стихийно или же целенаправленно, которые выделяют ее среди других подобных территорий, привлекают дополнительные ресурсы и определяют конкурентные позиции данной территории» [3. С. 120]. Термин «геобрендинг» «представляет собой стратегию повышения конкурентоспособности территорий, направленную на привлечение инвесторов, предпринимателей, туристов, специалистов, ищущих лучшее место для реализации своих умений

и навыков, финансовых, материальных и других ресурсов» [2. С. 471]. В эпоху глобализации и кризиса идентичности мы видим, как итальянское государство пытается повысить интерес к своей культуре, истории, традициям, познакомить с ними гостей страны. Для этого создаются специальные туры, проводятся национальные праздники, которые отмечаются в той или иной местности, устраиваются дегустации национальных блюд.

Согласно словарю социолингвистических терминов, идентичность — «соотнесение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки, а также то, как человека воспринимают окружающие, с какой из групп его соотносят»¹. В настоящее время существует несколько классификаций видов идентичностей. В нашем исследовании идентичность рассматривается с позиции культуры и культурологии. Культурную идентичность исследовали такие ученые, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Н. Я. Данилевский.

Понятие идентичности было введено в широкое употребление ученым Э. Эриксоном, и стало, начиная с 70-х гг. прошлого века, основным в социально-гуманитарных науках. Э. Эриксон создал теорию формирования личности человека на протяжении всей жизни, проходя определенные стадии. По мнению ученого, «только генетическая непрерывность может обеспечить избирательное выделение значимых идентификаций на всем протяжении детства и постепенную интеграцию образов “я”, достигающую кульминации в чувстве идентичности» [7. С. 218]. Поэтому Э. Эриксон называет идентичность «эго-идентичностью». По словам Эриксона, «идентичность проявляется на двух уровнях: “эго-идентичность” и групповая идентичность» [7. С. 53]. Первый уровень, индивидуальный (я-идентичность), подразумевает восприятие себя как тождественного и постижение непрерывности своего существования во времени и пространстве. Второй уровень, социальный, охватывает восприятие того, что другие признают мою идентичность и преемственность.

С. Хантингтон утверждал, что национальная идентичность складывается как языковая, религиозная, цивилизационная и национальная принадлежность индивида. С. Хантингтон описывает идентичность как «самосознание индивида или группы. Она представляет собой результат само-

идентификации, когда вы или я осознаем, что обладаем определенными качествами, которые отличают нас от других» [5. С. 21].

Способы передачи идентичности на различных языковых уровнях

В ходе исследования было отмечено, что во многом создание положительного образа территории достигается путем создания его идентичности — культурной, национальной, языковой. Особенно это характерно для Италии, объединившейся только во второй половине XIX века. Поэтому в этой стране до сих пор заметно различие в диалектах, традициях и обычаях, особенностях кухни разных регионов. Их сохранение — задача государственной важности, ведь именно в этом состоит культурное богатство Италии как единого государства. И именно это привлекает миллионы туристов каждый год. Некоторые исследователи используют понятие *региональная идентичность*, «которая является видом социокультурной идентичности, содержание которой представлено совокупностью локальных традиций определенной территории (региона), в том числе уникальных историко-культурных, общественных, символических, экономических или даже топографических характеристик конкретной территории (региона)» [4. С. 536]. Социокультурная идентичность, в свою очередь, понимается как «принятие человеком нужных образцов поведения и культурных норм, которые приняты в этой социальной группе» [6. С. 61].

Как утверждает Н. А. Волокитина, «Новая социокультурная реальность порождает у человека необходимость поиска иных, отличных от привычных, форм представления своей идентичности, ведь изменилось культурное пространство, значительную роль в котором стал играть интернет, коммуникации, медиасфера» [1. С. 35—36]. Так как современный турист часто выбирает место для своего будущего путешествия после изучения подобных блогов, статьи, написанные для них, должны не просто описать условия проживания, указать цены, предоставить информацию о дополнительных экскурсиях, возможностях культурного досуга и пр., но и быть своеобразной рекламой, создать привлекательный образ территории. И раз мы имеем дело с письменным текстом, то важно понять, какими именно языковыми средствами достигается данная цель.

Анализ проводился на различных языковых уровнях, традиционно выделяемых в языкознании: лексическом, грамматическом, стилистическом.

На лексическом уровне цель дать более детальную, точную и конкретную информацию

¹ Словарь социолингвистических терминов. URL: <https://rus-soc-lingvo-terms.slovaronline.com/197-Идентичность> (дата обращения: 09.08.2022).

достигается с помощью использования имен собственных. Прежде всего это топонимы (названия городов, регионов, населенных пунктов, географических объектов, памятников архитектуры, улиц, площадей и др.): *Emilia Romagna, Friuli Venezia Giulia, la provincia di Udine, Pordenone, il Palazzo Comunale, Piazza San Marco, San Vito al Tagliamento, Spilimbergo, il Palazzo Dipinto* и др.

С помощью определенной лексики в изучаемых текстах описываются уникальные памятники архитектуры, природа, кухня, традиции и др. То есть преобладание той или иной тематической группы может говорить о том, на чем основана национально-культурная идентичность того или иного региона. Мы выделили следующие основные тематические группы лексики, используемой в текстах анализируемых блогов: архитектура (*il fossato, la torre, i palazzi storici, la facciata, l'architettura rinascimentale, il campanile, la cancelleria* и др.); природа (*le vette rocciose, le valli verdissime, le scogliere, la sabbia, i parchi regionali e nazionali, le grandi pinete, le grotte, gli ulivi* и др.); культурное и историческое наследие (*il complesso archeologico, la città d'arte, i borghi medievali, i ritrovamenti di tombe messapiche, i manufatti litici come menhir e frammenti di ceramica* и др.); кухня (*il cibo piccante, il latte, il sangue di maiale, le uova, burro e spezie varie, il pesce cotto* и др.); туризм (*la classe standard, la prima classe, la seconda classe, numerosi servizi, la classe del servizio, le camere disponibili, le doppie con vista sul giardino o sul lago, il servizio di ristorazione* и др.); развлечения (*la presentazione di libri in abbinamento a vini e cibo, incontri culturali e degustazioni guidate, i convegni, gli spettacoli di cabaret e teatro di strada, il percorso di trekking, lo sport invernale* и др.). Преобладание той или иной тематической группы в определенной статье в рассматриваемых блогах зависит от темы статьи. Это облегчает и ускоряет поиск интересующей информации. Однако нами было отмечено, что в статьях с общей информацией, например об определенном регионе Италии, присутствуют смешанные тематические группы. Чаще всего это архитектура, природа, культурное и историческое наследие. Цель смешения данных тематических групп — показать, что Италия предоставляет самые разные виды отдыха на любой вкус. То есть идентичность региона выражается в различных аспектах его жизни, которые могут заинтересовать туристов с самыми разными интересами.

...coniuga celebri città d'arte e borghi medievali completamente immersi nella natura...; Capri, con i suoi faraglioni e l'incantevole grotta azzurra, è la sede di molte ville di poeti ed imperatori. Le isole

di Procida ed Ischia, con il Museo Archeologico di Pitheculae, la accompagnano nel mare limpido; ... musica, canti e profumo di cibo delizioso...; tradizione musicale; magico folklore; concerti e danze; radici più antiche; la località balneare.

Особенностью тематической группы «Кухня» является то, что она содержит в себе заимствования из диалектов тех регионов, откуда эти блюда произошли. Зачастую потом дается перевод на итальянский с пояснениями. Это создает эффект погружения в атмосферу региона, его кулинарные традиции, а также региональную идентичность, что необычайно важно для Италии, где в каждом регионе есть свои кулинарные традиции, особые национальные рецепты:

...il Casu Frazigu, letteralmente "formaggio marcio"...; le mammelle di mucca o dette Teteun; ... meusa, ossia milza di vitello e polmone...; ..."schettu", senza formaggio...; La torta al sangue di maiale, Turta dè sanc dè Pòrsel.

Для тематической группы «Культурное и историческое наследие» также характерны заимствования из диалектов (названия праздников, некоторые слова, связанные с этими праздниками):

Il cammino di Santu Jacu — San Giacomo; La festa della santuzza; la Strigoria.

Подобные лексические единицы отражают региональную идентичность, помогают описать все богатство итальянской культуры благодаря знакомству с местными традициями и обычаями. Таким образом, у читателя создается представление об итальянской национальной идентичности, сотканной, как пестрое лоскутное одеяло, из культурных идентичностей отдельно взятых регионов.

В зависимости от специфики города, о котором рассказывается, его главных достопримечательностей, выбирается и специальная лексика: архитектура (*il palazzo; la cattedrale, la chiesa, le architetture religiose*), история (*antica città di fondazione greca; un passato storico davvero ricco; il centro storico circondato da mura*), народы, населявшие эти территории (*greci e romani; normanni e svevi; angioini ed aragonesi, borboni e bonapartisti; dai romani in epoca precristiana, all'impero austro-ungarico*), культурное наследие (театр, выставки): *il teatro greco; la messa in scena delle famose tragedie; una città d'arte; inaugurare; la stagione primaverile; il patrimonio dell'UNESCO*. Использование специальной лексики в текстах подобного рода в очередной раз способствует выражению идентичности: определяются уникальные достопримечательности, описывается дух и атмосфера того или иного города.

На *грамматическом уровне* (морфология и синтаксис), на наш взгляд, сложно говорить о выражении национально-культурной идентичности. Скорее о приемах, которые направлены на то, чтобы привлечь внимание читателей, заинтересовать, и которые очень схожи с приемами, используемыми при создании рекламы. Выделим те, что в ходе анализа показали нам наиболее значимыми и яркими:

- 1) повелительное наклонение (обычно используется в формах на *voi* или на *tu*): *Esplorate*;
- 2) прилагательные в превосходной степени: *l'altissimo campanile*; *le nostre radici più antiche*; *festival itineranti più affascinanti d'Italia*; *uno dei più famosi castelli italiani*; *una delle più antiche d'Europa*;
- 3) однородные члены предложения: *Sfanzo e immagine, magnificenza e meraviglioso scenario*; *Spiritualità, paesaggi incantevoli e un pò di sana fatica*;
- 4) восклицательные предложения (*Eccone tre da non perdere!*; *a voi la scelta! L'Emilia Romagna è una regione del nord Italia tutta da scoprire!*).

Различные изобразительно-выразительные средства на *стилистическом уровне*, сами по себе, не могут выразить национально-культурную идентичность. Но они выделяют, заостряют внимание на тех элементах и лексических единицах, которые эту идентичность выражают. Их задача — заинтересовать, создать яркий образ. Отметим некоторые тропы и фигуры, которые встретились в ходе исследования:

- 1) метафора: *la chiesa riccamente decorate*; *l'antico borgo cinto da mura*; *i palazzi storici che si specchiano nelle acque del fiume*; *una vista spettacolare*; *la natura incontaminata*; *le acque turchesi*; *i magici luoghi*; *assaporare gli ampi spazi naturali*; *delle perle di una bellezza assoluta*; *i paesaggi mozzafiato*; *Il vulcano Vesuvio è il grande gigante dormiente*; *la fucina di antiche civiltà*; *la profonda cristianità che si respira in tutta la regione*; *desiderare ardentemente*; *il pupillo di tutta la cittadina*; *gli altri prodotti da leccarsi i baffi*; *E' una piccola oasi del gusto e dei sapori nel pieno cuore del vecchio quartiere*; *le incantevoli terre*;
- 2) эпитет: *Luoghi turistici singolari*; *borghi accattivanti*; *gastronomia saporita*; *la suggestiva città*; *San Vito al Tagliamento, graziosa ed elegante*;

3) олицетворение: *ei bellissimi paesaggi che aspettano solo di essere scoperti e visitati*; *regalarci una carezza al palato e allo spirito*;

4) метонимия: *è un toccasana*;

5) перифраз: *le anime più intrepide e avventurose*;

6) синекдоха: *dare sfogo ai vostri piedi irrequieti*;

7) риторические вопросы: *Allora, vi è già venuta voglia di camminare?*

Таким образом, главная цель текстов туристических блогов — создание положительного образа региона/местности для привлечения туристов. Для этого используется национально-культурная идентичность, которая передается с помощью определенных лексических средств на разных языковых уровнях. На лексическом уровне — это определенные тематические группы, на грамматическом уровне — приемы внушения и убеждения, как в рекламе (повелительное наклонение, восклицательные предложения, однородные члены предложения и др.), на стилистическом уровне — тропы и фигуры.

Заключение

Итак, из проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) в текстах италоязычных туристических блогов национально-культурная идентичность служит для создания положительного образа страны/региона и ее жителей;
- 2) языковые средства передачи идентичности в основном встречаются на лексическом и стилистическом уровнях;
- 3) на лексическом уровне идентичность передается с помощью определенных тематических групп, которые характеризуют те или иные особенности территории, ее традиций, культуры;
- 4) на стилистическом уровне идентичность передается с помощью разнообразных троп и фигур, которые выделяют те или иные особенности региона, способные привлечь и заинтересовать туристов;
- 5) на грамматическом уровне используемые средства схожи с теми, что используются в рекламе и служат для побуждения к действию — выбору услуг именно этой фирмы, поездки именно в этот регион.

Список источников

1. Волокитина Н. А. Репрезентация этнической идентичности в современном интернет-пространстве // Социальная интеграция и развитие этнокультур в Евразийском пространстве. 2019. Т. 2. № 8. С. 35–39.

2. Корнилова К. С. Геобрендинг в контексте проблем медиатизации как средство развития территорий и привлечения туристов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. № 4. С. 469—474. DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-4-469-474.
3. Логунцова И. В. Каналы коммуникации и инструменты продвижения в геобрендинге // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 4. С. 119—129. DOI: 10.21453/2311-3065-2017-5-4-119-129.
4. Махинин А. Н., Коваленко М. С. Региональная идентичность как вид социокультурной идентичности: проблемы описания и диагностики // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 3 (59). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46645465_52346475.pdf (дата обращения 11.08.2022).
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Транзиткнига, 2004. 635 с.
6. Шарифьянова Р. Р. Теоретическое осмысление понятий «идентичность» и «социокультурная идентичность» // Современное общество: актуальные проблемы и перспективы развития в социокультурном пространстве: сборник науч. ст. по итогам VII Междунар. науч.-практ. конф.; под ред. Г. Н. Петрова. Чебоксары: Плакат, 2020. С. 57—62.
7. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис ; пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

References

1. Volokitina NA. Representation of ethnic identity in the modern Internet space. *Sotsial'naya integratsiya i razvitiye etnokul'tur v Yevraziyskom prostranstve = Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space*. 2019;2(8):35-39. (In Russ.).
2. Kornilova KS. Geobranding in the context of mediatization problems as a means of developing territories and attracting tourists. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistsika = News of the Saratov University. New series. Series Philology. Journalism*. 2019;19(4):469-474. DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-4-469-474. (In Russ.).
3. Loguntsova IV. Communication channels and tools for promotion in geobranding. *Kommunikologiya = Communicology*. 2017;5(4):119-129. DOI: 10.21453/2311-3065-2017-5-4-119-129. (In Russ.).
4. Makhinin AN, Kovalenko MS. Regional identity as a type of sociocultural identity: problems of description and diagnosis. *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universitet = Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*. 2021;(3(59)). Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_46645465_52346475.pdf (accessed 11.08.2022). (In Russ.).
5. Huntington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti. = Who are we? Challenges of American national identity. Moscow: Transitkniga, 2004. 635 p. (In Russ.).
6. Sharifyanova RR. Theoretical understanding of the concepts of “identity” and “sociocultural identity”. In: Petrov GN (ed.). *Sovremennoye obshchestvo: aktual'nyye problemy i perspektivy razvitiya v sotsiokul'turnom prostranstve = Modern society: current problems and prospects for development in the sociocultural space*. Cheboksary: Poster; 2020. Pp. 57—62. (In Russ.).
7. Erickson E. Identichnost': yunost' i krizis = Identity: Youth and Crisis. Moscow: Progress Publishing Group, 1996. 344 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. О. Шаповалова — кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и перевода.

Information about the author

Elena O. Shapovalova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Germanic and Romance languages and cross-cultural communication, Faculty of Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 17.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811'373'27

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10931

ЛЕКСЕМА «ДУША» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ОТ САКРАЛИЗАЦИИ К ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ

Оксана Владимировна Шкуран¹✉, Наталья Владимировна Карпинская²

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, oksana.shkuran@mail.ru✉

² Луганский государственный аграрный университет, Луганск, Луганская Народная Республика, obr_okr2017@mail.ru

Аннотация. В статье диахронический анализ лексемы «душа» показывает, что многозначность слова отражает ее функциональную потенцию, актуальность употребления и выстраивает мировоззренческие смысловые связи. В результате исследования сделан вывод, что лексема «душа» является языковой единицей с сакральной семантикой, которая на протяжении трех столетий сохранила статус медиатора нравственных ценностей/антиценностей в русской культуре. Оценочные представления данной лексемы связаны со стереотипами обыденного сознания, эталонами, влияющими на поведение современного человека. Мифопоэтические традиции переплетены с христианскими представлениями, отобразившимися на лексико-семантическом уровне лексемы. Образные представления, коннотативная окраска слова «душа» репрезентируют новую современную номинацию соматизма «душа» с десакральной семантикой.

Ключевые слова: языковая картина мира, лексема, фразеологизм, языковая единица с сакральной семантикой, десакральная семантика, аксиологический вектор

Для цитирования: Шкуран О. В., Карпинская Н. В. Лексема «душа» в языковой картине мира: от сакрализации к десакрализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 238—244. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10931.

Original article

THE SOUL TOKEN IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD: FROM SACRALISATION TO DESACRALISATION

Oksana V. Shkuran¹✉, Natalia V. Karpinskaya²

¹ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, oksana.shkuran@mail.ru✉

² Lugansk State Agrarian University, Lugansk, Lugansk People's Republic, obr_okr2017@mail.ru

Abstract. In the article, the diachronic analysis of the soul lexeme shows that the ambiguity of the word reflects its functional potency, the relevance of use and builds ideological semantic connections. As a result of the research, we came to the conclusion that the soul lexeme is a linguistic unit with sacred semantics, which for three centuries has retained the status of a mediator of moral values/anti-values in Russian culture. Evaluative representations are associated with stereotypes of everyday consciousness, standards that influence the behavior of a modern person. Mythopoetic traditions intertwined with Christian ideas, which was reflected at the lexico-semantic level. Figurative representations, connotations represent a new modern nomination of soul somatism with desacral semantics.

Keywords: linguistic picture of the world, lexeme, phraseology, linguistic unit with sacred semantics, desacral semantics, axiological vector

For citation: Shkuran OV, Karpinskaya NV. The soul token in the language picture of the world: from sacralisation to decacralisation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):238-244. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10931.

Введение

Исследование отраженной в языке картины мира занимает в современной науке весьма важ-

© Шкуран О. В., Карпинская Н. В.

ное место, поскольку все лингвистические направления обуславливаются антропоцентрическим подходом, а язык формирует и сохраняет знания человека о мире. М. Хайдеггер подчеркивал, что

при слове *картина* мы что-то отображаем, «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [14. С. 103]. Как следствие подобного интереса к феномену языковой картины мира, которая в иных формулировках способна обозначаться как «языковой промежуточный мир», «языковая организация мира», «языковая репрезентация мира», «языковая модель мира», существует множество определений этого термина: «отображение способа моделирования и структурирования действительности, свойственного для конкретной лингвокультурной общности» [6. С. 2]; «зафиксированная в языке, а также специфическая для этого языкового коллектива схема восприятия действительности... это своего рода мировидение через призму языка» [16. С. 47]. Такие разнообразные определения дополняют друг друга и акцентируют внимание на одной из сторон восприятия действительности исследуемого этноса — сакрализации особо значимых языковых единиц.

В российской лингвистике с начала нынешнего столетия проблемы рассмотрения категориальной модальности языковых единиц с сакральной семантикой исследуют Т. Б. Захарян (2006), Т. Н. Бурмистрова (2007), Н. И. Коновалова (2007), К. Д. Наумов (2010), Т. В. Кузьмина (2011), Н. А. Воробьева (2012), О. А. Дмитриева, И. Г. Чеботарев (2015), Т. Б. Радбиль (2016), О. В. Шкуран (2021) и др., которые объясняют термин «сакральность» в широком его понимании. Ученые смогли описать исследуемые единицы, однако целостно, без понимания когнитивно-лингвокультурологической общности со структурированной картиной мира, видоизменяясь во времени и социальном порядке, методология такого исследования не предусмотрена.

Целью нашего исследования стала лексема *душа* как языковая единица с сакральной семантикой, значимая для понимания русского национального характера в языковой картине мира (ЯКМ).

Методы и материалы

Основными методами исследования являются метод компонентного анализа (анализ семантических компонентов прямых и переносных значений лексем), метод синхронно-диахронического освещения анализируемого фактического материала, метод сплошной выборки, описательный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретация данных, функционально-семантический и дефиниционно-сопоставительный методы.

Результаты

Христианское учение считает, что в теле человека сосредоточено все, что есть лучшего и совершеннейшего в составе видимого мира, так что оно поистине является малым миром и отражением внешней, видимой стороны человека. Невидимую, духовную сторону составляет душа — существо, отличное от тела, возвышающееся над ним и над всей видимой природой своими совершенствами и преимуществами. Душа имеет природу не земную, а небесную. Из свидетельства Ветхого Завета слова Самого Господа в отношении Иова говорят дьяволу: «И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей, только душу его сбереги» (Иов. 2, 6). Душа Иова отличается от его тела, к которой не может дотронуться сатана, в то время, как тело может быть поражено болезнями. Екклесиаст утверждает, что участь духа человеческого отлична от участи тела, потому что дух возвращается к Богу, а тело обращается в землю: «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его» (Еккл. 12, 7) [1. С. 513; 625].

В Новозаветном Откровении Иисус Христос учит высокому преимуществу человеческой души сравнительно со всем земным и чувственным: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?», «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мф. 16, 26; Мк. 8, 35—37). Посылая учеников на проповедь, Христос поучал преимуществу души перед телом, ее бессмертию в отличие от праха земного, глиняного сосуда — тела: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может душу и тело погубить геене» (Мф. 10, 28) [2. С. 60; 145; 35].

Св. Григорий Нисский писал: «Несмотря на свою невидимость, душа является существом совершенно отличным от тела, действующим в нем и через него и посредством его органов наблюдающим и познающим. Этот мысленный процесс, совершающийся внутренне, свидетельствует о существовании в теле силы высшей, духовной» [11].

В современном русском языке лексема *душа* является многозначным словом. В «Словаре церковнославянского и русского языка», составленном Вторым отделением Императорской академии наук (1847), представлены такие дефиниции слова *душа*: «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею»; «дух, влитый в тело

животного; жизнь»; 'душевное свойство человека'; 'совесть'; 'человек разного пола и возраста'; 'способность приводить в движение, занимать или руководить многими'; 'сущность вещи'; 'чувство'; 'ум, разум'; 'приветствие любимому человеку' [13. С. 379]. Секуляризация всех сфер жизнедеятельности через столетия отразилась в представленных словарных дефинициях МАС (1985): 1) внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т. д.; 2) совокупность характерных свойств, черт, присущих личности, характер человека; 3) человек (обычно при указании количества, а также в устойчивых сочетаниях); 4) в старину: крепостной крестьянин; 5) дружеское фамильярное обращение; 6) самое основное, главное, суть чего-либо [5. С. 456].

В «Большом словаре русских поговорок» [3. С. 211—217] собрано более трехсот фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом *душа*, которые синтезировали как традиционные, так и современные представления о данной лексеме. Рассмотрим несколько примеров.

ФЕ *душа в пятки ушла*, по мнению В. М. Мокиенко, А. К. Бириха, Л. И. Степановой, связана с сюжетом гомеровской «Илиады», в котором греки после появления троянского героя Гектора, наводящего ужас на охотников, дрогнули, — и у каждого в ноги отважность упала (*ушла*) (*Omnis in pedes decedit*) [11. С. 175]. Гомер чувство неожиданного страха сопрягает со средоточием мыслей и ощущений в стремлении бежать. Словари И. М. Снегирева, О. П. Ермакова, С. П. Тимошенко и др. иллюстрируют русский вариант выражения *душа в нос (носе, носу) ушла*, т. е. физиологическое состояние напряженного ожидания. В «Славянских древностях» описано мнение влавов с.-вост. Сербии о том, что в теле умирающего человека душа продвигается от ступней к носу и останавливается в этом месте, где легче покинуть тело (серб. *душа једна врата има; душа му у носу стоји*). У разных славянских народов душа покидает тело через горло, зубы, ногти, локоть, волосы, кости, глаза и др. части тела: *душа к горлу подступила; у него душа к зубам подступила, дух у него забился в кости; он носит душу в зубах* и др. [12. Т. 1. С. 163]. По всей вероятности, в современном русском языке данная ФЕ стала трансформацией гомеровского выражения и стимулом для вариаций и эллипсиса: *душа в пятках; душа в пяточку ушла; душа вылазит; душа выходит; душа выпадает; душа выходит по кусочкам; душа дрыгает; душа катится; душа рассыпается* и др. [3. С. 211], т. е. человек в момент страха на-

ходится на грани жизни и смерти. Действие самой души представлено глаголами *ушла, вылазит, выходит, выпадает, дрыгает, катится, рассыпается*, коннотативно номинирующими движение самой души или третьего лица.

Об откровенном, прямодушном, чистосердечном русском человеке говорят *душа нараспашку (душа нарастопашку)* [3. С. 213]. По народным представлениям, душа помещается в ямочке на шее, над грудной костью. Первоначально это устойчивое выражение называло человека, у которого расстегнут ворот рубахи и который не боится показать содержимое за пазухой [11. С. 175]. Пазухой называется пространство между грудью и прилегающей к ней одеждой, которое считается самым удобным и теплым местом, например: *как у отца-матери за пазухой; как у Христа за пазухой; как у Бога за пазухой* и др. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля представлены семы слова *пазуха* — это 'углубление, пустота, глубоко вдавшийся куда простор, мешок, проем, ход, простор между грудью и одеждой, над поясом; сама грудь человека, от шеи до ложечки; складка одежды поверх пояса, в которой носили различные предметы' [4. С. 9]. Как видим, ФЕ *душа нараспашку* иллюстрирует открытость, щедрость, милосердие и умение делиться своей теплотой души, что свойственно русскому человеку.

Положительные нравственные качества души в составе ФЕ описаны с помощью прилагательных: *дорогая, веселая, крещеная, легкая, открытая, святая, хорошая* [3. С. 211—216], отображающих культурно-национальную интерпретацию русским человеком своего внутреннего мира с аксиологической позиции ценности/антиценности. Содержательная сторона лексемы *душа* в диахронических и синхронических образах стирается, потому что пейоративно коннотированные эпитеты по-прежнему иллюстрируют предпочтения ценностей, например: *бумажная, короткая, мутная, дырявая, дышлявая, заячья, иродова, каторжная, кривая, нечистая, чернильная, мертвая, гулькина душа* [3. С. 211—216], сохраняют на протяжении трех столетий стереотип неизменного отрицательного отношения к таким качествам, как жесткость, лживость, мелочность, непорядочность, робкость, скверность, трусость, формализм, эгоистичность и др.

В ходе извлечения из словарных статей «Большого словаря русских поговорок» (БСП) выявлены замкнутые позиции словоформ к лексеме *душа*: *душа/нос, душа/пятка, душа/тело, душа/ниточка,*

душа/мера, душа/калека, душа/небо, душа/покой, душа/место, душа/Бог, душа/рай, душа/костили, душа/красна девица, душа/душа, душа/три души, душа/крест, душа/Богородица, душа/ладонь, которые определяют соотношения соматизма душа с лингвокультурологическим полем, выявляют семантическое наполнение и место лексемы в языковой и религиозной картинах мира. Как отмечает А. К. Перевозникова, данная лексема «эксплицирует определенные ментальные предпочтения в духовно-нравственном аспекте» [8. С. 19]. Как видим, в структуре ФЕ переплетаются народные представления и христианская связь человека с Богом, Богородицей, небом, раем, покаянием: Душа на небе; Душа на покаянии; Душа с Богом говорит (беседует); в душу, в крест, в Богородицу и др. [3. С. 211—16]. Мы не зафиксировали ФЕ с противительной конструкцией с союзом *а, но, да, однако, зато*. Видимо, ФЕ носят интерпретирующий характер и демонстрируют право выбора человека быть в душевном здравии или же находиться в состоянии духовного диссонанса: *Продать (подписать) душу черту (дьяволу); Продать душу за овсяный блин; Раздирать душу; Растаптывать душу; Рвать душу; Тянуть душу* и т. д., наделяя соматизм душа метафорическими характеристиками (как невидимое существо, которое невозможно подвергать физическому действию: *брать, рвать, продавать*).

Анализ словарных дефиниций в БСРП к лексеме душа показал широкий спектр глагольных метафорических сочетаний, например, с такими глаголами: *болеет, валится, вздынулась, висит, вылазит, выпадает, выходит, горит, дрыгает, замаялась, убежала, запеклась, затекает, идет, катится, не родит, оборвалась* и др. Индивидуальный характер отображен во ФЕ с пометой вульг., груб., ирон., пренебр., шутол.: Душа приляжет/прилегла; Душа пузыри пускает; Душа да тело; Душа зайцем в лес убежала; Душа на жижелочке держится; Загорелась душа до винного ковшика; Шоркнуть по душе и др. [3. С. 211—216], что свидетельствует о десакральном смысле ФЕ. Приведем несколько примеров фразеологического значения: *блюет с души; рваться с души* ‘тошнит кого-либо’ [3. С. 213]; *материть (изматерить) из души в душу* ‘очень грубо, крепко и цветисто ругать кого-либо’ [3. С. 213]; с души *воротит* ‘о состоянии крайнего отвращения, неприятия чего-либо’ [3. С. 214]; *висеть над душой* ‘надоедать, надокучать кому-либо’ [3. С. 214]; *порыться в душе* ‘навести о ком-то справки’ [3. С. 213] и др. — такая интерпретация сакральной лексемы душа обусловлена образно-

стью наивного сознания и секуляризации священных понятий в бытовой жизни.

Некоторые общественные, культурные и бытовые изменения в жизни русского человека отразились на ФЕ с пометой *архаизм, устаревшее*: *Мерять души* (измерять крестьянские земельные наделы в зависимости от количества членов семьи); *Переть душой* (обманывать, лгать; лицемерить; поступать против совести) [3. С. 215]; *Вколачивать душу в пятки кому-либо* (жестко обходиться с кем-либо, истязать кого-либо) [3. С. 215]; *Выколлотить душу из тела* (угрозами, побоями довести кого-либо до смерти) [3. С. 215] и др.

Весьма популярным после написания поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» стало крылатое выражение *мертвые души*, которое в БСРП имеет несколько сем с различными пометами *книжн., офиц, жарг., арм., шк., ирон.*: ‘люди, фиктивно числящиеся где-либо’; ‘солдаты гражданских специальностей (музыканты, художники, спортсмены), числящиеся на военных должностях и выполняющие специальные поручения начальства’; ‘ученики на уроке’; ‘ученики в учительской’ [3. С. 214], что иллюстрирует соединение сверхъестественного с реальным. Оксюморон — это художественный прием, использованный автором ФЕ: бессмертие души и духовная смерть главных персонажей поэмы Н. В. Гоголя, которые устраивают махинации с продающими или дарящими душами. Затея с мертвыми душами подхвачена современным контекстом в НКРЯ: *Педагоги кровь из носу должны набрать за год 15 сертификатов, чтобы различными средствами выманивать у детей их сертификаты, классические «мертвые души»* (Л. А. Данилкин. Диагностика пармы, 2016) [7]; *в семь утра я ее сменил, пока она кормила кур да выпроваживала мужа с сыном на работу, а в восемь, в момент открытия магазина, вся очередь собралась один к одному: при входе в магазин «подставные» номера и «мертвые души» не проходили* (Ю. Кашкин. Рассказы о животных, 2014) [8] и др. Как видим, лексема душа иллюстрирует свое отсутствие как нравственно-эмоционального ядра человека при наличии материального компонента человеческой сущности. Например, во ФЕ Душа да тело с дефиницией ‘о голом, раздетом человеке’; Душа с телом *растается* ‘о наступлении смерти; о тяжелой болезни; о сильной боли; о состоянии сильного утомления, крайней слабости’ [3. С. 211] акцентируется внимание на нежелательной дихотомии души и тела, поскольку телесная оболочка жива при наличии души.

Мы различаем фразеологизмы с лексемой *душа*, иллюстрирующие **положительные** нравственные качества, эмоции, чувства — любовь, расположение: *душа приляжет, прилегла; душа припадает; согласие, мир: душа в душу; душа за душу; симпатия, интерес: душа лежит; спокойствие, радость: душа на месте; душа на небе; душа на покое; душа прилегла; душа радуется; отдых: душа на покаянии; простодушие: душа — телега, сани — розвальни; чистосердечие: душа на распаху; душа на растопашку; смелость: душа вздынулась; отрицательные — душевное расстройство, переживание: *душа (душенька) болит (разболелась, заболелась, выболела); душа валится (вывалилась) [вон]; душа на пял лезет; физическая слабость: в чем [только] душа (душенька) держится; душа висит; душа на ниточке; еле-еле душа в теле; душевная боль: душа идет; душа на тряске; глупость: душа калека; испуг, страх: душа в нос; душа зайцем в лес убежала; душа оторвалась; душа под лед пошла; душа умирает; душа холодит; недовольство: душа вон; излишняя активность: душа вылазит; душа валится; волнение: душа горит; душа дыбом (дыбарем); душа катится; душа наизнанку; усталость: душа замаялась; жажда: душа запеклась; плохая память: душа коротка; состояние горя: душа лопнет; душа стонет; тяжелое душевное состояние: душа млет; растерянность: душа сыплется; заносчивость, эгоизм: дышлявая душа; отсутствие интереса: душа не лежит; душа не принимает и др. Лексема *душа* номинирует процесс приближения смерти: *душа выходит; душа мрет; душа затекает; душа с телом расстаётся и др.* [3. С. 211—213]. Лексема *душа* выражает представления мировосприятия**

русского человека и сохраняет статус медиатора нравственных идеалов в русской культуре.

Заключение

Семантический анализ ФЕ с лексемой *душа* позволяет реконструировать традиционную и современную языковую картину мира русского человека, которая представляет собой цельную систему с коллективными и индивидуальными представлениями о ключевой языковой единице русской культуры. Языковая единица *душа* иллюстрирует реальность через языковое выражение, представляя фрагмент действительности. Фразеологические единицы наделены как сакральной, так и десакральной семантикой, «утратившей мелиоративно-коммуникативную функцию и получившей экспрессивно-инфернальный статус, способный вызвать стилистический эффект и ведущий к деструкции языковой личности. Это приводит к стиранию национальных, культурных, религиозных традиций и будет способствовать формированию квазиценностей посредством русского языка» [15. С. 342]. Компонент *душа* как концентр духовной жизни представляет культурные ценности/антиценности, которые возможно классифицировать на основании эмоций, чувств. Религиозное представление о душе подчеркивает тесную связь с Богом, а ее сверхъестественное происхождение соотносится с материальной сущностью человека. Лексикографическое описание ФЕ показывает, что в БСРП лексема *душа* широко употребительна и является сложной и неоднозначной языковой единицей в русской культуре.

Список источников

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2010. 1346 с.
2. Святое Евангелие. М.: Сибирская Благовонница, 2019. 383 с.
3. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок /под общ. ред В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа групп, 2007. 784 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981. 699 с.
5. Малый академический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1: А-Й / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985—1988. 696 с.
6. Моисеева В. Л. Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998. 19 с.
7. Данилкин Л. А. Диагностика пармы // Национальный корпус русского языка. 2016. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CkEKIdCU0LjQsNCz0L3QvtGB0YLQuNC60LAg0L%2FQsNGA0LzRiyIVCgIABAKGDIgCiis9eSwzq3oA0AKKgIIATIBAQ%3D%3D> (дата обращения 24.06.2022).
8. Кашкин Ю. Рассказы о животных // Ковчег. 2014. № 45. URL: <http://litbook.ru/article/7239/> (дата обращения 24.06.2022).
9. Перевозникова А. К. Концепт *душа* в русской картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 21 с.

10. Св. Гр. Нисский о достоинстве природы человеческой. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skvorcov/uchenie-sv-grigorija-nisskogo-o-dostoinstve-prirody-chelovecheskoj/ (дата обращения 24.06.2022).
11. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
12. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1995. Т. 1. 488 с.
13. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1847. Т. 1. 439 с.
14. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 93—118.
15. Шкуран О. В. Бинаризация понятий *профанный* — *десакральный* в культурно-языковой константе «русскости» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 2 (37). С. 327—342.
16. Яковлева Е. С. К описанию языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1-3. С. 47—56.

References

1. Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta = Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Moscow; 2010. 1346 p. (In Russ.).
2. Svjatoe Evangelie = The Holy Gospel. Moscow; 2019. 383 p. (In Russ.).
3. Mokienko VM, Nikitina TG. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok = A large dictionary of Russian sayings. Moscow; 2007. 784 p. (In Russ.).
4. Dal' VI. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka = Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moscow; 1981. 699 p. (In Russ.).
5. Malyj akademicheskij slovar' russkogo jazyka. V 4 t. T. 1: A—J. = Small academic dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 1: A—J. Moscow; 1985—1988. 696 p. (In Russ.).
6. Moiseeva VL. Bezlichnye glagol'nye predikaty sostojanija lica v russkoj jazykovoj kartine mira = Impersonal verbal predicates of the state of the face in the Russian language picture of the world. Abstract of thesis. St. Petersburg; 1998. 19 p. (In Russ.).
7. Danilkin LA. Diagnostika parmy = Parma diagnostics. 2016. Available from: <https://ruscorpora.ru/results?search=CkEKIdCU0LjQsNCz0L3QvtGB0YLQuNC60LAg0L%2FQsNGA0LzRiyIVCggIABAKGDIgCiis9eSwzq3oA0AKKgIATIBAQ%3D%3D> (accessed 24.06.2022). (In Russ.).
8. Kashkin Ju. Rasskazy o zhivotnyh = Stories about animals. Available from: <https://ruscorpora.ru> (accessed 24.06.2022) (In Russ.).
9. Perevoznikova AK. Koncept *dusha* v russkoj kartine mira = The concept of *the soul* in the Russian picture of the world. Abstract of thesis. Moscow; 2002. 21 p. (In Russ.).
10. Sv. Gr. Nisskij. O dostoinstve prirody chelovecheskoj = About the dignity of human nature. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skvorcov/uchenie-sv-grigorija-nisskogo-o-dostoinstve-prirody-chelovecheskoj/ (accessed 24.06.2022) (In Russ.).
11. Birih AK, Mokienko VM, Stepanova LI. Slovar' russkoj frazeologii: istoriko-jetimologicheskij spravochnik = Dictionary of Russian Phraseology: historical and etymological reference. St. Petersburg; 1998. 704 p. (In Russ.).
12. Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar': V 5 t. = Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: In 5 vol. Moscow; 1995. Vol. 1. 488 p. (In Russ.).
13. Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogo jazyka, sostavlennyj Vtorym Otdeleniem Imperatorskoj Akademii Nauk = Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg; 1847. Vol. 1. 439 p. (In Russ.).
14. Hajdegger M. The time of the world picture. In: Novaja tehnokraticheskaja volna na Zapade = A new technocratic wave in the West. Moscow; 1986. Pp. 93—118. (In Russ.).
15. Shkuran OV. Binarization of the concepts profane — desacral in the cultural and linguistic constant of “Russianness”. *Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija* = *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2020;(2(37):327-342. (In Russ.).

16. Jakovleva ES. To the description of the linguistic picture of the world. *Russkij jazyk za rubezhom* = *Russian Language Abroad*. 1996;(1-3):47-56. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Шкуран — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Н. В. Карпинская — старший преподаватель кафедры.

Information about the authors

Oksana V. Shkuran — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages.

Natalia V. Karpinskaya — Senior Lecturer at the Department.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 08.09.2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 80

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10932

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ПОСТРОЕНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ

Наталия Анатольевна Юшкова¹, Наталья Александровна Рядовых²✉

^{1,2} Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

¹ Институт развития образования Свердловской области, Екатеринбург, Россия

¹ yushkova-n@yandex.ru, ORCID 0000-0002-3385-2803

² 2013071@mail.ru✉, ORCID 0000-0001-8186-4449

Аннотация. Развитие языковой личности рассматривается в контексте лингводидактического подхода. Вопрос восприятия школьниками и студентами получаемой информации, ее критического анализа и оперативного включения в практическую деятельность связывается с процессом аргументации и проецируется на разные уровни в структуре языковой личности. Заявляется идея о том, что практики формирования аргументативно-дискурсивных способностей школьников и студентов, методы диагностики уровня их развития востребованы в школьном и вузовском образовании. Отмечается, что разработка аргументации относится к базовым компетенциям и предполагает умение не только самостоятельно выдвигать развернутое обоснование спорной идеи, но и анализировать предлагаемые другими доказательства. Приближение к реальной коммуникации, в которой развиваются аргументативно-дискурсивные способности личности, моделируется в учебном задании комплексного характера, предполагающем анализ текстовых фрагментов для построения аргументации. Рассматриваются типичные трудности обучающихся, выявленные в ходе пилотного исследования: поверхностная работа с содержанием информации, приводящая к логическим ошибкам, неспособность вычленять иллокутивный (прагматический) компонент текста, неверное определение его семантических особенностей, недостаточные навыки компрессии текста и его корректной трансформации, неумение давать самостоятельные точные формулировки обобщающего характера. Делается вывод о том, что комплексный подход к проблеме развития языковой личности предполагает проведение диагностических процедур и применение заданий, компенсирующих образовательные дефициты обучающихся.

Ключевые слова: языковая личность, аргументативно-дискурсивные способности, процесс аргументации, способы аргументации, ошибки аргументации

Для цитирования: Юшкова Н. А., Рядовых Н. А. Развитие языковой личности студентов и школьников в процессе построения аргументации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 245—253. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10932.

Original article

SCHOOL AND UNIVERSITY STUDENTS' LANGUAGE PERSONALITY DEVELOPMENT VIA CONSTRUCTING AN ARGUMENT

Natalia A. Yushkova¹, Natalia A. Ryadovych²✉

^{1,2} Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

¹ Institute for the Development of Education of the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russia

¹ yushkova-n@yandex.ru, ORCID 0000-0002-3385-2803

² 2013071@mail.ru✉, ORCID 0000-0001-8186-4449

Abstract. The article considers language personality development from the linguodidactic point of view. Perception, critical analysis and use of information by students are associated with argument construction and are projected to different levels of language personality. The authors argue that practical development of argumentation and discourse skills of students, as well as the methods of measuring the skills is in demand in school and

university education. The article states that argument construction is a basic competence. It implies that students are capable not only to provide solid grounds for a controversial statement, but also to analyze arguments given by their peers. Modeling a real-world communication helps to develop argumentation and discourse skills of students. This involves creating complex learning tasks based on text analysis in order to construct an argument. The authors analyze students' typical problems found during the pilot study. These problems include superficial understanding of textual information that leads to logical errors, inability to identify the illocutive (pragmatic) component of the text, inadequate interpreting of its semantics, poor ability to shorten and transform a text and to formulate general ideas. The authors come to a conclusion that a complex approach to language personality development implies diagnostic measurement and learning tasks that compensate for students' educational deficiencies.

Keywords: language personality, argumentation and discourse skills, argument construction, argumentation methods, errors in argumentation

For citation: Yushkova NA, Ryadovych NA. School and university students' language personality development via constructing an argument. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):245-253. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10932.

Введение

Антропоцентрическая парадигма современной науки обусловила устойчивый интерес к изучению языковой личности. Выделенные в свое время Ю. Н. Карауловым уровни в структуре языковой личности — вербально-семантический, когнитивный и прагматический — позволяют выстроить модели исследования обозначенного феномена в лингвистическом, культурологическом, социологическом, психологическом, педагогическом контекстах.

Теоретические основы исследования

Уточнение теоретико-методологических подходов к изучению языковой личности приводит к становлению различных инструментальных методик, которые разрабатываются в зависимости от типа языковой личности: коллективная или индивидуальная, реальная или виртуальная, языковая или речевая, элитарная, стандартизированная (массовая) или маргинальная и др. Аспектные исследования представлены в разной степени подробности в работах Г. И. Богина [2], С. Г. Воркачева [5], Е. В. Иванцовой [7], В. И. Карасика [9, 10], И. С. Куликовой и Д. В. Салминой [13], Т. В. Романовой [17], В. Д. Черняк [19] и др.

Междисциплинарный характер термина обуславливает его использование в разной степени абстракции. Интерес исследователей вызывают не только речевые практики ярких представителей политической и общественной жизни, деятелей культуры и искусства, науки и образования, но и среднестатистический носитель языка. Изучение особенностей языковой личности, находящейся на стадии становления, имеет дополнительный практический интерес, поскольку способствует уточнению методики языкового и речевого образования. В работах лингводидакти-

ческого направления учитываются реалии школьного и вузовского обучения [6; 20], описываются конкретные образовательные условия, влияющие на развитие языковой личности.

Идеи лингводидактического подхода к изучению языковой личности впервые были заявлены в работах Г. И. Богина, который в свое время писал, что языковая личность — это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки. Языковая личность — тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [2. С. 3].

Ю. Н. Караулов, говоря о возможности описания языковой личности, отмечал, что при анализе прагматического уровня учитываются «сведения психологического плана, обусловленные принадлежностью изучаемой личности к более узкой референтной группе или частному речевому коллективу и определяющие те ценностно-установочные критерии, которые и создают уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит ее дискурса (или ее речи, всех текстов, ее «языка»)» [11. С. 42].

Опираясь на обозначенные положения, укажем, что языковая личность школьников и студентов с учетом основных типологических характеристик является реальной, коллективной, стандартизированной; она изучается в проекции на уровневую модель ее организации «на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования» [11. С. 43]; специфические черты языковой личности «находят отражение в процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов» [11. С. 43].

Рассмотрим аргументацию как процесс, связанный с умением не только самостоятельно выдвигать развернутое обоснование спорной идеи, но и воспринимать и анализировать предлагаемые другими доказательства в контексте развития языковой личности школьников и студентов. Актуальность такого направления исследований вызвана тем, что аргументативно-дискурсивные способности обучающихся соотносятся с базовыми компетенциями личности, в связи с чем практики их формирования и методы диагностики уровня развития востребованы в школьном и вузовском образовании.

Аргументация является сложным интеллектуально-логическим и речедетельностным процессом, коррелирующим с разными уровнями языковой личности: вербально-семантический уровень является «хранилищем» лексических единиц, обозначающих абстрактные идеи и конкретные реалии; когнитивный уровень связан с индивидуальной картиной мира, упорядочивающей представления о действительности; прагматический уровень определяет иерархию смыслов и ценностей и управляет «текстопроизводством» [11. С. 53].

Учитывая этапы построения аргументации, традиционно выделяющиеся в научных и методических описаниях, начиная с античного учения Квинтилиана о риторическом каноне [Inventio (изобретение), Dispositio (расположение), Elocutio (словесное выражение), Memoria (запоминание), Actio (произнесение)] [12. С. 119], можно наглядно продемонстрировать значимость для всех этапов каждого названного уровня в структуре языковой личности. Так, на этапе изобретения содержания речи выдвигается спорная идея, которая предполагает четкое формулирование тезиса, отражающего заявленную проблему. Подбираются аргументы, предлагаются суждения, позволяющие доказать истинность выдвинутого тезиса, прорабатывается иллюстративный материал, делающий ясными, понятными, наглядными суждения-аргументы, и проверяется качество демонстрации — устанавливается связь между тезисом и аргументами, показывающая, что истинность тезиса вытекает из приведенных аргументов. На завершающем этапе работы над содержанием аргументации формулируется вывод, соотносящийся с выдвинутым тезисом и углубляющий его.

Построение аргументации предполагает информационно-смысловую насыщенность высказывания, которая отражает общую эрудированность говорящего/пишущего, его знание актуальных и достоверных сведений, позволяющих

максимально полно раскрыть заявленную тему и ответить на проблемный вопрос. Разработка содержания аргументации невозможна без определения говорящим/пишущим аксиологически маркированной позиции, обусловленной индивидуальной картиной мира и влияющей на нее. Эта позиция задает вектор рассмотрения проблемы: изучение материалов для всестороннего, глубокого ее понимания, систематизацию доказательств, подбор качественного иллюстративного материала и др.

На этапе разработки содержания аргументации проявляются типичные затруднения школьников и студентов, являющиеся следствием клипового мышления современных молодых людей и сигнализирующие о когнитивных разрывах в индивидуальной картине мира, предполагающей целостное и систематизированное представление о действительности. «Информационный серфинг» [15. С. 14] как причина поверхностной работы с информацией не позволяет говорящему/пишущему восстановить системные представления о мире и своем месте в нем, что приводит к логическим сбоям при выстраивании причинно-следственных связей, принципиально значимых для доказательства тезиса. Неточное/неполное/неверное понимание содержания информации, некорректная интерпретация ее смысла усиливаются и объективными причинами, связанными с обилием источников информации, многообразием в подходах к интерпретации тех или иных фактов, различными аспектами рассмотрения темы/проблемы.

Действенность аргументации, помимо качественного содержательного наполнения, зависит и от выбранного композиционно-структурного решения. На втором этапе работы подготовки аргументации — этапе расположения содержания речи — определяется композиция текста (характер и объем вступления, основной части и заключения), выбирается ход изложения (дедуктивный или индуктивный; аналогия), способ аргументации односторонняя/двусторонняя, опровергающая/поддерживающая и др.) [14. С. 204—208]. Так, убедительная односторонняя аргументация, развертывающаяся, соответственно, один подход к рассмотрению заявленной проблемы (тезиса), предполагает умение включать аргументы «за» или «против» (*pro vs contra*), а при построении двусторонней аргументации слушателям / читателям предлагается сопоставить противоположные точки зрения, поскольку в аргументацию включаются как аргументы «за», так и аргументы «против». При выстраивании поддерживающей или

опровергающей аргументации важно отличать позитивные аргументы и контраргументы.

Таким образом, упорядочивание информации, уточнение представления о проблеме и ее рассмотрение в аксиологических координатах индивидуальной картины мира коррелирует с когнитивным и прагматическим уровнями в структуре языковой личности.

Третий этап — этап оформления содержания речи — выходит на вербально-семантический уровень, так как здесь работа над текстом аргументации направлена на максимально точный и ясный подбор слов и грамматических конструкций, обеспечивающих реализацию основных коммуникативных качеств речи: правильность, точность, ясность, уместность, чистоту, лаконичность. Выбираемые способы вербализации позволяют учитывать интеллектуальный и образовательный уровень аудитории, ее социокультурные характеристики и ценностные установки, психоэмоциональное состояние, в совокупности определяющие особенности восприятия слушателей/читателей. Помимо этого, на этапе речевого оформления является значимой реализация таких коммуникативных качеств, как богатство и выразительность, создающих эмоционально-оценочный потенциал высказывания, способный удерживать устойчивое внимание и интерес адресата. Богатство и выразительность речи возникают в том случае, если говорящий/пишущий владеет обширным запасом языковых средств на уровне лексических групп и синтаксических моделей и использует специальные средства речевого воздействия.

Именно на этом этапе работы над аргументацией появляется текст, в полной мере отражающий особенности языковой личности. Типичные затруднения школьников и студентов связаны не только с недостаточным активным словарным запасом и однотипностью синтаксических конструкций, но и неумением трансформировать изученную информацию по проблеме в самостоятельный текст, что приводит к неправомерным заимствованиям, стилистическим диссонансам и др.

Следовательно, для восполнения дефицитов развития языковой личности, препятствующих выстраиванию эффективного аргументативного дискурса целесообразно предлагать обучающимся задания, формирующие у них умение «стройно и последовательно подать какую-либо информацию, эффективно вести дискуссию, убедительно изложить свое мнение и присоединить к своей позиции аудиторию» [18. С. 103].

Комплексные учебные задания на разработку аргументации моделируют реальную коммуникацию. Выполнение таких ситуативных заданий-кейсов предполагает критический анализ получаемой информации, включение новых сведений фактического или аналитического характера в процесс доказательства той или иной точки зрения, обращает внимание говорящего/пишущего на выбор речевых средств. Для студентов юридических вузов, в частности, использование аргументативно-дискурсивных ситуативных задач направлено и на «моделирование профессиональной деятельности в учебном процессе» [1. С. 14], что развивает умение будущих юристов включаться в судебные прения и обеспечивает формирование профессиональной языковой личности.

Результаты исследования

Рассмотрим особенности задания, актуализирующего необходимость построения двусторонней аргументации, и результаты его выполнения студентами и школьниками, которые были получены в ходе пилотного исследования. Всего в исследовании принимали участие 244 обучающихся десятых классов общеобразовательных школ Свердловской области и 180 студентов второго курса Уральского государственного юридического университета.

Предложенное обучающимся задание связано с умением выстраивать аргументативный дискурс на основе текстовых материалов, касающихся проблемы влияния интернет-технологий на современную жизнь. В задании имитируется этап разработки текста сообщения на уровне подбора логически корректной информации и формулирования суждений, вербализующих аргументы.

Преамбула, задающая описание ситуации, предваряет выполнение задания: *Вопрос положительного или отрицательного влияния интернет-технологий на современную жизнь широко обсуждается специалистами и обычными пользователями. Школьники/студенты решили разбраться в проблеме, самостоятельно и беспристрастно ее обсудить. Для этого они разделились на две команды. Первая команда искала информацию, которая говорит о положительном влиянии интернет-технологий на современную жизнь, вторая команда — об отрицательном.*

Отметим, что в преамбуле предлагается модель обсуждения проблемы, которая реализуется в диалектической аргументации, для которой характерно «принципиальное равенство участников дискуссии, каждый из которых выдвигает тезис

и защищает его. Цель диалектической аргументации — нахождение наилучшего решения проблемы и обоснование согласия и присоединения к такому оптимальному решению» [4. С. 36].

После прочтения преамбулы обучающиеся приступают к выполнению задания. Сначала необходимо познакомиться со списком расположенных в произвольном порядке мини-текстов иллюстративного типа, взятых из различных источников и раскрывающих рассматриваемую проблему с разных, в отдельных случаях прямо противоположных, позиций. Всего предлагается шесть текстовых фрагментов, их объем и степень сложности определяются возрастом обучающихся. Далее при выполнении задания важно распределить текстовые фрагменты с учетом позиции обеих команд (*pro vs contra*), а также самостоятельно сформулировать к каждому из них суждение, которое будет использоваться в качестве аргумента.

Формулировка задания учитывает возникающие у многих обучающихся типичные затруднения, связанные с приблизительным представлением о самом процессе аргументации, неразличением аргументов и иллюстративных пояснений к ним. В целях минимизации трудностей в задании указывается, что аргумент должен представлять собой законченное суждение достаточной обобщающей силы, отмечается недопустимость подмены аргумента выписками из текстовых фрагментов.

Таким образом, в результате выполнения задания обучающиеся должны распределить шесть текстовых фрагментов с учетом их содержательных особенностей на две группы (аргументы «за» и аргументы «против») и к каждому фрагменту сформулировать суждение-аргумент.

В целом с заданием на базовом уровне справляется 62 % школьников и 76 % студентов. Базовый уровень предполагает, что засчитывается как положительный результат частичное и/или неточное выполнение задания. Остальные обучающиеся — 38 % школьников и 24 % студентов — имеют низкие результаты, так как не могут установить ни одного правильного соответствия между иллюстративным материалом и заявленным тезисом или делают это только в половине случаев (для одного-трех текстовых фрагментов из шести). Отметим, что полный и правильный ответ на задание дает 19 % десятиклассников и 28 % второкурсников, демонстрируя высокое качество выполнения задания. Это свидетельствует о том, что проблемы восприятия получае-

мой информации, связанные с неумением практически использовать методы критического анализа, характерны для подавляющего большинства школьников и студентов.

Кроме того, обучающиеся испытывают серьезные трудности при формулировании обобщающих суждений, которые можно использовать в качестве аргумента. Проиллюстрируем выполнение части задания на примере работы студентов-юристов с одним из текстовых фрагментов: *Все чаще принятие решений по ключевым аспектам жизни автоматически передается инструментам, управляемым кодом. Люди не вполне способны это контролировать и не всегда понимают, как работают цифровые устройства. Люди жертвуют независимостью, приватностью и возможностью свободного выбора. Этот эффект будет усиливаться по мере того, как автоматизированные системы станут более распространенными и сложными.*

Данный фрагмент является демонстрацией негативного воздействия интернет-технологий на современную жизнь. Фактический материал, представленный в тексте, используется командой, занимающей позицию *contra*. При обобщении приведенных фактов необходимо сформулировать аргумент-суждение следующим образом: *Развитие интернет-технологий может привести человека к потере контроля над своей жизнью / к потере независимости, свободы.* Отметим, что формулировка аргумента может отличаться речевым и грамматическим оформлением, но должна соответствовать смыслу фрагмента.

В результате анализа полученных ответов выделяется три группы формулировок обобщающих суждений: точные формулировки (4 %), неточные формулировки (44 %) и ошибочные формулировки (33 %). Наряду с обозначенными группами ответов часть работ (19 %) не содержит вариантов аргументативных суждений, поскольку студенты не сумели правильно соотнести текстовые фрагменты с позицией той или иной команды и не выполнили задание.

Точные формулировки представляют собой суждения достаточной обобщающей силы и могут выполнять функцию аргумента, например: *человек становится зависимым от новых технологий и мобильных устройств, что является потенциально опасным.*

Большинство студентов затрудняются с формулированием аргумента и допускают ошибки, которые вызваны рядом причин. Так, порядка 40 % неточных формулировок обуславливаются

недостаточной компрессией текста [8. С. 146] — студенты демонстрируют неумение вычленять прагматический компонент текстового фрагмента, неспособность компактно изложить смысл приведенного текста, например: *создание и развитие цифрового общества способствует возникновению множества дополнительных рисков для человека, ставя его и сохранность информации о нём и его деятельности в зависимость от инновационных «машин».*

Неточные формулировки могут быть компактными, но при этом в них допускается необоснованное семантическое приращение: *Человек полностью зависит от интернет-технологий.* В приведенном примере появляется тональность категоричности, используются языковые средства, выступающие в роли экспликаторов завершенности процесса. Однако в исходном тексте отсутствует обозначение законченности действия, указывается вектор развития возможных изменений, ср.: *Люди жертвуют независимостью, приватностью и возможностью свободного выбора. Этот эффект будет усиливаться по мере того, как автоматизированные системы станут более распространенными и сложными.* Неспособность интерпретировать смысловые оттенки представляет проблемную зону для школьников и студентов и требует отдельной проработки, несмотря на то, что неточные формулировки, индуцированные необоснованным семантическим приращением, обнаруживаются в незначительном объеме.

Группа ошибочных формулировок представлена в меньшей мере по сравнению с неточными ответами. Рассмотрим, какие ошибки становятся типичными. Чаще всего (18 % случаев) происходит подмена суждения кратким пересказом текстового фрагмента: *группы людей активно пользуются интернет-технологиями, где накапливаются их данные, и в силу своего незнания, непонимания человек может стать жертвой информационных технологий.*

Еще одна ошибка возникает в результате подмены суждения трансформацией текстового фрагмента: *Несмотря на все меры предосторожности, материалы, размещаемые в сети Интернет, в любой момент могут стать общедоступными, что несомненно нарушает права граждан на неприкосновенность частной жизни, так, ввод паролей, номеров кредитных карт и другой секретной информации, может принести ущерб пользователям.*

Трансформация текстового фрагмента может сопровождаться моделируемыми ситуациями, об-

условленными индивидуальными представлениями студентов: *Нет идеальных систем. И те системы, которым мы доверяем свои данные, деньги, здоровье, могут выйти из строя, в них могут незаконно проникнуть и украсть наши данные, таких примеров огромное множество; мобильные устройства с каждым разом становятся современней и удобней, некоторые люди просто не успевают следить за новшествами, в связи с быстрыми темпами информатизации человек не успевает и не всегда понимает новые функции мобильных средств.* Приведенные примеры демонстрируют когнитивную деятельность студентов, направленную на расширение иллюстративного материала, заменяющего обобщающее суждение, что является характерным признаком ассоциативного мышления.

Отдельно выделяется ошибка, которая допускается в случае содержательного несоответствия обобщающего суждения и текстового материала (15 %): *слишком «умные» устройства порой могут превосходить человека в его информационном развитии и тем самым повлечь за собой так называемую «информационную неграмотность»; мобильные устройства с каждым разом становятся «мудрее и мудрее» и некоторые люди просто не успевают следить за новшествами, в связи с этим человек просто не будет понимать для чего та или иная функция в телефоне.*

Заключение

Проведенное пилотное исследование позволяет сделать вывод о том, что основные ошибки школьников и студентов при формулировании суждений значительной обобщающей силы, которые могут выступать в качестве аргументов, связаны с недостаточным навыком компрессии текста, неспособностью вычленять иллюкутивный (прагматический) компонент текста, неумением учитывать его семантические особенности, а также установкой на свободную ассоциативную интерпретацию.

В целом работа с текстовыми материалами для подготовки аргументации моделирует реальную речевую коммуникацию, которая, с одной стороны, выявляет уровень сформированности аргументативно-дискурсивных компетенций школьников и студентов, с другой стороны, способствует их становлению и развитию. Построение аргументации, связанной со сложными интеллектуально-логическими и речедетельностными процессами, проецируется на разные уровни в структуре

языковой личности. «Герменевтическая и риторическая методика обучения» [3. С. 71] позволяет восполнять образовательные дефициты, приводящие к дефектным аргументативно-дискурсивным практикам. Разработка комплекс-

ных заданий, учитывающих результаты диагностических исследований, опирается на идею о «возможности целенаправленного формирования языковой личности в рамках того или иного педагогического пространства» [16. С. 87].

Список источников

1. Алямкин С. Н. Применение кейс метода в преподавании правовых дисциплин // Мир науки и образования. 2017. № 1 (9). С. 13—20.
2. Богин Г. И. Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.
3. Богин Г. И. Герменевтически и риторически ориентированная методика обучения // Русский язык за рубежом. 2000. № 3-4. С. 72—82.
4. Волков А. А. Курс русской риторики. М.: Русская панорама: Кафедра, 2013. 416 с.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.
6. Евсюкова Т. В., Агабабян С. Р. Характерные особенности языковой личности студента // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10-2. С. 176—179.
7. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 309 с.
8. Ичкинеева Д. А. Тема и микротема как инструменты компрессии информации в тексте // Социально-психологические исследования. 2017. Вып. 5. С. 146—149.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Карасик В. И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015, 384 с.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ. 2010, 264 с.
12. Квинтилиан М. Ф. Правила ораторского искусства. Кн. 10. / пер. В. А. Алексеева. СПб.: Типография В. Вацлика, 1896.
13. Куликова И. С., Салмина Д. В. Теория языка: учебно-методический комплекс. В 2 ч. Ч. II: Язык — человек — народ. Москва: Форум; Санкт-Петербург: Наука, 2009. С. 201—217.
14. Культура речи и риторика для юристов: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. Н. А. Юшковой. М.: Юрайт, 2019. 321 с.
15. Кутрунов В. Н., Шапцев В. А., Гаркуша Н. А., Сизова Л. В. Mind Mapping и информационный серфинг. Развитие мышления посредством создания антагонистической пары // Современный учитель дисциплин естественно научного цикла: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 февраля 2019 г., Ишим); отв. ред. Т. С. Мамонтова. Ишим: Изд-во ИПИ им. П. П. Ершова (филиала) ТюмГУ. 2019. С. 14—21.
16. Лутовинова О. В. Становление понятия «Языковая личность»: от «Языка в человеке» до «Человека в языке» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (114). С. 82—89.
17. Романова Т. В. Языковая личность Д. С. Лихачева как элитарная языковая личность русского интеллигента // Мир русского слова. 2006. № 4. С. 7—14.
18. Феденева Ю. Б. Потенциал ЭОР в развитии логико-риторических компетенций языковой личности студентов-юристов // Традиционные и инновационные технологии развития профессиональной языковой личности: материалы Междунар. науч.-метод. конф. (Екатеринбург, 14 февраля 2019 года); отв. ред. К. М. Левитан. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. ун-та, 2019. С. 102—107.
19. Черняк В. Д. наброски к портрету маргинальной языковой личности // Русский текст. 1994. № 2. С. 124—139.
20. Юшкова Н. А. Языковая личность выпускника школы в зеркале государственной итоговой аттестации // Филологический класс. 2018. № 1 (51). С. 65—71.

References

1. Alyamkin SN. Application of the case method in teaching legal disciplines. *Mir nauki i obrazovaniya* = *World of science and education*. 2017;(1(9):13-20. (In Russ.).
2. Bogin GI. *Sovremennaya lingvodidaktika* = Modern linguodidactics. Kalinin; 1980. 61 p. (In Russ.).

3. Bogin GI. Hermeneutical and rhetorically oriented teaching methodology. *Russkii yazyk za rubezhom* = *Russian language abroad*. 2000;(3-4):72-82. (In Russ.).
4. Volkov AA. Kurs russkoi ritoriki = Russian rhetoric course. Moscow; 2013. 416 p. (In Russ.).
5. Vorkachev SG. Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Filologicheskie nauki* = *Philological sciences*. 2001;(1):64-72. (In Russ.).
6. Evsyukova TV, Agababyan SR. Characteristic features of the student's linguistic personality. *Gumanitar-nye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* = *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2015;(10-2):176-179. (In Russ.).
7. Ivantsova EV. Fenomen dialektnoi yazykovoi lichnosti = The Phenomenon of a Dialect Linguistic Personality. Tomsk; 2002. 309 p. (In Russ.).
8. Ichkineeva DA. Theme and micro-theme as tools for compressing information in the text. *Sotsio- i psikhologicheskie issledovaniya* = *Socio- and psychological research*. 2017;(5):146-149. (In Russ.).
9. Karasik VI. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd; 2002. 477 p. (In Russ.).
10. Karasik VI. Yazykovoe proyavlenie lichnosti = Language manifestation of personality. Moscow; 2015. 384 p. (In Russ.).
11. Karaulov YuN. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian language and language personality. Moscow; 2010. 264 p. (In Russ.).
12. Kvintilian MF, Alekseev VA (transl.). Pravila oratorskogo iskusstva = Oratory rules. Book 10. St. Petersburg; 1896. (In Russ.).
13. Kulikova IS, Salmina DV. Theory of language: educational and methodical complex. In: Yazyk — chelovek — narod = Language — man — people. Part II. St. Petersburg; Moscow; 2009. Pp. 201—217. (In Russ.).
14. Yushkova NA (ed.) Kul'tura rechi i ritorika dlya yuristov: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata = Culture of Speech and Rhetoric for Lawyers: Textbook and Workshop for Academic Baccalaureate. Moscow; 2019. 321 p. (In Russ.).
15. Kutrunov VN, Shaptsev VA, Garkusha NA, Sizova LV, Mamontova TS (ed.). Mind Mapping and information surfing. Development of thinking through the creation of an antagonistic pair. In: Sovremennyyi uchitel' distsiplin estestvenno nauchnogo tsikla = Modern teacher of disciplines of the natural science cycle. Ishim; 2019. Pp. 14—21. (In Russ.).
16. Lutovinova OV. Formation of the concept of “Linguistic Personality”: from “Language in Man” to “Man in Language”. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017;(114):82-89. (In Russ.).
17. Romanova TV. The Linguistic Personality of D. S. Likhachev as an Elite Linguistic Personality of a Russian Intellectual. *Mir russkogo slova* = *The world of the Russian word*. 2006;(4):7-14. (In Russ.).
18. Fedeneva YuB. The Potential of ESM in the Development of Logic and Rhetorical Competences of the Linguistic Personality of Law Students. In: Traditsionnye i innovatsionnye tekhnologii razvitiya professional'noi yazykovoi lichnosti = Traditional and innovative technologies for the development of a professional language personality. Yekaterinburg: Ural State University; 2019. Pp. 102—107. (In Russ.).
19. Chernyak VD. Sketches for a portrait of a marginal linguistic personality. *Russkii tekst* = *Russian text*. 1994;(2):124-139. (In Russ.).
20. Yushkova NA. Linguistic personality of a school graduate in the mirror of the state final certification. *Filologicheskii klass* = *Philological class*. 2018;(151):65-71. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. А. Юшкова — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского, иностранных языков и культуры речи (Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева); доцент кафедры филологического образования (Институт развития образования Свердловской области).

Н. А. Рядовых — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи.

Information about the authors

Natalia A. Yushkova — Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages and Speech Culture (Ural State Law University named after V. F. Yakovlev); Associate Professor of the Department of Philological Education (Institute for the Development of Education of the Sverdlovsk Region).

Natalia A. Ryadovykh — Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages and Speech Culture.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'374

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10933

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «ЧЕЛЯБИНСК В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»: ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Дмитрий Иванович Яковлев¹, Тамара Николаевна Хомутова²✉

^{1,2} Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ mr.diyakovlev@mail.ru

² khomutovatn@susu.ru✉, ORCID 0000-0001-5244-3960

Аннотация. В статье рассматривается проблема словаря локального энциклопедического дискурса (ЛЭД) как объекта интегральной лингвистики. Основной целью работы является построение актуальной интегральной модели словарной статьи мультимедийного энциклопедического словаря «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей». Актуальная интегральная модель словарной статьи челябинского ЛЭД о персоналиях представлена как рассредоточенный объект, единство четырех секторов: когнитивного, языкового, культурного и социального, единицы которых актуализуются в процессе коммуникации. На основе актуальной модели составлена и проанализирована словарная статья о Л. Арагоне. Исследование доказывает, что создание энциклопедических словарей ЛЭД на основе построенной модели является перспективным направлением современной дискурсивной лексикографии.

Ключевые слова: локальный энциклопедический дискурс, интегральная модель, словарь, словарная статья, персоналия, Челябинск

Для цитирования: Яковлев Д. И., Хомутова Т. Н. Мультимедийный энциклопедический словарь «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей»: интегральная модель // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 254—262. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10933.

Original article

MULTIMEDIA ENCYCLOPEDIA DICTIONARY «CHELYABINSK IN THE LIFE AND WORKS OF FAMOUS PEOPLE»: AN INTEGRAL MODEL

Dmitry I. Yakovlev¹, Tamara N. Khomutova²✉

^{1,2} South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

¹ mr.diyakovlev@mail.ru

² khomutovatn@susu.ru✉, ORCID 0000-0001-5244-3960

Abstract. The paper focuses on the problem of a local encyclopedic discourse (LED) dictionary as an object of integral linguistics. We aim to build a working integral model of an entry in a multimedia encyclopedic dictionary “Chelyabinsk in the life and works of famous people”. A working integral model of a Chelyabinsk LED entry devoted to famous people is presented in the form of a distributed object, a unity of four quadrants: the cognitive, language, cultural, and social ones, the units of which are actualized in the process of communication. The model is used as a basis to compile and analyze the entry devoted to L. Aragon. Our research proves that compilation of LED dictionaries based on the above model is a promising area for modern discourse lexicography.

Keywords: local encyclopedic discourse, integral model, dictionary, entry, personality, Chelyabinsk

For citation: Yakovlev DI, Khomutova TN. Multimedia encyclopedic dictionary “Chelyabinsk in the life and works of famous people”: an integral model. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):254-262. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10933.

Введение

В XXI веке культурный туризм становится все более популярным и массовым явлением. Культурный туризм представляет собой перемещение индивидов за пределы их постоянного места проживания, которое мотивируется интересом посещения культурных достопримечательностей и событий [6. С. 8]. Проблема привлечения в регионы России культурного туриста является одной из самых дискуссионных в современной российской туриндустрии. Действительно, большинство культурных туристов традиционно посещают Москву, Санкт-Петербург, а также города известного туристического маршрута «Золотое кольцо России», в то время как культурный туризм в регионы Урала, Сибири, Дальнего Востока, в целом, находится на низком уровне развития. Такая тенденция обусловлена не отсутствием в данных регионах объектов культурного наследия (которых за более чем 400-летнюю историю освоения Урала, Сибири, Дальнего Востока создано немало), а тем, что зачастую культурный турист даже не знает об их существовании. Таким образом, привлечение культурного туриста может стать импульсом для развития индустрии туризма в отдельных регионах России.

Одним из способов привлечения в регионы культурных туристов является создание региональных энциклопедий, справочников, путеводителей, аудиогидов, которые призваны не только вызвать у читателя желание посетить конкретную местность, но и помочь ему без проблем ориентироваться на ней. Как справедливо отмечает О. И. Карпова, сегодня культурному туристу вряд ли будут интересны путеводители, рассчитанные на рядового посетителя, нацеленного на получение первичной информации об основных достопримечательностях, питании, транспорте и т. д. Его куда больше заинтересуют необычные факты, новые адреса культурных объектов, связанные, например, с именами известных людей, посетивших данную культурную территорию [4]. Очевидно, что привлечение культурного туриста в XXI веке сопряжено с созданием качественно новых энциклопедических изданий. Примером такого издания является, в частности, энциклопедический мультимедийный словарь ассоциативного типа «Флоренция в творчестве замечательных людей» [3; 5; 7]. Мы считаем, что концепцию данного словаря можно применить к созданию аналогичного словаря о г. Челябинске «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей».

Челябинск — столица Южного Урала, седьмой крупнейший город РФ, один из важнейших экономических, научных, культурных и спортивных центров страны с почти 300-летней историей. Челябинск — это родина многих политиков, музыкантов, спортсменов, ученых, писателей, известных как в России, так и за рубежом. Очевидно, что культурное пространство города оказало положительное влияние на их становление и дальнейшее продвижение в жизни. Более того, с 1736 года (год основания Челябинска) город по различным причинам посещали многие известные в мире российские и зарубежные деятели, на которых также оказал влияние и произвел впечатление культурный облик Челябинска. При создании мультимедийного энциклопедического словаря «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей» мы преследуем цели привлечь в г. Челябинск культурного туриста, сохранить и распространить культурное наследие Челябинска среди российских и иностранных культурных туристов, показать, как повлиял г. Челябинск на жизнь и творчество замечательных людей. Формирование положительного образа-имиджа локуса через подобные издания имеет стратегическую важность для развития экономики в сфере туризма, а также создания привлекательного образа Челябинска в России и в мире.

Материал и методы

Источниками материала для словарных статей нашего словаря стали энциклопедии, справочники, статьи из печатных и Интернет-источников по различной тематике. Данные об источниках приводятся в разделе *Источники (Sources)*, представленном в каждой словарной статье [10].

Наша работа выполнена в русле интегрального подхода к языку Т.Н. Хомутовой, который рассматривает языковые явления как рассредоточенные по четырем секторам взаимообусловленные сущности: фрагменты знания (когнитивный сектор), языка как предмета (языковой сектор), культуры (культурный сектор), социального пространства (социальный сектор), актуализируемые в процессе коммуникации. Основным принципом интегрального подхода является принцип методологического плюрализма [8].

Структура словаря «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей» создавалась с опорой на структуру словаря «Флоренция в творчестве замечательных людей» как концептуальную основу нашего проекта. Вместе с тем, мы частично ее переработали с учетом разработанной базовой

интегральной модели челябинского локального энциклопедического текста (ЛЭТ) о персоналиях [13; 14], включив в нее больше компонентов.

Структура словаря «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей» является двухуровневой. Для единства терминологии и включения структуры словаря в его интегральную модель, мы используем понятие суперструктуры. Под суперструктурой мы понимаем форму, организующую тематическую структуру и макроструктуру дискурса в рамках словаря и словарной статьи, основными блоками которой являются вводный, основной и заключительный [9. С. 320].

Суперструктура нашего словаря двухуровневая и состоит из суперструктуры 1, под которой мы понимаем глобальную суперструктуру словаря (мегаструктура и макроструктура у О. М. Карповой) и суперструктуры 2, или суперструктуры словарной статьи (микроструктура у О. М. Карповой).

Суперструктура 1 (глобальная суперструктура словаря) состоит из вводной части (название словаря, раздел «О проекте»), основной части (корпус словаря) и заключения, к которому относятся приложения [10].

Вводная часть содержит такие разделы как название и введение (раздел «О проекте»). В разделе «О проекте» обоснована актуальность создания словаря, история и цели его создания, а также инструкция для читателей о том, как пользоваться словарем.

Основная часть словаря представляет собой корпус из 120 словарных статей о персоналиях на русском и английском языках. Данный корпус включает статьи о знаменитых челябинцах и знаменитых гостях Челябинска. Статьи о знаменитых челябинцах посвящены известным людям, которые родились или долгое время жили в Челябинске, чей вклад в российскую и мировую науку, искусство, образование, спорт и другие сферы жизни формирует положительный образ Челябинска в России и за рубежом (Е. Елеси́на, И. Курча́тов, О. Митяев, В. Мунтаги́ров, Л. Скобли́кова и др.). Статьи о знаменитых гостях Челябинска сообщают сведения об известных россиянах и иностранцах, посетивших Челябинск, на жизнь и творчество которых город оказал особое влияние, они же, в свою очередь, своей деятельностью способствовали развитию и процветанию г. Челябинска (Л. Арагон, К. Бальмонт, Я. Гашек, С. Прокофьев, П. Столыпин и др.). Статьи представлены в алфавитном порядке.

Поиск и формирование списка персоналий для написания статей осуществлялся методом сплош-

ной целевой выборки с привлечением поисковых систем Google и Yandex. Основными запросами в данном случае выступали такие как «Известные люди+Челябинск», «Знаменитость+Челябинск» и др. Преимущество использования поисковых систем заключается в том, что они выдают самые частотные результаты, в связи с чем отобранные персоналии являются самыми известными личностями, так или иначе связанными с Челябинском. В результате, мы составили список из 120 персоналий, о которых и были написаны энциклопедические статьи.

Заключительная часть суперструктуры 1 состоит из приложений (Полезная информация, О нас, Отзывы о словаре и Контакты).

Суперструктура 2 (суперструктура словарной статьи) представлена следующими разделами: Заголовок, Биография, Творчество/Достижения, Персоналия и Челябинск, Ассоциации, Путешествие по Челябинску, Источники.

Заголовок включает фамилию, имя, отчество персоналии и хронологическую помету «годы жизни».

В разделе «Биография» в хронологической последовательности приводится описание жизненного пути персоналии, в котором отмечены ее основные творческие достижения, являющиеся неотъемлемой и весьма значительной частью биографии.

Раздел «Творчество/достижения» включает более полные сведения о творческих достижениях и успехах персоналии, которые приводятся, как правило, в виде списка.

В разделе «Персоналия и Челябинск» показана связь персоналии с Челябинском, их влияние друг на друга, вклад персоналии в развитие города, значимость города в жизни персоналии. Вместо слова «персоналия» в названии раздела представлены ФИО персоналии. Так, в статье об известном музыканте и общественном деятеле О. Митяеве данный раздел называется «Митяев Олег Григорьевич и Челябинск».

Раздел «Путешествие по Челябинску» состоит из карты города с указанием и описанием мест в Челябинске, связанных с персоналией.

Раздел «Ассоциации» включает впечатления и ассоциации автора словаря во время прохождения маршрута, связанного с персоналией.

В разделе «Источники» представлен библиографический список материалов, использованных при подготовке статьи.

Как указывалось выше, основой для составления статей словаря «Челябинск в жизни и творчестве

замечательных людей» стала базовая интегральная модель челябинского ЛЭТ о персоналиях [14. С. 148]. Вместе с тем разработанная модель реализует только функцию сообщения, поэтому для решения прикладных задач нашего слова-

ря (создание положительного образа Челябинска у читателя с целью привлечь его в наш город) мы уточнили данную модель в когнитивном, языковом, культурном и социальном аспектах. Уточненная модель представлена в таблице ниже.

**Интегральная модель словарной статьи энциклопедии
«Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей»**

Integral model of the dictionary entry of the encyclopedia
“Chelyabinsk in the life and work of famous people”

Когнитивный сектор <i>ЛЭТ как фрагмент знания</i> <i>Декларативное знание</i> <i>Тематическая структура:</i> – самые частотные темы: Искусство, Производство, Образование, Наука, Политика, Спорт; – концепты, связанные с этими темами. <i>Процедурное знание</i> <i>Макроструктура</i> — смешанная <i>Основные макроструктуры:</i> – описание; – хронологическая последовательность; – список. <i>Вспомогательные макроструктуры:</i> – общее — частное; – причина — следствие; – противопоставление и др. макроструктуры. <i>Ассоциативное знание</i>	Языковой сектор <i>ЛЭТ как фрагмент языка</i> <i>Лексическая структура:</i> – аббревиатуры; – расшифровка сокращений; – средства речевого воздействия (оценочная, терминологическая лексика, тропы и др.); – антропонимы, топонимы. <i>Грамматическая структура:</i> – <i>суперструктура</i> — жесткая (заголовок, биография, творчество/достижения, персоналия и Челябинск, ассоциации, путешествие по Челябинску, библиография); – <i>тематический тип текста</i>; – <i>модальность</i>: сообщение, оценка, побуждение – <i>темпоральность</i>: настоящее (вневременное), прошедшее время; – <i>локативность</i>: статика, динамика; – <i>речевая форма</i>: повествование, описание. <i>Мультимедийные средства</i> (гиперссылки, фотографии, аудио и видеофайлы)
Культурный сектор <i>ЛЭТ как фрагмент культуры</i> <i>Культурно-обусловленная структура ЛЭТ:</i> – <i>внимание к первоисточникам</i> (индивидуалистские культуры); – <i>отсутствие отступлений от основной идеи ЛЭТ</i> (линейные культуры); – <i>объяснение культурно-специфических концептов</i> (низкоконтекстуальные культуры)	Социальный сектор <i>ЛЭТ как фрагмент социального пространства</i> <i>Типичные структуры коммуникации:</i> – <i>функциональный стиль</i>: научный, научно-популярный подстиль; – <i>жанр</i>: словарная статья. <i>Участники коммуникации:</i> – <i>автор</i>: специалист, будущий специалист-лексикограф; – <i>адресат</i>: специалист, неспециалист (русско- и англоязычный)

В когнитивном секторе мы решили не ограничиваться основными макроструктурами типа хронологическая последовательность, описание и список, а дополнить список возможных макроструктур, включив в него вспомогательные макроструктуры типа пространственная последовательность, сравнение и противопоставление, преимущества и недостатки, причина-следствие, проблема-решение, определение, классификация, утверждение и объяснение, обобщение и пример, дополнение. Данные макроструктуры могут вне-

сти в словарную статью элементы субъективности, что вместе с разделом «Ассоциации» призвано обеспечить более выраженную позицию автора как одного из субъектов коммуникации, а значит способствовать более динамичному развитию коммуникации между автором и читателем в рамках текста словарной статьи. При этом текст статьи остается энциклопедическим, в нем доминирующую роль играет объективное фактическое знание, организованное посредством макроструктур «описание», «хронологическая

последовательность» и «список». По нашему мнению, ассоциативное знание наиболее ярко проявляется в когнитивном секторе интегральной модели, поскольку ассоциации и впечатления представляют собой набор концептов, результат речемыслительной деятельности, планом выражения которого являются средства языка, реализующие субъективный характер высказывания: например, средства речевого воздействия.

В языковом секторе с целью реализации прикладной функции словаря (создание привлекательного образа-имиджа Челябинска) были частично переработаны лексическая и грамматическая структура словарной статьи.

Изменения лексической структуры связаны с введением элементов речевого воздействия, призванных реализовать прикладной аспект.

На основе работ Е. В. Шелестюк [11], М. Р. Желтухиной [2] и других ученых-лингвистов мы составили список вербальных (лексико-стилистических, морфологических и синтаксических) средств речевого воздействия [12], которые включают среди прочего оценочную и терминологическую лексику, имена собственные, метафору, глаголы в повелительном наклонении, прилагательные и наречия в сравнительной и превосходной степенях, лексические повторы, синтаксический параллелизм, однородные члены предложения и т. д.

Данные средства речевого воздействия могут быть частично или полностью использованы при создании словарной статьи и выбираются самим автором. Вместе с тем важно весьма аккуратно выбирать такие средства, чтобы реализация прикладной функции, которая является вспомогательной, не противоречила реализации основной функции энциклопедического текста — функции сообщения.

В грамматической структуре, помимо создания новой суперструктуры, была расширена категория модальности, а именно добавлена модальность оценки и побуждения, что связано с введением и реализацией в тексте имиджевого аспекта. Выражается модальность оценки и побуждения лексико-синтаксическими и морфологическими средствами речевого воздействия, например, посредством оценочной лексики, тропов, прилагательных в сравнительной и превосходной степени и т. д.

К языковому сектору мы относим и мультимедийные средства. В рамках нашего словаря такими средствами являются гиперссылки, фотографии, аудио- и видеофайлы. Хотя сами по себе

мультимедиа представляют собой невербальные средства выражения элементов когнитивного, культурного и социального пространств, будучи представленными в ЛЭТ словарных статей, они превращают словарные статьи в креолизованные тексты и являются их неотъемлемой частью.

В культурном секторе было предложено следующее изменение по сравнению с моделью челябинского ЛЭТ о персоналиях: мы ввели объяснение культурно-специфических концептов, выраженных аббревиатурами. Статьи рассчитаны на широкий круг читателей, в связи с чем мы допускаем, что не все из них знают о том, как расшифровываются аббревиатуры, связанные с Челябинском, поэтому сразу после аббревиатур в тексте статьи представлено их развернутое наименование в скобках, а также гиперссылки.

В социальном секторе были уточнены позиции автора и адресата. В частности, авторами статей выступают преподаватели и будущие лингвисты — студенты выпускных курсов Института лингвистики и международных коммуникаций ЮУрГУ (далее ИЛиМК). Статьи ориентированы на широкий круг читателей, русско- и англоязычных. Статьи были составлены на русском языке, затем был выполнен их перевод на английский язык. Впоследствии этот перевод прошел редактирование профессиональным редактором — носителем языка.

Результаты и их обсуждение

На основе уточненной модели мы составили словарную статью, посвященную французскому писателю и политическому деятелю Луи Арагону, который побывал в Челябинске в 1932 году в составе группы иностранных писателей [1].

В данной статье мы постарались в полной мере реализовать на практике составленную и уточненную интегральную модель словарной статьи разрабатываемого нами словаря. Интегральный анализ словарной статьи о Л. Арагоне представлен ниже.

В когнитивном секторе тематическая структура статьи включает одну тематическую категорию «персоналия» (Луи Арагон), относящуюся к двум тематическим областям «искусство» (прозаик и поэт) и «политика» (политический деятель).

Макроструктура данной статьи смешанная, но включает больше макроструктур, чем стандартная структура челябинского ЛЭТ о персоналиях, а именно: хронологическая последовательность, описание, список, противопоставление, общее и частное, причина — следствие.

Макроструктура типа хронологическая последовательность представлена датами (1917, 1957, 1962 и др.), а также маркерами (в... году, во время..., в начале..., с... по... и др.). Данная макроструктура равномерно распределена по всему тексту словарной статьи и является ведущей макроструктурой, что подчеркивает энциклопедическую направленность текста словарной статьи, а также основную цель энциклопедического текста — сообщение информации. Остальные макроструктуры проявляются в тексте фрагментарно. Макроструктура «противопоставление» отмечена маркером (тем не менее) и представлена в предложении: *Тем не менее, на фоне своей любви к СССР Арагон осуждает некоторые шаги советского руководства, в частности, негативно отзываясь о вводе советских войск в Чехословакию...* В этом предложении любовь писателя к СССР, о которой упоминалось и в предыдущих предложениях, противопоставляется его осуждению некоторых действий советского государства. Данная макроструктура переходит в макроструктуру «общее — частное», которая вводится маркером (в частности) и демонстрирует конкретное действие советского руководства, осужденное Арагоном: *Арагон осуждает некоторые шаги советского руководства, в частности, негативно отзываясь о вводе советских войск в Чехословакию...* Макроструктура «список» представлена списком мероприятий, в которых принял участие Арагон во время своего визита в Челябинск: *в ходе визита в Челябинск Арагон посетил ЧГРЭС, побывал на строительстве ЧТЗ, выступил на вечере в железнодорожном клубе и литературном клубе ЧТЗ.* Макроструктура «причина-следствие» отчетливо проявляется в предложении: *Политические взгляды Арагона определили его симпатии к Советскому Союзу и стали поворотным моментом в решении советского руководства пригласить писателя в СССР*, где причина — симпатии писателя к СССР, а следствие — решение пригласить его посетить СССР.

В языковом секторе мы рассмотрели лексическую и грамматическую структуры статьи о Л. Арагоне. Особенностью лексической структуры является наличие средств речевого воздействия с положительной коннотацией, что призвано обеспечить создание в статье привлекательного для туристов образа Челябинска (метафоры — *индустриальная мощь, рвение и энтузиазм рабочих, эпитеты — уютные аллеи*), а также более ярко описать жизнь и деятельность Л. Арагона (эпитеты — *известный поэт, эксцентричный поэт,*

метафоры — на фоне любви, интерес не угасает, поведать всему миру, а также слова с ярко-выраженной эмоциональной окраской — поражен, вдохновила). Несмотря на то, что в тексте описываются события прошлого, большинство глаголов используются в настоящем времени несовершенного вида (*пишет, служит, знакомится, выпускает и др.*). Наличие этих глаголов призвано придать повествованию динамичность, ощущение временной близости прошлого. Введенная в текст синонимичность (*Арагон — поэт, писатель, француз*), (*СССР — советское государство, Союз, Страна Советов*) придает повествованию большую плавность за счет отсутствия тавтологии. Стоит также отметить расшифровку сокращений. По нашему мнению, наличие сокращений делает текст прерывистым, что отрицательно влияет на реализацию в тексте прикладной функции, не оказывая при этом влияния на функцию сообщения. Аббревиатуры (*ЧГРЭС, ММК, ЧТЗ и др.*) представлены в расшифрованном виде в скобках. Несмотря на наличие гиперссылок, мы посчитали необходимым продублировать расшифровку аббревиатур в тексте статьи.

Грамматическая структура. В данной статье реализована описанная ранее суперструктура, состоящая из разделов Заголовки, Биография, Творчество, Персоналия и Челябинск, Ассоциации, Путешествие по Челябинску, Источники. Введение разделов Персоналия и Челябинск, Ассоциации и Путешествие по Челябинску позволяет реализовать прикладную функцию энциклопедии, которая заключается в стремлении создать привлекательный образ-имидж места (г. Челябинск). Раздел Персоналия и Челябинск представляет собой переход от описания персоналии к ее описанию в рамках определенного локуса (г. Челябинск), раздел Путешествие по Челябинску продолжает эту тенденцию, а раздел Ассоциации содержит информацию субъективного характера, которая способна вывести читателя на мысленный диалог с автором статьи.

Категория модальности представлена сразу тремя субкатегориями: модальностью сообщения, оценки и побуждения. Текст словарной статьи несет информацию, реальную, с точки зрения говорящего, что реализуется посредством модальности сообщения. При этом, в данном тексте присутствуют модальность оценки: *Л. Арагон был и остается признанным поэтом французского народа. Благодаря Арагону Франция, а с ней и вся Западная Европа узнала о жизни и стремлениях социалистического Челябинска 1930-х годов.* Такая

оценка деятельности Арагона выражает во многом субъективное мнение автора и привнесена в текст статьи с целью подтверждения положительного влияния деятельности Л. Арагона на укрепление диалога между СССР и Западом. При этом автор не вводит читателя в заблуждение, поскольку отсутствуют какие-либо подтверждения того, что деятельность Арагона по данному вопросу носила противоположный, деструктивный характер. Модальность побуждения реализуется в рамках раздела «Ассоциации», где с помощью составного модального глагольного сказуемого «можно+инфинитив» актуализуется призыв к читателю посетить г. Челябинск: *...можно не только побродить в тени уютных аллей, но и посетить открытый музей военной техники, увидеть скульптуру «Ангел мира», побыть на площади Памяти.*

Таким образом, в отличие от базовой интегральной модели челябинского ЛЭТ о персоналиях интегральная модель статьи о Л. Арагоне реализует не только информационный, но и прикладной аспект, заключающийся в создании привлекательного образа-имиджа территории. Эта прикладная функция актуализуется как на лексическом (оценочная лексика, глаголы в настоящем времени несовершенного вида, отсутствие сокращений, синонимы), так и на грамматическом уровне (обновленная суперструктура и макроструктура, модальность оценки и побуждения).

Единицы культурного сектора, с одной стороны, отражают культурно-специфические концепты, темы и подтемы, связанные с Челябинском как локусом русскоязычной культуры, с другой стороны, включают культурные ценности западных культур, в частности, англоязычной корпоративной культуры по составлению энци-

клопедических словарей, такие как отсутствие отступлений от основной идеи, внимание к первоисточникам и других. Для соответствия правилам построения текстов словарных статей нами было введено объяснение культурно-специфических концептов, выраженных аббревиатурами.

В социальном секторе были уточнены позиции автора и адресата. В частности, автором статьи выступает специалист-лексикограф, адресатами проанализированной статьи являются русскоязычные читатели. После написания статья была переведена на английский язык.

Заключение

Интегральная модель, по которой написана проанализированная статья о Л. Арагоне, была использована в качестве основы для составления других статей энциклопедического словаря «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей». Таким образом, интегральный подход к созданию нового энциклопедического словаря позволил уже на этапе проектирования представить текст словарной статьи как рассредоточенное явление, как интегральную модель, которую авторы наполнили необходимой информацией. Использование интегральной модели для составления текста позволило авторам учесть когнитивные, языковые, культурные и социальные особенности, заложенные в проект энциклопедии и при этом сохранить единообразие и стройность ее материалов. Создание подобных моделей на этапе проектирования коллективных текстов позволит четко донести до авторов стоящие перед ними задачи, сократит время на редактирование написанных текстов и будет способствовать развитию современной дискурсивной лексикографии.

Список источников

1. Арагон Л. // Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей. Мультимедийный энциклопедический словарь культурного наследия. URL: <https://dict.susu.ru/personel/aragon-lui>
2. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 44 с.
3. Карпова О. М. Флоренция в творчестве европейских писателей и художников: энциклопедический словарь для гидов и туристов: проект словаря. Иваново: Изд-во ИвГУ, 2009. 73 с.
4. Карпова О. М. Как привлечь в регион культурного туриста? // Инновационное развитие регионов в условиях глобализации. Иваново: Изд-во ИвГУ, 2015. С. 28—32.
5. Карпова О. М. Лингвокультурное пространство города (на материале словаря «Florence in the Works of World Famous People») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 58—62.
6. Сущинская М. Д. Культурный туризм. СПб., 2010. 128 с.
7. Флоренция в творчестве замечательных людей / под ред. О. М. Карповой, Т. Н. Хомутовой, О. И. Бабиной. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. Вып. 4. 102 с.

8. Хомутова Т. Н. Научный текст: интегральный подход. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2010. 333 с.
9. Хомутова Т. Н. Структура дискурса: интегральный подход // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 3 (46). С. 318—321.
10. Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей. Мультимедийный энциклопедический словарь культурного наследия. URL: <https://dict.susu.ru>.
11. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: моногр. М.: Флинта: Наука, 2014. 344 с.
12. Яковлев Д. И. Вербальные средства речевого воздействия в локальном энциклопедическом тексте // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2015. Т. 4. № 4. С. 14—17.
13. Яковлев Д. И. Локальный энциклопедический текст как интегральный объект // Научный поиск: материалы Седьмой науч. конф. аспирантов и докторантов. Челябинск: Юж.-Урал. гос. ун-т, 2015. С. 102—14.
14. Яковлев Д. И., Хомутова Т. Н. Интегральный анализ корпуса текстов интеллектуального туризма // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф. в 2 ч.; отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2022. Ч. 1. С. 141—149.

References

1. Aragon L. In: Chelyabinsk v zhizni i tvorchestve zamechatel'nykh lyudey. Mul'timediynyy entsiklopedicheskiy slovar' kul'turnogo naslediya = Chelyabinsk in the life and works of famous people. A multimedia encyclopedic dictionary of cultural heritage. Available from: <https://dict.susu.ru/personel/aragon-lui> (In Russ.).
2. Zheltuhina MR. Specifika rechevogo vozdejstviya tropov v yazyke SMI = Specific features of speech influence in the language of media. Abstract of thesis. Volgograd; 2004. 44 p. (In Russ.).
3. Karpova OM. Florentsiya v tvorchestve yevropeyskikh pisateley i khudozhnikov: entsiklopedicheskiy slovar' dlya gidov i turistov. Dictionary project = Florence in the Works of European Writers and Artists: Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists. Ivanovo. Publ. House of Ivanovo State University; 2009. 73 p.
4. Karpova OM. How to attract an intellectual tourist to the province? In: Innovacionnoe razvitie regionov v usloviyah globalizacii = Innovative development of regions under globalization. Ivanovo: Publ. House of Ivanovo State University; 2015. Pp. 28—32. (In Russ.).
5. Karpova OM. Lingvocultural space of the city (based on the material of the dictionary "Florence in the Works of World-Famous people"). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya* = *Vestnik of the Voronezh state university. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2015;(1):58-62. (In Russ.).
6. Sushchinskaya MD. Kul'turnyj turizm = Cultural tourism. St. Petersburg; 2010. 128 p. (In Russ.).
7. Karpova OM, Khomutova TN, Babina OI. (eds.). Florence in the Works of World Famous People: Encyclopedic Associative Dictionary for Guides and Tourists. Chelyabinsk: Publ. House of South Ural State University; 2013. Issue 4. 102 p.
8. Khomutova TN. Nauchnyj tekst: integral'nyj podhod = Research text: an integral approach. Chelyabinsk: Publ. House of South Ural State University; 2010. 333 p. (In Russ.).
9. Khomutova TN. The structure of discourse: an integral approach. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* = *Cognitive studies of the language*. 2021;(3(46):318-321. (In Russ.).
10. Chelyabinsk in the life and works of famous people. A multimedia encyclopedic dictionary of cultural heritage. Available from: <https://dict.susu.ru>. (In Russ.).
11. Shelestyuk EV. Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya = Speech influence: ontology and methods of research. Moscow: Flinta: Nauka; 2014. 344 p. (In Russ.).
12. Yakovlev DI. Verbal means of speech influence in the local encyclopedic text. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* = *Research and development Modern communication studies*. 2015;4(4):14-17. (In Russ.).
13. Yakovlev DI. Local encyclopedic text as an integral object. In: Nauchnyj poisk = Scientific search. Chelyabinsk: Publ. House of South Ural State University; 2015. P. 102—114. (In Russ.).

14. Yakovlev DI, Khomutova TN. Intellectual tourism discourse: an integral analysis of text corpora. In: Nefedova LA (ed.). Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah = Word, utterance, text: cognitive, pragmatic and cultural aspects. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 2022. Part 1. P. 141—149. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. И. Яковлев — преподаватель кафедры лингвистики и перевода.

Т. Н. Хомутова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода.

Information about the authors

Dmitry I. Yakovlev — Teacher, Department of Linguistics and Translation Studies.

Tamara N. Khomutova — Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.